КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 27 января 1905 г.

Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ П. П. Сокальскаго (1832—1887 г.г.[1]), нашлись рукописи и замѣтки, могущія имѣть нѣкоторое историческое значеніе для ознакомленія съ характеромъ того идейнаго національнаго возрожденія, которое охватило передовую часть малорусскаго общества въ серединѣ прошлаго вѣка. Общій духъ реформъ императора Александра II, какъ извѣстно, возбудилъ широкія ожиданія и поставилъ народные интересы въ центрѣ сосредоточеннаго вниманія общества. Эти надежды вызвали и въ культурной части малорусскаго населенія рядъ очередныхъ заботъ о родномъ краѣ, носившихъ на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, просвѣтительный характеръ. Польское возстаніе, вызвавшее въ Европѣ оживленное обсужденіе связанныхъ съ нимъ вопросовъ, выдвинуло на очередь особыя задачи, требовавшія выясненія и рѣшенія. Къ послѣднимъ присоединилась необходимость разоблачить обвиненія, поднятыя въ то время нѣкоторой частью русской печати, въ сепаратистическихъ стрем-

[1]) Автора изслѣдованій: „Русская народная музыка—великорусская и малорусская“; „Механизмъ музыкальныхъ впечатлѣній“; оперъ: „Осада Дубно“ (Андрій Бульба), „Майская ночь“; сборника — „Малорусскія и бѣлорусскія пѣсни“ и проч.

леніяхъ малороссовъ, яко-бы скрытыхъ въ ихъ заботахъ о своей родинѣ. Всѣ эти вопросы составили жгучія темы для обсужденій на собраніяхъ малороссовъ того времени въ Петербургѣ.

Какъ обозначено въ замѣткахъ П. П. Сокальскаго, въ этихъ собраніяхъ, при обсужденіи упомянутыхъ вопросовъ, принимали дѣятельное участіе слѣдующія лица: *А. Тюринъ* (академикъ), *Н. И. Костомаровъ* (историкъ), *Н. Бѣлозерскій* (историкъ), *Лазаревскій* (историкъ), *Г. П. Данилевскій* (писатель, впослѣдствіи редакторъ «Правительст. Вѣст.»), *Недоборовскій*, *П. П. Сокальскій*, *М. Сухомлиновъ* (академикъ), *Глушановскій*, *Петровъ*, *Стефанъ Опатовичъ* (священникъ, авторъ «Оповидання зъ святого пысанія». Спб. 1863 г. Типогр. Академіи Наукъ). *Н. Щербина* (поэтъ)...

Тогда-же рѣшено было вмѣшаться въ обсужденіе европейской печатью польскаго вопроса и дать отпоръ отъ лица малороссовъ тѣмъ одностороннимъ притязаніямъ [1])—въ интересахъ одной лишь націи—при рѣшеніи сложнаго вопроса, какія находили себѣ мѣсто на ея страницахъ.

Этой цѣли и долженъ былъ служить политическій памфлетъ— «Малорусская національность рядомъ съ польскою», предназначавшійся спеціально для заграничной печати Но, повидимому, онъ не былъ изданъ за опозданіемъ или по другой причинѣ. Теперь онъ представляетъ интересъ, какъ образчикъ тѣхъ воззрѣній, которыя были въ ходу въ 60-хъ годахъ среди передовыхъ кружковъ украинско-народническаго движенія.

Проектъ этого памфлета, имѣвшаго въ виду исключительно политическія цѣли, былъ составленъ П. П. Сокальскимъ и потомъ, по разсмотрѣніи его на петербургскихъ собраніяхъ, былъ измѣненъ участниками собраній и, такимъ образомъ, въ конеч-

---

[1]) О которыхъ Герценъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ: «слишкомъ мало интересовались народомъ и очень много—провинціями».

номъ видѣ, представляемомъ здѣсь, является, какъ плодъ коллективнаго обсужденія затронутыхъ въ немъ вопросовъ.

Всѣ исходныя положенія памфлета, повидимому, основаны были, главнымъ образомъ, на тѣхъ ожиданіяхъ, упомянутыхъ выше, которыя далеко не оправдались въ дѣйствительности. Быть можетъ, это грустное предчувствіе и задержало изданіе этого публичнаго обращенія къ европейскому общественному мнѣнію.

Печатаемъ текстъ этого памфлета съ нѣкоторыми пропусками.

Л. Сокальскій.

Малорусская національность рядомъ съ польскою.

Письмо къ Editeur de. ...

М. Г. Польскій вопросъ занялъ теперь общее вниманіе Европы и вызвалъ различныя соображенія, касающіяся польской національности и наилучшаго устройства ея судебъ.

Рѣчь идетъ о возстановленіи Польши.

Но въ какихъ границахъ?

Вотъ пунктъ, который при неполнотѣ и неточности этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній о мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ Польшею, легко можетъ подать поводъ къ невѣрнымъ обсужденіямъ. А между тѣмъ эти обсужденія, каковы бы они ни были, въ случаѣ новаго устройства Польши, волею-неволею будутъ служить исходною точкою для дѣйствій дипломатіи, и, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія Европы, будутъ имѣть для нея всю силу правды.

Въ виду подобной возможности, мы, члены сосѣдней съ Польшею національности, рѣшились подать о себѣ голосъ. Наше слово будетъ о народѣ, который извѣстенъ подъ именами: малоруссовъ, rutheniens, украинцевъ, русиновъ, южноруссовъ, черкасовъ, козаковъ d'Ukraine, запорожцевъ,—а самъ себя называетъ русскимъ народомъ. Въ литературѣ для него общепринятое названіе—малоруссы и украинцы, и потому мы для ясности будемъ придерживаться одного изъ этихъ именъ.

Для Европы, повидимому, не существуетъ малороссійской національности. Она знаетъ польскую и россійскую, и далѣе этого не идетъ. Малороссійскую же національность она—по невѣдѣнію и безъ всякаго дурного умысла—легко можетъ разорвать, раздѣлить на части, принести въ жертву другимъ національностямъ, и вообще на вѣсахъ политики поступить съ нею такъ, какъ поступали въ старое блаженное время глубокомысленные дипломаты, ни слова не слыхавшіе о народахъ, которыхъ они брались благодѣтельствовать.

Что о малороссійской національности очень мало знаютъ въ Европѣ, можно судить по газетнымъ статьямъ, посвященнымъ нынѣ развитію польскаго вопроса: въ нихъ нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминается объ этой національности, которая численностью превосходитъ польскую въ полтора раза, отличается отъ нея вѣрою, языкомъ, преданіями, нравами, характеромъ и историческою ролью на Востокѣ. А между тѣмъ говорить о Польшѣ и не говорить о Малороссіи—вещь совершенно невозможная, до того невозможная, что европейскіе публицисты даже говорятъ о фактахъ, относящихся къ Малороссіи, приписывая ихъ Польшѣ.

Украйна съ древнихъ временъ составляла одно цѣлое съ Сѣверной Русью. Разгромъ татаръ нарушилъ естественный ходъ исторіи и связь земель на Руси. Украйна сначала жила отдѣльной жизнью, а потомъ съ остальными частями—Волынь, Подолія, Кіевъ, Черниговъ—вошла въ составъ Литовскаго княжества. На долю Южной Руси выпала защита своей земли отъ громадныхъ остатковъ татарскихъ ордъ: она вооружилась на два вѣка и создала свое вооруженное братство за вѣру и землю,—извѣстное подъ именемъ *козачества*. Дѣйствія козачества не исчерпывали всей жизни Южной Руси, которая въ то же время развивала и свою гражданственность. Именно въ эту эпоху одиночной борьбы съ врагами вѣры и земли обозначились черты особой національности Южной Руси. Изнемогая въ борьбѣ, она искала поддержки въ сосѣдяхъ и, какъ къ ближайшему, обратилась къ Польшѣ. Произошло добровольное соединеніе ея съ Польшею на началахъ федераціи, какъ равный съ равнымъ. Это было въ XVI вѣкѣ.

Главнѣйшія основанія, на которыхъ совершилось это добровольное соединеніе, были тѣ, что Южная Русь сохраняла неприкосновенными свою вѣру, свой языкъ и свое самоуправленіе такъ, что всѣ должностныя лица въ странѣ должны были быть изъ мѣстныхъ жителей.

Отъ тѣхъ поръ началась ожесточенная вражда между поляками и южноруссами. Знаменемъ у Польши было—католичество и европейская цивилизація, у Малороссіи—православіе, защита своей народности и освобожденіе ея изъ оковъ рабства у шляхты. Польша, болѣе сильная цивилизаціей, успѣла большую часть южнорусскаго народа превратить въ рабовъ. При посредствѣ іезуитскаго воспитанія значительная часть южно-русскаго дворянства приняла католичество и польскую національность. Для народа поляки выдумали своего рода компромиссъ въ дѣлѣ вѣры, на которомъ разсчитывали обезоружить фанатизмъ южноруссовъ и затѣмъ полнѣе подчинить ихъ своимъ видамъ. Этотъ компромиссъ, извѣстный подъ именемъ уніи, начавшейся въ концѣ 16-го вѣка, совершенно не удался. Южнорусскій народъ видѣлъ свои права и договоры нарушенными и не поддавался ни на какія сдѣлки.

Вся половина XVII вѣка ознаменована кровавой борьбою Польши съ Малороссіей.

Къ половинѣ XVII вѣка отчаяніе южноруссовъ достигло крайнихъ предѣловъ: у нихъ явился искусный вождь, гетманъ Богданъ Хмельницкій, который нанесъ жестокія пораженія полякамъ и потрясъ до основанія Польшу.

Освободивши «русскій народъ изъ лядской неволи» (собственное выраженіе Хмельницкаго), гетманъ задумалъ затѣмъ совершить дѣло, которое давно было предметомъ народныхъ желаній южноруссовъ и плодомъ той здоровой политики, какая вырабатывается только вѣками несчастій. Чувствуя невозможность составить отдѣльное политическее тѣло среди сильныхъ сосѣдей: Польши, Московскаго государства и Турціи,—Южная Русь въ лицѣ своего гетмана заявила голосъ о добровольномъ соединеніи ея съ Сѣверной Русью, т. е. Московскимъ государствомъ. Это

единеніе произошло въ 1654 году, почти непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ Малороссіи отъ польскаго ига, на основаніи Переяславскаго договора, по которому Южная Русь, отдаваясь подъ покровительство московскаго государя, удерживала права своей національности и свои старые обычаи.

Соединяясь съ Московіей, Южная Русь чувствовала старинную историческую связь свою со всей православной русской землей и съ сѣвернорусской народностью.

Но Южная Русь знала также, что, соединяясь съ Московіею, она встрѣтится и съ московскимъ абсолютизмомъ и со всѣми неудобствами централизаціонной правительственной системы, которую тяжело чувствовалъ и сѣвернорусскій народъ... Что она все это сознавала, есть полныя доказательства въ лѣтописяхъ исторіи.

Такимъ образомъ, принуждаемая историческою и политическою необходимостью, Южная Русь, сознательно предпочитая меньшее зло большему, добровольно присоединилась, какъ равная съ равной, съ Сѣверной Русью и составила съ нею одно политическое цѣлое.

Чтó южноруссы много терпѣли за вѣру отъ Польши, доказываютъ слова самихъ образованныхъ поляковъ. Такъ, благороднѣйшій изъ сыновъ Польши—Косцюшко говорилъ, обращаясь къ русинскому духовенству: «ваша судьба, сама жизнь ваша была вѣчно подавляема несправедливымъ гнетомъ, и положеніе ваше до сихъ поръ самое ужасное. Свободные и независимые поляки облегчатъ вашу тяжелую участь» [1]).

Чтó Польша имѣла всегда наступательную политику въ отношеніи къ южнорусской національности, доказывается тѣмъ, что даже и теперь, въ половинѣ XIX-го вѣка, говоря о границахъ древней Польши, она включаетъ туда земли и народности, которыя кровью отбились отъ ея ласкъ и дружбы и давно уже отказались отъ желаній начинать снова вѣковую распрю. Это хо-

[1]) S. Ergänzungsblätter zur österreich. Zeitschrift für Geschihts und Staatskunde. 1835. s. 10.

рошо извѣстно всѣмъ полякамъ, знакомымъ съ исторіею. И если Европа могла быть введена въ заблужденіе на счетъ границъ древней Польши, въ которыя поляки готовы нынѣ включить и западныя и юго-западныя губерніи и часть Украйны съ Кіевомъ, Смоленскомъ и другими городами, то это легко объясняется неточностью историческихъ свѣдѣній Европы объ этой части свѣта. Мы приглашаемъ обратиться къ исторіи и этнографіи. Отъ себя-же прибавимъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московіи, у послѣдней возникла война съ Польшею, кончившаяся несчастнымъ для Малороссіи Андрусовскимъ договорамъ въ 1667 г. По этому договору половина Малороссіи—на правой сторонѣ Днѣпра—вмѣстѣ съ Кіевомъ, а также нынѣшнія западныя губерніи со Смоленскомъ были отданы Московіей Польшѣ, старинному врагу малороссійской національности. Такое странное распоряженіе съ независимыми территоріями и народностями объясняется лишь военными неудачами московскаго оружія въ тогдашней борьбѣ съ Польшею и обезсиленіемъ Малороссіи послѣ двухвѣковыхъ войнъ.

Протестомъ въ народѣ противъ такого распоряженія его судьбами явились ожесточенныя возстанія, изъ которыхъ наиболѣе знаменательны: возстаніе подъ предводительствомъ Дорошенка, и возстанія, извѣстныя подъ именами—Паліивщины, Коліивщины, и пр. Только спустя сто лѣтъ, въ царствованіе Екатерины II, были *возвращены* (а не завоеваны) обратно Россіи и Малороссія, и западныя губерніи, насильно бывшія цѣлый вѣкъ въ составѣ Польскаго королевства. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVIII в. была вновь возстановлена естественная и добровольная связь двухъ народностей: великорусской и малорусской. Это было не завоеваніе и не отторженіе отъ Польши ея естественной части, а возвращеніе стараго, и это хорошо знаетъ народъ: онъ встрѣтилъ этотъ фактъ безъ всякой вражды, чего не бываетъ съ завоеванными народностями. Объ этомъ же говоритъ и знаменитый Малте-Брюнъ...[1])

---

[1]) Въ подлинной рукописи здѣсь оставлено мѣсто для вставки цитаты. Самой же цитаты—нѣтъ. Вѣроятно, имѣется въ виду главный трудъ *Конрада Мальтбрена* «Précis de géographie universelle».

Екатерина II въ своемъ манифестѣ о присоединеніи западныхъ и юго-западныхъ областей къ Россіи объяснила предъ Европою этотъ фактъ въ исторически вѣрномъ свѣтѣ. Къ сожалѣнію, это объясненіе прошло почти незамѣченнымъ: Европу безпокоилъ тогда быстрый политическій ростъ Россіи; въ дипломатическихъ соображеніяхъ того времени вопросъ о національностяхъ игралъ еще очень мало значенія,—что доказываетъ между прочимъ и самый актъ раздѣла Польши,—и потому на такое присоединеніе смотрѣли исключительно съ политической точки зрѣнія, какъ на расширеніе государства, которое политикою своихъ императоровъ возбуждало очень мало сочувствія въ Европѣ.

Неудивительно, что теперь совершенно забыли смыслъ и значеніе факта возвращенія Малороссіи въ составъ Россіи. Этому помогли: несчастія Польши и патріотизмъ ея сыновъ за послѣднія 80 лѣтъ, возбудившіе къ нимъ общее сочувствіе всего образованнаго міра, и постоянно ретроградная и антилиберальная политика Русскаго правительства, заслужившаго въ Европѣ упреки въ тиранствѣ, жестокости и презрѣніи къ человѣчеству. Итакъ, обстоятельства помогли тому, что смыслъ *народной* исторіи западной, юго-западной и южной Руси покрылся для Европы мракомъ забвенія. Чисто *политическія* симпатіи и антипатіи Европы закрыли для нея смыслъ чисто *народныхъ* движеній, совершавшихся въ западной и южной Россіи по сосѣдству съ Польшею. По симпатіи къ Польшѣ она готова была бы теперь совершить актъ насилія надъ другими національностями, о которыхъ ничего не знаетъ.

Если поляки включаютъ въ границы древней Польши часть Украйны (на правой сторонѣ Днѣпра), Подолію и западныя губерніи, то они основываются на томъ лишь, что со времени Андрусовскаго договора, до уничтоженія его Екатериною II, въ теченіи 100 лѣтъ они владѣли ими на правѣ побѣдителей. До того времени съ этими землями у нихъ были добровольныя, федеративныя отношенія, которыя превратились въ кровавую борьбу при первомъ же наступательномъ дѣйствіи поляковъ.

Итакъ, возстановляя свои границы, поляки прибѣгаютъ къ преданіямъ завоевательной политики и совершенно отрицаютъ автономію національностей. Справедливо ли это? Не разрушаетъ ли это и тѣ принципы, на которыхъ они основываютъ свое право?

Самые толки газетъ и различные слухи о возможныхъ комбинаціяхъ въ дѣлѣ возстановленія Польши указываютъ, что въ этомъ дѣлѣ общественное мнѣніе Европы увлечено лишь въ одну сторону вліяніемъ польскихъ видовъ и совершенно не замѣчаетъ тутъ національнаго вопроса. Говорятъ, напр., что часть Галиціи съ русинами будетъ уступлена Польшѣ взамѣнъ какихъ то другихъ земельныхъ вознагражденій Австріи. Вѣдь если смотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія національной, то русины Галиціи должны отойти къ своимъ соотечественникамъ—южноруссамъ, ибо это—одинъ и тотъ же народъ. Факты послѣдняго времени говорятъ, что русины охотнѣе сносили австрійское владычество, чѣмъ польское—ради сохраненія своей національности. [1])

Остановимся на минуту. Итакъ, чего же мы хотимъ?

Мы, лица сознающія себя членами малорусской національности, чувствуемъ на себѣ нравственный долгъ, при настоящемъ моментѣ развитія польскаго вопроса, заявить предъ лицомъ общественнаго мнѣнія Европы и Россіи:

---

[1]) Вотъ что они говорили въ 1848 году: русинамъ во имя своей національности оставался выборъ между Австріею и Польшею. «Они выбрали Австрію, потому что она представляла болѣе гарантій для ихъ народности, чѣмъ Польша». Касательно параллели между германизаціей и ополяченіемъ, русины замѣчали: «предлагая вмѣсто русинской народности германскую съ ея богатою цивилизаціею, нѣмцы предлагали купить, хотя и страшною цѣною, но все-таки великое умственное сокровище. Замѣна же малорусской народности польскою не была бы даже и восхожденіемъ отъ народнаго момента къ общечеловѣческому, какъ называли нѣмцы германизацію, а просто переходомъ отъ скромнаго сельскаго быта къ блестящей обстановкѣ съ неопредѣленнымъ содержаніемъ и съ неизбѣжною панщиною». («Основа».—*Русины.*—)

1) Малорусская національность, какъ одна изъ личностей въ общемъ хорѣ народовъ, считаетъ законнымъ правомъ своимъ сохранять и защищать эту личность отъ всякихъ насильственныхъ попытокъ, съ чьей бы то ни было стороны, стереть ее съ лица исторіи.

2) Мы глубоко сочувствуемъ и высоко уважаемъ благородное и геройское стремленіе поляковъ завоевать свою національную независимость. Въ этихъ стремленіяхъ всѣ народы и національности—родные братья между собою. Если лордъ Кларендинъ въ депешѣ своей къ Пальмерстону отъ ... числа говоритъ, «что поляки были бы довольны ... [1]) ... то мы можемъ съ своей стороны прибавить, что тѣмъ же самымъ были бы довольны и мы, южноруссы, и наши родные братья — великоруссы.

3) Въ нашихъ воззрѣніяхъ мы исключаемъ всякія враждебныя отношенія между различными національностями и полагаемъ, что только въ свободномъ развитіи ихъ и уваженіи заключаются основы для прочнаго мира, любви и братства народовъ. Итакъ, въ отношеніи нашей національности мы принимаемъ только *оборонительное* положеніе, требуемъ, чтобы ее не смѣшивали съ другими и не приносили ее, по невѣдѣнію, въ жертву политическимъ соображеніямъ. Національный вопросъ мы отдѣляемъ отъ политическаго.

4) Мы очертили бѣгло главные моменты исторіи Южной Россіи для того, чтобы отчасти обрисовать физіономію южнорусской національности и показать причины, по которымъ она не можетъ желать самовольнаго, чисто внѣшняго присоединенія къ Польшѣ, въ случаѣ возстановленія послѣдней въ отдѣльной политической формѣ.

Страданія свои южноруссы раздѣляютъ вмѣстѣ съ остальнымъ русскимъ народомъ. Они роднятся съ остальной Русью по вѣрѣ. Экономическіе интересы, развитіе промышленности, распредѣленіе бассейновъ рѣкъ и дорогъ — все это естественно связываетъ

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ оставлены строки для депеши Кларендина, которой въ рукописи нѣтъ.

Южную Русь съ Сѣверною въ одно государственное цѣлое. Наконецъ, что всего важнѣе, нынѣшній императоръ Россіи своими реформами явно показалъ, что мы можемъ надѣяться на общій прогрессъ учрежденій въ Россіи, и на увеличеніе индивидуальной, а съ нею и національной свободы народностей, составляющихъ Россію. Мы вѣримъ и ждемъ дѣйствительныхъ улучшеній. Вотъ каковы наши отношенія къ великорусской національности и къ государству, называемому Россіей.

Совершенно другая перспектива является при взглядѣ на отношенія южнорусской національности къ польской. Между ними лежитъ кровь и вражда вѣковъ, религіозное разновѣріе и опасность для Украйны потерять свою народность. Не сводите насильно того, что уже пробовало сходиться и никакъ не могло.

Со времени же присоединенія Украйны къ Великороссіи не было надобности къ поголовному возстанію южноруссовъ въ защиту своей національности.

5) Мы заявляемъ, что справедливость требуетъ, чтобы судьбами южноруссовъ и землею, политою кровью столькихъ поколѣній южноруссовъ, не распоряжался никто помимо воли самого народа. Онъ одинъ можетъ знать, что ему нужно и что ему любо. Всякое вмѣшательство въ его судьбы—будетъ дѣломъ насилія. Каждый народъ стремится всѣми силами души къ разумной политической жизни и желалъ бы поскорѣе видѣть на своемъ знамени лозунгъ—политическая и національная свобода.

6) Мы отвѣтимъ, наконецъ, на послѣдній и, можетъ быть, самый важный вопросъ, какой намъ могутъ предложить: въ чемъ ваши права на національность, каковы ея проявленія и размѣры?

Историческая роль Южной Руси въ судьбахъ Европы обозначена уже нами въ бѣгломъ историческомъ эскизѣ. Южная Русь дала на востокѣ Европы отпоръ мусульманству и монгольской расѣ, шедшимъ съ востока на западъ, и отпоръ католичеству и іезуитизму (угнетеніе народностей), шедшимъ съ запада на востокъ. Такимъ образомъ, Южная Русь попала между двухъ огней, и вслѣдствіе постоянной напряженной борьбы и періоди-

ческихъ опустошеній не успѣла выработать прочнаго государственнаго уклада.

Но это не помѣшало южноруссамъ не только сохранить, но и укрѣпить и развить свои національныя черты. Характеръ, нравы, внутренній семейный бытъ, интеллектуальный складъ и особенности хозяйственной жизни рѣзко выдѣляютъ южноруссовъ среди другихъ славянскихъ народностей. Южнорусское нарѣчіе по изслѣдованіямъ филологовъ есть такое же самостоятельное славянское нарѣчіе, какъ и великорусское, сербское, чешское и т. д. Народъ, говорящій этимъ языкомъ, своею численностью доходитъ до 14 милліоновъ душъ.

Населяетъ онъ слѣдующія мѣстности: большую часть австрійской Галиціи, часть люблинской губерніи царства Польскаго, части гродненской и минской губерній, всю волынскую, каменецъ-подольскую, кіевскую, херсонскую, полтавскую, харьковскую, черниговскую, екатеринославскую, третью часть таврической губерніи, части курской и воронежской губерній и землю Черноморско-Кубанскаго войска. Вообще, страна, населенная малороссами, занимаетъ часть восточной Европы, съ запада на востокъ почти 20 градусовъ долготы, отъ 38 до 58 вост. долготы (по м-ну отъ Ферро). Край этотъ входитъ въ составъ двухъ государствъ: Россіи и Австріи. Послѣдней принадлежитъ около $^1/_{14}$ части. Пространство этого края—10870 кв. миль, изъ которыхъ на австрійскія владѣнія приходится 1650 кв. миль—въ Галиціи, Венгріи и Буковинѣ. Такимъ образомъ, по пространству Малороссія превышаетъ Францію почти на 1000 миль, а по количеству населенія уступаетъ Испаніи на два милліона жителей.

1863 г.

Три дѣла „о рядовомъ линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тарасѣ Шевченкѣ“.

Приводимые ниже документы лишній разъ вскрываютъ предъ нами дѣйствительно многострадальную жизнь пѣвца Украины; особенно характерно второе дѣло за № 88. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ оно разрѣшилось... врядъ-ли въ пользу Тараса Григорьевича.

Документы эти, составляющіе собственность извѣстнаго коллекціонера и любителя старины въ Донской Области, Ѳ. С. Романовича, были временно предоставлены въ наше распоряженіе.

Дѣло № 69. Комендантскаго управленія Ново-Петровскаго укрѣпленія о прибытіи въ укрѣпленіе изъ города Уральска рядового Линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тараса Шевченки, отданнаго въ военную службу изъ политическихъ преступниковъ.

Началось 17 октября 1850 года.

Кончено...

Коменданту Ново-Петровскаго укрѣпленія господину подполковнику и кавалеру Маевскому

За отсутствіемъ командира Линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1 капитана Коржова

Рапортъ.

По распоряженію Его Высокопревосходительства господина корпуснаго командира и кавалера, рядовой изъ политическихъ преступниковъ Тарасъ Шевченко, переведенный за преступленіе изъ 5-го въ завѣдываемый мною баталіонъ съ отправленіемъ въ двѣ роты, въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи расположенныя, и съ зачисленіемъ его въ 4-ую роту подъ надзоръ ротнаго командира штабсъ-капитана Потапова; съ нимъ вмѣстѣ за присмотромъ унтеръ-офицера Булатова изъ Уральска отправленъ съ тѣмъ, чтобы, какъ предписано господиномъ корпуснымъ командиромъ, непремѣнно онъ былъ отправленъ въ Укрѣпленіе нынѣшнею навигаціею, о чемъ сообщено господину начальнику Гурьева Городка, и съ симъ же вмѣстѣ къ господину Штабсъ-Капитану на рядового этого препровождены и подлежащія письменныя свѣдѣнія.

Дальше, какъ видно изъ дѣла, капитанъ Коржовъ проситъ Маевскаго «вернуть унтеръ-офицера Булатова обратно теперь же, а не въ будущую новигацію».

Къ 8 октября 1850 г. Шевченко былъ уже въ Гурьевомъ Городкѣ, о чемъ начальникъ Городка, эсаулъ Назаровъ, донесъ Маевскому—«доставленнаго рядового изъ политическихъ при семъ къ Вашему Высокородію на почтовой лодкѣ подъ присмотромъ унтеръ-офицера Булатова имѣю честь препроводить»; 17-го октября Т. Григ. былъ уже въ Ново-Петровскомъ Укрѣпленіи, тогда же прекратилась навигація, почему и Булатовъ долженъ былъ ожидать весны 1851 г., когда въ мартѣ мѣсяцѣ (24) смогъ отправиться къ мѣсту своей службы (конецъ дѣла за № 69 [1]).

---

[1]) Это, по всей вѣроятности, то самое „дѣло о прибытіи изъ г. Уральска политическаго преступника Шевченка", упоминаніе о которомъ нашелъ г. Оберучевъ среди бумагъ заброшеннаго архива бывшаго Ново-Петровскаго укрѣпленія. См. Кіев. Ст. 1900 г. № 2, стр. 159.

Дѣло № 88. Комендантскаго Управленія Ново-Петровскаго Укрѣпленія: О доставленіи изъ Оренбургскаго Линейнаго № 1 баталіона формулярнаго списка о службѣ рядового Тараса Шевченка и объ исходатайствованіи разрѣшенія у господина начальника Штаба Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса относительно рисованія масляными красками запрестольнаго образа рядовымъ Шевченко на свой счетъ

Началось 5 января 1854 года.

Кончилось 16 апрѣля 1854 года.

Дѣло это началось съ предложенія отъ имени коменданта Н.-Петровскаго укрѣпленія маіора Ускова штабсъ-капитану Косареву—«доставить формулярный списокъ о службѣ какъ ведетъ себя во все продолженіе времени нахожденія своего въ Н.-Петр., не замѣчено-ли вами за нимъ какихъ предосудительныхъ поступковъ».

Въ отвѣтномъ рапортѣ Т. Гр. аттестуется такъ: «въ поведеніи велъ себя хорошо и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ мною замѣченъ не былъ, а формулярнаго списка на него здѣсь не имѣется, а просилъ я (Косаревъ) его два раза господина баталіоннаго командира въ 1853 г. 24 іюня за № 391 и 8 іюня за № 470».

Получивъ такой отзывъ, Усковъ счелъ возможнымъ просьбѣ Т. Гр. дать дальнѣйшій ходъ: при дѣлѣ имѣется его рапортъ начальнику штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Приводимъ его подлинникомъ.

«Находившійся здѣсь при двухъ ротахъ на службѣ рядовой оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что онъ желаетъ для благолепія церкви ввѣреннаго мнѣ укрѣпленія нарисовать масленными красками запрестольный образъ на свой счетъ. Зная, что рядовой Шевченко былъ прежде художникъ С. Петербургской Академіи Художествъ, почему можетъ нарисовать образъ хорошей живописи, и желая способствовать къ украшенію храма, я осмѣливаюсь почтительнѣйше представить сіе ни милостивое благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства и всепокорнѣйше просить разрѣшенія. При

этомъ имѣю честь доложить, что рядовой Шевченко по отзыву завѣдующаго здѣсь двумя ротами штабсъ капитана Косарева впродолженіе четырехлѣтняго своего пребыванія въ укрѣпленіи ведетъ себя хорошо и ни въ коихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣченъ».

Рапортъ помѣченъ 7 января 1854 года за № 50.

Любопытенъ приложенный «къ дѣлу формулярный списокъ Т. Г., присланный, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ «отношеній и предписаній» 24 февраля 1854 г. за № 381 отъ командира линейнаго оренбургскаго баталіона № 1.

«Рядовой Тарасъ Андреевъ (sic!) Шевченко, православнаго исповѣданія».

«39 лѣтъ»

«Росту 2 ар. 5 вер.»

«Лицомъ чистъ, волосы на головѣ и бровяхъ темно-русыя, глаза темно-сѣрые, носъ обыкновенный».

«Бывшій художникъ С.-Петербургской Академіи Художествъ, а происхожденіе коего по неполученіи свѣдѣній неизвѣстно, по Высочайшему повелѣнію за политическія преступленія въ службу поступилъ рядовымъ 1847 года іюня 23.

«Въ линейный оренбургскій баталіонъ № 5, изъ оннаго переведенъ въ сей баталіонъ 1850 г. ноября 8».

«Въ походахъ и дѣйствіяхъ противъ непріятелей не былъ»

«Грамотѣ читать и писать умѣетъ».

«Въ отпускахъ домовыхъ небылъ».

«Холостъ, состоитъ въ комплектѣ».

«По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ предписаніи господина командовавшаго отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ къ г. Командующему 23-ею пѣхотною дивизіею отъ 10 іюня 1847 г. за № 25, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ опредѣленъ на службу въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ съ правомъ выслуги подъ строжайшій надзоръ съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не

могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій [1]). Первоначально рядовой Шевченко въ 1847 г. былъ опредѣленъ въ линейный оренбургскій № 5 баталіонъ, какъ изъяснено въ предписаніи господина командира 1-ой бригады 23-ей пѣхотной дивизіи отъ 28 сентября 1850 года за № 19, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1850 года найдены у него нѣкоторыя партикулярныя ношебныя вещи, въ которыхъ онъ иногда ходилъ, а также письма отъ разныхъ лицъ и два альбома съ малороссійскими стихами, пѣснями и рисунками, сдѣланными карандашемъ [2]), о чемъ господиномъ корпуснымъ командиромъ въ то же время было донесено господину военному министру, а онъ Шевченко отправленъ изъ Раимскаго (нынѣ Аральскаго) укрѣпленія въ баталіонъ № 5 въ крѣпость Орскую, съ тѣмъ чтобы за нимъ со стороны начальства былъ учрежденъ самый бдительный надзоръ. Дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества 8 іюня 1850 года за № 1526 увѣдомилъ Его Высокопревосходительство, что Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу представленіе его и содержаніе представленныхъ при ономъ бумагъ, отобранныхъ отъ рядового Шевченко, высочайше повелѣть соизволилъ— его Шевченка, не исполнившаго воспрещенія писать и рисовать. подвергнуть немедля строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ [3]). По произведенному изслѣдованію открыто, что изъ числа найденныхъ у него, Шевченка, писемъ часть была получена имъ во время нахожденія его на службѣ въ баталіонѣ № 5 съ 23 іюня 1847 года по 1 мая 1848 года черёзъ Орскую почтовую станцію, стихи и пѣсни въ двухъ аль-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1896 г. № 2, стр. 129—130.

[2]) Полную опись бумагъ, книгъ и вещей найденныхъ у Шевченка при обыскѣ,—смотр.—Кіев. Ст. 1896 г. № 2, стр. 136—138; 1898 г. № 2, стр. 424—427.

[3]) Подробности объ этомъ дѣлѣ, а равно и самый допросъ Шевченка, произведенный 12 іюля 1850 г.—См. въ Кіев. Стар. 1896 г. № 2. Стр. 139—145.

бомахъ на налорусскомъ нарѣчіи не его сочиненія, а записаны имъ только какъ пѣсни народныя во время бытности его въ 1847 году въ Каменецъ Подольской, Кіевской, Волынской губерніяхъ, которыя были на разсмотрѣніи въ 3 отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи и ему возвращены; рисунки, найденные въ тѣхъ альбомахъ, сдѣланы большею частью въ Малороссіи въ 1846 году и нѣсколько въ 1849 въ бытность его на Аральскомъ морѣ по приказанію капитанъ лейтенанта Булгакова какъ воды (виды?) годро графическія (гидро-графическіе?), копіи съ которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральскаго моря [1]). Относительно переписки съ разными лицами онъ, рядовой Шевченко, на допросахъ показалъ, что о письмахъ этихъ онъ не объявлялъ начальству потому, что подъ словомъ запрещеніе писать онъ разумѣлъ сочиненія или разсужденія недозволительныя закономъ, и что во всѣхъ его письмахъ не содержится ни одного выраженія, подлежащаго сомнѣнію въ нарушеніи Высочайшей Воли, которая со дня объявленія ему конфирмаціи сохраняется имъ свято. По разсмотрѣніи господиномъ корпуснымъ командиромъ слѣдовательнаго дѣла, Его Превосходительствомъ было донесено господину военному министру съ подробнымъ объясненіемъ все, что открыто, вслѣдствіе чего дежурный генералъ главнаго Штаба Его Императорскаго Величества отъ 9 августа за № 847 увѣдомилъ, что господинъ военный министръ, усматривая изъ отзыва Его Высокопревосходительства, что какъ по произведенному слѣдствію ничего новаго къ обвиненію рядового Шевченка не обнаружено, то во исполненіе Высочайшей Воли вмѣнить ему Шевченко въ наказаніе содержаніе въ гауптвахтѣ, освободивъ изъ подъ ареста, строго внушить ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать Высочайшаго повелѣнія, коимъ ему воспрещено писать и рисовать, и перевесть его изъ 5-го въ

---

[1]) Это мѣсто приведено нѣсколько не правильно: Капитанъ-лейтенантъ названъ Булгаковымъ, а его фамилія была «Бутаковъ». См. Кіев. Ст. 1896 г. № 2, стр. 144.

другой отдаленнный оренбургскій баталіонъ, съ тѣмъ чтобы ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ поименованнаго Высочайшаго воспрещенія самое бдительное наблюденіе, почему и переведенъ въ двѣ роты сего баталіона, въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи расположенныя [1]).

Подлинный подписалъ командиръ баталіона маіоръ Львовъ и баталіонный адъютантъ подпоручикъ Шлиттеръ.

Дѣло № 95. Комендантскаго управленія Ново-Петровскаго укрѣпленія о высылкѣ изъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа аттестата, бывше выданнаго на званіе свободнаго художника Императорской Академіи Художествъ рядовому линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тарасу Шевченкѣ.

Началось 7 января 1855 года.
Кончилось марта » 1855.

Въ канцелярію попечителя
Кіевскаго Учебнаго Округа.

Находясь на службѣ во ввѣренномъ мнѣ укрѣпленіи Оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона рядовой Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что выданный ему отъ Императорской Академіи Художествъ на званіе свободнаго художника аттестатъ былъ имъ поданъ при прошеніи въ 1846 году въ декабрѣ мѣсяцѣ объ опредѣленіи его учителемъ въ Университетъ Святаго Владиміра. Нынѣ Шевченко, желая имѣть аттестатъ при себѣ, проситъ выслать оный къ мѣсту его служенія, сообщая о чемъ въ канцелярію попечителя кіевскаго учебнаго округа, я имѣю честь покорнѣйше просить не оставить выслать ко мнѣ помянутый аттестатъ, если невстрѣтится къ тому законныхъ препятствій, адресуя оный на имя

[1]) Сравни—Кіев. Стар. 1896 г. № 2, стр. 147.

мое въ Ново-Петровское укрѣпленіе отдѣльнаго оренбургскаго корпуса.

Этимъ и заключается дѣло за № 95. Получилъ-ли Тар. Григ. просимый аттестатъ—неизвѣстно. (Изъ библіотеки Ѳ. С. Романовича).

Сообщ. **С. Рклицкій.**

ГОЛОТА.[1]

(Повистъ).

V.

Прокынувся Юхымъ видъ якогось штовхання у бикъ. Пидвившы голову, винъ озырнувся и зразу передъ собою побачывъ блиде, довгасте, худорляве лычко Марынкы, що, стоячы биля ёго на колиняхъ, дывылась просто на ёго своимы шыроко розплющеными, сыненькымы оченятамы. Въ хати було жовто видъ сонця, що заходыло й наче на прощання кыдало въ виконце декильки своихъ червоныхъ проминивъ.

— Ты чого? Що тоби?—спытавъ дидъ, спираючысь на ликоть. Марынка боязко подывылась на ёго, потимъ спустыла очи до-долу, потимъ зновъ, наче збираючысь щось сказаты, глянула ёму въ лыце и зновъ неришуче похнюпылась.

— Та що таке?—здывувався Юхымъ, прыдывляючысь пыльнище до неи й до якогось незвычайного выразу іи лыця, на якому теперъ выднилось, кримъ страху, ще бильше тои завзятои упертосты й злистнои одвагы, що ще вранци видблыскувалысь въ іи погляди.

— Та що жъ ты мовчышъ? Чого будыла?

Марынка зновъ зъ-пидъ лоба глянула на ёго и, похнюпывшысь, тыхо, ледве чутно, але твердо промовыла:

---

[1]) См. Кіевск. Стар. №· 1.

— То я вкрала мындаль...

И глянула зновъ въ лыце ёму. Дидъ ажъ сивъ на постели и, высоко пиднявшы бровы, шыроко розплющывъ очи на неи.

— Ты... вкрала...—нарешти скрыкнувъ винъ, але не договорывъ и хутко оглядився по хати. Не було никого, тильки на другому кинци полу биля лежанкы лежавъ прыкрытый кожухамы слабый Панасъ, якому певно не було чутно ничого.

— Ты вкрала мындаль?—тыхище, але все-такы здывовано повторывъ Юхымъ, нахыляючысь и якось прыдывляючысь до неи.

— Украла...—не пидводячы очей, прошопотила Марынка, мнучы дрижачою рукою рукавъ «пальто», якымъ бувъ укрытый Юхымъ.

— Ты?

— Я...

— Мындаль?

— А то жъ...

Дидъ ажъ у бороди почавъ чухатысь.

— Отъ тоби, братъ, и той... и прыпорція!—скрыкнувъ винъ и мовчкы ставъ дывытысь на Марынку, яка то позырала на ёго, то прудко бигала очима по полу, то дывылась соби на колина.

— И такъ такы не побоялась, пишла, взяла та й усе?—спытавъ винъ.

— А то жъ..

Дидъ зновъ якось и заклопотано, и зтурбовано, и разомъ зъ тымъ здывовано почавъ чухатысь въ бороди, дывлячысь на Марынку.

— Да-а.., это, братъ, той... Х-мъ... Прыпорція... Якъ же ты брала іи?

— Такъ. Винъ спавъ, а я прыйшла та й узяла.

— Значыть, ты вже ранищъ дывылась за нымъ, де винъ ляже, де положыть... чы якъ?

— А то жъ...

— Х-мъ... Отъ тоби й Марынка!.. Ну, а для чого жъ ты взяла іи?—раптомъ спытавъ винъ, пыльно дывлячысь на неи.

Марынка хутко пидвела очи й трохы здывовано глянула на ёго, але, зустрившысь зъ ёго поглядомъ, забигала по хати очима й тыхо, похмуро промовыла:

— Такъ...

— Ну, о̓тъ тоби й маешъ!.. «Такъ»... Хто жъ такы «такъ» таке робыть? Для чогось же та брала?

Марынка трохы помовчала, погладыла пальцямы рукавъ «пальто» й проговорыла:

— Продамо... та купымо хату... Утичемъ одъ панивъ... Вы та я... Я іи заховала...—И несмилыво й разомъ зъ тымъ уперто й зъ надіею подывылась на Юхыма. Той мовчкы роздывлявся на неи, мовъ уперше бачывъ іи. Потимъ, такожъ ни слова не кажучы, поволи зкынувъ зъ себе «пальто», злизъ зъ полу й, шукаючы въ кышеняхъ люльку, ставъ задумлыво ходыты по хати. Волосся кругъ лысыны ёму позадыралось до-горы, борода накудовчылась, розтрипалась, але винъ навить и рукою не провивъ.

— Дд-а-а...—нарешти зупынывся винъ проты Марынкы, яка поволи повернулась и сила такъ само на колинахъ лыцемъ до ёго. Проты свитла лыце іи выглядало ще блидше, ще го́стрище й сынякы пидъ очима булы наче навмысне пидведени симметрычно й выразно.

— Це ты.., дивчыно, той... устругну-ула...—протягнувъ винъ гуняво.—Ій-Богу!.. Одва́жылась!..

Винъ зновъ почавъ ходыты по хати й колупатысь у кышеняхъ, щось шукаючы. Потимъ вынявъ зъ «брукивъ» люльку, озырнувся, сивъ на лаву й «хмыкнувшы про себе, почавъ насыпаты въ неи тютюну.

— Да... Прыдумала дивчына... Прыдумала... Здорово...— бурмотивъ винъ зъ усмишкою.—«Продамо.., купымо хату... Вы та я»... Хм... То це, значыть, ты мене того й будыла?

— А то жъ...—прошопотила Марынка й смилывище глянула на ёго.

— Та-акъ... Х-мъ... Отъ тоби й Марынка!.. И вона зубы мае... Х-хе!.. та-акъ ..

— Я й тюрьмы не боюсь—раптомъ промовыла вона якось завзято й похмуро.

— Такъ, та-акъ...—зновъ промовывъ Юхымъ, глянувшы на неи тымъ же пыльнымъ поглядомъ, въ якому було й дывування, й якась думка и навить повага.

— И никого не боюсь!—додала вона ще смилывище.— Хай теперъ... садовлять у тюрьму... Купымо соби хату... Вы продасте, диду?

Дидъ зтурбовано подывывся на Панаса, хоча той такъ само лежавъ и не ворушывся, и посмихнувся.

— Продасте?

— Х-мъ... Та продать, дивчыно, можно, та... хто ёго зна, що зъ того буде... Хату... х-мъ... Не за всяку мындаль и купышъ хату... Якъ не знать яка мындаль, то й дадуть небагато... Усяки бувають...

— Якъ «небагато»?—перебыла напружено, суворо Марынка.—За царську мындаль та небагато? А буфечыкъ казавъ, що трахтыръ поставывъ бы?

— Х-мъ... Хто ёго зна... Буфечыкъ... А вона де́ въ тебе?

— У саду.., закопана.

— Ну, такъ ты ось що... Катай, визьмы та прынесы, я подывлюсь на неи...

Марынка схопылась и, зстрыбнувшы зъ полу, хотила вже бигты, колы дидъ зупынывъ іи.

— Пидожды! Сюды не несы, бо тутъ або хтось буде, або надійде саме въ той часъ... Краще такъ... Я пиду заразъ за стайню, а ты прынесешъ мени туды... Та глядьі, щобъ нихто не бачывъ... Понимаешъ?

Марынка тильки слухала й хытала головою. Потимъ повернулась и заляпала босымы ногамы зъ хаты. А дидъ набывъ люльку зъ тымъ же задумлыво-заклопотанымъ выглядомъ, запалывъ іи, насунувъ на голову шапку, накынувъ на плечи «пальто» и поволи, поважно выйшовъ зъ кухни. Сонце вже спускалось за селянськымы витрякамы ажъ по той бикъ яру й золотыло вершечкы саду, дымари на зализній зеленій покривли панського

будынку й старе гниздо чорногузивъ на вершечку высокои клуни, що стояла за загонамы. На подвирьи стоявъ великый рухъ. Коло стайни й загонивъ, що булы якъ-разъ проты кухни, биля двохъ велыкыхъ купъ гною та кизякивъ стояло два возы, въ яки Трохымъ, Киндратъ та Андрій вылкамы кыдалы гній, Андрій—та Грыць удвохъ булы биля одного воза, а Трохымъ самъ коло другого, якый стоявъ ступнивъ на сорокъ видъ ихнёго, блыжче до шырокыхъ дверей стайни. У загони лунало ревиння воливъ, Савчыне гукання на когось; зъ розчыняныхъ дверей амбару йшовъ густый стовпъ пороху й чувся гуркитъ віялкы и гоминъ людськыхъ голосивъ; биля билои кухни бигалы покойивкы, ходылы кучери.

Юхымъ, поволи ступаючы, наблызывся до хлопцивъ и зупыныся, дывлячысь, якъ гній, перемишаный зъ соломою, нерывнымы пасмамы падавъ и звысавъ зъ полудрабкивъ Трохымового возу.

— Це щé разъ думаете одтарабаныты?—звертаючысь до Трохыма, хытнувъ дидъ на воза.

— Ще разъ...—бовкнувъ той понуро и, зачепывшы вылкамы червоно-бурого гною, шпурнувъ ёго на визъ. Потимъ настромывъ зновъ вылкы и зновъ, не дывлячысь на визъ, нахылывся и зновъ шпурнувъ, и все зъ тымъ же похмурымъ, суворымъ выглядомъ.

— А куды це дидъ зиб-ра-алысь?—зачувся Грыцивъ голосъ видъ другого воза.—Уже зъ калата-алкою?

— Ни!—крыкнувъ Юхымъ.—Такъ... На проходку...

Ёму выдно було, якъ Грыць щось сказавъ Андріеви, потимъ жартовлыво вдарывъ того по плечи й, колы той хутко повернувся до ёго й почавъ щось палко-сердыто говорыты, винъ одкынувся назадъ и по всёму повдирью голосно залунало: гý-у-гу-гу-гу!»

Юхымъ не хапаючысь, почовгавъ соби дали, пидійшовъ до стайни, зазырнувъ у двери, поторгавъ за штабу, потимъ постоявъ, подывывся на небо, позихнувъ и мляво, линыво рушывъ за стайню, яка заднёю стинкою выходыла въ садъ. Тамъ, сыня зъ

холоду, вже стояла Марынка й напружено дывылася до вузенького проходу, що бувъ мижъ стинкою загону й стайни и черезъ якый тильки й можно було пройты сюды. Видъ іи голыхъ, забрудженыхъ нигъ биглы по чорній, розмытій земли слиды ажъ у глыбъ саду. Забачывшы Юхыма, вона хутко пидійшла до ёго й, озырнувшысь навкругы, подала ёму щось замотане въ грубу полотняну ганчирку и перевьязане бруднымъ мотузкомъ. Дидъ мовчкы сховавъ ёго въ кышеню и, зробывшы ій знакъ иты назадъ, самъ повернувся, пролизъ у проходъ и, почекавшы, покы Марынка не счезла за деревамы саду, выйшовъ зновъ, розмотавъ ганчирку й почавъ обережно роздывлятыся на невелычкый хрестъ зъ кильцемъ на одному рози, черезъ яке була протягнута штучно зложена рижноколёрова стёжка. Оглядившы ёго зо всихъ бокивъ, дидъ Юхымъ зневажлыво похытавъ головою и сякъ такъ замотавшы ёго, сунувъ у кышеню и тыхо выйшовъ зъ-за стайни. На устахъ ёму грала сумна иронычна усмишка. Поривнявшысь зъ Трохымомъ, винъ зупынывся и довго стоявъ, якось заклопотано замыслывшысь, то стыскуючы плечыма, то глузлыво всмихаючысь, то знову стыскуючы плечыма. Нарешти подывывся на Трохыма, що докыдавъ вже воза, и тыхо сказавъ:

— Трохыме!

Трохымъ озырнувся.

— А знаешъ, хто мындаль узявъ?

Трохымъ похмуро подывывся на ёго й коротко спытавъ:

— Хто?

— А вгадай...

— Хыба знайшлы вже?

Дидъ загадково всмихнувся.

— Знайты то знайшлы, та не ти, кому треба...

Трохымъ мовчкы встромывъ вылка въ купу и ставъ полою свыты вытыраты зъ лоба питъ, ни слова все-такы не кажучы.

— Николы, братъ, не вгадавъ бы... Сказать? Га?—промовывъ Юхымъ.

— Софійка?—похмуро спытавъ Трохымъ.

— Ни. .

— Ну, то не знаю.

Дидъ озырнувся, потимъ хвылыны зо тры дывывся на Трохыма, нибы вагаючысь, чы говорыты, чы ни, нарешти приставывъ долоню до рота и тыхо промовывъ:

— Ма-рын-ка!

Трохыма нибы вкололо що. Винъ хутко подывывся на Юхыма й недовирлыво промовывъ:

— Ну, отъ! Говори-ить!

— Верное слово!

— Звидкы знаете?

— Знаю вже... Я бъ и самъ николы не повирывъ, якъ бы мени хто сказавъ...

Трохымъ ще разъ неймовирно подывывся на дида, потимъ схопывъ вылка и ще зъ бильшымъ завзяттямъ почавъ шпурляты гній. Потимъ раптомъ спынывся й, повернувшысь до Юхыма, спытавъ зъ якоюсь злистно-завдоволеною усмишкою:

— Якъ же воно, кошеня, насмилылось такъ? Таке паршыве, засмоктане...

— А отъ пиды жъ ты!—хытнувъ головою Юхымъ, тежъ завдоволено всмихаючысь.—Засмоктане, засмоктане, а отъ тоби!.. Та ще, братъ, яка выходыть сторія... Прямо такы чыста прыпорція та й годи!—(Дидъ озырнувся навкругы, а Трохымъ, прыслухуючысь, поволи почавъ знову кыдаты гній).—Спавъ отто я писля обиду... Щось таке ще мени десь снытся, колы чую: щось шарпъ!.. шарпъ!.. за полу. Що за прытенція? думаю соби. Пидвожусь... Дывлюсь, вона; сыдыть коло мене, дывытся такъ якось чудно... «Чого кажу, що треба?» А вона мнялась, мнялась та якъ выстрилыть прямо такъ: «я, каже, украла мындаль». Що? якъ?.. Не панимаю такы просто [зъ первоначалу... Объяснила... «Нá що жъ ты вкрала?»—«А, каже, утичемъ одъ панивъ, продамо та купымо соби хату»... Панимаешъ?!—(Трохымъ зновъ мовчкы завдоволено посмихнувся).—Це, значыть, я и вона... Отъ тоби й засмоктане... Я, каже, й тюрьмы не боюся и ничого теперъ не боюся...

— Та ну?!—скрыкнувъ Трохымъ.

— Ій-Богу!.. то воно вчора слухало соби, а теперъ и той...

Трохымъ раптомъ завдоволено зареготався. Винъ взагали сміявся дуже ридко, але колы сміявся, то се выходыло у ёго якось сухо, жорстко, такъ що, дывлячысь въ той часъ на ёго дрибни, били зубы, яки ривно вызыралы зъ-за тонкыхъ, розтягнутыхъ губъ, не тильки не хотилось, якъ звычайно, сміятысь и соби, а навпакы робылось якось ніяково й важко.

— И мындаль дала вже мени...

— Дала?!

— Дала... Оченята зробылысь таки жвави, сама наче постарищала... Ій-Богу!

— Ну, й мындаль справди щось путне!

Юхымъ сумно, насмишкувато всмихнувся и махнувъ рукою.

— Я думавъ справди, що то мындаль, якъ мындаль: зъ золота, або зъ драгоцинныхъ каменивъ, а то такъ тоби ни те, ни се... Правда, хрестомъ зроблена, та що зъ того? Що за неи дадуть? А продавать треба тыхо, щобъ и свое вухо не почуло... Може й кыне хто якыхъ тры, пьять рубливъ... Такъ за ихъ хаты не купышъ. Отъ и выходыть клопитъ: продай—горе, не продай—бида. Продай—такъ не повирыть, що такъ мало далы, подума—й свои обманюють... Не продай—те жъ горе. Не хочуть, мовлявъ, помогты свои... А кынется до инчого, то ще й у тюрьму попаде... О... Та не такъ тюрьма, якъ те, що вона, братъ, теперъ такъ сподивается, такъ вирыть, а тутъ на́ тоби, така ій прыпорція... Отъ що!.. Обизлытся, зачерствіе дивчына... Буде така якъ... ты...

Трохымъ знову нахнюпывсь и мовчкы, ходячы навкругы, почавъ прыбываты вылкамы вывершеный вже визъ, якый теперъ дуже бувъ схожый на маленьку хатку, тильки безъ дымаря. Дидъ выйнявъ люльку и ставъ задумлыво набываты іи.

— Ну, а ты що скажешъ?—нарешти звернувся винъ до Трохыма, якый устромывъ вылка збоку въ визъ и почавъ упорядковуваты биля дышла мотузяни шлеи.

— Я?—подывывся на ёго Трохымъ.—Що жъ я скажу?.. Вона пры васъ?

— Пры мени...

Трохымъ кынувъ въ-останне на наготовлени вже до упряжи шлеи и мовчкы попрямувавъ до стайни. Юхымъ выкресавъ огню, запалывъ люльку и соби пишовъ туды. Трохымъ возывся щось биля хомута, що высивъ на стини на килку и, трохы схылывшы голову на бикъ, грызъ зубамы якыйсь вузолъ, сылкуючысь розвьязаты ёго. Кровъ одъ натугы и злосты прылыла ёму до лыця, и воно було ажъ сыне, а па шыи такъ понапыналысь жылы, нибы ёму хто пидъ шкурою протягъ тонкый дритъ. Кони, якъ и разъ-у-разъ, колы въ стайню ввиходывъ Трохымъ, булы мовъ збентежени, боязко-косо дывылысь на ёго своимы чорно-сынимы блыскучымы очима й щильно тулылысь одне до одного. Вмыть Трохымъ злистно шпурнувъ одъ себе хомутъ, вылаявся и, вытершы губы, пидийшовъ до коней.

— Поверны-ысь!—хрыпко, зъ ненавыстю крыкнувъ винъ. Невелычка, кудлата, чала конячынка и трохы выща за неи вороненька, зъ рудымы, вытертымы бокамы, зтурбовано затупалы ногамы по угноеній, мокрій земли и, тулячысь бокамы, заразъ же повернулысь. Трохымъ мовчкы озырнувся до дида и, хытнувшы головою, похмуро поманувъ за собою. Дидъ трохы здывовано подывывся на ёго, але заразъ же пишовъ до яселъ, де зупынывся Трохымъ.

— А ну, покажить!—бовкнувъ той, показуючы головою на ёго кышеню.

— Що показать?—не зрозумивъ Юхымъ.

— Та мындаль же!

— А-а!!...

Дидъ похапцемъ встромывъ люльку въ ротъ, кынувся до кышени—вынявъ ганчирку, розгорнувъ іи и, держачы «мындаль» за стёжку, пиднисъ іи мало не до самого Трохымового носу. Той ажъ одхылывся трохы и, взявшы зъ рукъ дида невелычкый хрестъ, почавъ пыльно, зъ злорадною всмишкою розглядать на вси бокы, то мнучы ёго въ замазаныхъ гноемъ пальцяхъ, то держачы на вкрытій мозолямы долони й не перестаючы ввесь часъ усмихатысь. Нарешти подавъ ёго дидови, що, тежъ усмихаючысь и

пыхкаючы люлькою, слидкувавъ за нымъ и, здвыгнувшы плечыма, промовывъ:

— Сховайте... Може що й буде зъ неи... Чортъ іи зна, може вона й дорога...

— Та, звисно, заховаю...—замотуючы зновъ у ганчирку хрестъ, згодывся Юхымъ.—Це не штука... А отъ якъ зъ Марынкою... отъ що!.. Що ій сказать?

Трохымъ ничого не одмовывъ ёму. Пидійшовшы до высокои гнидои кобылы Рухли, винъ штовхнувъ іи кулакомъ у морду, такъ що вона ажъ хытнула вгору головою, и почавъ одвьязуваты недоуздокъ видъ ясelъ. Одвьязавшы, шарпнувъ нымъ и мовчкы пишовъ изъ стайни, ведучы за собою Рухлю. Та спершу йшла спокійно, але де дали, то все ставала неспокійнищою: то прыщулыть вуха, то раптомъ зупынытся нибы для того, щобъ почухаты головою ногу и шарпне недоуздкомъ такъ, що мало не вырве ёго зъ рукъ у Трохыма, то почне хропты наче зъ переляку. Се була одна зъ найлукавищыхъ кобылъ на всю экономію. Але Трохымъ тильки позыравъ на неи й, очевыдячкы, здержуючы себе, йшовъ дали. Пидвившы іи до воза, винъ зупынывся, пиднявъ зъ земли шлею и хотивъ надиты іи на голову, але вона, наче злякавшысь, раптомъ шарпнулась, кынулась у бикъ и мало-мало не вырвалась ёму зъ рукъ.

— А-а, ты та-акъ!—кынувъ мовъ про себе Трохымъ и, не выпускаючы недоуздка, пидійшовъ до воза, вытягъ зъ ёго вылка и, одвившы ихъ одъ себе, вмыть зо всеи сылы такъ ударывъ іи по ребрахъ, що въ жывоти у неи ажъ ёкнуло щось, а сама вона спершу шарпнулась зновъ, але заразъ же заспокоилась и, скоса поглядаючы на вылка очима, покирлыво пишла за нымъ.

— Поверны-ысь!—крыкнувъ винъ. Рухля трохы подалась задомъ и наступыла на посторонокъ.

— Ножку!—ударывъ винъ іи чоботомъ по нози. Рухля прыщулыла, якъ заиць, вуха, пидняла ногу, але зновъ поставыла іи на посторонокъ.

— Ножку!!—голоснище сказавъ Трохымъ и зо всеи сылы вдарывъ іи пидборомъ трохы выще копыта. Рухля, нибы роздра-

тована такою несправедлывистю, прыщулыла вуха и, хутко повернувшы голову, хотила грызнуты ёго за плече и якъ бы винъ не одскочывъ, то певне зоставыла бъ кривавый слидъ своихъ жовтыхъ велыкыхъ зубивъ.

— А-а!—захрыпивъ винъ.—Ты ще хочешъ?.. Добре!..—и, не выпускаючы недоуздка, потягся зновъ до кынутыхъ биля возу вылокъ. Але Рухля, наче догадавшысь, до чого воно йдется, раптомъ шарпнула головою, посунулась задомъ и прыщулывшы ще щильнище вуха, пидняла высоко голову.

— Но!—потягъ винъ за недоуздокъ. Рухля тильки ще бильше посунулась назадъ.

— Н-н-о!!—прошыпивъ винъ, дрижучы весь и налываючысь кривью. И раптомъ зигнувся, якъ звирь, що кыдается на здобычъ, чудно якось хрыпнувъ, стрыбнувъ уперёдъ и, вхопывшысь рукамы за шыю, впывся ій зубамы въ холку.

—И-и!!—заржала зъ болю Рухля й хотила повернуты морду, але заразъ же дистала та́къ по голови, що ажъ мотнула нею й якъ шалена закрутылась на одному мисци... А винъ, выскочывшы ій на спыну, мицнище обхопывъ іи и зъ ревомъ якымсь грызъ ій шыю, хытаючы головою й наче бажаючы яко мога глыбше вгрызтыся въ жыве мясо. Грыць та Андрій ажъ вылка повыпускалы й переляканo дывылысь на сю дыку боротьбу, а дидъ Юхымъ, якъ нисъ люльку до роту, то такъ и застыгъ на одному мисци. Нарешти Рухля скажено фыцнула задомъ, шарпнулась вперёдъ; Трохымъ зстрыбнувъ на землю и дрижучы весь, якъ у пропасныци, пиднявъ зъ земли шапку и, шарпнувшы недоуздкомъ, прошыпивъ:

— Бу-удешъ?!

Рухля вся тремтила и, трусячы шыею, мовъ бажаючы скынуты щось зъ неи, покирлыво стояла й водыла на вси бокы очима, зъ куточкивъ якыхъ теклы слёзы.

— Н-но! — крыкнувъ Трохымъ зновъ, надиваючы шапку на голову й не вытыраючы губъ, на якыхъ выступыла пина, змишана зъ кривью. Рухля хутко посунулась вперёдъ и, труснувшы грывою, подывылась на ёго.

— Повернысь!

Вона вже не щулылась, а навить сама всунула голову въ шлею и стала, якъ слидъ, вздовжъ дышла.

-- Я... тоби покажу-у!..—важко сопучы промовывъ винъ, поправляючы й оглядаючы іи зо всихъ бокивъ. Потимъ повернувся и мовчкы пишовъ до стайни.

— Ну, братъ!.. Вона добра, а ты... ще луччый!—покрутывшы головою, сказавъ дидъ, колы той проходывъ повзъ ёго. Але Трохымъ тильки кынувъ на ёго похмуро окомъ и мовчкы пишовъ у стайню. Въ сей ментъ биля другого возу залунавъ голосный Грыцивъ регитъ и тыха мова Андрія.

— Отъ, диду!—раптомъ зачувъ Юхымъ видъ ныхъ.—Добрый жеребець? Га?—Го́-го-го! А подывится, чы держытся ще голова тамъ!

-- Та й злый же, братъ ты мой!—тыхище почулось видъ Андрія.

— Гу́-у-гу-гу!—завдоволено одкынувся назадъ Грыць, але въ сей ментъ изъ стайни выйшовъ зновъ Трохымъ, ведучы за собою Вороненького, якый ще дожовувавъ сино й меланхолычно похытуючы головою, поважно й спокійно ступавъ за нымъ. Грыць трохы зтыхъ, а дидъ постоявъ ще трохы, подывывся, якъ Трохымъ запрягавъ Вороненького, и, покручуючы головою й усмихаючысь, поволи пишовъ до хаты.

Въ кухни вже не було жовтого свитла сонця, але ще було досыть выдно, такъ що Юхымъ заразъ же, тильки переступывъ пиригъ, помитывъ офыцера, що въ сей ментъ зъ дуже байдужымъ выглядомъ одходывъ видъ мысныка, биля якого стояла Кылына. Не важко було жывымъ, прудкымъ очамъ дида побачыты тако-жъ, що груды Кылыны высоко й неривно здіймалысь, а на щокахъ выступылы два червони кружкы. Колы жъ офыцеръ повернувся, а дидъ, уклонывшысь, зыркнувъ на ёго, то також не промынувъ того, що въ ёго одынъ вусъ стырчавъ у гору, другый розкудовчывся й дывывся у ныз, лыце було червоне, здавалось, винъ тильки що добре вышарувався сухымъ, грубымъ рушныкомъ. Биля печи, доли, сыдила Марынка и чыстыла кар-

топлю, кыдаючы іи въ велыку макитру, и хутко бигала по всихъ очима.

— Такъ Халабуды здѣсь не было?—поправляючы картуза й прыглажуючы вуса, спытавъ Олександръ.

— Ни, не було...—не повертаючысь, глухо промовыла Кылына.

— Х-мъ... странно... Если придетъ, скажите ему, что я ищу его...

— Добре...

Офыцеръ постоявъ ще трохы, дывлячысь въ спыну Кылыны, яка щось заклопотано колупалась у мыснику, покрутывъ вуса й, дывлячысь соби на чоботы, помалу выйшовъ зъ кухни. Кылына злегка повернула голову до викна, провела очима струнку постать офыцера, зитхнула и, повернувшысь, пидійшла до лежанкы й мовчкы стала поратысь биля казанивъ. Юхымъ такожъ мовчкы наблызывся до полу, подывывся на Панаса, коло якого стояла мыска зъ недойидкамы сметаны и крыхтамы хлиба, вылизъ на пилъ и, крекчучы, лигъ головою на кожухъ и прыкрывся своимъ «пальто». Въ хати було тыхо, тилькы биля лежанкы плескала водою Кылына та шарудила картоплею Марынка. Юхымъ не счувся, якъ и заснувъ.

Колы жъ винъ прокынувся, протеръ очи и, сыдячы на полу, подывывся навкругы—въ хати вже горила лампочка и було людно. Посередъ кухни стоявъ въ шапци Халабуда, заклавшы одну руку за спыну, а другою своимъ звычаемъ поглажуючы нисъ и кучеряви вусы, и щось говорывъ до Кылыны, що стояла биля лежанкы. У кутку, пидъ образамы, на своему звычайному мисци сыдивъ Трохымъ и гостро подывлявся на прыкащыка. Биля його, коло лавы, стоявъ Киндратъ та Грыць и мовчкы похмуро слухалы; дали сыдивъ на лави Савка зъ своимъ незавдоволенымъ, шырокымъ лыцемъ и здоровенными, рудымы видъ воды чобитьмы. По другый кинець столу стоявъ Андрій и пыльнувавъ губъ Халабудыныхъ, роззявывшы трохы рота. Петрыкъ, Санька и Софія стоялы биля полу спыною до дида.

— Отъ и выходыть окончательно, що ты нехорошая кухарка,—сказавъ Халабуда, дывлячысь на Кылыну.—И борщъ, говоря́ть, безъ сомненія не смашно́й, и хлебъ глывко́й. И каша пло́хая...

— Бо погане пшоно дають,—бовкнувъ несподивано Савка, дывлячысь у вогонь зъ грубкы.

Халабуда хутко повернувся до ёго.

— Какъ?—спытавъ винъ.

— Такъ,—клипнувшы на ёго очима, посмихнувся Савка.

— Говоры голосней, я не разобралъ... Какое пшоно?

— Погане! Какое жъ бильшъ?—злистно муркнувъ Савка.— Погане пшоно, то пагана й каша.

Халабуда мовчкы зъ зневажлывою усмишкою подывывся на ёго, потимъ махнувъ рукою, мовлявъ: «йе, що зъ нымъ, биднымъ, говорыты»! и зновъ повернувся до Кылыны, яка спокійно стояла соби биля казанивъ и тильки всмихалася зъ такымъ выглядомъ, якый наче говорывъ: «Говоры соби! Знаю я все, чого хочешъ!»

— Да,—почавъ знову Халабуда добродушно.—А какъ на должности, прымеромъ, прачкы ты... той... окончательно хорощая була бъ... Потому здоровья имеишъ сибе... Да-а... И чыста робота безъ сомненія... А на твое место тутъ другая просытся... Бедная женчына.. Потому нада жъ такы и до бедныхъ сострадать... Сказать, прымеромъ

— Знаете що?—перебыла ёго Кылына.—Вы хочете мени рощотъ дать? То такъ и кажить... А то и бидныхъ сюды и... Казалы бъ прямо...

— Кылыно!—зъ мягкымъ докоромъ скрыкнувъ Халабуда и навить руку простягнувъ, мовъ захыщаючысь.—Какъ же тибе не стыдно оттакое говорыть?.. Ей-е-ей! Я іи мѣсто даю хороше, а вона... Э, ето вже не хорошо... безъ сомненія не хорошо... Разли жъ я вынуватъ, шо ты не подходышъ па должности кухаркы?.. Правда,—безсыло розвивъ винъ рукою,—если не захочешъ за прачку стать, то прыйдеться тибе розчытать, але упьять такы тутъ уже я... не касательный, бо тутъ вже... самъ панъ прыказавъ. Такъ отъ, выбирай...

Кылына ничого не одмовыла, тильки похмурылась и пыльно почала коштуваты вечерю. Халабуда зыркнувъ на неи и, такожъ ничого дали не кажучы, мовъ боячысь іи поспишнои одповиди, одвернувся видъ лежанкы. Подывывшысь мягкымъ поглядомъ по хати, винъ зупынывъ поглядъ на Панасови, якый лежавъ прыкрытый до грудей кожухомъ, и наче згадавшы щось, ни до кого власне не звертаючысь, промовывъ:

— Ну, а Панаса завтра хтось одвезеть такы у Глыняне... Бо на ёго место вже другой будеть... Запряжуть Сыву й Хлопчыка у вкрытый визъ, соломкы безъ сомненія и... какъ-тось нада одвезты челаека...

Панасъ байдуже, тупо подывывся на ёго и хрыпло, важко дыхаючы, пидмостывъ пидъ плечи свыту й сперся на неи. Нихто ничого не одмовывъ Халабуди,—хто дывывся соби пидъ ногы, хто похмуро грызъ нигти, а хто бигавъ очима по хати, нибы шукаючы такого куточка, де бъ не можна було зустритыся зъ тыхымъ, мягкымъ поглядомъ прыкащыка.

— Що жъ ёму тутъ лежать?—заговорывъ сей знову, роздывляючысь на Панаса.—Никоторого тутъ ёму... э... окончательно сказать, успомо... успомоществованія... нема... Безполезно лежыть сибе... Да... А тамъ усё такы какыись сродственыкы знайдуця, чы такъ хто-сь...—О... Отъ завтра Грыцько безъ сомненія соберётця та й завезёть слабого...—(Грыцько ніяко посмихнувся и незадоволено почавъ чухаты потылыцю).—Раненько соберётця, та й рушыть сибе... Тутъ недалёко, верстовъ зъ десять не бо́ліе...

— Де десять?!—скрыкнувъ Грыць.—У Глыпяне десять? Та туды й пьятнадцять мало!

— Ну, чы десять, чы бо́ліе... ето все рамно!

— Хмъ... «усё рамно́»...—знову замнявся Грыць, чухаючысь уже на самій потылыци.—Якъ бы самому, такъ воно ничого, а зъ слабымъ чоловикомъ... А якъ Панасъ помруть по дорози, що я тоди?

— Ну, отъ!—усмихнувся добродушно Халабуда.—Чого жъ ёму помирать? Безъ сомненія ще й насъ пережывётъ... Немножко заслабелъ... челаекъ, то верно. Такъ ето жъ у ёго часто буваеть...

Послабееть, та й выдужаеть окончательно сибе на здоровья... Да... А помирать... зачымъ? Чудачокъ, ій-Богу...

— Такъ хай Панасъ тутъ соби выдужають, а по здоровью й пидуть соби, якъ що не схочете держать...—хутко проговорывъ Грыць и зъ надією подывывся на прыкащыка. Але той тильки мягко-нетерпляче повивъ головою и, якъ маленькому хлопчыкови, ставъ ёму выясняты, що економія зовсимъ не больныця и що «окончательно» николы для хорыхъ не будувалась. А черезъ се винъ мусыть неодминно завтра везты Панаса та й годи.

— Я не знаю, ій-Богу...—пиднявъ якось бровы й, скрывывшысь, почухався Грыць.—Хай хтось другый повезе...

— Ну, хто жъ другый?—мяrко спытавъ Халабуда и повивъ по всихъ очима.

Петрыкъ, що прудко бигавъ очима по хати, вмыть повернувся до Санькы и заклопотано почавъ ій щось говорыты.

— Ну, пущай Трохымъ повезёть...

Петрыкъ переставъ говорыты и подывывся на Трохыма.

— Трохымъ не повезе!—твердо й злистно сказавъ той.— Ще не бувъ душегубцемъ и не хочу буты!

Халабуда якось пыльно подывывся на ёго, але наче ничого особлывого не почувъ, одвернувся, почыстывъ двома пальцямы кинчыкъ носа й хотивъ дали говорыты, але въ сей ментъ Киндратъ прокашлявся и, трохы почервонившы, зъ запынкамы заговорывъ:

— Вы отъ сами... той... кажете, що у дядька Панаса буває це часто... Такъ нехай воны полежать, выдужають... А то жъ хиба можна... у негоду, по мокрому везты слабого?.. Воны жъ не у кого заслаблы, якъ тутъ... По фельшера послаты бъ... А то жъ... Це жъ смерть може буты... Якъ той... колы...

Винъ заплутався, почервонивъ ще бильше и, замовкнувшы, ніяково-соромлыво всмихнувся до всихъ.

— Годують вивсякамы та помыямы, та ще хочуть, щобъ не заслабъ,—почулось раптомъ видъ Савкы.—Та щей выганяють на смерть... Отъ не повеземъ та й усе! Отъ нихто хай не везе!

Винъ навить уставъ и завзято озырнувъ усихъ.

— Ну, ты, Савко, помалкуй соби тамъ!—махнувъ на ёго рукою Халабуда.

— А то що?—зневажлыво подывывся на його Савка.—Розсчытаете? Ой-ой-ой! Злякався... Охъ, Боже жъ мій!.. Яке горе... То й розсчытуйте! Наче тильки й свиту, що ваша окономія!

— Х-мъ! Отъ неблагодарность!—хытнувъ на його головою Халабуда.—Уже забувъ, какъ просылся со слёзамы на глазахъ, щобъ прыйнялы його... А теперъ... смотры какой!.. Какъ будто я на самъ-дели хочу шось такое зделать зъ Панасомъ... Даешъ безъ сомненія коней, воза, одвезуть, какъ следъ, спокойно, благородно... Ще не хорошо! Не благодарно! не благода-арно! Прыймаешъ ихъ окончательно какъ людей, даешъ имъ помищеніе, пропытаніе, усё какъ следъ, а воны тебе... Отъ, прымеромъ, Трохымъ... Я не посмотрелъ, шо його прогналы одъ Кованьковського... Безъ сомненія прыйнялъ... Челаекъ просыть, какъ одказать... А выходыть окончательно, шо онъ... неблагодарный...

— А якъ вы прыйнялы Трохыма?—перебывъ його той.—На пивъ дешевше, нижъ у Кованьковського. Та за це вамъ у ногы падать? На душогубство йты? Хо! Дуже вже жырно буде! Самъ не повезу и повезты не дамъ... Чуете? Хай спробуе хтось повезты!

Винъ усмихнувся спокійно, але въ голоси дзвенила така тверда, непохытна рипучисть, таке зле, повне ненавысты чуття, що Халабуда зновъ пыльно-пыльно подывывся на його и зновъ ничого не одмовывъ, а, одвернувшысь, ще тыхище, ще лагиднище заговорывъ соби доли:

— И послабленія усяки имъ робышъ и... вольготы... У село хоче йты—иды. Погулять?.. Погуляй сибе... А окончательно выходыть усё то напрасно... Прыходыть, скажемо, какойсь отець... Просыть: «Бога рады, прыймить сына до економіи... Зима такая важкая теперъ».. Отъ, прымеромъ, отець Андрія... И не бедный, хазяинъ.., а прыйнялъ... А отъ кынься теперъ до Андрея, такъ и онъ безъ сомненія за всема скаже «не повезу».

— Ну, цей не скаже!—усмихнувся Трохымъ.—То—вашъ! Хазяйськи сыны благодарни... То мы вже голодрабци...

Андрій, що напружено, вперто дывывся пидъ лежанку, пры сій мови пидвивъ раптово голову, почервонивъ и, блыснувшы

очима до Трохыма, повернувся до Халабуды й одрывчысто, ришуче-палко промовывъ:

— Я повезу завтра!.. Дасте коней... Я повезу!

— Повезешъ?!—не всмихаючысь и впывшысь у его своимы чорненькымы, пронызуватымы очима, спытавъ Трохымъ.

— И повезу!—пиднявъ голову до горы Андрій.—Думаешъ, тебе злякався? Голодрабця? А-ну, спробуй тильки зачепыты!

— Добре!—хытнувъ головою Трохымъ.—Везы!

Халабуда хотивъ вмишатысь, але въ сей ментъ на полу заворушывся Панасъ. Прохрыпивши щось тыхо, винъ одитхнувъ и голоснище проговорывъ:

— Не чипай, Трохыме... Хай... везуть... Що тамъ! Все одно... Тамъ що... слидъ мени—(звернувся винъ до Халабуды)—посчытайте... Все одно... Чы тутъ, чы тамъ...

Блиде, затягнуте въ серецыну лыце его, зъ ридкымъ, звыслымъ волоссямъ и цапыною рудою боридкою, було якесь байдуже, мляве й выявляло одну тильки безсылисть и муку видъ хоробы. Винъ збирався ще щось сказаты, але захрыпивъ, захытався пидъ глухымъ кашлемъ и, махнувшы рукою, сперся на свыту.

— Ну, отъ и харашо!.. И окончательно... той... харашо!—пидхопывъ добродушно Халабуда.—Андрій повезёть сибе завтра и... и конецъ. Да... А теперъ я й пойду... Вы жъ, хлопци, завтра, якъ я говорылъ... Грыцько поедить за поденнымы...

— Та знаемо!—перебывъ его Трохымъ.—Чулы...

— Мени треба на село!—раптомъ промовывъ Андрій, звертаючысь до Халабуды.—Я не довго буду!..

— А чого жъ!.. А чого жъ!..—заразъ же згодывся той.—Када нада, то йды... А чого жъ!.. Тольки не барысь, потому... той...

И не договорывшы, наче справди поспишаючыся, винъ повернувся и, глянувшы мымохидь на Кылыну, що стояла биля казанивъ спыною до столу, зъ диловытымъ выглядомъ выйшовъ изъ хаты. За нымъ, не дывлячысь ни на кого, якось завзято гордо, накынувшы на опацкы свыту, выйшовъ и Андрій. Якъ тильки воны выйшлы, въ хати пиднявся гоминъ. Грыць и Со-

фійка гнивно, зъ запаломъ почалы лаяты Андрія, Санька боронила ёго, Петрыкъ вылявъ и не стоявъ ни за тыхъ, ни за сыхъ, Кылына мовчала, а Трохымъ, пидійшовъ до Юхыма и, щось промовывшы ёму тыхо, накынувъ на голову шапку и выйшовъ изъ хаты. Заразъ же выйшовъ за нымъ и Юхымъ. Якъ тильки винъ переступывъ за поригъ синей, Трохымъ, що чекавъ вже на ёго, заразъ же тыхо, ришуче спытавъ ёго:

— Мындаль пры васъ?

— Пры мени.

— Дайте іи сюды!

— Та що буде?

— Щось... Я ёму покажу...

Дидъ почавъ колупатысь за пазухою и хутко выйнявъ звидты загорнуту «мындаль».

— Я ёму покажу...—глухо злистно промовывъ Трохымъ, беручы зъ рукъ Юхыма ганчирку й розгортуючы іи.—Буде винъ знать, якъ голодрабцивъ на смерть возыты... Щеня!..

— Що жъ ты ёму зробышъ?—зацикавлено спытавъ дидъ.

— Що?.. Я ёму пидкыну мындаль, а завтра скажу, що у когось есть... Хай пошукають...

— Та-акъ?—протягнувъ дидъ.—Х-мъ... Це жъ, брать, тюрьмою пахне..

— Тюрьмою?.. Ха-ха-ха!—терпко засміявся Трохымъ, нызько пахыляючысь до рукъ, въ якыхъ ледве сиривъ невелычкый хресть.— А я не знавъ... Ну, ничого, хай покуштуе... и хазяйськый сынъ.

— Х-мъ...—замыслывся Юхымъ.—Це той... И мындаль пропаде задурно и.. все такы... Воно то правда, парубокъ дуже вже задается... але жъ тутъ...

— А щобъ Марынка не дуже жалкувала,—не слухаючы ёго заговорывъ знову Трохымъ—то мы панкови ось що зробымо...—И винъ, держучы хреста въ пальцяхъ обохъ рукъ, зробывъ нымы такъ, нибы хотивъ переломыты на двое. Дидъ ажъ за рукы схопывъ ёго, якъ догадався, що винъ хоче робыты.

— Тю! Сказывся, хлопче?—злякано прошопотивъ винъ, вырываючы видъ його хрестъ.—Та тоди жъ заразъ же догадаются, що на злисть зроблено. Ну, й ты жъ...

-- Х-мъ... справди...—зъ жалемъ згодывся Трохымъ.—Ну, чортъ його беры, хай вже носыть панокъ. Ну, а мындаль все такы дайте сюды.

— Щобъ поламавъ?—усмихнувся дидъ, вертаючы хрестъ. Трохымъ взявъ, замотавъ у ганчирку й сховавъ у кышеню. А дидъ, подумавшы трохы, поволи почавъ:

— Бачъ... колы вже дило на те йде... х-мъ... то треба його й робыты добре. А такъ, якъ ты хочешъ, такъ не годытся, такъ заразъ же впизнають, що пидкынено. Тутъ треба якось мудрище. (Дидъ трохы подумавъ). Тутъ треба такъ зробыты. Я пиду заразъ до того панка и скажу ёму: «Такъ и такъ, мовлявъ, ваше благородіе, десь у когось въ окономіи мындаль йе, та не звисно у кого. А отъ якъ дасте такъ рублывъ пьять, десять, щобъ, значыть, пидпойиты та выпытать, то, може, й знайдется». О! А завтра рано можно й сказать, що «такъ и такъ, мовлявъ, шукайте у нашыхъ. У кого, не знаемо, але десь у хати йе». Зроблять трусъ и знайдуть. И выйде гладко, и мы не безъ корысти,—рублывъ якыхсь пьять, десять та выручымо. Себе, братъ, николы не треба забувать. Отъ тильки Марынка. Якъ зъ нею?.. Х-мъ. Ще якъ обизлытся, то може наробыты шелесту...

— Я зъ Марынкою самъ побалакаю. Вы йдить заразъ...—промовывъ Трохымъ.

— Добре, добре. Тильки ты вже тамъ зъ дивчыною якось... помнягче. Жаль...

— Та вже знаю. Йдить прямо. И въ хату не заходьте...

— А чого мени въ хати треба?

Дидъ охоче, бадёро застибнувъ свій пиджакъ и ришуче попрямувавъ до будынку. А Трохымъ постоявъ, ще трохы подывывся за дидомъ и пишовъ у кухню. Ввійшовъ, походывъ по хати, не вважаючы ни на кого, и, пидійшовшы до Марынкы, що стояла биля Кылыны зъ макитрою въ рукахъ, коротко сказавъ:

— Иды за мною, Марынко.

Марынка злякано подывылась на ёго, а Кылына здывовано пошырыла очи й спытала:

— А тоби вона на що здалась?

— Треба.

Марынка перевела очи на Кылыну.

— Иды...— здвыгнула та плечыма и, взявшы зъ рукъ у неи макитру, поставыла на лежанку. Трохымъ поволи пишовъ зъ хаты, а за нымъ злякана, здывована Марынка.

— Ты взяла мындаль у пана?—зупыняючысь за порогомъ синей, повернувся раптомъ Трохымъ до неи. Та мовчкы дывылась на ёго, пиднявшы голову до горы.

— Я тебе пытаю: ты взяла? Не бійсь, говоры. Я знаю...

— Ни, я не брала,—прошопотила Марынка.

— Х-мъ... — усмихнувся Трохымъ завдоволено. — Брешешъ. Дидъ Юхымъ казавъ, що ты взяла. А ось и мындаль та...—выймаючы зъ кышени ганчирку й розгортуючы іи, показавъ винъ хрестъ.—Ну?

Марынка дывылась па «мындаль» и мовчала.

— Узяла?

— Узяла,—ледве чутно прошопотила вона.

— На що жъ ты взяла?

— Такъ. Одъ панивъ утикты...

— Не любышъ ихъ?

— Не люблю...

Трохымъ мовчкы подывывся на неи, потимъ оглянувся позадъ себе, сивъ на прызьбу й, озырнувшысь навкругы, промовывъ:

— Пидійды блыжче.

— Чого?—опаслыво прошопотила Марынка, не пидходячы, а навпакы подаючысь трохы назадъ.

— Та не бійсь, иды...

Марынка повагалась трохы, потимъ несмилыво пидступыла до ёго й зупынылась биля самыхъ ёго колинъ. Винъ мовчкы тыхо обнявъ іи, прытягнувъ блыжче до себе й посадывъ на ко-

лина. И замовклы. Очевыдячкы, обомъ було и ніяково, и гарно, и солодко-сумно У стайни чуты було иноди злистне иржане коней, що былысь мижъ собою, далеко въ сели гуртомъ гавкалы собакы та подыхавъ свижый, морозный витрець.

— За що жъ ты не любышъ панивъ?—нарешти тыхо промовывъ Трохымъ, щильнище прытуляючы іи до себе. Въ голоси ёму не було звычайнои насмишкы, не було черствого, злистного тону, а щось тепле й мягке. Марынци захотилось плакаты.

— Бьются...—прошепотила вона дрижачымъ голосомъ.

— Дуже бьются?

— Дуже...

Помовчалы.

— Бачъ, Марынко,—зновъ почавъ Трохымъ,—ця мындаль, що ты взяла, вона не дорога. За неи не можно хаты купыты. Погана мындаль..

— Якъ?!—повернувшысь и дывлячысь ёму блызько въ лыце, мало не торкаючысь носомъ до носа, прошепотила вона зляканo.—А буфечыкъ казавъ...

— Буфечыкъ дурець...

— Та за царську мындаль не можна купыты хату?—уперто й якось недовирлыво перепытала Марынка. И чулось, що вона не вирыть, чулось, що вона бачыть обманъ. И чулысь такожъ нотки злосты, одчаю, суворого, упертого завзяття. Вона навить заворушылась и хотила злизты зъ колинъ, але Трохымъ ще дужче обнявъ и не пустывъ іи.

— Хочъ бы й царська... все одно—навчаюче заговорывъ винъ зновъ.—Якъ не дорога, то вже ничого не зробышъ. А, бачышъ, мы зробымъ краще таке. Ты чула, що Андрій хоче везты дядька Панаса у волость?

— Чула, — прошепотила Марынка.

— О... А якъ повезуть, то дядько Панасъ помруть по дорози, бо холодно, а воны слаби. А мы зъ дидомъ хочемо, щобъ Панасъ выдужавъ тутъ. Такъ отъ мы пидкынемо цю мындаль Андріеви; у ёго знайдуть, и винъ не пойде, бо... бо ёго заберуть у тюрьму...

— У тюрьму??

— А то жъ. А тоби хиба жаль его?

— Жаль.

— Х-мъ...

Трохымъ помовчавъ трохы.

— Дурна ты ще,—сказавъ винъ нарешти и въ голоси въ ёго зновъ загучала злисть и насмишка.—«Жаль». Мало, выдно, ще былы тебе. Не выбылы ще жалю. Х-мъ. «Жаль». А воны тебе дуже жаліють? Га?.. эхъ!.. Жалиты ихъ? У-у-у!!..—зашыпивъ винъ раптомъ зъ невымовною, скаженою, дыкою ненавыстю.—Не жалій ихъ!.. Чуешъ, Марынко! не жалій николы!.. Никого не жалій зъ ихъ, бо нихто тебе не жаліе. Выростешъ, сама це скажешъ. Грызы ихъ, проклятыхъ, одгрызайсь, кусайсь. А не жалій! На мындаль плюнь, кажу, бо въ тюрьму тильки за неи попадешъ. Хай воны, ти, що бьють тебе, идуть въ тюрьму. А будешъ жалиты, то воны тебе такъ заштовхають, що й чоловикомъ не будешъ. Онъ и теперъ вже й малои дытыны боишся.

— Я не боюсь уже никого. Я й тюрьмы не боюсь!—завзято прошопотила Марынка.

— Не боишся...—на пивъ-сумно, на пивъ завдоволено, але зновъ мягко сказавъ винъ и ніяково, несмило якось пиднисъ руку до щокы ій и нижно, обережно погладывъ іи. Марынка мовчкы щильно прытулылась ёму до грудей и застыгла. У неби высоко-высоко выразно жовтилы золотымы кружкамы зори, блыщала вода пидъ смугамы свитла, що выбывалось изъ виконъ кухни, одномапитно, ледве чутно гавкалы собакы на сели. Десь биля стайни зачулась чыясь хода, неголосна мова, потимъ жиночый, прыдушеный смихъ—и зновъ затыхло. Трохымъ швыдко зсадывъ Марынку на землю и, подывывшысь до стайни, сказавъ суворо:

— Такъ чуешъ же, Марынко? Завтра а ни окомъ не моргны, колы знайдуть у Андрія. А то я .. Гляды!

— Значыть... мы тутъ и зостанемся?—глухо, здавлено спытала Марынка.

— Не знаю!—бовкнувъ винъ холодно, жорстко и мовчкы пишовъ у гору до току. Марынка тыхо поплентались въ хату.

VI.

Дидъ Юхымъ стоявъ биля порогу, заклавшы одну руку за спыну, а другою поглажуючы бороду, и балакавъ зъ «панкомъ». Олександръ напивъ лежавъ у кресли, заклавшы ногу на ногу и, пускаючы дымъ черезъ вуса, пыльно слидкувавъ за ихъ розмовою.

— А звесно..., а звесно...—охоче згожувався Юхымъ на доказы вчытеля, якый выяснявъ, що корысты зъ «мындали» не може буты ніякои, що красты не годытся, що за крадижъ можно й тюрмы достукатысь.

— Верно, верно...—зитхнувъ винъ нарешти.—И себе никоторой пользы, и другому одна шкода... А всё по недоразуменію своему. Не розкынеть умомъ своимъ, що й до чого и... и делаеть непрыятности. И поправыть уже трудно... Прымеромъ сказать, за етымъ случаемъ. Оно то, я жъ говорю, догадка есть, що хтось укравъ, а хто, де, якъ... то вже и незвесно... Положымъ, можна бъ знайты, када бъ...

Дидъ замнявся, погладывъ бороду и глянувъ на панка.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—пидбадёрюючы й зъ надією скрыкнувъ панокъ.

— Та бачыте... дело въ тимъ—дидъ зновъ замнявся, почухався въ бороди, потимъ, мовъ одважывшысь, ришуче однявъ руку видъ бороды и сказавъ: знаете, я вамъ такъ скажу: у всякого челаека можна всёго дизнатыся, абы знавъ, якъ пидйихаты до ёго... Бувае такый, що ничымъ ты ёго не визьмешъ, ни грозьбою ни прозьбою,—якъ до стины всё рамно. А розсердь тильки, такъ все тоби й выкладе, якъ по пысаному... Да... А другой... бувае, хвастаться любыть... Готовъ себе самого зъ грязюкою змишаты, абы тильки хвастнуть... О... И зъ такымъ добре дило маты... А который водочку любыть... У всякого своя натура... Зъ чоловикомъ треба вмиты поводыться... А ще якъ есть пособныця-водочка... о, тоди беры ёго прямо рукамы... Отъ, пры-

меромъ, и тутъ... Будь такъ, значыть, за що поставыть хлопцямъ нашымъ разъ, другой водочкы, такъ и можна бъ и мындаль знайты.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?!—радистно спытавъ панокъ.— Можно?

— А чого жъ?.. Я жъ говорю, вона десь есть, тильки вотъ...—Винъ зупынывся и пыльно ставъ дывытысь, якъ панокъ хутко полизъ у кышеню и, вынявшы гаманець, почавъ тамъ щось шукаты. Потимъ, наче те мало ёго торкается, заговорывъ дали зновъ про те, якъ ёму жаль стало за «господына», якъ досадно зробылось, колы покражи не знайшлы, и якъ винъ постановывъ соби неодминно знайты вынуватого. Колы нарешти «господынъ» знайшовъ золоти пьять рубливъ и зъ ввичлывою усмишкою подавъ ихъ дидови, винъ спокійно, не хапаючысь взявъ ихъ и зновъ говорывъ соби дали. Умовывшысь про все й твердо пообицявшы неодминно знайты пропажу, Юхымъ ще разъ уклонывся панамъ и ставъ уже выходыты, колы раптомъ офыцеръ зупынывъ ёго и сказавъ ёму почекаты ёго на ганку для особыстои розмовы. Дидъ мовчкы уклонывся и выйшовъ. Чекать довелось ёму не довго. Заразъ же за нымъ выйшовъ и офыцеръ.

— Вотъ что, Юхымъ,—заговорывъ винъ заразъ же зъ нотками ніяковосты въ голоси.—Я хотѣлъ тебя спросить... э..., что это за дивчына у васъ на кухнѣ, что за кухарку... какъ ее?..

— Кылына?

— Да, да, Кылына... Что она... э... какъ на счетъ тамъ... э... ну, съ хлопцами какъ она тамъ?.. Гуляетъ? а?..

— Хто ёго зна...—нахылывъ голову Юхымъ.—Не скажу вамъ про це ничого... Знаете, мое дило старыкивське, а то соби молодь... Кажысь, чесна дивчына, а про те...

— Ну, а такъ... э... ходитъ къ ней кто-нибудь?..

— Господь іи зна...—здвыгнувъ плечыма Юхымъ—може й ходыть, може й ни... А выдно спонравылась пану?

— Да!—скрыкнувъ офыцеръ.—Дѣвочка... первый сортъ!.. Я много бы далъ, чтобы какъ нибудь... Нельзя ли тамъ, Юхымъ, какъ нибудь... такъ... (винъ ніяково й пидлабузнювато захихи-

хавъ)... немножко, значить, ко мнѣ ее? а?.. Я бы ужъ тебѣ на цѣлое ведро далъ бы... А, Юхимъ? Постараешся?

— Х-мъ... хто ёго зна...—неохоче промымрывъ дидъ.—Знаете, це дило таке, що якось зъ нымъ и пидступатыся не той... не ловко... Та й не звесно, чы пиде ще вона... Дивка строга..

— Ну, пустяки!.. Хе!.. Ты тамъ какъ нибудь... такъ знаешъ... Э!.. Такой, какъ ты не съумѣетъ?.. Хе-хе!.. Скажи ей, что ничего не пожалѣю, съ собой возьму... Понимаешъ? А вотъ и задаточекъ тебѣ...—и офыцеръ, вынявшы гаманця, почавъ колупатысь въ ёму. Юхымъ жыво подывывся, але заразъ же й одвернувся.

— Вотъ... не знаю, сколько, но все равно...—протягуючы грошi, сказавъ Олександръ.—Выйдетъ дѣло, еще столько же... Тутъ, кажется, рублей пять...

Юхымъ ще разъ глянувъ на грошi и зновъ одвернувся. Потимъ раптомъ протягнувъ руку и беручы грошi, промовывъ:

— Тильки ось що, панычу: не пиде—вына не моя... Добре?..

— Ну конечно, конечно!...—згодывся той.—Я и не буду винить тебя... Что жъ... Я только тебя прошу, чтобы ты ей сказалъ,—вотъ и все... Ну конечно, и съ своей стороны посовѣтовалъ... Вѣдь, все равно ей одна дорога... Такъ ужъ лучше пусть хоть городъ увидитъ... Скажи ей, что устрою ее, какъ барыню, будетъ себѣ жить, ни о чемъ не думая... Чего жъ ей еще?..

Дидъ усмихнувся.

— Жыть?—хытнувъ винъ головою.—Яке вже тамъ жыття? Знаю вже я... Правда, спершу то й жыве, а тамъ?.. Эхъ! А Кылына шукае не того... Дивка воли шукае..., щобъ справди жыты...

— А развѣ я ее на вѣки беру къ себѣ?—засміявся панычъ.—Будетъ имѣть воли, сколько угодно...

— Ни!—зитхнувъ Юхымъ—не тои воли.

— Э! ерунда!—перепынывъ ёго офыцеръ.—Ты ей просто скажи все подробно, вотъ и все,—и никакой тамъ воли не нужно... Скажите, нѣжности какія!.. Ха-ха-ха!..

— Добре!—хытнувъ головою Юхымъ и хотивъ йты, але офыцеръ спынывъ ёго:

— Такъ ты это, Юхимъ, сейчасъ постарайся и если того... такъ валяй сейчасъ же ко мнѣ съ ней, я ужъ буду ждать... Понимаешъ? Прямо сюда... Она пусть обождетъ, а ты ко мнѣ...

— Добре, добре!..

И Юхымъ тыхо поплентався до кухни. И де дали йшовъ винъ, то тыхище й тыхище посувавсь. Колы винъ вступывъ у хату, тамъ уже готувалы до вечери—ставылы мыскы на стилъ, ризалы хлибъ то що. Посыдившы трохы мовкы, напружено-задумлыво на лави, дидъ, нарешти, вставъ, походывъ по хати и, зупынывшысь биля Кылыны, тыхо, кризь зубы пробурмотивъ до неи.

— Выйды на часынку на двиръ, маю щось казаты...

Кылына трохы здывовано подывылась на ёго, але мовчкы, непомитно хытнула головою на знакъ згоды. Дидъ поволи запалывъ люльку, походывъ ще по хати и раптомъ, щось згадавшы, прудко полизъ въ кышеню, вынявъ гроши и голосно попрохавъ Грыця збигаты по горилку. Уси ажъ застыглы здывовани. Але Юхымъ, не даючы ніякои одповиди на вси розпытування, весело жартувавъ и обицявъ сю ничъ затопыты горилкою всю кухню. И справди, у голоси ёго чулась якась злистна, запекла ришучисть. Певно, що Грыць не довго вагався,—пакынувъ свыту, схопывъ шапку и въ одынъ ментъ вылетивъ зъ хаты, тильки витеръ пишовъ за нымъ. Останни, писля невелычкои суперечкы зъ Савкою, що хотивъ почынаты заразъ же вечерю, постановылы чекаты на Грыця, а дидъ Юхымъ навить пораявъ, щобъ Кылына, якъ головна представныця интересивъ кухни, заразъ же пишла до экономкы и якымъ небудь способомъ добула сала, яке можна було бъ дрибно покрышыты и добре засмажыты на сковороди. До цеи дорады вси, не включаючы й зрадилого Савкы, прысталы одноголосно, тильки сама Кылына знайшла, що це незручно, бо сёгодня не було ни свята ніякого, ни надзвычайного выпадку зъ жыття. Але колы Юхымъ непомитно моргнувъ ій однымъ окомъ, вона взяла свое слово назадъ и навить, на-

кынувшы на голову свою велыку, темну хустку, заразъ же згодылась иты до экономкы. И справди, подывывшысь пыльно на дида, вона щильно закуталась и повагомъ выйшла зъ хаты. Але Юхымъ щось раптомъ згадавъ и, схопывшы шапку, побигъ за нею. Вона вже чекала на ёго. Дидъ довго не думавъ. Поважно и зъ тою жъ злистною ришучистю винъ переказавъ ій бажання офыцера и, самъ не додаючы видъ себе ни слова, замовкъ.

— Оттаке?!—протягнула здывовано Кылына.—А чорта пухлого винъ не схотивъ бы? Га?.. Ха-ха-ха! Дывы якый!.. Оттакъ знимусь заразъ та й побижу...

Але мижъ смихомъ у неи чулось якесь зтурбовання, хвылювання, якесь вагання, якесь безсылля.

— Бачъ, Кылыно,—тыхо, сумно почавъ дидъ,—я тоби такъ скажу: все одно чы теперъ, чы въ четвергъ, а не мынешъ ты цёго... Не така ты..., щобъ зйихаты на Софійку... Дуже багато сылы въ тебе... Тильки ты не думай, що я за панича стараюсь!—(раптомъ хутко додавъ винъ). Верно, винъ давъ мени на чай, щобъ я тебе пидговорывъ... Та хочъ бы винъ мени й утрое бильше давъ, такъ воно бъ мени не завадыло пиддурыты ёго... Колы жъ правда правдою зостанется... Чы визьме ще тебе Андрій, це ще баба на-двое ворожыла... не такый у ёго й батько... Винъ за копійку сына въ скарбъ оддае, а тутъ наймычку за невистку визьме... Шкода, дивко! . Отъ и выйде те, що мусыть выйты... Бо й ты зъ однои глыны злиплена, що й вси... Мабуть, вже й теперъ до офыцера серце мре? Га?..

— Пхи! — роблено зневажлыво повела плечыма Кылына, але дидъ тильки всмихнувся.

— Ой, не «пхи»...—сказавъ винъ сумно.—Выдно, дивко, выдно... Шо вже тутъ?.. Такъ чы варто-жъ лобомъ стинку быты? Пропадаты такъ хочъ пожыты за те... Эхъ!

Дидъ зъ якымсь одчаемъ махнувъ рукою и въ рухови тому, въ голоси ёго тыхому й хрыпкому чулась та безнадійнисть, яка штовхае й на велыки злочынства и на дрибну бездіяльнисть, и мляву покирлывисть—чулась безсыла злисть, прыдушеный биль...

Кылына мовчкы слухала, не выказуючы ни рухомъ, ни голосомъ, що вона думае про Юхымови слова. Выразу жъ облыччя не можно було роздывытысь. Але Юхымъ якось и не дуже добывався одповиди, наче заздалегидь знавъ іи. Винъ тильки говорывъ. Гунявый голосъ ёго дзвенивъ то злистно, то насмишкувато, то сумно, и малювавъ ій картыны за картынамы. Въ тыхъ картынахъ, правда, спокою не було, не було у ныхъ тыхого, счаслывого затышку, твердои самопевности,—въ ныхъ кыпило жыття, вильне, дыке, шалене жыття.

— Одным словомъ, дивко...—закинчывъ ришуче дидъ,—я тоби ось що скажу: требуй зъ ёго, що можешъ..., колы вже на те йде... Требуй напередъ грошей, 200—300—500,—скильки въ голову прыйде... Требуй кватыру, одижъ.., вына, меду... чорта, биса... Всёго... й жывы! Жывы, покы можешъ жыты... Винъ все зробыть.., бо ажъ горыть... Та й плюнь на все! Эхъ! И я плюну! Загуляю—и чортъ ёго беры все на свити. Гулять—такъ гулять, якъ каже наша Софійка... Ну, й гуляй! Одынъ разъ жывешъ, такъ хочъ разъ же й гуляй!

— Ни!—вмыть трипнула уперто головою Кылына и круто повернулась до хаты.—Краще зъ голоду пропадаты на своій воли та чесно, нижъ оттакъ жыты... Такъ ёму и скажить!—кынула вона гордо и прудко пишла въ сины.

— Оттуды къ бису!—здывовано протягнувъ Юхымъ, певно не сподивавшысь такои одповиди, и помалу й соби пишовъ у хату.

— Погано, погано!—заразъ же добродушно звернувся винъ до Кылыны, яку вже розпытувалы, чого вона вернулась безъ сала.—Не годытся такъ робыты, дивко... То не хоче йты, то зновъ хоче, то впьять не хоче... Якъ та попивна... А сало бъ це згодылось... Ій-Богу! Такъ до чаркы... шматочокъ... Верное слово!.. Гляды, щобъ не жалкувала... Може пишла бъ? Га?—зновъ кынувъ винъ до неи.

— Диду!—зъ ненавыстю позырнула на ёго Кылына.—Не будьте тымъ, що въ болоти сыдыть! Сказала вамъ разъ... Заробыть хочете?.. Чужымъ соромомъ хочете....

Вона нервово одвернулась и почала для чогось зниматы покрышкы зъ казанивъ, зъ якыхъ заразъ же пиднявся вгору стовпъ пары. Дидъ мовчкы подывывся на неи, наче прыголомшеный іи словамы, потимъ раптомъ махнувъ рукою, одвернувся й сивъ на лаву.

— Не хоче!—хытнувъ винъ зъ ніяковою усмишкою на неи головою, звертаючысь до дивчатъ, що булы здываваны трохы и, выдно, ничого зо всёго не розумилы.—Не хоче... Х-хе... Заробыть... Отъ тоби... Такъ... Э-э!.. Все одно! Сёгодня все потопымо, и добре, и погане... не буде вже дида Юхыма!.. Годи!.. Соромомъ... заробыть... Эхъ!..

Кылына роздратовано, нетерпляче-злистно стукала мыскамы, горщыкамы, кочергамы, штовхнула навить разивъ зо два Марынку, яка подывлялась на неи злякано-здывованымы очима. А Юхымъ, одповидаючы усимъ на дывування, що Кылыну нибы щось вкусыло, такожъ нибы загубывъ ривновагу: то весело, нервово жартувавъ и сміявся, то зразу замыслювався й мовчкы задумлыво, похмуро пыхкавъ люлькою.

Раптомъ Кылына кынула ложку на лежанку, вытерла рукы и, пидійшовшы до полу, мовчкы стала напынаты на себе кынуту хустку. Дидъ пыльно понуро почавъ дывытысь на неи.

— Ходимте!—вмыть, повернувшысь до ёго, крыво й ніяково всмихнулась вона.—Я хочу сала!.. Тильки зъ вамы пидемъ до экономкы... Сама не смію!...

И не дывлячысь на здывованыхъ и трохы навить зтурбованыхъ товарышивъ, вона ришуче пишла зъ хаты. Дидъ Юхымъ зъ тымъ же понурымъ и навить суворымъ выглядомъ пишовъ за нею, навить не звертаючы увагы на те, що такымъ своимъ поводженямъ воны дають прывидъ робыты рижни догадкы. Биля стины чорнила высока, дужа постать Кылыны.

— Ведить!—прошопотила вона здавлено... Юхымъ почухався.

— Бачышъ, Кылыно,—понуро й сумно заговорывъ винъ.— Ты краще не ходы... Ій-Богу... Колы ты мени сказала те слово... «соромомъ заробыть»... Мени спершу дуже боляче було, а потимъ... я роздумався... Ты просты мене... знаешъ... эхъ! Однымъ

словомъ, Кылыно, не ходы... Одъ серця тоби говорю... Не треба... Обманыть ще... обдурыть... Ты гаряча...

— Кого? Мене обдурыть?!—скрыкнула вона гордо.—Х-хо!.. Це побачымо ще!.. Ведить, я хочу... Ну, хочу посыдиты зъ нымъ!.. Отъ и все!.. Не зйисть же винъ мене, хè!

Въ голоси іи чулась и ніяковисть, и хвылювання, и злисть, и якась безвыхидnисть.

— Якъ знаешъ...—серьёзно и сумно промовывъ Юхымъ и, постоявшы ще трохы, наче чекаючы видповиди, винъ нарешти повернувся й мовчкы пишовъ до будынку. Кылына за нымъ. Не зустрившы никого, воны добралысь до ганку, биля якого Кылына зосталась, а Юхымъ счезъ у дверяхъ. Хвылыны черезъ дви винъ выйшовъ, махнувъ ій рукою и, колы вона зайшла, не поспишаючы, на ганокъ, винъ мовчкы поступывся, даючы ій дорогу въ сины, и заразъ же, якъ вона ввійшла туды, зачынывъ двери, постоявъ трохы и тыхо пишовъ до кухни.

— А, королева моя!—заразъ же гаряче прошопотивъ у Кылыны надъ вухомъ офыцеривъ голосъ, якъ тильки вона вступыла въ тепли на-пивъ темни сины, въ якыхъ булы прыкручени лампы й не було ни души.

— Пришла все-таки!

И, мицно обнявшы за станъ, винъ обережно повивъ іи черезъ сины, одчынывъ якиєсь двери и нижно пустывъ іи впередъ себе. Кылына ввійшла и заразъ же зупынылась биля порогу, цикаво озыраючысь. Свитлыця була невелычка, але, осяяна блакитнымъ свитломъ гарного, круглого лыхтаря, що звысавъ зи стели, обвишана малюнкамы, кылымамы, обставлена мягкою меблею, вона вся дыхала затышкомъ, тепломъ, пестощамы.

— Гарно у васъ...—тыхо промовыла Кылына, сылкуючыся не дывытысь на ёго.—Любо такъ...

— Развѣ?—прошопотивъ винъ, нахыляючысь до неи и жадибно обнимаючы за станъ.—Хорошо?.. Да?.. Нравится? Славная моя...., гордая.., пришла.

Винъ хотивъ зазырнуты ій въ очи, але вона навмысне закрыла ихъ и, трохы розкрывшы сухи, гарячи губы, зблидшы,

спершысь на стину, мовчкы пидставляла лыце пидъ ёго дыки, жадибни поцилункы.

— Сядемъ...—одкынувъ винъ трохы голову й озырнувся. Вона росплющыла очи и подывылась соби на чоботы, видъ якыхъ на пидлози булы слиды грязи.

— Ногы у мене... чоботы въ болоти...—промовыла вона тыхо.

Винъ подывывся ій на чоботы, потимъ на кылымъ, що бувъ простеленый мало не на всю пидлогу, и, щось згадавшы, пидбигъ до шырокого турецького дывану, що стоявъ биля стины, и пиднявъ щось зъ земли.

— Сбрасывай сапоги! — сказавъ винъ, вертаючысь и держучы въ одній руци гарни вышыти пантофли, а другою зновъ обнимаючы іи. Кылына зъ усмишкою подывылась на пантофли, злегка одвела ёго руку и почала зкыдаты чоботы.

— Ну, вотъ! — завдоволено промовывъ винъ, колы вона поставыла до стины незграбни свои чоботы и всунула хоча невелыки, але груби й червони ногы свои въ мягки, тепли пантофли. — А теперь и сѣсть можно.

И не выпускаючы іи стану зъ обіймивъ, винъ пидвивъ іи до канапкы, обережно посадывъ іи и сивъ самъ поручъ неи, впываючысь блыскучымы, масляными очима въ гарне, зблидле лыце іи зъ выразнымы, дуже червонымы кружечкамы румянцю на щокахъ, зъ велыкымы, сирымы очима, яки, здавалось, потемнищалы й булы глыбши, нижъ разъ-у-разъ.

— Но хорошая же какая!! — зъ захопленнямъ скрыкнувъ винъ, любуючысь нею. — Боже, какая хорошая!

— «Хорошая»... — повторыла вона и соромлыво-ласкаво глянула на ёго — справди «хорошая»?

— Прелесть!!

— И вы хороши... — промовыла вона, не зводячы зъ ёго очей. — Дуже хороши... — Ажъ тутъ болыть — (вона показала на серце) — якъ дывышся вамъ у очи... — И холодно такъ... Гарно...

Винъ радистно засміявся и скажено почавъ цилуваты іи, то одипхуючы, то зновъ забираючы въ обіймы. Вмыть Кылына злегка одипхнула ёго, одсунулась и, проводячы рукою по гарячому лыци й по очахъ, що сталы, якъ пьяни, лукаво промовыла:

— А я жъ все-таки й доси не знаю, чого вы клыкалы мене... Дидъ казалы, дило йе велыке... Ну, що жъ вы мени скажете? чого клыкалы?

— Чого?? — винъ схопывъ іи обома рукамы, прытягнувъ блызько до себе и, щось прошопотившы на вухо, почавъ ще скаженище цилуваты. Кылына хотила вызволытысь, хотила одипхнуты ёго, але винъ ще зъ бильшою сылою, якоюсь божевильною сылою, тягъ до себе и, весь дрижучы, щось шопотивъ ій. Раптомъ вона одхылылась трохы назадъ, схопыла ёго голову и, подывывшысь въ ёго затуманени очи, дыко, несамовыто вгрызлась губамы въ гарячи уста ёго й замерла; потимъ зновъ одхылыла, зновъ глянула и знову застыгла довгымъ поцилункомъ. Потимъ вмыть дуже шарпнулась, вырвалась и, одстрыбнувшы, стала на ногы, дывлячысь на ёго якымсь зляканымъ, пьянымъ поглядомъ. Винъ, щось бурмочучы, хотивъ знову схопыты іи, але вона хутко ступыла ще трохы назадъ и, тремтячы вся, зашопотила:

— Ни, ни, ни!.. Буду крычать... Сыдить тыхо... Я щось хотила вамъ говорыты... Забула...

Вона провела тремтячею рукою по дуже блидому лыци и напружено задумалась, важко дыхаючы.

— Ахъ, да оставь... Кылына!.. Ну, иди же... — якось простогнавъ винъ, але вона вмыть пидняла голову, якось чудно глянула на ёго и, зразу жъ зъ блидои зробывшысь вся червона, якось одрывысто й холодно почала:

— Слухайте, паничу: колы я йшла до васъ, я... хотила вамъ .. (голосъ у неи перерывався часто, нибы ій важко було говорыты)... ось що сказать... Вы... переказуете... черезъ дида, що... визьмете мене зъ собою, колы... я... колы я... ну, колы я стану... вашою... полюбовныцею... Такъ?

— Ну, такъ... Ахъ, оставь ты это... — протягнувъ винъ зъ мукою рукы до неи, але вона одступыла ще на ступинь и ще холоднище, ще суворище провадыла дали:

— Казалы, що дасте кватыру и... все... Такъ?

Винъ трохы розумнище й здывовано подывывся на неи.

— Такъ?

— Н-ну... та-акъ... Это все?..

— Ни... Пидождить...

Лыце іи де-дали ставало холоднищымъ, якымсь напружено-ришучымъ. Губы складалысь якось терпко, твердо, лыце знову стало блиде, ажъ жовте, але се надало ій нибы ще бильше красы.

— Вы говорыте «такъ»?.. Ну, такъ отъ же що!.. Вона на хвылыну зупынылась, мовъ не маючы сылы дали говорыты, але вмыть почервонила знову вся й, ришуче, уперто зупынывшы на ёму поглядъ, заговорыла: Такъ слухайте... Вы кажете, що любыте мене... Я цёму не вирю... И сама васъ не люблю... А вы хочете мене за полюбовныцю взять... Такъ? Ну, такъ отъ що: визьмете мене въ городъ, дасте мени кватыру..,—вона на ментъ зупынылась,—даете мени въ рукы 300 рублывъ... Чуете? и тоди... тоди я васъ слухатымусь... Отъ все... Хочете, то...

Выдно було, що ій було безмирно тяжко; вона нервово давыла соби одною рукою пальци другои рукы, очи ій ніяково ходылы по кимнати, груды важко й нервно здіймалысь, сама стала зновъ мертво-блида. Зупынывшысь, вона подывылась ёму въ лыце, яке стало те жъ спокійнище й дуже здывоване, и не знаючы, що дали говорыты, зъ мукою почала ще дужче давыты пальци.

— Х-мъ... Такъ вотъ ты какая!.. — насмишкувато промовывъ нарешти офыцеръ, цикаво дывлячысь на неи. — Я и не зналъ... Думалъ, въ самомъ дѣлѣ... невинная... А ты бывалая, значитъ... Кто жъ это тебя такъ научилъ? а?.. Молодчина! . Х-мъ... Винъ вытягнувъ одну ногу, захытавъ нею и любуючысь іи мукою, погладывъ вуса... Недурно придумала... Откровенно... Ну, и не стыдно жъ тебѣ? а? А стыдъ то свой...

Кылына вмыть здригнулась вся, спалахнула на все лыце полумьямъ, блыснула въ его очима й, якъ выхоръ, повернувшысь, кынулась до дверей зшпурнула зъ нигъ своихъ пантофли и дрижачымы рукамы хутко, нервно почала взуваты чоботы. Офыцеръ зпершу шыроко, злякано розплющывъ очи, потимъ схаменувся,

кынувся до неи й, умовляючы, прохаючы выбачення, хотивъ зновъ обняты іи, але вона такъ повела всимъ тиломъ, такъ позырнула на ёго, що винъ ажъ одступывъ видъ неи трохы.

Выпустить мене! — хрыпнула вона, узувшы чоботы й выпрямляючысь.

— Да что съ тобой? Кылына! Да плюнь!.. Я согласенъ, я на все согласенъ... Я вѣдь... Завтра же...

— Пустить, я вамъ кажу, а то буду крычать!!—прошопотила вона зъ такымъ вогнемъ ненавысты, що винъ тильки зъ острахомъ и дывуваннямъ подывывся на неи, потимъ поспишно вызырнувъ у двери, чы нема кого въ синяхъ, и мовчкы пишовъ упередъ. Кылына, закутавшысь по сами очи въ хустку пишла за нымъ. Одчиняючы вже двери, що велы на двиръ, винъ ще разъ несмило спробувавъ обняты іи, щось шопочучы на вухо, але вона дуже одипхнула ёго, шарпнула двери и выскочыла на ганокъ. Мало не перестрибнувшы черезъ вси схидци, вона хутко пишла вгору, не озыраючысь и щильнище кутаючысь въ хустку. Ввійшовшы въ кухню, вона заразъ же звернулась до дида и голосно промовыла:

— Нема, диду, сала и не буде! Будемо й такъ!

Вси вже сыдили за вечерею и мовъ по команди повернулы до неи головы. На столи стоялы мыскы зъ кандёромъ, лежавъ поризаный хлибъ и блыщалы дви велыки пляшкы горилкы.

— Та-акъ?—протягнувъ дидъ, задержуючы на-пивъ дорогы ложку.—Ну, й слава Богу!—хытнувъ винъ зъ якоюсь полегкистю въ голоси.—Хай ёму бисъ зъ ихнимъ саломъ! Сидай краще вечеряты... Нашы вже тутъ думалы, що ты на село вже пишла..

Але «наши» выдно не тильки сé одно думалы, а кожный, пэвно, гадавъ про себе рижне. Але Кылына, не одмовляючы ничого ни на розпытування, ни на хытри пидступы й догадкы, пидійшла до жердкы, нервово скынула зъ себе хустку и якось чудно посмихнулась. Потимъ озырнувшысь по хати, помитыла Андрія, що не сыдивъ разомъ зо всима, а зъ похмурымъ выглядомъ ходывъ по хати, нахмурылась и, кывнувшы ёму головою, одійшла до дверей.

— Ну? — тыхо, але зъ напруженымъ чеканнямъ кынула вона, якъ тильки винъ пидійшовъ до неи. Биля столу зачувся зъ ихъ смихъ и выгадкы.

— Говорывъ... — заговорывъ Андрій жыво й повеселищавшы зразу. — Батько зхыляются...

— Зхылится?

— Ій-Богу... Тильки, кажуть, чого це така нетерплячка взяла мене... Ну, й той... и кажуть пидожды до осены... Якъ жныва покажуть... Ну, а жныва...

— Ха-ха-ха! — не слухаючы ёго дали, голосно зареготалась вона и, ажъ хытаючысь всимъ своимъ дужымъ, стрункымъ станомъ, одійшла видъ ёго.

— Та пидожды, послухай!— скрыкнувъ напивъ ображено, напивъ злякано Андрій, але вона тильки ще голоснище выбухнула нервовымъ смихомъ и, махнувшы рукою, пидійшла до столу.

— Чуете, диду!—крыкнула вона, сміючысь. — Кажуть люде, що брехня правдою хоче буты! Ха-ха-ха! Налыйте мени, диду, чарку.., змерзла... треба хочъ погритысь... Вси холодни таки... Отъ тильки Грыць теплый!.. Правда, Грыцю? — сидаючы бокомъ до Грыця й обнимаючы ёго за груды, зазырнула вона ёму въ лыце. Грыць спершу здывувався, потимъ поклавъ ложку, втерся й засміявся. Выдно було, що ёму стало й ніяково и прыемно. Тымъ часомъ Юхымъ мовчкы взявъ чарку, налывъ іи и такожъ мовчкы подавъ іи Кылыни, яка сыдила спыною до столу й не бачыла того. Замисць неи чарку взявъ Грыць и, одхылывшысь трохы, пиднисъ Кылыни.

— А! — скрыкнула вона, беручы чарку й встаючы. — Будьмо здорови!

И по-парубоцькы перехылывшы чарку въ ротъ, ковтнула, скрывылась и, не закусюючы, простягла руку зъ чаркою знов до дида.

— Ще? — пиднявъ винъ на неи очи зъ тымъ же серьёзнымъ и похмуро сумнымъ выразомъ лыця.

— Ще! — засміялась вона. — Будемъ гулять!.. Ха-ха-ха! Чого вы вси вытрищылысь... Хиба й я не можу горилкы пыты?.. Ого!.. Лыйте, диду, лыйте! Нема сала, такъ хочъ горилка йе... Ха-ха-ха!!.

Навить Трохымъ трохы зтурбовано зупынывъ на ній свои похмури, сувори очи и де-кильки хвылынъ не одводывъ ихъ видъ іи дуже блидого лыця, на якому грало щось неспокійне, боляче.

Дидъ налывъ, поставывъ на мисце пляшку и знову взявся за ложку.

— А ты, Софійко, пыла? — держучы чарку и дывлячысь на Софійку, спытала Кылына.

— Пыла! — роблено-весело мотнула та головою, не дывлячысь на неи.

Кылына зновъ перехылыла чарку, ковтнула и ажъ здригнулась всимъ тиломъ.

— Н-ни! — поводячы зъ огыдлывистю плечыма й ставлючы на стилъ чарку, промовыла вона. — Пагана дуже!.. Брр... Якъ вы пьете іи?..

— Кылыно! — вмыть почувся позадъ неи зворушеный, дрижачый голосъ Андрія. Кылына повернулась.

— Чого тоби? — холодно озырнула вона его зъ нигъ до головы.

— Йды, я тоби щось скажу... Ты жъ не дослухала...

— Писля жнывъ скажешъ! — сухо, терпко кынула вона й одвернулась. Андрій густо почервонивъ, але якъ стоявъ, такъ и застыгъ, дывлячысь ій въ спыну. Потимъ хутко повернувся, одійшовъ до полу и мовчкы сивъ на его.

— Ха-ха-ха! — зареготався Трохымъ, зазыраючы повзъ Кылыну до Андрія. — Що? Опикся, небораче? Постуды тропкы, смачнище буде!.. Ха-ха-ха!..

— А тоби чого?... Вовкъ! — гнивно глянула на его Кылына.—Жеры онъ тамъ!

Андрій голосно, гыдко, вылаявъ его на всю хату. Трохымъ зразу переставъ сміятысь.

— Що-о?! — въ одынъ ментъ посынившы й дыко блыснувшы очима, прошопотивъ винъ. — Ты будешъ лаяться?!

И тыхо, поволи пидвившысь, зигнувшысь, выпнувшы впередъ голову, якъ той звиръ, що збирается кынутысь на ворога, винъ уставъ и почавъ вылазыты зъ-за столу. Якъ и въ той разъ, колы винъ грызъ шыю Рухли, на выскахъ ёму повыпыналысь жылы, зъ носу выходыло важке, часте сопиння, губы побилилы, а въ очахъ бигало щось фосфорычне й страшне. Уси затурбувалысь. Киндратъ зробывся серьёзнымъ и пыльно дывывся на ёго, Грыць и соби чогось уставъ, Петрыкъ одсунувся видъ столу й одійшовъ до полу, мовлявъ, «моя хата зъ краю»; навить Савка поклавъ ложку и разомъ зъ дивчатамы злякано дывывся то на Андрія, то на Трохыма. Тильки дидъ Юхымъ наче ничого не бачывъ и не чувъ: уперто-похмуро носывъ соби ложку одъ мыскы до рота и тильки голосно сопивъ носомъ. Темна постать Андрія зъ ледве выднымъ облыччемъ не ворушылась на полу.

— Ты ще будешъ тутъ лаяться?—тыхо, зъ свыстомъ якымсь прошыпивъ зновъ Трохымъ, вылазючы зъ-за столу й поволи пидходячы до полу.

— А ты що таке? Панъ велыкый? — зачулось видъ Андрія, але голосъ ёго хоча й гучавъ задырлыво, выявлявъ не то страхъ, не то ніяковисть.

— Покынь ёго! — похмуро промовыла Кылына до Трохыма. — Не чипай.

Трохымъ наче не чувъ, навить не подывывся на неи; не спускаючы зъ Андрія очей, звисывшы якось ривно руки по стану, винъ ишовъ просто до полу все бильше й бильше нахыляючыся впередъ, мовъ збираючысь раптомъ стрибнуты и впытысь тому зубамы въ груды. Вмыть Кылына хутко зайшла попередъ ёго, стала передъ самымъ ёго лыцемъ и, беручы ёго за рукы трохы выще лiктя, мягко промовыла:

— Не треба, Трохыме... Сядь... Хай соби...

— Пусты! — скыдаючы іи рукы, хрыпивъ винъ и хотивъ помынуты іи, але вона зновъ переступыла ёму дорогу и ще мягче сказала:

— Ну, я просю тебе, Трохыме... Зробы для мене. Покынь... Иды вечеряй... Ну, зробы жъ хочъ разъ, колы тебе просять...

Трохымъ вмыть мовчкы круто повернувся, пидійшовъ до столу, мализъ на свое мисце и, не дывлячысь ни на кого, похмуро почавъ йисты. Юхымъ тильки зыркнувъ на ёго и зновъ звернувъ всю свою увагу на кандёръ. Вси легче зитхнулы. А Кылына пидійшла до Андрія, щось сказала ёму и пишла зъ хаты. Андрій схопывъ свыту, шапку й поясъ и соби пишовъ за нею.

Вернулась Кылына сама. Вона нибы заспокоилась и не сміялась тымъ нервовымъ, чуднымъ смихомъ, а навпакы ступала дуже спокійно, мягко, тильки бровы булы насуплени якось твердо, суворо-рипуче, наче вона щось постановыла и тильки чекае теперъ, що буде дали. Не вважаючы на жарты товарышивъ зъ прыводу балачкы зъ Андріемъ, вона спокійно одмовылась видъ горилкы, яку пиднисъ ій Грыць, и тильки пидсила до кандёру. Пойившы трохы, вона поклала ложку, встала, перехрыстылась до Трохыма, що сыдивъ пидъ образамы, и одійшла до полу.

— Сметану йистымете? — звернулась вона до Панаса. Той заворушывся, повернувъ трохы голову, що ледве темнила за билымъ верхомъ кожуха, и прошопотивъ:

— Спасыби... Колы йе, дай трохы... Добра ты, Кылыно...

Вона, не хапаючысь, взяла ложку й полумысокъ зъ мысныка, выйшла зъ хаты й незабаромъ вернулась зъ сметаною, яку разомъ зъ шматкомъ хлиба поставыла биля Панаса. Винъ пидвився трохы, поставывъ полумысокъ биля себе и, обережно вмочаючы хлибъ у сметану, почавъ йисты. Въ хати трохы утыхло, потимъ балачка потроху знову почалась, закружляла чарка, заблыщалы очи, посыпалысь жарты спершу на Кылыну й Андрія, потимъ на Петрыка й Саньку, дали на кого попало, задзвенивъ смихъ, зачулыся писни, — голота загуляла. Забулыся сваркы, забулысь прыгоды, счезло горе, запанувавъ одынъ буйный, душный чадъ, що налывся въ серце дыко-веселого чуття, що мишае думкы, вкрывъ темною запоною будуче й ховае въ пьянимъ забутти мынуле. Загуляла голота. Спершу трохы здержувалысь черезъ Панаса, але якъ спорожнено одну кварту чаду й почато

було другу, товарыство вже ничого не бачыло й не чуло, кримъ якогось туману въ очахъ та шуму у вухахъ. Навить Трохымъ розвеселывся: зъ дуже почервонилымъ лыцемъ, на якому ще выразнище теперъ выступало рябототыння, зъ прыпухлымы трохы губамы, яки наче хтось помазавъ саломъ, и блыскучымы очима, винъ жорстко сміявся дрибнымъ смихомъ и часто стукавъ кулакомъ по столи, але стукавъ та́къ, що ажъ мыскы пидскакувалы. Марынка, яку й сёгодня пидпойилы, тежъ розвеселылася и навить стала ґговорыты щось про «мындаль», але колы Трохымъ пыльно, гостро глянувъ на неи, збентежылась и почала щось бурмотаты про панивъ. Потимъ раптомъ замовкла, очи, що булы розгорилыся, посовилы, потухлы, все худе лычко іи ще бильше зблидло, укрылось холоднымъ потомъ, вона почала блюваты... Іи схопылы, однеслы зо смихомъ до лежанкы и поклалы на земли. Колы вона нарешти безсыло схылылась на другый бикъ и хотила заснуты, іи зновъ взялы, поклалы на пилъ и вкрылы чыимсь кожухомъ. Вона заразъ же й заснула. Кылына жъ хочъ постелылась на лежанци и навить лягла, выдно було, не спала. Колы знадвору доходывъ якыйсь гоминъ, або хто проходывъ повзъ викна, вона трохы пидводыла голову, прыслухалась и зновъ лягала. А голота гуляла. Дидъ Юхымъ перейшовъ уже «гряныцю» и наче зминывся весь. То, звычайно, винъ говорывъ и рухався поволи, поважно, спокійно, а теперъ нибы хто налывъ ёму въ жылы молодои, гарячои кровы. Завзято взявшысь одною рукою у бокы, а другою пиддержуючы люльку, винъ жваво водывъ головою, стрилявъ очима и залывчасто-шыроко сміявся. И хоча товарыство було здебильшого не въ такому стани, щобъ помичаты що небудь, все такы звернуло увагу, що дидъ переродывсь.

— Х-ха!—гордо хытнувъ головою Юхымъ, колы Софійка обняла й поцилувала «дидуся за те, що воны таки сталы молоди».—Я, дивко, ще не такый бувъ... Ого!.. Я тоби говорю!.. Стій, стій, стій!..—повивъ винъ рукою, наче спыняючы когось, хочъ нихто ёму не перечывъ.—Стій, ты слухай мене... Я, братъ... Колы я молодой бувъ...

И почыналось оповиданя якои-небудь плутанои, довгои «сторіи». Товарыство зпочатку слухало пыльно, потимъ хто-не-

будь про щось заговорювавъ, и почынався регитъ, спивы, жарты. Нарешти почалы розходытысь спаты; спершу пишовъ Савка, потимъ Трохымъ, дали Петрыкъ та Санька, яка була зовсимъ пьяна видъ «прыгублювання» и говорыла Петрыкови зъ докоромъ про якусь любовну сцену. Осталысь тильки Юхымъ, що тежъ прыкуньявувъ и щось мымрывъ про себе, та Грыць, Киндратъ и Софійка, яка сыдила мижъ сымы двома, обнявшы кожного и схыляючы то до одного на плече свое зашариле, гаряче лыце зъ сонными, млявыми очима й вохкымы губамы, то до другого. Воны вси трое похытувалысь зъ боку въ бикъ и хрыплымы, розбытымы голосамы спивалы:

На ё-омъ памятны-ыкъ чы-ы-жо-о-олый.
Девя-а-носто-о се-емъ пудо-о-о-овъ,
Девя-а-но-сто-о семъ пудо-о-въ...

. . . .

Колы Андрій, вернувшысь зъ села, ввійшовъ у хату, вси вже спалы: дидъ Юхымъ, схылывшысь на стилъ, Софійка, обнявшысь зъ Грыцемъ, дали биля столу; Киндратъ на лави, звисывшы ногы и поклавшы голову на руку. Гасъ у лампочци выгоривъ и вона ледве-ледве блымала и чадила нагорилымъ копотомъ. Въ хати смердило горилкою, людськымъ дыханнямъ, потомъ, гасомъ. Було душно и важко дыхаты.

Андрій тыхо пидійшовъ до лежанкы й зупынывся биля Кылыны. Вона дыхала ривно и спокійно. Постоявшы трохы, винъ несмило торкнувъ за плече и злегка похытавъ іи. Кылына вмыть заворушылась, пидвела трохы голову и, помитывшы якусь постать биля себе, суворо спытала:

— Ну, чого?

— Це я... Андрій—прошопотивъ винъ.

Кылына прыдывылась блыжче и, пидвившысь, сперлась на ликоть. Потимъ озырнулась навкругы, прыслухалась и тыхо спытала:

— Чого такъ пизно? Ну, що?

Андрій не зразу одмовывъ. Наче збираючысь зъ думкамы, винъ нахылывъ трохы голову, потеръ лоба и тыхо почавъ:

— Бачъ, Кылыно, я все думавъ теперъ... Туды йшовъ та думавъ и назадъ... Ты зовсимъ мене не любышъ, а хочешъ, щобъ я тебе бравъ... Якъ... якъ же це буде такъ?

— Ну?—суворо кынула Кылына.

— Ну, та й... що жъ це... Зъ татомъ я говорывъ, воны зхыляются, щобъ и теперъ... Тильки хотять ще трохы обдывытысь... А що тильки було вдома!.. Маты мало не былысь зъ татомъ. Братъ хотивъ мене выгнать... Я ажъ за нижъ ухопывся...

— Невже?—тыхо спытала Кылына и, нижпо поклавшы ёму на плече руку, мягко прытягнула до себе; але Андрій поволи вызволывся и тремтячымъ голосомъ заговорывъ дали:

— А потимъ я ставъ соби думаты: навищо оце все? Вона все одно не любыть мене, при всихъ сміется, глузуе зъ мене... Ты жъ мене не любышъ? Не любышъ, правда?

Кылына помовчала трохы, потимъ озырнулась, прыслухалась и, подумавшы, заговорыла:

— Ты знову про це... Ну, скажу тоби и теперъ: не люблю... Пидожды! Ну, не люблю... А чому не люблю? Тому, що не вирю тоби.., никому не вирю. Хиба я знаю, чы ты справди любышъ мене, чы тильки такъ... хочешъ погулять зъ... голодрабкою... Пидожды, дай договорыты!.. Що правда, то правда!.. Отъ и не люблю черезъ це... Не можу прямо... Хотила бъ, може, и сама, такъ не можу... Якъ подумаю соби тильки, що обманыты думаешъ, такъ така злисть бере, що... Яке жъ уже тутъ кохання?.. Просто не можу... Не можу, якъ други дивчата тамъ; хочъ и не дывытся на неи, а вона все такы ажъ упадае за нымъ... А я не можу такъ... Не любышъ? И не треба? У мене таке серце,—якъ бачу, що хтось до мене зъ щырымъ серцемъ, такъ я до ёго ўдвое; ну, вже колы й бачу, що зломъ дыхае, такъ и я не кохатыму... А ты... Я не знаю... Ты любышъ мене не для мене, а для себе... А такои любовы багато знайты можно... Ну, и сама вже не можу... Отъ тоби и вся правда... Хочешъ—беры, хочешъ—ни. Я не обманюю тебе... Визьмешъ—буду любыты такъ, якъ никого не

любыла, бо бачытыму, що любышъ мене не тильки для себе, а и для мене...

Панасъ заворушывся, захрыпивъ и глухо закашлявся. Кылына замовкла, и обое довго чекалы, покы винъ змовкне.

— Такъ отъ, якъ хочешъ,—проговорыла зновъ Кылына, колы Панасъ заспокоився.—Колы вирышъ мени—беры, а ни... то такъ и кажы. Вирышъ?

Вона зновъ прытягнула ёго до себе и, поклавшы ёго руку соби за спыну, почала потыху гладыты ёго мягке, шовкове волосся.

— Ну, вирышъ, чы ни?

— Вирю,—прошопотивъ винъ и, прытулывшысь ій головою до грудей, замеръ.

— А чы не пора бъ уже спаты!—раптомъ зачувся зъ полу похмурый, злистный голосъ Трохыма —Ни въ день, ни въ ночи нема покою одъ ихъ...

Кылына спокійно, поволи одвела ёго голову одъ грудей, прытягла іи до свого лыця и безгучно впылась ёму въ уста. Потимъ такожъ поволи одвела зновъ и, злегка одипхнувшы ёго, прошопотила:

— Ну, годи... Иды спать.

Андрій, якъ пьяный, одійшовъ одъ неи, вылизъ на пилъ и не роздягаючысь лигъ биля Савкы. Лампочка почала часто моргаты, наче тильки и чекала, щобъ Андрій лигъ уже, потимъ тыхище, ридше и ридше и, нарешти, клипнула въ-останне и погасла; тильки у тьми замисць неи червонивъ на столи нагорилый кгнитъ.

Вси ще спалы, колы Трохымъ, розбудывшы Юхыма, почавъ ёму щось тыхо шопотиты. Той сивъ на лаву, почухався, протеръ заспани очи и хрыпло спытавъ:

— Хиба вже?

Трохымъ тильки головою хытнувъ и мовчкы показавъ ёму невелычку, зелену скрыньку, що стояла пидъ лавою биля жердкы.

Въ хати було вже зовсимъ выдно. Юхымъ уставъ зъ-за столу, глянувъ на сонне товарыство и усмихнувся. Але не встыгъ винъ взяты кухоль въ рукы, щобъ умытысь, якъ у хату ввійшовъ несподивано... Халабуда. Зробывшы де-кильки крокивъ, винъ зупынывся, здывовано пиднявъ бровы и, дывлячысь на Грыця и Софійку, яки порозкочувалысь вже и одынъ32 зализъ ажъ пидъ стилъ, а друга пидъ лаву,—одеревенивъ.

— А... ето жъ по какому?—нарешти опамьятався винъ и повернувся до Юхыма, якый усмихаючысь дывывся на його.—Какъ же это воны сплять до такой поры? Я вже думавъ, що тутъ провалылысь уси кудысь.

Замисть одповиди Юхымъ вмыть хытнувъ ёму таемныче головою и поманывъ за собою изъ хаты.

— Що таке?—ще бильше здывувався той. Але Юхымъ зновъ хытнувъ ёму и пишовъ озыраючысь у сины. Халабуда стыснувъ плечыма, але пишовъ все-такы. Хвылыны черезъ тры Юхымъ вернувся, але безъ Халабуды вже. Моргнувшы Трохымови, винъ пидійшовъ до Кылыны и почавъ будыты іи. Вона довго не прокыдалась, потимъ, колы Юхымъ не на жартъ штовхнувъ іи въ бикъ, зразу пидвелась, озырнулась и здывувалась, що вона могла такъ заспатысь. Потимъ дидъ пидійшовъ до Грыця и почавъ штовхаты його ногою. Грыць зпершу щось бурмотивъ, цмокавъ губамы, потимъ помалу пидвився и сивъ падъ столомъ. Здывовано озырнувшысь, винъ рантомъ одкынувся назадъ и весело, гучно на всю хату зареготався. Видъ його смиху навить прокынувся Киндратъ. Нарешти повставалы вси, зъ сонными, мутными очима, зъ попухлымы носамы, зъ пересохлымы губамы, сердыти, зли, розкудовчени, брудни. На слова Юхыма, що бувъ Халабуда и лаявся дуже, де-хто усмихнувся, де-хто вылаявся, де-хто почухався, але нихто не хапався до роботы. Савка ухопывъ шматокъ хлиба и, сопучы, почавъ намынаты його; але, пожувавшы трохы, поклавъ на стилъ, зитхнувъ и промовывъ:

— Я бъ це кыслого чого зъивъ бы... Нема, Кылыно?

— Казало, що буде!—весело засміялась та, вытыраючы мокре лыце брудным рушныком и вызыраючы зъ-за ёго своимы велыкымы, гарнымы очима, яки дывылысь сёгодня якось надто жваво, бадёро и весело.

— Да-а.., це бъ огирка солоного не погано бъ... Проквасыты душу,—скребучы нигтемъ брову и поглядаючы чогось на пилъ, протягъ роздумлыво Юхымъ. Потимъ хытнувъ ришуче головою, пидийшовъ до свого «пальто» и, вытягшы зъ ёго пляшку зъ недопывкамы горилкы, подывывся на всихъ, перехылывъ іи въ ротъ и заклякъ. Було чуты тильки «буль, буль, буль»! Колы булькання зтыхло, винъ одтулывъ пляшку видъ рота, подывывся черезъ свитъ на дно, перехылывъ зновъ у ротъ, потрусывъ пляшкою и, подывывшысь знову на неи, сховавъ іи въ «пальто», утерся и завдоволено крекнувъ:

— Отъ теперъ нибы зовсимъ друга прыпорція,—весело хытнувъ винъ головою.—Теперъ можно и пидождаты трошкы.

Винъ хотивъ ще щось говорыты, але глянувъ у викно и здывовано промовывъ:

— О! Дывы... А чого це такъ рано паны до насъ?

— Де? Куды? Яки паны?—посыпалысь зтурбовани пытання, але не встыглы дизнатысь, якъ у хату ввийшлы: попереду Халабуда зъ поважным и погрозлывымъ выглядомъ, дали офыцеръ въ шынели на опашку и вчытель. Останни обыдва, выдно, и не вмывалысь, бо облыччя булы помьяти, сонни, тильки вуса въ офыцера булы розчисани, якъ слидъ. Звернувшысь до здывованыхъ робитныкивъ, Олександръ зъ липывою зневагою выяснывъ имъ, що ёму стало видомо, нибы вкрадена «мындаль» знаходытся теперъ у ныхъ на кухни, а черезъ те нихто хай не выходыть зъ хаты, покы не буде скинчено трусъ. Хытнувшы потимъ мовчкы головою Халабуди на робитныкивъ, винъ неспишно озырнувся, поводывъ байдуже очима по хати и зупынывъ поглядъ на Кылыни, яка, зустривщысь зъ ёго поглядомъ, спершу одвернулась була, але заразъ же подывылась зновъ, наче не маючы сылъ боротысь, дуже зблидла и застыгла у погляди. Офыцеръ ледве всмихнувся, одвернувся, байдуже подывывся по стели, позихнувъ,

прыкрывшы рота трёма пальцямы, и повернувся до Халабуды, якый вже старанно порався биля Трохыма, щильно облапуючы ёго зъ головы до нигъ. Той усмихався якоюсь похмуро-завдоволеною всмишкою и покирлыво повертався на вси бокы. Биля ныхъ стоявъ вчытель и, жадибно дывлячысь за кожнымъ ихнимъ рухомъ, нетерпляче топтався кругъ ихъ.

— Нѣтъ?—спытавъ офыцеръ, колы Халабуда взявся до Савкы.

— Никакъ нетъ!—озырнувся той и, кынувшысь до Савкы, почавъ ще старашнище шукаты. Не знайшлось и у Савкы, якъ не знайшлось и въ останнихъ.

— Вещи пересмотри!—холодно кынувъ офыцеръ, колы вси булы обшукани. Кынулысь до шмаття, до одежы, перетрусылы все и перейшлы до скрынь, якыхъ було тильки дви: бильша, жовта—Кылынына, и менча, зелена—Андріева. Вытяглы зпершу зелену и почалы выкладаты на лаву сорочкы, хусточкы, рижну дрибныцю. Потрусывшы одну сорочку, потимъ другу, Халабуда раптомъ нахылывся и, пидиявшы зъ земли якусь ганчирку, розгорнувъ іи, глянувъ и, весь просіявшы, кынувся до Олександра.

— Ваше благородіе!.. Знайшлась... Вотъ!—скрыкнувъ винъ радисно и подавъ тому ганчирку. Панокъ кынувся и, выхопывшы зъ рукъ офыцера орденъ, обдывывся, наче неймучы виры своимъ очамъ, и показавъ ёго Олександрови.

— Дѣйствительно!.. Посмотрите... Очень радъ... Очень радъ... Это просто... Очень благодаренъ вамъ!—звернувся винъ до прыкащыка, якый трошкы выпрямывся и серьёзно сказавъ:

— Не стоить благодарности за такыи малости!

— Ну, какъ же не стоитъ?—радистно-збентежено пробурмотивъ той, звертаючысь до Олександра и любовно дывлячысь на хрестъ, якый той зъ усмишкою повертавъ у пальцяхъ.

— Удивительно? Правда?

— Д-да...—протягнувъ нарешти офыцеръ и, зробывшы раптомъ серьёзне и гризне лыце, повернувся до всихъ и строго спытавъ:

— Чей это сундукъ?

Вси зразу подывылысь на Андрія, якый, якъ тильки зъ ёго сорочкы выпала «мындаль», здывовано-переляканo пиднявъ бровы и страшенно почервонивъ увесь. Покы жъ роздывлялысь на хрестъ, винъ прудко бигавъ по всихъ очима, наче пытаючысь, якъ се воно могло статысь такъ, що вкрадена «мындаль» опынылась у ёго въ скрынци; але вси мовчкы и такожъ здывовано дывылысь одне на одного и нихто навить не рушывся на своёму мисци. Андрій глянувъ на Юхыма, той здывовано стыснувъ до ёго плечыма, глянувъ на Трохыма, той тильки похмуро-радистно всмихнувся до ёго; глянувъ на Кылыну и ще дужче почервонивъ увесь,--вона, блида вся, якъ стина, зъ шырокымы очима, пыльно дывылась на ёго. Але зачувшы пытання офыцера, винъ прокашлявся и, запынаючысь, сказавъ:

— Це мій... сундукъ. Тильки я не бравъ цiи мындали... Я и не знаю, якъ вона... Це хтось пидкынувъ мени...

— Да?--иронычно-холодно промовывъ Олександръ.--Странно! Кто-то, значитъ, спеціально кралъ для того, чтобы подкинуть тебѣ? Удивительно!.. Но... довольно... Кто тебѣ далъ этотъ... эту медаль?

— Мени нихто не дававъ... Я не знаю... Ій-Богу, не знаю... Отъ вамъ хрестъ святый, що и не знавъ, що вона у мене въ скрыньци...—зъ одчаемъ скрыкнувъ Андрій и ажъ перехрестывся до образивъ. Верхня, пиднята губа ёму дрижала, на лоби выступывъ питъ, очи булы шыроко розплющени и дывылысь злякано и напружено.

— Ну, однимъ словомъ, не хочешъ сказать!—повертаючысь до Халабуды, сказавъ офыцеръ.—Хорошо... Это разберетъ судъ... Взять его и отправить къ старостѣ.. П-под-леццы!

— Вы хотите его... предать суду?—жыво спытавъ учытель, якось зтурбовано дывлячысь на Олександра.

— Конечно!—здывовано скрыкнувъ той.—Не по головкѣ же его погладить за это?!

— Да...—замнявся той и понызывъ голосъ.—Но видите ли... Я просилъ бы васъ... э... пустить его и... не подымать этого дѣла... Начнется слѣдствіе, вызовутъ меня, васъ, подымется, цѣ-

лый скандалъ... Мнѣ это ужасно непріятно.—Пожалуйста... Я согласенъ, преступленіе, такъ сказать, съ поличнымъ. Но понимаете, этотъ комичный характеръ. Все это... Бо́гъ съ нимъ! Пустите ёго!..

— Х-мъ...

— Пожалуйста, я васъ прошу...

Офыцеръ замыслывся.

— Ну, хорошо...—стыснувъ винъ плечима и подавъ орденъ, якого той обѐрежно пидхопывъ и разомъ зъ ганчиркою пхнувъ у кишеню.—Пусть такъ, хотя... знаете... но все равно... Ну, слушай ты!—звернувся винъ раптомъ до Андрія.—Слушай сюда... Этотъ баринъ проситъ за тебя... Слышишь?.. И я отпускаю тебя и не предамъ суду... Понимаешь?

— Колы жъ я не бравъ!—скрыкнувъ Андрій. Офыцеръ скыпивъ.

— Молчать!!—грымнувъ винъ, зчервонившы разомъ.—Негодяй! Его отъ тюрьмы освобождаютъ, а онъ еще продолжаетъ нагло врать тебѣ въ лицо... Меррзавецъ!.. Выгнать его сейчасъ съ собаками изъ экономіи и не дать ему ни копѣйки! Забирай свои паскудныя вещи и въ одинъ мигъ маршъ отсюда... Скоти-и-на!

Андрій хотивъ щось говорыты, але, глянувшы на офыцера, хаплыво нахылывся и тремтячымы рукамы почавъ зкыдать у скрыньку розкыдани речи. Замкнувшы скрыньку, винъ скоса подывывся на «паныча», якый не зводывъ зъ ёго очей, и пидійшовъ до полу. Склавшы въ купу кожухъ, пиджакъ, ще де-яки речи, винъ хапаючысь натягъ свыту, такъ-сякъ пидперезався, схопывъ пидъ одну пахву скрыньку, а пидъ другу клунокъ и, не дывлячышъ ни на кого, мовчкы, червоный, переляканый, пишовъ изъ хаты. Вси провелы ёго очыма и заразъ же перевелы поглядъ на панивъ.

— Мер-ррзавцы!—промовывъ кризь зубы офыцеръ, повертаючысь, щобъ выходыты, але Халабуда крекнувъ, переступывъ зъ ногы на ногу и, пустывшы рукы «по швамъ», зупынывъ ёго.

— Ваше благородіе!

Ихне благородіе озырнулось.

— Ну?

— Тутъ, ваше благородіе, знаходытся одынъ болезненый челаекъ.., котрый безъ сомненія заслабелъ... и той... не способный работать... Такъ вы звелели, щобъ ёго одправыть у волость... Онъ той самый, который лежыть на полу...

— Ну?

— Такъ я хотелъ одослать ще вчерась... А оны (винъ показавъ головою до робитныкивъ, яки переглянулысь и похмурылысь ще дужче)... не зхотели...

— Какъ это не «зхотели»?—гордо спытавъ офыцеръ.—Просить ихъ нужно, что ли?

— Такъ точно, безъ сомненія... И я думалъ такъ... Такъ тотъ.., который тильки шо пошолъ, шо укралъ мындаль... той хотелъ везты... А теперъ нема кому, потому оны усе не слушаютъ... Особенно той, ваше благородіе, который рябой... Той усехъ безъ сомненія бунтуеть... повсигда... Вредный такой... Настоящій, ваше благородіе, малахольныкъ...

— Какой «малахольныкъ»?

— Такой, значыть, какъ разбойныкъ всё рамно... Не слушаеть.., сопротывляетця...

«Благородіе» перевело очи на Трохыма, якый, насупывшы бровы, дывывся въ викно и навить не глянувъ въ ихъ бикъ.

— Та ще, ваше благородіе, говóрыть, що побьёть тому морду, хто повезёть у волость...

«Благородіе» зновъ подывылось на Трохыма, що все-такы не рушывся, тильки губы ёму насмишкувато скрывылысь.

— Выгнать его въ двадцать четыре часа изъ экономіи!—очевыдячкы здержуючы себе, глухо кынувъ офыцеръ до Халабуды.—Чтобъ и духу его къ вечеру не было!

— Слушаю...—вытягнувся трохы Халабуда.

— Тильки впередъ розсчетъ мени дайте!—спокійно и не усмихаючысь вже, бовкнувъ Трохымъ, повертаючысь до ныхъ и бигаючы очима по хати.

— Никакого разсчета!—не дывлячысь на его кынувъ «панычъ».—Нагайки еще получишь!

Трохымъ зупынывъ на ёму свій гострый, тяжкый поглядъ и наче потемнивъ весь.

— А нагайкы за що?—прыдушено спытавъ винъ.

— За бунтъ! Па-а-нима-аешъ?!—раптомъ озвирило «благородіе» й повернулось до ёго всимъ тиломъ.—За бунтъ!.. Сволочь этакая! Деньги брать умѣешь, а работать не любишь?.. Скоты проклятые!.. Перепорю всѣхъ!..

Трохымъ почавъ важко сопты; жылы ёму понапыналыся на высках, ряботыння налылось сынёю кровью, бровы зійшлысь зъ віямы й черезъ се очи здавалысь ще гострищымы. Панокъ злякано дывывся на ныхъ и, очевыдячкы, не знавъ, що ёму робыты. Халабуда стоявъ зъ покирлывымъ выглядомъ; «скоты» ще бильше похмурылысь, прыщулылысь.

— Нагайкы мени нема за що...—заговорывъ нарешти Трохымъ хрыпкымъ голосомъ.—А що я не послухався, такъ за це мени розсчотъ дайте... А не дасте... такъ...—(винъ забигавъ очима по хати й крыво, дыко посмихнувся)—такъ я вже... Я вамъ не Андрій... Грабувать себе не дамъ...

Винъ зупынывъ свій фосфорычный поглядъ на офыцерови, що зъ якымсь дывуванням прыдывлявся до ёго, и знову забигавъ поглядомъ по хати, крывлячы губы въ усмишку. Офыцеръ ще подывывся пыльно на ёго, потимъ звернувся до вчытеля и, здвыгнувшы плечыма, промовывъ:

— Это, дѣйствительно, разбойникъ какой-то... Просто звѣрь!.. Вы посмотрите, какъ у него глаза горятъ..., какъ у кошки вечеромъ... Этотъ и ножемъ не задумается пырнуть...

— Да, да! Я тоже вамъ хотѣлъ сказать—стараючысь не показуваты выду, що говорыть про Трохыма, хутко й у-пивъ голоса заговорывъ панокъ.—Ужасная физіономія... Я вамъ совѣтовалъ бы дать ему разсчетъ... и... Богъ съ нимъ!..

— Дда-а...—усмихнувся офыцеръ. — «Малахольныкъ» настоящій... Хорошо! Получишь сегодня разсчетъ!—холодно, зневажлыво, мовъ не бажаючы заводытысь зъ нымъ, кынувъ винъ.

до Трохыма й, повернувшысь, пишовъ зъ хаты. За нымъ поспишно побигъ панокъ, а за нымы Халабуда. Але, не дійшовшы до порогу, панычъ нибы згадавъ щось и, повернувшысь назадъ, найшовъ очима дида и, хытнувшы ёму головою, сказавъ:

— Идика сюда, Юхымъ!

Юхымъ, не поспишаючы, рушывъ за нымъ. Выйшовшы зъ хаты, й пустывшы впередъ панка й Халабуду, офыцеръ зупынывся и, взявшы Юхыма за лацканъ пиджака, почавъ ёму говорыты про Кылыну. Говорывъ винъ зъ тою жъ ніяковистю й смишкомъ, що й вчора, тильки сёгодня бажання ще бильше дзвенило ёму въ голоси. Юхымъ слухавъ мовчкы, нахылывшы лысу, непокрыту голову й иноди хытавъ головою.

— Однимъ словомъ, скажи ей такъ,—выймаючы зъ гаманця гроши й непомитно тыкаючы ихъ у руку дидови.—Если хочеть, пусть ѣдетъ прямо въ городъ... Я ѣду сегодня... Объясни все, какъ я тебѣ говорилъ. . Главное, не забудь улицу: Ивановская улица, № 14... Спросить офицера, поручика Гаврильчука .. Не забудешь?

— Ни...

— Ну, вотъ... Если согласится, пусть пріѣзжаетъ, когда хочетъ, всегда прійму... съ радостью, х-хе!.. Ну, а не согласится... Согласенъ на все... А о томъ... извиняюсь... И такъ далѣе... Тамъ ужъ разтолкуй ей... Понимаешь?

— Добре...

Колы дидъ прыйшовъ у хату, тамъ стоявъ страшенный гомінъ. Крычалы, сварылысь, махалы рукамы, блыщалы очима, лаялысь, сміялысь. Кылына, дуже блида, зъ посынилымы губамы, щось говорыла Саньци, але та й слухаты не ходила й обстоювала свое. Не зважаючы ни на кого, Юхымъ пидійшовъ до Кылыны, мовчкы потягъ іи за руку и одійшовъ до дверей, хытнувшы ій головою. Кылына заразъ же покынула Саньку и пидійшла до ёго.

— Що тамъ?—спытала вона якось зхвылёвано й ніяково.

Юхымъ похмуро, насупывшы бровы почавъ ій щось шопотиты. Де дали винъ говорывъ, то бильше лыце Кылыны супылось,

то тиснище складалысь губы. Скинчывшы, винъ глянувъ на неи й спытавъ:

— Ну?.. Якъ скажешъ?

Кылына повела плечыма, крыво всмихнулась и промовыла:

— Не знаю...

— Подумаешъ ще?

Вона тильки крывище всмихнулась. Дидъ постоявъ ще трохы задумлыво, потимъ глыбоко зитхнувъ, промовывъ тильки «Эх-хъ»!!.. и пидійшовъ до полу. Насунувшы на голову шапку, напьявшы й пидперезавшы мотузкомъ «пальто», винъ, поспишаючысь, середъ галасу выйшовъ зъ хаты и попрямувавъ просто за будынокъ до села.

Колы винъ вернувся зъ двома пляшкамы горилкы за пазухою й зъ блыскучымы, веселымы очима, въ кухни, кримъ Кылыны, що стояла задумлыво биля викна й водыла по склу пальцемъ, никого не було. Навить на тому мисци, де лежавъ Панасъ, було голо. Подывывшысь скоса на Кылыну, дидъ пидійшовъ до столу, выйнявъ пляшкы, поставывъ ихъ на стилъ, сивъ самъ на лаву и повивъ очима по хати.

— А Панасъ же де?—промовывъ винъ тыхо.

— Повезлы въ волость—не повертаючысь, кынула Кылына.

— Хто?

— Петрыкъ.

— Та-акъ...—хытнувъ головою Юхымъ, потимъ подывывся на неи и знову спытавъ:

— А ты... якъ?

Кылына ничого не одмовыла, потимъ глыбоко-глыбоко зитхнула, одійшла одъ викна и, ніяково усмихнувшысь, сказала:

— А я те жъ... мабуть... пойиду...

— Та-акъ...—зновъ протягъ дидъ и замыслывся. Потимъ раптомъ трипнувъ головою, выйнявъ зъ пляшкы затычку, перехылывъ іи въ ротъ и безъ оддышкы почавъ пыты горилку. Кылына ажъ задывылась на його.

—Що?—оддыхуючы, вытеръ винъ губы й глянувъ похмуро на неи.—Добре пью?

Кылына мовчкы повернулась и пишла зъ хаты. А дидъ поклавъ голову на стилъ лобомъ на самый край, довго сыдивъ такъ, потимъ зновъ пиднявъ іи и, глянувшы налытымы кровью очима на пляшку, поволи взявъ іи, встромывъ у ротъ и зновъ почавъ смоктаты, нибы бажаючы залыты горилкою щось погане тамъ десь у грудяхъ. Потимъ уставъ, вьяло забравъ пляшкы, пидійшовъ до полу и, зкынувшы «пальто», постелывся й лигъ. И заразъ же важко захрипъ...

И зновъ, якъ и вчора, прокынувся одъ чыёгось шарпання.

— Диду!.. Встаньте!—турмосывъ ёго Трохымъ, що стоявъ биля ёго, зъ клункомъ пидъ пахвою, у шапци й у свыти. Дидъ злякано сивъ и подывывся на ёго.

— Що?.. Га?.. Куды?.. За що?..—хутко заговорывъ винъ, чухаючы себе въ бороду й, дывлячысь по хати, въ якій вже смеркалося.

— Та ничого... То я...—усмихнувся Трохымъ! Прощаться прыйшовъ. Иду вже... Бувайте здорови.

Юхымъ потеръ лоба, ще разъ озырнувся навкругы и подывывся на ёго.

— Ху!.. А мени снылось щось... Выпывъ я... Шумыть, братъ!..

— Я вже йду... Далы разсчотъ!..—муркнувъ Трохымъ зновъ.

— Уже?—обдывывся на ёго клунокъ дидъ. Въ дорогу значыть?.. Х-мъ... куды жъ теперъ?

Трохымъ злистно усмихнувся.

— «Куды»...—повивъ винъ плечыма.—Звисно, куды... До другои собакы... Мало ихъ?

— Та-акъ...—хытнувъ головою дидъ.—То правда... Скоро й я пиду... Загулявъ, братъ.., граныцю перейшовъ... Спасыби панамъ... офыц... А що, Кылына де?—раптомъ хутко спытавъ винъ.

Трохымъ пыльно глянувъ на ёго, потимъ усмихнувся й промовывъ:

— Нема вже й Кылыны.. Взяла разсчотъ... Пишла до титкы въ село... Кажуть, хоче въ городъ йихать...

— Та-акъ...—схылывъ дидъ голову й застыгъ. Потимъ пидвивъ іи, подывывся на Трохыма, похытавъ головою й сказавъ:

— Отъ такъ нашъ братъ погыбае... Знаешъ, куды вона пишла?

— До охвыцера?—бовкнувъ Трохымъ.

— До охвыцера!.. Эхъ!.. Може выпъешъ на дорогу?—раптомъ спытавъ винъ и, хутко повернувшысь, выйнявъ зъ пидъ головы пляшку.

— Давайте!—махнувъ рукою Трохымъ. Дидъ поспишно одиткнувъ пляшку, для чогось побовтавъ іи, такъ що тамъ ажъ пина пиднялась, и подавъ Трохымови. Той взявъ, мовчкы хытнувъ ёму головою, перехылывъ у ротъ и застыгъ. Потимъ вернувъ дидови, утерся и, почекавшы, покы Юхымъ «булькавъ», промовывъ:

— Ну, прощайте, диду! Треба до вечора хочъ до Горбачивъ дійты...

Дидъ подавъ ёму руку, потрусывъ Трохымову и, подывывшысь на щось въ лыце тому, зитхнувъ и выпустывъ іи. Трохымъ ніяково й похмуро всмихнувся, кывнувъ ще разъ головою и поволи пишовъ до дверей. На лави коло мысныка сыдила Марынка биля макитры зъ картоплею и пыльно дывылась на ёго. Проходячи повзъ неи, винъ глянувъ на іи блиде, ще бильше схудле лычко, на якому теперъ выднилось щось уперте, похмуре, й разомъ зъ тымъ сумне й жальке, и зупынывся.

— Прощай, Марынко!—промовывъ винъ, клипнувшы на неи своимъ непокійнымъ поглядомъ и попуро всмихаючысь.—Будь здорова...

— Идете одъ насъ?—тыхо спытала вона. Въ голоси ій чулось щось сумне, боязьке, жальке.

— Иду...

Марынка тильки подывылась на ёго, не знаючы, що сказаты, и почала мняты дрижачымы пальцямы шкорлупыну зъ картопли.

Трохымъ узявъ зручнище клунокъ пидъ голову, глянувъ ще разъ похмуро по хати и, суворо, терпко якось кынувшы «прощайте», выйшовъ изъ хаты.

В. Винниченко.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность) [1].

ГЛАВА IV.

Учрежденіе Харьковскаго Университета.

(1802—1804).

Хлопоты въ Главномъ Правленіи Училищъ въ пользу Харькова. Идея о Харьковскомъ университетѣ и отношеніе къ ней харьковскаго общества. Проектъ Харьковскаго университета. Рѣчь къ дворянамъ 31 августа 1802 г. Поѣздка въ Петербургъ и первыя неудачи. Случай съ „мнѣніемъ" гр. Потоцкаго и хлопоты внѣ заботъ по университету. Хлопоты по университету въ Петербургѣ и полномочія В. Н. Каразина. Поѣздка въ Харьковъ. Положеніе дѣла университета на мѣстѣ. 2-ой арестъ и освобожденіе. Оппозиція дворянъ. Вторая поѣздка въ Петербургъ и отношеніе къ расходованію суммъ на университетъ. Паденіе значенія правителя дѣлъ Глав. Правл. Учил. Хлопоты объ отпускѣ денегъ и письмо къ гр. Кочубею. Пассивность Завадовскаго и Потоцкаго. Письма къ Государю и предвѣстники невзгоды. Подготовительныя мѣры къ открытію ун-та. Переписка съ И. Ѳ. Тимковскимъ о времени открытія ун-та.

«Вся жизнь моя принадлежитъ моему отечеству, говорилъ В. Н. Каразинъ, но въ особенности тому краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности» [2]. Работая на пользу своего отечества, составляя уставы и планы народнаго образованія, издавая журналъ, можетъ быть, предвѣстникъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, В. Н. Каразинъ оставался

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1905 г., № 1.

[2]) Рѣчь въ собраніи дворянъ 1802 г. 31 авг. Молодикъ, Харьковъ, 1843.

въ душѣ истиннымъ сыномъ Украйны и прилагалъ во время своего могущества всѣ усилія для ея же преуспѣянія.

Главное училищъ правленіе, вмѣстѣ съ работами по общей организаціи учебнаго дѣла въ Россіи, согласно указу 8 сент. 1802 г. комиссіи объ училищахъ, имѣло главною своею цѣлію и обязанностью заботиться объ открытіи университетовъ въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ ихъ не было. Въ исполненіе указа, члены главнаго училищъ правленія, Озерецковскій, Фуссъ, приняли на себя трудъ сдѣлать начертаніе, въ которыхъ городахъ Россійской имперіи выгоднѣе и удобнѣе завести университеты». [1]) Фуссъ предложилъ открыть 6 университетовъ, по такому же числу (6-ти) округовъ: Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Вильнѣ и Дерптѣ. Озерецковскій предлагалъ къ существующимъ университетамъ Московскому и Дерптскому прибавить университеты въ Харьковѣ, Воронежѣ, Казани и Устюгѣ Великомъ [2]) Н. А. Лавровскій полагаетъ, что Харьковъ менѣе всего долженъ былъ имѣть шансовъ на право имѣть у себя университетъ по причинѣ своего убійственнаго климата, и ужасныхъ путей сообщенія, благодаря которымъ нерѣдко посылки въ Москву, напр., приходили болѣе чѣмъ черезъ 2 года. «Въ то время выборъ Харькова дѣйствительно не могъ прійти никому въ голову, кромѣ Каразина, и въ этомъ заключается важная заслуга, оказанная имъ нашему городу» [3]). Почему же Озерецковскій и Фуссъ слѣдовали желанію Василія Назаровича?—Н. А. Лавровскій въ другомъ сочиненіи полагаетъ, что В. Н. Каразинъ «имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для южнаго университета въ пользу Харькова», благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ сильнымъ кн. А. Чарторижскому и графу Потоцкому [4]). Дѣйствительно, по письмамъ гр. С. О. Потоцкаго къ В. Н. Каразину (хотя нѣсколько позднѣе 1804 г.) можно заключить о прекрасномъ отношеніи перваго къ послѣднему, а кн. А. Чарторижскій, весьма вѣроятно, былъ обязанъ кое какими трудами Василію Назаровичу [5]). Дальнѣйшій ходъ проекта о мѣстонахожденіи университетовъ подтверждаетъ догадку Н. А. Лавровскаго. «По выслушаніи мнѣній, комиссія признала возможнымъ учредить одинъ университетъ въ Кіевѣ или Казани, потому что въ пер-

---

[1]) Сухомлиновъ. «Матеріалы» I. 58.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Воспоминаніе «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» 1873 г. 2. Стр. 301.

[4]) В. Н. Каразинъ. Ж. Мин. Нар. Просв. 1872 г. 159 стр 59.

[5]) См. раньше—занятія Каразина съ Чарторижскимъ.

вомъ изъ нихъ уже изстари учреждена академія, а во второмъ существуетъ обширная гимназія, слѣдовательно въ этихъ городахъ болѣе найдется учащихся, способныхъ проходить университетскій курсъ» [1]). Послѣднее заявленіе казалось бы весьма справедливымъ и основательнымъ (съ какимъ трудомъ въ Харьковѣ набралось 40 студ. [2]), но къ удивленію «главное правленіе училищъ» измѣнило свое рѣшеніе, согласно съ мнѣніемъ Фусса, нашедшаго сильную поддержку въ планѣ, представленномъ Чарторижскимъ» [3]). Итакъ, благодаря поддержкѣ кн. Чарторижскаго, комиссія постановила открыть университетъ въ Харьковѣ [4]). Причина этой поддержки, намъ кажется, скрывается въ дѣйствіяхъ В. Н. Каразина. Весьма вѣроятно, что, видя или угадавъ шаткость предложенія Озерецковскаго и Фусса объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, Василій Назаровичъ склонилъ князя поддержать Харьковъ, и это, вѣроятно, тѣмъ легче было сдѣлать, что для Чарторижскаго лично это не могло имѣть большого значенія, «будетъ-ли южно-русскій университетъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Харьковѣ или Астрахани, какъ это въ разное время предполагалось. (Какъ извѣстно онъ только думалъ о своемъ любимомъ Виленскомъ Округѣ).

Но, подготовляя почву къ открытію въ «любезной Украйнѣ» университета, Каразинъ хорошо понималъ, что одного заключенія комиссіи очень мало для осуществленія проекта, что, при возникновеніи какихъ либо затрудненій, бумажное рѣшеніе очень легко измѣнить или уничтожить. Надо было чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ закрѣпить хорошее начало, чтобы не дать погаснуть давно-давно лелѣянной мечтѣ, нескрытой лишь отъ самыхъ близкихъ друзей. Еще 2-го мая 1802 г Каразинъ такъ писалъ о своихъ занятіяхъ уставомъ высшихъ учебныхъ заведеній о. Василію Фотіеву: «Теперь насталъ случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно было всемилостивѣйшему государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и Московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ и графомъ Потоцкимъ и академикомъ Фусомъ, разсудилъ его императорское величество поручить мнѣ письмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ нашли мы, что еще въ

[1]) Сухомлиновъ Мат. I. 59.
[2]) Ibid. стр. 67.
[3]) Ibid. стр. 52.
[4]) Рождественскій—Историч. обзоръ М. Н. Пр. стр. 53.

1786 г. покойная государыня императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходный мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли». Въ чемъ же состояли задуманныя усовершенія В. Н. Каразина? Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ:

«Бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться сосредоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ, и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему». «Очевидно», прибавляетъ къ этой цитатѣ проф. Д. И. Багалѣй [1]), что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась вскорѣ послѣ перваго письма къ императору Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. «Сія мыслѣ занимаетъ всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать» (Письмо къ Фотіеву). Руководили имъ въ этомъ дѣлѣ самыя чистыя побужденія (что доказывается послѣдующими его поступками при основаніи университета),—любовь къ своему родному краю и Харькову. «Любимая его Малороссія, говоритъ его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища. Будучи въ Петербургѣ, Василій Назаровичъ склонялъ членовъ комиссіи къ выбору Харькова мѣстомъ университета и подготовилъ Харьковское общество письмами къ вліятельнымъ харьковцамъ [2]) къ принятію своихъ проектовъ. Онъ дѣлалъ смѣты необходимыхъ расходовъ для первоначальнаго устройства университета и поддержки его, предлагалъ даже удобнѣйшіе *способы* собирать пожертвованія, не обременяя тѣмъ общество. «Издержекъ—было бы на самое дѣло благая воля—бояться нечего. Онѣ будутъ весьма непримѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200000 руб., т. е. по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласитъ къ тому же городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ

---

[1]) Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина. Записки Харьк. унив. 1893 г. т. I.

[2]) Сохранились письма по этому предмету къ В. М. Донецъ-Захаржевскому, Г. Р. Шидловскому, о. Василію Фотіеву и нѣкоторыя другія.

общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами; я говорю: «*положивъ* собрать, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ вносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительныя же издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должныя дворянству казною 70000 руб., а можетъ быть и сверхъ того» [1]).

Но всѣ эти мѣры, предпринятыя изъ Петербурга, равно какъ и согласіе отдѣльныхъ лицъ харьковскаго общества, не позволили дѣйствовать Каразину въ правящихъ сферахъ отъ имени всего сословія, что необходимо требовалось, чтобы придать авторитетность голосу Василія Назаровича для склоненія членовъ комиссіи училищъ къ выбору мѣстомъ университета Харьковъ.

Государь, *обнадеженный* Каразинымъ въ пожертвованіяхъ украинскаго дворянства, отнесся сочувственно и одобрительно къ мысли учрежденія въ Харьковѣ университета. И вотъ, чтобы развязать себѣ руки и кончить дѣло разомъ, лѣтомъ 1802 г. Василій Назаровичъ Каразинъ самъ отправляется въ Харьковъ съ цѣлью найти себѣ поддержку въ пользу любимаго дѣтища на мѣстѣ.

Василій Назаровичъ имѣлъ серіозныя основанія надѣяться на успѣхъ своего предпріятія. Близкое знакомство съ воспитателемъ, можно сказать, харьковскаго общества, Григоріемъ Саввичемъ Сковородою, подъ вліяніемъ котораго находились такіе видные харьковцы, какъ Квитка, Ковалевскій, городской голова Урюпинъ и др., подъ вліяніемъ котораго, можетъ быть, дѣйствовало въ одномъ направленіи и цѣлое учрежденіе—«Харьковскій Коллегіумъ», создавшій цѣлый культъ науки въ Украйнѣ [2]); личное участіе въ литературномъ кружкѣ А. А. Палицына, къ которому принадлежали тоже видные дѣятели въ пользу основанія университета—Ушинскій, Гр. Ром Шидловскій и др.; дѣятельная переписка съ этими сочувствующими ему лицами, съ слоб.-укр. предв. двор. Донецъ-Захаржевскимъ, — все это придавало смѣлость Ка-

---

[1]) Журн. Минист. Народнаго Просв. 1872 г. ч.159 стр. 62—63.

[2]) Свѣдѣнія о состояніи харьковскаго общества черпаемъ изъ сочиненій проф. Д. И. Багалѣя „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина" („Зап. Харьк. Ун." 1893 г. кн. I) „Опытъ Ист. Харьк. Ун." т. I и статей Фил. Вас. Каразина, напеч. въ Рус. Стар. за 1875 г. чч. 12, 13 и 14. Кромѣ того у насъ въ рукахъ былъ рядъ писемъ харьковцевъ къ Каразину по поводу основанія университета.

разину. «На высшее харьковское общество, говоритъ Д. И. Багалѣй, начала оказывать замѣтное вліяніе европейская образовательная стихія»... «Среди сумскихъ дворянъ еще въ 1767 г. возникла мысль объ основаніи въ Сумахъ университета. Тутъ же образовался и литературный кружокъ А. А. Палицына [1]), которому, по словамъ Василія Назаровича, «обязаны мы большею частью началами европейскаго быта въ Украинѣ». «Всѣ члены этого кружка воспитались на произведеніяхъ просвѣтительной французской литературы конца прошлаго вѣка и были приверженцами новаго западноевропейскаго образованія» [2]). Средоточіемъ кружка было село Поповка, принадлежавшее Палицыну и находившееся въ сумскомъ уѣздѣ; отъ имени села А. А. Палицынъ шутя называлъ свой литературный кружокъ Поповской Академіей [3]). Изъ писемъ протоіерея Василія Фотіева В. Н. могъ заключить о сочувствіи дѣлу харьковскаго духовенства.—Представители общества, казалось, только ждали руководителя, обѣщая немедленно оказать ему поддержку въ созданіи университета.

И, дѣйствительно, тотчасъ по пріѣздѣ В. Н. Каразина, городской голова Ег. Ег. Урюпинъ и губернскій предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій принялись дѣйствовать. Оба

---

[1]) Александръ Александровичъ Палицынъ служилъ въ Петербургѣ адъютантомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ и здѣсь, въ Петербургѣ, онъ, должно быть, вошелъ въ дружескія связи со многими писателями. Въ немъ самомъ была наклонность къ литературной дѣятельности, не покидавшая его до послѣднихъ годовъ жизни, даже въ удручающей старости, въ тиши украинскихъ полей. Поселившись въ селѣ Поповкѣ, Палицынъ проводилъ время въ занятіяхъ литературныхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ, при чемъ на семидесятомъ году жизни увлекался красотами природы со свѣжестью чувствъ юноши. Ярославскій, „Воспоминанія", Харьк. Сборн 1887 г. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, „Культурный уголокъ харьк. губ." X. 1888 г., стр. 1—2.

[2]) „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина". Записки Харьк. ун. 1893 г. кн. I.

[3]) „Поповская Академія,—говоритъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ,—въ свое время была для Харьковскаго края просвѣтительнымъ учрежденіемъ, и до открытія въ Харьковѣ университета отчасти исполняла роль высшаго учебнаго заведенія"... „Дѣятельность Палицына совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ харьковской губерніи". „Культурный уголокъ харьк. губ." Харьковъ, 1888 г., стр. 12.

пользовались вліяніемъ, какъ видныя должностныя лица, оба сочувствовали идеѣ основанія въ Харьковѣ университета. Донецъ-Захаржевскій назначилъ съѣздъ дворянъ слободско-украинской губ. на 12-ое авг. для выслушанія предначертанія Василія Назаровича о Харьковскомъ университетѣ и обсужденія суммы и способовъ пожертвованій. Ег. Ег. Урюпинъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и побуждалъ купечество и мѣщанское сословіе къ пожертвованіямъ въ пользу университета, ставя въ связи съ этимъ обстоятельствомъ преуспѣяніе личныхъ интересовъ всего рѣшительно харьковскаго населенія. Благодаря противодѣйствію губернатора Артакова [1]), съѣздъ къ 12 августа не состоялся. Настойчивость вышеупомянутыхъ лицъ взяла однако верхъ, и на 20 авг. назначено было чтеніе «Предначертанія о харьковскомъ университетѣ», составленное В. Н. Каразинымъ. Назначеніе университета въ своемъ «Предначертаніи о харьковскомъ университетѣ» Василій Назаровичъ полагалъ «въ приготовленіи юношества къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ, посредствомъ познаній свойственныхъ каждой», какъ гласилъ § 1. Университетъ этотъ поэтому состоялъ изъ 9 отдѣленій, которыя открывались бы постепенно, «по мѣрѣ увеличенія доходовъ университета» «Не позже 1 сентября 1803 г. открылись бы первые два отдѣленія—общихъ познаній» и «пріятныхъ искусствъ»; черезъ 3 года, когда «учащіеся пройдутъ науки, необходимыя для первоначальнаго образованія разума» въ этихъ отдѣленіяхъ, т. е. въ сент. 1806 г., открываются слѣдующія 5 отдѣленій: богословское, гражданскихъ познаній, военныхъ познаній, врачебныхъ наукъ и гражданскихъ искусствъ, еще чрезъ 3 года, т. е. въ сентябрѣ 1809 г. проектировалось открытіе «отдѣленія учености» и «отдѣленіе изящныхъ художествъ», которое будетъ необходимо для Харькова, такъ какъ «къ этому времени умножится въ губерніи дѣятельность, явятся избытки въ городѣ, ощутятъ нужду въ украшеніи». При университетѣ состояло бы «училище сельскаго домоводства» и «школа ремеслъ и рукодѣлій». Послѣднія учрежденія

---

[1]) Андрей Кондратьевичъ Артаковъ, тогдашній харьковскій губернаторъ, отличался рѣзкимъ и даже грубымъ характеромъ. Не сочувствуя идеѣ основанія университета въ Харьковѣ и находясь въ личныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Е. Е. Урюпинымъ, всѣми силами старался вредить дѣлу и впослѣдствіи. Онъ не задумывался наносить оскорбленія своимъ врагамъ въ обществѣ, что заставило, между прочимъ, Урюпина войти съ протестомъ въ думу, а потомъ къ министру внтренних дѣлъ Кочубею; въ ноябрѣ 1803 г. Артаковъ былъ уволенъ въ отставку (Лавровскій, Журн. Мин. Нар. Просв. 72 CLXI).

предлагались В. Н. Каразинымъ въ интересахъ собственно родного Харьковскаго края для экономическаго и промышленнаго преуспѣянія его [1])

Предначертаніе было выслушано, по свидѣтельству Филадельфа Васильевича Каразина, съ удовольствіемъ, одобрено, и тогда же состоялась подписка на 100.000 р. сер. 29-го авг. состоялось еще одно, вѣроятно частное, собраніе дворянъ, на которомъ 10 именитыхъ дворянъ слоб.-укр. губ. подписали протоколъ о пожертвованіи на университетъ 1,000,000 руб. Но предстояло еще общее собраніе дворянъ, въ которомъ должно было состояться окончательное рѣшеніе [2]).—29 числа въ Харьковѣ происходило пышное празднество по случаю подтвержденія государемъ правъ и преимуществъ слободско-украинскаго дворянства, а 31-го общее засѣданіе дворянъ; въ чемъ заключалась задача собранія, неизвѣстно, за недостаткомъ оффиціальныхъ документовъ [3]) Сохранилась только рѣчь В. Н. Каразина. Патріотическое воодушевленіе дворянъ достигло 29 августа высшей степени; торжественная процессія, религіозная обстановка ея подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на все общество. Понятно, почему 31 числа всѣ горячо откликнулись на призывъ В. Н. Каразина.

Какъ вліятельное лицо въ петербургскихъ сферахъ, какъ человѣкъ близкій государю и хорошо извѣстный харьковскому обществу, Каразинъ является въ дворянское собраніе и тамъ раскрываетъ предъ дворянами программу своего общеобразовательнаго университета, отвѣчающаго на всѣ рѣшительно вопросы человѣческаго духа и интересы края.

Началомъ своей рѣчи Каразинъ какъ бы привелъ къ одному знаменателю возвышенное настроеніе общества. «Благодарность!—воскликнулъ онъ,—она будетъ предметомъ, которымъ я Васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О ежели бы я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею». Воодушевленіе, по поводу монаршей милости, стремилось, естественно, выразить чѣмъ-нибудь свою благодарность государю. И вотъ В. Н. Каразинъ указываетъ исходъ этому воодушевленію: онъ предлагаетъ въ яркихъ краскахъ лучшее употребленіе накопившейся энергіи—порыва благодарности—устроить университетъ въ Харьковѣ по его плану.

---

[1]) „Русс. Стар.“ 1857 т. XIII стр. 66—71.
[2]) „Русс. Стар.“ 1875 т. XII стр. 333.
[3]) Д. И. Багалѣй „Опытъ Исторіи Харьк. Ун.“ т. I, стр. 68.

Университетъ этотъ долженъ быть душой всей Украины. Онъ долженъ быть центромъ культурной и просвѣтительной жизни южно-русскаго народа и, какъ таковой, долженъ на югѣ выполнить задачу преуспѣянія всей Россіи, ибо онъ притянетъ къ себѣ выдающіеся умы, онъ будетъ совершенствовать общество, доставляя ему образцовыхъ высоконравственныхъ правителей и судей, врачей и «златоустыхъ наставниковъ въ Словѣ Божіемъ и нравахъ». Поэты-питомцы того же учрежденія разовьютъ богатый народный языкъ и прославятъ родину. Задачей же университета будетъ выпускать купцовъ, вооруженныхъ научной подготовкой, которая дастъ имъ возможность поставить русскую торговлю и промышленность на одну доску съ иностранною. Богатства стекутся со всѣхъ концовъ міра въ новый центръ, городъ окрѣпнетъ, разукрасится чудными сооруженіями и замѣнитъ въ Россіи греческія Аѳины. «Я не имѣлъ въ виду ничего,—заключилъ свою рѣчь В. Н. Каразинъ,—кромѣ блага общественнаго и выгодъ своей земли... слава въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство!.. Представлю-ли вамъ, что я не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобы питать намѣреніе личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество!.. Отъ васъ зависитъ теперь высокопочтенное собраніе, оправдать меня или предать стыду и отчаянію; здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника»...

Таковъ былъ проектъ университета Василія Назаровича (подробно коснемся учебно-воспитательной части его въ спеціальномъ отдѣлѣ), а послѣдними словами характеризуется его душевное состояніе. «Просьбы на колѣняхъ», говоритъ его сынъ Филадельфъ Васильевичъ, «мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства—все имъ было употреблено». Одинъ изъ присутствовавшихъ въ этомъ собраніи дворянъ, вспоминая много лѣтъ спустя о впечатлѣніи, произведенномъ В. Н. Каразинымъ, не могъ удержаться отъ слезъ [1]).

Каразинъ шелъ на рискъ; давно уже волнуемый мыслью о Харьковскомъ университетѣ, онъ увѣрилъ государя въ готовности дворянъ содѣйствовать въ открытіи университета, о чемъ просилъ ихъ лишь по пріѣздѣ въ Харьковъ въ августѣ 1802 г.; въ этомъ-то смыслѣ онъ назвалъ себя «другомъ или преступникомъ» передъ дворянствомъ. Въ этомъ поступкѣ, конечно, нельзя упрекать Ва-

---

[1]) Г. П. Данилевскій „Укр. Стар.“ стр. 124—125.

силія Назаровича, припомнивъ, что въ случаѣ неудачи онъ бралъ на себя всю отвѣтственность предъ государемъ. «Имъ руководило страстное одушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ» (Лавровскій). Такое естественное стремленіе достойно только уваженія и безъ него, можетъ быть, пожертвованія со стороны дворянъ не было бы, не было бы и университета въ Харьковѣ, а былъ бы въ Екатеринославѣ (проектъ Потемкина), въ Кіевѣ (Александръ I), или въ какомъ-либо еще городѣ изъ намѣченныхъ «комиссіей училищъ».

Горячая рѣчь, обстановка и общее настроеніе произвели желаемое дѣйствіе, и дворянство выдало Каразину похвальную благодарственную грамоту (отъ 1 сентября 1802 г.) [1]), въ коей было сказано, что «слободско-украинское губернское дворянство, разсмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего господина колежскаго совѣтника Василія Назаровича Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испросить Высочайшее соизволеніе, даетъ г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу, сочлену своему, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ представителей и депутатовъ дворянства [2]). Въ протоколѣ засѣданія отъ того же числа слободско-украинское дворянство постановило ходатайствовать чрезъ В. Н. Каразина объ учрежденіи государемъ императоромъ предлагаемаго Каразинымъ устава университета. Этотъ уставъ или весь составленъ В. Н. Каразинымъ, или, по крайней мѣрѣ, подъ его руководствомъ: тѣ же 9 отдѣленій, какъ въ «предначертаніи Харьковскаго университета», тѣ же взносы въ теченіе 6 лѣтъ [3]).

Кромѣ собранныхъ 100.000 руб. еще раньше на основаніе кадетскаго корпуса въ Харьковѣ и обращенныхъ теперь въ пользу университета, дворяне постановили внести еще 300.000 [4]). «Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня»—значилось въ протоколѣ, при чемъ

---

[1]) Редакція этого документа принадлежитъ, по свид. В. Н. Каразина, сумскому помѣщику Александру Александровичу Палицыну (неиздан. докум., хранящ. у проф. Д. И. Багалѣя).

[2]) Проф. Д. И. Багалѣй. «Просвѣт. дѣят. В. Н. Каразина».

[3]) Молодикъ 1844 г. стр. 251—253.

[4]) «Изъ коихъ, значилось въ протоколѣ, шестьдесятъ шесть тысячъ девятьсотъ рублей должны почитаться принадлежащими къ наличнымъ на шесть лѣтъ».

дворянство «симъ не ограничиваетъ ревность свою къ пользѣ общей, коль скоро благоволенiе монарха осчастливитъ начало сего ихъ заведенiя». Эта то обязанность послужила краеугольнымъ камнемъ оппозицiи въ исполненiи постановленiя дворянства. Дворяне далеко не могли оправдать возлагаемыя на нихъ надежды Каразина. Его понимало вполнѣ только меньшинство. Большая часть еще бѣгала «отъ одного имени просвѣщенiя», говоритъ Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ. Да и Василiй Назаровичъ мечталъ слишкомъ смѣло, не сообразясь ни съ такимъ состоянiемъ большинства общества, ни съ возможностью доставить требуемыя условiя имъ. Онъ разсчитывалъ получить на свой университетъ 1.000.000 руб., а валковское дворянство въ одномъ изъ уѣздныхъ частныхъ собранiй, нашло возможнымъ собрать съ губернiи только 100.000 руб. [1]), цифру въ десять разъ меньшую первой. Понятное дѣло, что когда начали исчислять въ послѣдующемъ собранiи дворянъ суммы, дворяне отшатнулись предъ колоссальными требованiями своего депутата; изюмскiй предводитель Капустянскiй-Захаржевичъ демонстративно вышелъ изъ залы засѣданiй, чтобы помѣшать рѣшенiю дворянъ. Когда отъ него потребовали объясненiя такого поступка, онъ сослался на законное основанiе: «Государь всемилостивѣйшiй не велѣлъ де брать пожертвованiй, если они тяжелы для пожертвователей [2]). Было нѣсколько другихъ частныхъ сопротивленiй постановленiю дворянства, усложнявшихся благодаря тому обстоятельству, что упомянутый губернаторъ Артаковъ не давалъ законнаго хода дѣламъ и взысканiю недоимокъ. (Настойчивость В. Н. Каразина и его единомышленниковъ однако взяла верхъ, и постановленiе, какъ мы видѣли, прошло). 1-го же сент. 1802 г. харьковскiе купцы избрали В. Н. Каразина представить на благоусмотрѣнiе государя свое намѣренiе пожертвовать $1^1/_4$ % со всѣхъ капиталовъ (сумма, равная государственной подати), половину суммы, пожалованной 3-го мая 1783 г. съ винныхъ откуповъ и частные взносы. Дѣйствiе свое граждане Харькова мотивировали такъ: «Видя въ учрежденiи семъ, независимо отъ благихъ тѣхъ влiянiй, какiя произведетъ просвѣщенiе на жителей, явное благотворенiе сему городу, яко то: умноженiе его населенности, распространенiе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращенiе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ со своей стороны обязанностью соревновать благородному обществу дворянъ сей

---

[1]) Опытъ Ист. Харьк. ун-та проф. Д. И. Багалѣя т. I, гл. II стр. 59.

[2]) Тамъ же, гл. II; 57; Письмо Беклешова.

губерніи въ вѣрноподданнической благодарности всемилостивѣйшему государю, единодушно по силамъ своимъ» [1]... Пользуясь случаемъ, горожане ходатайствовали чрезъ Каразина же о сложеніи съ нихъ обязанности военныхъ постоевъ, тяжело лежавшихъ на небогатомъ и немноголюдномъ населеніи Харькова. Пожертвованія дворянства и купечества были приняты указомъ отъ 25-го мая 1803 года [2]), только, согласно разъясненію Артакова, взносы на университетъ по указу обусловливались не опредѣленной цифрой, какъ хотѣлъ того В. Н. Каразинъ, а суммой въ зависимости отъ городскихъ расходовъ и приходовъ. Конечно, опредѣленный навсегда взносъ со стороны купечества былъ выгоднѣе для университета. Понятно, поэтому, что Каразинъ былъ недоволенъ состоявшимся рѣшеніемъ, и можетъ быть этому обстоятельству должно приписать, что при началѣ существованія университета—дѣти купцовъ были устранены отъ участія въ его корпораціи [3]). Замѣчательно то обстоятельство, что на призывъ В. Н. Каразина откликнулись даже цеховые и мѣщане и войсковые обыватели. Цеховые и мѣщане вполнѣ сочувствовали идеѣ Василія Назаровича, но не могли помочь дѣлу только въ силу стѣсненныхъ своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ. «Было сочувствіе благому дѣлу, но не было возможности оказать ему матеріальной поддержки, говоритъ Д. И. Багалѣй [4]). Войсковые обыватели, потомки бывшихъ слободскихъ козаковъ, подражая примѣру прочихъ слоевъ общества, уступили безвозмездно въ пользу университета участокъ земли въ 125 десятинъ по Сумскому шоссе изъ дачи,

---

[1]) Молодикъ на 1844 г. стр. 254.

[2]) Сборн. постановленій по Мин. Народн. Просв. т. I, царств. импер. Александра I, 1802—1825.

[3]) А можетъ быть и помимо сего въ первоначальномъ проектѣ учрежденія имѣлось въ виду сдѣлать его исключительно дворянскимъ. Еще въ 40-хъ годахъ дѣлалась разница между студентами изъ дворянъ и купцовъ. Послѣдніе считались вольнослушателями, и въ формѣ ихъ отсутствовала шпага. Въ 1809 г. Ив. Г. Спасокій обратился съ письмомъ къ гр. С. О. Потоцкому, указавъ на безвыходное положеніе окончившихъ гимназію купеческихъ дѣтей; «картина, что гимназисты будутъ грѣть самовары и получать толчки отъ невѣжъ—поразила графа Потоцкаго. Онъ сдѣлалъ представленіе министру, министръ государю, и велѣно принимать дѣтей купцовъ въ университетъ» (приписка И. Г. Спасскаго къ копіи одного изъ своихъ писемъ къ Потоцкому въ Харьк. Губ. Вѣд. 1873 г. № 140).

[4]) «Опытъ» т. I, ч. II, стр. 82.

пожалованной предкамъ ихъ слободскими козаками и обмежованной къ гор. Харькову [1]).

Видя въ довольно благопріятномъ положеніи дѣло, заручившись одобреніемъ своихъ дѣйствій, обнадеженный въ крупныхъ пожертвованіяхъ на открытіе университета (сумма всѣхъ пожертвованій превысила 658.000 рублей [2]), Каразинъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ принялся за приготовленіе всего того, что касалось первоначальнаго устройства университета, оставаясь до перваго засѣданія комитета правленія (11-го апр. 1804 г.) «единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ» [3]).

Успѣхъ хлопотъ сообщалъ В. Н. Каразину новую энергію; ему уже не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось хлопотать, суетиться, чтобы какъ можно скорѣе привести въ исполненіе свою мечту объ общеобразовательномъ и общеподготовительномъ Харьковскомъ университетѣ. Но дѣло не сразу пошло законнымъ ходомъ. Благодаря противодѣйствію Артакова, не сочувствовавшаго просьбѣ

---

[1]) Тамъ же. Любопытно еще одно обстоятельство: войсковой обыватель купянскаго уѣзда Юшка обязался пожизнено жертвовать 50 руб. въ годъ (Лавровскій «В. Н. Каразинъ» Журн. Мин. Нар. Просвѣщ 1872, ч. CLIX, стр. 74).

[2]) (См. Формуляръ и I т. «Опыта Ист. Харьк. ун.» проф. Д. И. Багалѣя). Кромѣ общихъ пожертвованій, было много пожертвованій частныхъ лицъ; такъ, курскій помѣщикъ О. И. Хорватъ пожертвовалъ 5000 р., харьков. губ. предвод. двор. Донецъ-Захаржевскій 1000 р., купецъ Аникѣевъ 3000 р. и др.—Въ янв. 1803 г. Екатериносл. дворянство пожертвовало въ пользу Харьковскаго университета 60000 руб., въ 1806 г. отъ Херсонскаго 40000 р.—сумма всѣхъ пожертвованій, исключая земли, пожертвованной войсковыми обывателями превышала по подсчету проф. Д. И Багалѣя 658000 руб. („Опытъ" т. I ч. II).

[3]) Письмо въ комитетъ правленія университета отъ 3-го марта 1805 г. Лавровскій, Ж. М. Н. Пр. за 1873 г.—Н. Шугуровъ въ біографіи „И. Ѳ. Тимковскій" опровергаетъ послѣднее замѣчаніе, будто бы Вас. Нас. К—нъ былъ „единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ" до 11 апр. 1804 г., основываясь на оффиціальныхъ данныхъ, именно—формальномъ порученіи Тимковскому С. О. Потоцкаго „о участвованіи въ предварительныхъ при заведеніи х. ун-та распорядкахъ" (Кіевск. Ст. 1891 т. 34 стр. 376—377). Дѣйствительно, мы увидимъ, что Каразинъ былъ „единственнымъ" распорядителемъ только въ теченіе времени по май 1803 года, т. е. до отъѣзда его въ Петербургъ; затѣмъ въ Харьковѣ по университетск. дѣлу работалъ уже Тимковскій.

о сложеніи обязанности военныхъ постоевъ въ постановленіи гражданства и купечества отъ 1-го сентября, оно было передано Е. Е. Урюпинымъ предводителю дворянства только 6-го октября, когда постановленіе могло быть передано В. Н. Каразинымъ на высочайшее утвержденіе. Тѣмъ не менѣе губернаторъ обязанъ былъ довести до свѣдѣнія государя о пожертвованіи дворянства, которое уже 30-го сент. и получило высочайшую благодарность. Самъ В. Н. Каразинъ уклонился отъ награды. До государя дошло свѣдѣніе объ истинной причинѣ столь щедрыхъ жертвъ дворянъ, и онъ послалъ секретное повелѣніе губернатору предложить В. Н. Каразину желаемую имъ награду. В. Н. Каразинъ наотрѣзъ отказался отъ всякой награды: «Я становился на колѣни предъ дворянами, я вымаливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я дѣлалъ это изъ желанія получить награду»— объяснялъ онъ свой поступокъ [1]). Формуляръ Каразина гласитъ: «7-го мая 1801 г. избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи.—При образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, Высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ 8-го сентября 1802 г. Въ обѣихъ сихъ занятіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который и высочайше утвержденъ въ 1803 г.), послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній 618000 руб. по тогдашнему курсу (что нынѣ составляетъ болѣе 200000 руб. ассигнаціями). Уклонился отъ всемилостивѣйшей награды за сей подвигъ; но между тѣмъ за особливые труды по комитету составленія ученымъ въ Россійской имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ награжденъ орденомъ св. Владиміра IV ст. 1802 г. 22 сентября».

Снабженный отъ харьковцевъ формальными довѣренностями на представленіе государю ихъ просьбъ объ учрежденіи университета и упомянутымъ нами похвальнымъ свидѣтельствомъ отъ дворянъ на огромномъ листѣ бумаги, снабженнымъ болѣе сотни подписей [2]), В. Н. Каразинъ отправился въ Петербургъ. Весело летѣлъ онъ на перекладной, благопріятствуемый прекрасною осен-

---

[1]) Фил. Вас. Каразинъ. Русс. Стар. 1875 г. ч. 13. Въ одномъ неизданномъ письмѣ В. Н-ча по этому поводу (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № $^{306}/_{221}$) читаемъ: „Сдѣлайте совершенную мнѣ милость увольните меня отъ всякихъ публичныхъ наградъ, какого бы рода они не были;... во вѣкъ не захочу я замарать себя въ глазахъ здѣшняго общества, что я сдѣлалъ ему добро изъ личныхъ какихъ видовъ“.

[2]) «Опытъ ист. Харьк. ун.» ч. II стр. 74—75.

нею погодою и мечтая о томъ удовольствіи, которое доставитъ «другу души его» (какъ называлъ онъ императора Александра Павловича въ своихъ письмахъ) приношеніемъ украинцевъ. Но колесо фортуны уже передвинулось. Впечатлительный молодой императоръ Александръ, какъ легко и быстро увлекся оригинальной личностью Каразина, повидимому такъ же легко и быстро способенъ былъ охладѣть къ ней. Жизнь въ бытность его наслѣдникомъ при строгомъ отцѣ, гнѣвъ котораго заставлялъ трепетать за свою участь даже особъ царской фамиліи, полная интригъ придворная обстановка, трагическая перемѣна царствованія, которая еще была свѣжа въ памяти,—все это не могло не оставить слѣда въ мягкой по природѣ душѣ Александра I. Подозрительность и недовѣріе къ самому вѣрному другу могла явиться результатомъ ничтожнаго неблагопріятнаго намека. Еще въ первое время сильное вліяніе В. Н. Каразина на государя вызывало зависть и злобу придворныхъ на новое, выступившее на арену дѣятельности лицо. «У насъ есть маркизъ Поза» насмѣшливо замѣтилъ кто-то въ театрѣ, настолько громко, чтобы государь могъ слышать. Усилія этихъ лицъ увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Не трудно было воспользоваться неопытностью 27-милѣтняго Каразина, неопытнаго въ придворной интригѣ, и не менѣе юнаго мечтателя императора, «къ противочувствіямъ привычнаго» [1]). Они подготовляли охлажденіе государя къ В. Н. Каразину, и тѣмъ энергичнѣе, что послѣдній для хлопотъ по Харьковскому университету выѣхалъ изъ Петербурга. Весьма вѣроятно, что Василій Назаровичъ и самъ рылъ себѣ яму, не замѣчая того. Онъ широко пользовался данной ему привилегіей и надоѣдалъ государю своевременными и несвоевременными совѣтами, планами и проектами. Василій Назаровичъ предугадывалъ охлажденіе къ себѣ государя и подозрѣвалъ причину ея въ клеветѣ. Поэтому еще за нѣсколько дней до отъѣзда въ Харьковъ (8-го авг. 1802 г.) онъ писалъ государю: «Всемилостивѣйшій Государь! Къ клеветѣ, очернившей меня, можетъ быть, предъ вашимъ величествомъ, присоединились теперь коварствомъ исполненное корыстолюбіе и злость... Нынѣшніе дни—самые рѣшительные въ моей жизни; я испрашиваю у васъ только 10 минутъ на личное объясненіе. Дайте мнѣ ихъ ради Бога» [2])!.. Отвѣта на письмо не послѣдовало...—«двери кабинета» государя захлопнулись для В. Н. Каразина.

---

[1]) Шильдеръ. Александръ I т. I стр. 36. Тоже Абрамовъ „В. Н. Каразинъ".

[2]) Русская Старина за 1875 г. т. 13, стр. 79.

По пріѣздѣ изъ Харькова, обнадеживаемый добытыми успѣхами, Каразинъ съ прошеніемъ въ рукахъ, въ которомъ просилъ аудіенціи у государя, чтобы «рѣшить участь воспитанія въ полуденной Россіи», бодро отправился во дворецъ. Отвѣтомъ ему было приказаніе представить дѣло по начальству. Василій Назаровичъ подалъ бумаги въ «комиссію училищъ», председателю ея Михаилу Никитичу Муравьеву,—«и дѣло Харьковскаго университета пошло въ долгій съ разными потайными пружинами ящикъ!» [1]) Началась волокита. Муравьевъ передалъ всѣ представленныя В. Н. Каразинымъ бумаги министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому, а этотъ министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею. Пошли справки: губернатора харьковскаго запросили, во-первыхъ, изъ какихъ средствъ дворяне думаютъ дѣлать пожертвованія на университетъ? не на счетъ-ли крестьянъ?—хотя въ представленіи В. Н. Каразина ясно было сказано, что «дворянство приноситъ въ даръ не избытки, излишними налогами на крестьянъ собранные, но свято-принадлежащую ему собственность: произведенія своихъ имѣній» [2]); во-вторыхъ, на какой домъ, назначенный будто-бы для присутственныхъ мѣстъ, указываютъ дворяне въ своемъ протоколѣ; въ-третьихъ, какъ предполагаютъ распредѣлить жертвователи сроки взноса пожертвованныхъ ими суммъ? и тому подобные вопросы, которые разрѣшились бы сами собою впослѣдствіи. Министерство Финансовъ запросили о 66.000 руб., незаплаченныхъ казною дворянамъ за поставку фуража и лошадей въ 1789 г., не смотря на то, что дворяне представили объ этомъ подробныя свѣдѣнія,—словомъ, какъ будто искали только предлоговъ медлить дѣломъ. И дѣйствительно, прошелъ октябрь и ноябрь, а разрѣшенія никакого не было. Василій Назаровичъ, какъ депутатъ отъ жертвователей и какъ правитель дѣлъ «комиссіи училищъ», заинтересованный въ скорѣйшемъ осуществленіи новаго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи, надоѣдалъ всѣмъ властямъ словесными просьбами объ ускореніи отвѣта харьковцамъ, которые безпрестанно ему напоминали въ письмахъ своихъ о нетерпѣливомъ ожиданіи результата своихъ прошеній. Во весь промежутокъ времени съ сентября 1802 г. по конецъ января 1803 г. онъ бѣгалъ и суетился, стараясь ускорить разрѣшеніе тормозившихъ дѣло вопросовъ. Ничего не помогало. Никто изъ министровъ не относился съ готовностью содѣйствовать В. Н. Каразину, и онъ оставался однимъ воиномъ

---

[1]) Ф. В. Каразинъ. „В. Н. Каразинъ, основ. Харьк. ун.“ Русс. Стар. 1875 г. ч. XIII, стр. 80.

[2]) Тамъ же ч. XIII стр. 79 и ч. XIV, стр. 185.

въ полѣ. Кочубей откладывалъ со дня на день докладъ свой государю. Наконецъ пылкій Каразинъ потерялъ терпѣніе и надежду на «законное» веденіе дѣла и написалъ 4 декабря сильное письмо Кочубею. Онъ упрашивалъ его обратить вниманіе на совершившійся фактъ, понять и содѣйствовать ему. Случай, представившійся теперь, писалъ онъ, очень рѣдкій, даже единственный въ Россіи—это проблескъ дѣйствій по личной иниціативѣ общества. Благородной искрѣ этой нельзя дать погаснуть: «навѣки, можетъ быть, потерянъ будетъ случай, самый рѣдкій, произвести въ россійскихъ дворянахъ энтузіазмъ къ общему добру и къ успѣхамъ воспитанія», и если не будетъ поддержки благороднымъ этимъ чувствованіямъ, «то самымъ убѣдительнымъ образомъ будетъ доказано, что покушенія частныхъ людей, къ сему клонящіяся (т. е. къ *общему* добру и къ успѣхамъ воспитанія), «суть не что иное какъ безразсудство, ведущее къ тому, чтобы быть осмѣянными и угнетенными». О душевномъ состояніи В. Н. Каразина въ это время можно судить по тому же письму: «Губернія, ввѣрившая мнѣ представленіе о приношеніи ея государству, два мѣсяца слишкомъ ждетъ моего отзыва и обвиняетъ меня. Каждая почта приноситъ мнѣ новыя укоризны и страхи, ибо отдаленность и мое глубокое налагаемое обстоятельствами молчаніе представляютъ тамъ всѣ вещи въ иномъ видѣ, а здѣсь встрѣчаю день ото дня все болѣе препятствій съ той самой стороны, откуда важнѣйшихъ пособій и съ наибольшимъ, кажется, правомъ ожидалъ». «Ваше Сіятельство! Я пишу какъ отчаянный человѣкъ»; «посрамленіе на вѣки передъ обществомъ здѣшнимъ, месть сильныхъ, возненавидѣвшихъ меня еще болѣе прежняго, укоризны и клятва оскорбленной чести многихъ сотенъ дворянъ, которые увидятъ, что пожертвовали только для того, чтобы быть предметомъ всеобщаго посмѣянія—все это ожидаетъ меня» [1]). Министръ встрепенулся: «немедленно составить докладъ» [2])—приказалъ онъ, но приказаніемъ немного подвинулъ дѣло впередъ. Это «немедленно» тянулось чуть не 2 мѣсяца, и только настойчивость человѣка, дѣйствительно преданнаго дѣлу, вытолкнула его наконецъ на сцену. Въ концѣ января 1803 г. Василій Назаровичъ послалъ Кочубею письмо Новороссійскаго губернатора Миклашевскаго, въ которомъ тотъ извѣщаетъ В. Н. Каразина о рѣшеніи новороссійскаго дворянства пожертвовать въ пользу Харьковскаго университета 108.000 руб., и опять просилъ министра разрѣшить назрѣвшій вопросъ. И вотъ, наконецъ, 28-го января

---

1) „Русс. Стар. ч. XIII стр. 186—188.
2) Тамъ-же. Стр. 190.

1803 г. состоялся докладъ государю: «Его Величество изволилъ приказать: благодарить дворянъ и купцовъ; губернскому предводителю дать орденъ Владиміра 3-ьей степени, городскому головѣ чинъ коллежскаго ассесора, протоіерею Фотіеву (который содѣйствовалъ и словомъ и дѣломъ успѣху предпріятія) золотой наперсный крестъ. Василій Назаровичъ былъ глубоко обиженъ постановленіемъ государя. Благодаря его освѣдомленности о дѣлѣ, чувство справедливости невольно оскорбилось за невнимательное отношеніе къ истиннымъ дѣятелямъ, дѣйствительно заслужившимъ награды; большинство ихъ, вѣрнѣе—все дворянство и купечество не получило существенной награды. Донецъ-Захаржевскій, хотя и дѣйствовалъ въ пользу Василія Назаровича, но болѣе былъ склоненъ къ открытію въ Харьковѣ больницы, чѣмъ университета, а онъ то и былъ болѣе всѣхъ награжденъ. В. Н. Каразинъ, близко принимавшій къ сердцу дѣло университета, повторяемъ, былъ глубоко обиженъ за такое пренебрежительное отношеніе къ искреннимъ чувствамъ земляковъ своихъ, дворянъ, и рѣшилъ во чтобы то ни стало, хотя бы цѣною окончательной потери своего вліянія въ правящихъ сферахъ, добиться справедливости. Онъ спѣшитъ къ Кочубею и проситъ его хлопотать. Тотъ не рѣшается передѣлать Высочайше конфирмованное дѣло, но соглашается представить государю собственноручную запись по этому предмету Василія Назаровича Каразина. Упомянувъ, что онъ стоитъ внѣ интересовъ личныхъ, В. Н. Каразинъ просилъ во имя идеи поддержать благородныя чувства общества, «обнаружившуюся искру общественнаго духа» [1]), во имя успѣха родины выдѣлить наиболѣе видныхъ дѣятелей ея. Онъ просилъ вознаградить 5 лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ открытію Харьковскаго университета [2]) дворянскихъ предводителей Щербинина и Алферова, грудью отстаивавшихъ дѣло Университета въ августовскихъ засѣданіяхъ прошлаго года предъ оппозиціей, нѣкоторыхъ дворянъ съ Захаржевичемъ-Капустянскимъ во главѣ и дворянъ Ковалевскаго и Кондратьева хотя орденомъ св. Анны. Онъ высказывалъ увѣренность, что орденъ св. Владиміра также исполнить свое назначеніе «быть украшеніемъ» мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей», назначеніе, ради котораго статутъ ордена

---

[1]) Записка эта помѣщена въ «Русс. Стар.» часть XIV стр. 191—193.

[2]) Между ними, вѣроятно, судя по послѣдовавшимъ наградамъ, купца Урюпина (чинъ 8 кл.), Тихоцкаго (цѣнный подарокъ), Аникѣева (золотая медаль).

былъ возстановленъ государемъ [1]). Ходатайство В. Н. Каразина было уважено, и всѣмъ тѣмъ лицамъ, о которыхъ онъ просилъ, были даны награды; мысль его объ отличеніи всего общества была тоже отчасти исполнена: всѣ уѣздные предводители были *поименованы* въ особомъ высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на имя губернскаго предводителя [2]). Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ изъявлялась отличная признательность къ изюмскому помѣщику Николаю Осиповичу Шидловскому, дѣйствовавшему въ этомъ полезномъ дѣлѣ отъ имени большинства изюмскихъ дворянъ, а не предводителю ихъ Захаржевичу-Капустянскому. Правда восторжествовала. Она сильно обрадовала В. Н. Каразина, а милостивое рѣшеніе государя заставило его питать себя сладкими мечтами и твердо рѣшиться итти по трудному пути *правдоговоренія,* указаннаго ему за два года назадъ и скрѣпленному клятвой государю. Случай заявить себя на этомъ пути не замедлилъ представиться.

За нѣсколько времени до рѣшенія этого дѣла харьковцевъ, именно въ декабрѣ 1802 г., въ правительствующій сенатъ поступилъ высочайше конфирмованный докладъ государственной военной коллегіи о правахъ дворянъ относительно военной службы. Оказалось, что докладъ противорѣчилъ прежнимъ по этому предмету постановленіямъ Екатерины II и Петра III. Согласно повелѣнію государя, вышедшему не задолго до этого, новые законы, не согласующіеся съ прежними, должны быть представляемы на его усмотрѣніе.—Никто однакоже изъ сената, кромѣ графа Потоцкаго [3]), не рѣшался на такое донесеніе. Потоцкій остался при

---

[1]) Орденъ свят. Владиміра былъ уничтоженъ императоромъ Павломъ и возстановленъ со вступленіемъ на престолъ Александра Павловича. Пересмотръ статута этого ордена былъ порученъ въ свое время В. Н. Каразину. «Рус. Стар.» ч. XIV за 1785 г. стр. 19 .

[2]) Послѣднее распоряженіе было прямымъ отвѣтомъ на записку Василія Назаровича. «Мое представленіе (о возстановленіи ордена св. Владиміра) было основано на томъ, чтобы умножить число добрыхъ гражданъ и прямыхъ сыновъ отечества во всѣхъ состояніяхъ, *не исключая изъ нихъ ни единаго*». Тамъ-же.

[3]) Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, родомъ полякъ, занимался разработкой вопросовъ объ образованіи въ Россіи въ коммиссіи училищъ; а 24-го янв. 1803 г. съ учрежденіемъ университетовъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго округа. Свѣдѣнія объ этой благородной личности, преданной новому своему отечеству, можно найти въ книгѣ проф. Д. И. Багалѣя «Опытъ ист. X. ун. т. I» и Е. Шмида «Исторія средне-учебн. заведеній въ Россіи».

особомъ мнѣніи и, не владѣя свободно русскимъ языкомъ, отправился къ В. Н. Каразину, котораго зналъ по комиссіи училищъ, за помощью въ этомъ отношеніи. Василій Назаровичъ редактировалъ по-русски французскій набросокъ мыслей графа [1]). Мнѣніе Потоцкаго надѣлалю въ Петербургѣ много шуму. 4 раза сенатъ назначалъ время для его слушанія и всякій разъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ откладывалъ. «Пріобыкли, бѣдные, и шагу для общаго добра не сдѣлать безъ именного повелѣнія», сорвалось у В. Н. Каразина въ письмѣ по этому поводу къ государю. Преждевременный возродитель *общественнаго духа* просилъ государя открыто заявить о неумѣстной формалистикѣ сенаторовъ. «Первый случай Вы имѣете, Государь, доказать обожающему Васъ народу и Европѣ вмѣстѣ съ нимъ, доказать рѣшительно образъ Вашихъ мыслей и возродить сѣмена любви къ отечеству и общественнаго духа» [2]). Время шло, сенатская исторія заняла всецѣло В. Н. Каразина. Онъ придавалъ рѣшенію его громадное значеніе въ дѣлѣ развитія общественнаго духа. Странно ему казалось молчаніе государя на мысли того, съ кѣмъ онъ такъ давно совѣтовался, кому разрѣшилъ входить къ себѣ безъ доклада и кого, повидимому, такъ любилъ; странно тѣмъ болѣе, что справедливость была очевидна, и въ обществѣ одобряли дѣйствія Потоцкаго и упрекали въ несмѣлости другихъ сенаторовъ. Находясь уже по дорогѣ въ Харьковъ, В. Н. Каразинъ написалъ изъ Орла вторично государю, гдѣ указывалъ на сочувствіе всего общества графу С. О. Потоцкому и умолялъ дать перевѣсъ справедливости; «надо доказать свѣту, писалъ онъ, что слова Ваши, въ манифестахъ сказанныя, суть и въ вѣкъ пребудутъ словами самой истины; не станете, слѣдовательно, ни подъ какимъ видомъ ограничивать того, что единожды нарекли *кореннымъ неприлагаемымъ закономъ*» [3]). Судьба, кажется, улыбнулась еще разъ своему бывшему любимцу.

Къ голосу его прислушивались. Хотя непосредственнаго отвѣта и не послѣдовало отъ Государя, но докладъ военной коллегіи былъ измѣненъ, впрочемъ безъ той огласки, которую требовалъ Каразинъ.

---

[1]) «1803. Brouillon autographe du C-te Potozky d'après lequel j'ai redigé son fameux мнѣніе, qui a commencé par nous culbuter tous les deux», написано рукой Василія Назаровича на подлинникѣ «Русск. Стар.» 1875 г. т. XIV стр. 194.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Русск. Стар.» 1875 г. т. XIV, стр. 197.

Еще одно дѣло, на рѣшеніе котораго Василій Назаровичъ имѣлъ вліяніе, тоже могло ободрить его.[1])

Мы немного отвлеклись въ сторону, отмѣчая чисто идейную, если можно только такъ выразиться, дѣятельность В. Н. Каразина, въ отличіе отъ главныхъ его заботъ по устройству Харьковскаго университета.

Январь и февраль 1803 г., въ бытность свою еще въ Петербургѣ, Василій Назаровичъ вмѣстѣ съ С. О. Потоцкимъ, первымъ харьковскимъ попечителемъ, неусыпно хлопоталъ о пріисканіи лучшихъ профессоровъ для своего любимаго дѣтища[2]). Велась переписка съ Харьковомъ о временномъ помѣщеніи университета въ домѣ, построенномъ Екатериною II для генералъ-губернаторовъ, должность которыхъ въ слободско-украинской губерніи была упразднена при имп. Павлѣ, а также о другомъ противоположномъ этому домѣ, при Екатеринѣ же выстроенномъ для торжества открытія намѣстничества (домъ, о которомъ въ протоколѣ дворянъ 1-го сент. 1802 г. упоминалось, оказался неудобнымъ къ уступкѣ для Харьковскаго университета). Хлопоталъ В. Н. Каразинъ о скорѣйшей выдачѣ должныхъ казной дворянству суммъ, пожертвованныхъ университету, и проч. Но дѣло можно было подвинуть рѣшительно только въ Харьковѣ. Тамъ должны были быть собраны *деньги* на первоначальныя нужды университета. Къ тому же министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій, всегда несочувственно относившійся къ дѣлу харьковцевъ[3]), поссорился съ Потоцкимъ. Какъ бы то ни было,

---

[1]) При проѣздѣ въ іюнѣ того же года чрезъ Москву Василій Назаровичъ услыхалъ возмущеніе крестьянъ по поводу заведенія въ С.-Петербургѣ казенной суконной фабрики. В. Н. Каразинъ поскакалъ на мѣсто дѣйствія, разузналъ, вывѣдалъ положеніе и ходъ дѣла и донесъ обо всемъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею. Онъ оправдывалъ крестьнъ, указавъ на ихъ тяжелое положеніе, и предложилъ во избѣжаніе большихъ волненій успокоить ихъ мирными средствами. Послѣдствіемъ этого письма было тщательное разысканіе дѣла, порученное генералъ-губернатору, и успокоеніе крестьянъ безъ помощи оружія. Подробности объ этомъ см. въ «Рус. Стар.» 1875 г. ч. XIV стр. 197—200.

[2]) Пріисканы были В. Н. Каразинымъ для университета профессоръ Рижскій изъ горнаго корпуса для русской словесности; Осиповскій изъ С.-Петербургкой учительской семинаріи для физики, Делавинь для естественной исторіи и ботаники и Тимковскій для юридическо-политическихъ наукъ. Тамъ же.

[3]) «Имп. Александръ I такъ отзывался объ этой личности: «il est nul et n'est dans le ministère, que pour ne pas crier, s'il en fût exclu» Е. Шмидъ. «Истор. средне-учебн. завед. въ Рос. стр. 16». Завадовскій больше мѣшалъ, чѣмъ содѣйствовлъ открытію въ Харьковѣ университета»—говор. Пыпинъ въ соч.: «Общ. движ. въ царств. Алек. I»).

необходимо было перемѣнить мѣсто дѣятельности. В. Н. Каразинъ собрался въ Харьковъ, и Потоцкій въ представленіи своемъ министру народнаго просвѣщенія 4 февр. 1803 г. писалъ: «На основаніи предварительныхъ правилъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, попечители университета и ихъ округовъ начали заниматься каждый по своей части, такъ что не предвидится, чтобы въ продолженіе нѣкотораго времени въ дѣлахъ главнаго училищнаго правленія произошли чувствительныя остановки или затрудненія за отлучкою правителя дѣлъ коллежскаго совѣтника Каразина; пользуясь удобностью, полагаю я, что, по случаю отправленія въ Харьковъ, полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губ., онъ, вѣроятно, много споспѣшествовать можетъ Тимковскому [1]). Имѣю честь представить сіе, Ваше Сіятельство, на разрѣшеніе» [2]).

По разрѣшеніи этого представленія, Потоцкій въ письмѣ 17-го февраля поручилъ Василію Назаровичу Каразину первоначальное устройство университета, приготовленіе его къ открытію; тамъ помогать ему будутъ вновь назначенный профессоръ Илья Федоровичъ Тимковскій, отправленный въ качествѣ визитатора по училищной части всего округа, и комиссія изъ мѣстныхъ дворянъ и купцовъ [3]). Всѣ административныя и денежныя мѣропріятія графъ предлагалъ вести чрезъ посредство попечителя петербургскаго округа Н. Н. Новосильцева [4]), съ которымъ и просилъ сноситься, такъ какъ онъ самъ уѣзжалъ въ Вѣну (гдѣ умеръ его отецъ). Чтобы облегчить дѣло В. Н—чу, С. О. Потоцкій въ письмѣ отъ 17-го числа къ губернатору Артакову просилъ его содѣйствовать начинаніямъ В. Н. Каразина. Какъ увидимъ, письмо не произвело желаемаго дѣйствія.

Съ такими полномочіями 18 февраля В. Н. отправился въ Харьковъ [5]). 3-го марта Каразинъ пріѣхалъ въ слободско-украинскую губернію, но въ Харьковѣ, благодаря болѣзни, появился лишь 20 числа. Здѣсь онъ оказался единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ устройства университета. Тимковскій еще жилъ въ Петербургѣ, а дворянская коммиссія, на обязанности которой

---

1) О роли его рѣчь ниже.

2) «Кіевск. Стар.» ч. XXXIV стр. 227 «Илья Өеодоровичъ Тимковскій».

3) Въ протоколѣ дворянъ 1-го сент. 1802 г. значится, что объ университетѣ будетъ заботиться коммиссія изъ трехъ лицъ.

4) Русская Старина 1875 г., ч. XIV, стр. 196—197.

5) Багалѣй Д. И. „Опытъ ист. Харьк. ун.“ стр. 99.

лежали заботы по первоначальному устройству университета и расходованію жертвуемыхъ суммъ, вовсе не была избрана (новое доказательство, что подавляющее большинство харьковскаго общества еще не прониклось сознаніемъ пользы новаго учрежденія). Тѣмъ не менѣе дѣло буквально закипѣло въ рукахъ у Василія Назаровича: 20 марта онъ пріѣхалъ въ Харьковъ, а 24 уже доносилъ о своей дѣятельности Н. Н. Новосильцеву. И сколько онъ успѣлъ сдѣлать за 3—4 дня! Каразинъ добился согласія губернатора на помѣщеніе университета въ генералъ-губернаторскомъ или иномъ казенномъ зданіи и разрѣшенія его отдать въ вѣдѣніе университета вице-губернаторскій домъ. Всѣ эти зданія должны были представлять временное помѣщеніе университета, въ то время, какъ планы постояннаго уже готовились подъ руководствомъ Каразина. На первоначальные расходы для университета онъ посылалъ 4 тысячи рублей; для профессоровъ готовились квартиры. Одновременно проектировалось В. Н-чемъ употребить часть суммъ на безплатное обученіе бѣднѣйшихъ и даровитыхъ гимназистовъ, составить въ скорѣйшемъ времени ботаническій садъ и выписать изъ Петербурга батаника Де-Ла-Винь, чтобы тотъ открытіями изъ области флоры харьковскаго края, неизвѣстной ученому міру, прославилъ зачинающійся университетъ [1]). 26 марта Каразинъ обратился къ губернскому предводителю дворянства съ просьбой похлопотать о высылкѣ въ Петербургъ 10,000 руб. изъ патріотическаго приношенія дворянъ на имя Новосильцева, для покупки библіотеки, о которой онъ позаботился еще въ Петербургѣ, на доставку ея въ Харьковъ и для выдачи третного жалованья и подъёмныхъ недавно назначеннымъ профессорамъ [2]). Чтобы показать дворянамъ примѣръ побудить ихъ къ скорѣйшему исполненію принятыхъ на себя обязательствъ, В. Н. сдѣлалъ причитающійся съ него и его брата (Ивана Назаровича) взносъ гораздо раньше положеннаго для этого срока; еще въ апрѣлѣ [3]) того же 1803 г. онъ уплатилъ 1000 руб., слѣдовавшихъ съ с. Кручика и Основинецъ, гдѣ было 496 душъ подданныхъ, въ чемъ и выдано было ему оффиціальное удостовѣреніе [4]). Въ это самое время съ В. Н-чемъ произошелъ любо-

[1]) Донесеніе Н. Н. Новосильцову отъ 24 марта 1803 г., собственноручная рукопись В. Н. Каразина (изъ Фунд. Библ. Харьк. ун-та).

[2]) Багалѣй Д. И. „Опытъ ист. ун.“, т. I, стр. 100—101.

[3]) Т. е. тотчасъ, какъ было указано С. О. Потоцкимъ мѣсто поступленія пожертвованій—комитетъ университета. Багалѣй Д. И. „Опытъ ист. Х. ун.“ гл. II, стр. 162.

[4]) Отъ 3 мая 1804 г. Подлинное прошеніе въ Историч. Арх. Х. ун. См. о томъ же „Опытъ ист. Х. ун.“ пр. Багалѣя, т. I, 168.

пытный случай, указывающій на необыкновенно милостивое еще отношеніе къ нему государя, поддержанное, быть можетъ, послѣдними справедливыми предложеніями В. Н-ча, оставшимися, какъ мы видѣли, не безъ вниманія (дѣло объ утвержденіи Харьк. ун-та, о заявленіи Потоцкаго и др.).

Уѣзжая изъ Петербурга, онъ захватилъ съ собою, со словеснаго разрѣшенія директора, кадета Кондратьева. Сдѣлалъ онъ это по слезной просьбѣ матери послѣдняго, «больной и ослабѣвшей отъ тоски и нетерпѣливости его видѣть, по чувствительному убѣжденію женщины любезной и рѣдкой и чтобы болѣе сказать родной тетки моей Алексаши [1]). Я не знаю, кто бы могъ устоять на моемъ мѣстѣ»— писалъ онъ по этому поводу И. Ѳ. Тимковскому [2]), тѣмъ болѣе что подобные отлучки кадетовъ на продолжительные сроки практиковались сплошь и рядомъ [3]). Все сошло бы спокойно, но какая то г-жа Балабина, «смертельно ненавидя мать его (Кондратьева) и меня вмѣстѣ съ нею», подняла скандалъ, вооружила Г. Р. Державина и гр. П. В Завадовскаго, и безъ того уже косо посматривавшаго на Василія Назаровича; «выставлено было все, что могло бы опорочить, и скрыто, что послужило бы къ оправданію» [4]). Утаены какъ связь съ родителями, такъ и довѣренность ихъ».— «Балабина просила, говоритъ онъ дальше, какъ ближайшая родственница, раздраженная и вве-

---

[1]) Кто эта Алексаша, неизвѣстно. Какъ мы упоминали, было предположеніе, что Василій Назаровичъ хотѣлъ жениться на дочери Варв. Вас. Надоржанской, но какъ ее звали, свѣдѣній не имѣемъ. Въ письмѣ къ государю отъ второй половины февраля 1803 г. Каразинъ упоминаетъ о намѣреніи своемъ жениться; говоря, что ожидаетъ наказанія за свою смѣлость постояннаго обращенія къ государю, онъ продолжаетъ: „Я готовъ понести наказаніе въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ моей жизни, среди радостей и надеждъ, ожидающихъ меня въ предверіи моего брака“ (Русск. Стар. 1875 г. т. т. XIV стр. 198). Извѣстно, что В. Н. Каразинъ женился въ концѣ 1805 г. или даже началѣ 1806 г. („Рус. Стар.“ 1903 г. апр. стр. 8) на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (род. въ 1783 г.) (письмо Ф. В. Каразина къ Н. А. Лавровскому отъ 7 ноября 1872 г.).

[2]) Кіевск. Стар. 1891 г. авг.

[3]) Ярославскій разсказываетъ, что кадетъ Дмитрій или Николай Кондратьевъ былъ сыномъ Анны Васильевны Кондратьевой, сестры матери невѣсты Каразина, и что увозъ кадета вопреки приводимому письму Каразина былъ „небывалымъ никогда“, Харьковскій Сборникъ вып. I, Харьковъ 1887

[4]) Кіевская Старина 1891 г., августъ.

денная въ страхъ (хотя до сего случая нисколько не заботилась о Кондратьевѣ), лишившаяся своего ребенка, а мой поступокъ представленъ неслыханною наглостью, злонамѣреніемъ и Богъ знаетъ чѣмъ». Новосильцевъ, расположенный къ В. Н. Каразину, старался сгладить его ошибку, но, конечно, не могъ совсѣмъ скрыть его вины. Государь приказалъ арестовать Каразина и далъ вмѣстѣ съ тѣмъ другое повелѣніе освободить его чрезъ 24 часа. Объ этомъ арестѣ и объ освобожденіи государь самъ предупредилъ Василія Назаровича, написавъ ему собственноручное письмо и пославъ съ нарочною эстафетою, такъ, чтобы она пришла ранѣе оффиціальнаго повелѣнія. Такое отношеніе государя сильно порадовало Каразина, и онъ, описывая этотъ случай къ Тимковскому, писалъ: «Съ сего времени моя приверженная къ нему (государю) душа не понесетъ никакой укоризны, но къ добру я стану дѣйствовать надежнѣе, поелику я увѣренъ, что ничьи козни поколебать его противъ меня не могутъ» [1]).

Въ день своего ареста, т. е. 24 марта, Василій Назаровичъ писалъ И. Ѳ. Тимковскому, прося его пріѣзжать къ себѣ скорѣе на помощь. Мечтая открыть университетъ не позже сентября того же 1803 г. [2]) онъ торопилъ профессоровъ пріѣздомъ въ Харьковъ, обѣщая имъ здѣсь обезпеченныя условія жизни, невыданное жалованье и прочее, указывая на необыкновенный энтузіазмъ общества къ дѣлу открытія университета и на готовность купцовъ жертвовать даже въ ущербъ своимъ коммерческимъ предпріятіямъ. Поглощенный своими мечтами, В. Н., кажется, забылъ всѣ условія и обстановку, среди которой онъ долженъ будетъ дѣйствовать и которая вскорѣ дала себя знать. Нѣкоторыя позднѣйшія письма его прямо отчаянныя: ни одного своего обѣщанія онъ не могъ исполнить. Своей лихорадочной поспѣшностью Василій Назаровичъ скорѣе тормозилъ дѣло, чѣмъ подвигалъ его впередъ. «Скажу въ откровенности, писалъ Г. Р. Шидловскій Потоцкому по поводу устроенія университета, что при начальномъ установленіи, въ обществѣ нашемъ для университета были бы лучшіе успѣхи, по крайности всѣ бы были отвращены непріятности, если бы не вмѣшались, *съ одной стороны*, *скорость*, а съ другой—худое расположеніе губернатора Артакова» [3]). Сопротивленіе послѣдняго выражалось тѣмъ, что онъ медлилъ очи-

---

[1]) Кіевская Старина 1891 г. августъ стр. 236.

[2]) Письмо его отъ 14 дек. 1806 г. Журн. Министъ. Народн. Просвѣщ. CLIX стр. 67.

[3]) От. 14 дек. 1806 г. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CLIX стр. 67.

стить подъ университетъ занимаемый имъ домъ, назначенный для университета, и въ умышленномъ бездѣйствіи по требованію пожертвованныхъ дворянами суммъ. Послѣ настойчивыхъ просьбъ Василія Назаровича [1]) и благодаря вступившемуся въ дѣло Министру Внутреннихъ дѣлъ Кочубею, губернаторскій домъ былъ сданъ Каразину. Василій Назаровичъ бросился перестраивать и передѣлывать неприспособленное къ новой цѣли «отъ давняго запущенія» [2]) зданіе, приноровляя его къ университету; денегъ между тѣмъ еще не было, и передѣлки происходили за счетъ Василія Назаровича. Любопытно, что первымъ дѣломъ Каразина было прибить къ зданію вывѣску «Государственный Университетъ», когда развѣ только эта одна вывѣска имѣла какое-нибудь отношеніе къ университету. Заботясь о пріобрѣтеніи временнаго помѣщенія для университета и большого мѣста по Сумской дорогѣ [3]) подъ постоянныя зданія для него, онъ составлялъ, при помощи архитектора Васильева, планы отдѣльныхъ помѣщеній для университета, предполагавшихся на мѣстѣ нынѣшняго университетскаго сада [4]), побуждалъ къ пожертвованіямъ сосѣднія губерніи, дѣйствуя въ качествѣ правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ; кромѣ того, по полномочію члена этого прав-

---

[1]) Чтобы выпроводить губернатора скорѣе, Василій Назаровичъ выхлопоталъ ему квартиру, нанятую на университетскія суммы („Опытъ" стр. 103). Нѣсколько позднѣе (въ срединѣ 1804 г.) для вице-губернатора на университетскій счетъ былъ отдѣланъ особый домъ (Сонцева), при чемъ тогдашній вице-губернаторъ М. Наврозовъ ревностно старался сократить расходы университета по перестройкѣ дома. (Въ Ист. Арх. Х. Ун-та. Переписка М. Наврозова, Потоцкаго и Каразина).

[2]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. CLIX стр. 76.

[3]) Теперь это мѣсто стоитъ огромныя деньги; мнѣ говорили, что по теперешнимъ цѣнамъ на землю въ Харьковѣ оно стоитъ болѣе 1.000.000 рублей; В. Н. Каразину предлагали его за 6000 руб.

[4]) По словамъ Ф. В. Каразина Василій Назаровичъ „предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный учебный, такъ сказать, городокъ; въ срединѣ садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ 3 церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами, крытыми галлереями; на задней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія. Планъ всего этого былъ представленъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, (Опытъ ист. х. ун-та пр. Багалѣя т. I гл. II, 63—64; Русская Старина 1875 г. октябрь, стр. 270).

ленія (Потоцкаго), онъ, на основаніи 20 и 46 ст. [1]) предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, требовалъ отпуска ему суммы, должной казной дворянамъ и пожертвованной на университетъ, заботился о студентахъ для будущаго университета; въ тоже время онъ высказывалъ свои соображенія объ организаціи училищной части въ предѣлахъ харьковскаго округа [2]). Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ много помогалъ Василію Назаровичу пріисканный имъ еще въ Петербургѣ особый чиновникъ И. М. Шишкинъ, который былъ чѣмъ то въ родѣ эконома, не состоя, повидимому, ни въ какой должности. Тимковскій въ письмѣ къ Новосильцеву отъ 12-го окт. 1803 г. называетъ этого Шишкина «имѣющимъ жительство въ этомъ городѣ не у дѣлъ коллежскимъ совѣтникомъ» [3]). Чтобы собрать сколько нибудь денегъ и дѣйствовать болѣе производительно, Василій Назаровичъ настоялъ предъ Донецъ-Захаржевскимъ о созывѣ дворянъ на общее собраніе для опредѣленія сроковъ обѣщанныхъ взносовъ. Это собраніе дѣйствительно состоялось 21-го апр. Собраніе одобрило дѣйствія Каразина, выразило ему свою похвалу, установило сроки, но денегъ все-таки еще не было. Наоборотъ, Василій Назаровичъ увидѣлъ, какъ усилилось съ легкой руки Захаржевича-Капустянскаго и Артакова оппозиція его дѣлу.

Къ изюмскимъ дворянамъ примкнуло волчанское дворянство. Богодуховскій помѣщикъ Савва Ольховскій, тотъ самый, который бралъ приступомъ имѣніе отца Василія Назаровича, можетъ быть, вслѣдствіе родовой непріязни, отказался внести даже сумму, обѣщанную имъ на первоначально проектируемый кадетскій корпусъ (суммы, обѣщанныя дворянами на кадетскій корпусъ, перевели на университетъ). Они тормозили дѣло, составляя уѣздные съѣзды дворянъ, гдѣ постановили не соблюдать общаго рѣшенія. Когда губернскій предводитель жаловался Артакову о незаконности подчиненія постановленій губернскихъ съѣздовъ дворянъ уѣзднымъ, тотъ, держа сторону оппозиціи, молчалъ, и дѣло опять останавливалось на неопредѣленное время. Едва-едва послали послѣднее рѣшеніе дворянъ на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Василію Назаровичу нечего было дѣлать въ Харьковѣ. Онъ уже давно заложилъ въ приказъ общественнаго призрѣнія отцов-

---

[1]) По этимъ §§ распоряженіе университетскими суммами передавалось исключительно правленію и членамъ его „Опытъ ист. харьк. ун.“ пр. Д. И. Багалѣя, стр. 100.

[2]) Тамъ же 107—112. Докадъ Новосильцеву В. Н. Каразина отъ 10 іюня 1803 г.

[3]) Тамъ-же.

ское наслѣдство, часть котораго была и безъ того уже заложена въ банкъ при раздѣлѣ наслѣдниковъ. Средства его истощились; на успѣхъ въ полученіи новыхъ нельзя было надѣяться, оставаясь въ Харьковѣ при полнѣйшей инертности здѣшнихъ дворянъ [1]), и онъ тотчасъ послѣ собранія дворянъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и хлопотать. 24-го апр. 1803 г. Каразинъ поручилъ Шишкину принять губернаторскій домъ и сдѣлать опись всему имуществу. 14 мая, предъ самымъ отъѣздомъ изъ Харькова, онъ пишетъ Шишкину любопытное письмо, проливающее свѣтъ на личность В. Н. Каразина [2]). «Отъѣзжая на короткое время по обязанности моей въ Петербургъ, я имѣю честь повторить Вамъ порученіе, которое Вы на себя взять изволили, и увѣрить при томъ, что всѣ старанія употреблю, чтобы достойно Васъ отблагодарить». Сказавъ о приготовленіи домовъ для университета, объ отдѣлкѣ въ нихъ квартиръ для ректора и профессоровъ, а также объ уплатѣ денегъ рабочимъ «по нуждѣ и разсмотрѣнію», онъ замѣчаетъ: «Я совершенно ввѣряю Вамъ всѣ издержки, бывши удостовѣренъ, что излишняго не употребите; посему все, что ни сдѣлаете Вы, пріемлю я на собственный счетъ [2]). Если нужны какіе-нибудь письменные договоры, Вы можете ихъ сдѣлать моимъ именемъ... Собственно для себя, пожалуйте, употребленіе хотя до полутораста рублей и внести сіе въ книгу, ибо невозможно трудиться никому безъ воздаянія». При этомъ онъ оставляетъ Шишкину на расходы въ полное распоряженіе 2.000 руб. и ему же поручаетъ принимать взносы «отъ благомыслящихъ въ пользу университета». Въ письмѣ отъ 24-го мая изъ Москвы, гдѣ онъ встрѣтился съ И. Ѳ. Тимковскимъ, онъ увѣряетъ Шишкина о скоромъ пріѣздѣ въ Харьковъ И. Ѳ. Тимковскаго, которому поручено, между прочимъ, вмѣстѣ съ нимъ (Каразинымъ) заняться приготовленіями къ открытію университета, проситъ вступить съ Тимковскимъ въ то самое сношеніе, въ которомъ былъ съ нимъ самимъ, повторяетъ, чтобы Шишкинъ свободно издерживалъ порученную ему сумму, и обѣщаетъ въ скоромъ времени изъ Петербурга выслать еще бо́льшую на заботы по университету. Эти письма очень интересны, какъ свидѣтельствующія, во-первыхъ, о полной самостоятельности распоряженія Каразина, а также о крайней простотѣ способовъ расходованія казенныхъ денегъ; выражаемое имъ без-

---

[1]) Въ протоколѣ дворянскаго собранія значится: „дворянство ограничиваетъ себя единожды на всегда взносомъ суммы“. „Опытъ“ 113—116.

[1]) Журн. Мин. Н. Просв. 1872. CLIX.

[2]) Надо полагать, что Василій Назаровичъ требовалъ отъ правленія университета всѣ истраченныя имъ суммы.

условное довѣріе лицу, неудобное и въ частныхъ денежныхъ отношеніяхъ, очевидно не могло быть примѣнимо ни въ какія времена къ казенному счетоводству» [1]). Тѣмъ не менѣе эта простота способовъ господствовала во всѣхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ В. Н. Каразина, что, естественно, какъ увидимъ ниже, приводило къ большимъ затрудненіямъ и замѣшательствамъ. «Въ практической дѣятельности Каразина по части устроенія харьковскаго университета, которая продолжалась вплоть до Высочайшаго выговора, объявленнаго ему гр. Завадовскимъ»,—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй—«обнаружились обычныя свойства характера Каразина—изумительная энергія, съ одной стороны, и непрактичность—съ другой; первая, несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу, а вторая вызвала неудовольствія, нареканія и послужила ближайшимъ поводомъ для устраненія его отъ того предпріятія, которое онъ съ полнымъ основаніемъ считалъ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ» [2]).

По возвращеніи въ Петербургъ, В. Н. Каразинъ вступилъ въ должность правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, въ коей все время числился. Надо замѣтить, что теперь правитель дѣлъ главнаго управленія училищъ не имѣлъ того значенія, какъ за нѣсколько времени раньше, когда ему поручали составленіе важныхъ проектовъ. Правленіе сошло теперь на простую канцелярію, разбившуюся къ тому же на 3 самостоятельныхъ отдѣленія, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныя, при существованіи въ то же время и отдѣльныхъ канцелярій попечителей. Одно изъ этихъ отдѣленій, стоившее государству громадныхъ средствъ, называлось департаментомъ, числилось при министерствѣ, завѣдывало циркулярными предложеніями попечителя; другое, подъ руководствомъ В. Н. Каразина вело общія дѣла учебныхъ округовъ, а третье завѣдывало доходами Щукинскаго дома (около 13 тысячъ). Прежній «правитель дѣлъ главнаго правленія училищъ», участвовавшій согласно инструкціи въ рѣшеніи поступавшихъ въ него вопросовъ, обратился въ простого канцеляриста. Въ письмѣ къ государю отъ 16 авг 1803 г. онъ жаловался на то, что ему не даютъ даже смотрѣть всѣ бумаги, поступающія въ департаменты.

6-го числа Каразинъ докладывалъ Н. Н. Новосильцеву полученное изъ Харькова доношеніе Тимковскаго о состояніи дѣлъ

---

[1]) Н. А. Лавровскій. „В. Н. Каразинъ и основаніе Харьковскаго университета“. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1873.

[2]) „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“. „Записки Харьк. унив. 1893 г. т. I.

Харьковскаго университета. Въ этомъ докладѣ Тимковскій дѣлалъ разные проекты о необходимой перестройкѣ университетскихъ зданій, о приготовленіи квартиръ для профессоровъ, о мѣстѣ для постройки постоянныхъ корпусовъ и проч. Всѣ эти предложенія были одинаковы съ предложеніями по тому же самому предмету Каразина или только дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ [1]). Наведя справки о дворянскихъ 69.910 руб., о выдачѣ которыхъ хлопоталъ изъ Харькова, Каразинъ узналъ, что переписка о деньгахъ все еще продолжалась, и ей не предвидѣлось конца. Сумма, назначенная на потребности въ 1803 г. новыхъ учебныхъ округовъ 500.000 руб., изъ которыхъ на долю Харьковскаго приходилось 125.000 р., не была еще отпущена изъ Министерства Финансовъ; Василій Назаровичъ настоялъ предъ Кочубеемъ сдѣлать докладъ императору объ упомянутыхъ дворянскихъ деньгахъ, и 30-го іюня 1803 г. было высочайше повелѣно выдать ихъ; но когда сообщили объ этомъ министру финансовъ, тотъ отвѣтилъ, что у него есть въ рукахъ другое высочайшее повелѣніе объ отсрочкѣ выдачи ихъ до слѣдующаго года. Руки у Василія Назаровича опять были связаны. У него было только 4,000 руб., полученныхъ отъ Новосильцова и имъ самимъ (Каразинымъ) выхлопотанныя въ Харьковѣ [2]), которыя не могли существенно помочь ему. Нужно было найти профессоровъ, купить книги для библіотеки и обстановку для лабораторій; въ Харьковѣ все настойчивѣе и настойчивѣе требовали денегъ для продолженія начатыхъ работъ по перестройкѣ губернаторскихъ домовъ. В. Н. Каразинъ настоялъ, наконецъ, предъ Новосильцевымъ о представленіи Завадовскому отпустить 40.000 руб. изъ 500.000-ной суммы [3]); эти деньги В. Н. Каразинъ намѣревался раздѣлить пополамъ для Тимковскаго въ Харьковѣ и Потоцкаго, который извѣщалъ въ

---

[1]) Такъ, Тимковскій поддержалъ просьбу Каразина о передачѣ вице-губернаторскаго дома университету, о выборѣ мѣста для университета на мѣстѣ нынѣшняго Университетскаго сада.

[2]) Деньги эти были посланы въ Петербургъ Новосильцову въ мартѣ (24) съ письмомъ къ Тимковскому «Кіевская Старина» 1891 г. т. XXXIV. 227.

[3]) Только не пожертвованной дворянами, какъ говоритъ Н. Шугуровъ (Кіевск. Стар. т. XXXIV, 383., такъ какъ эта сумма могла быть собрана въ Харьковѣ, къ чему еще не приступали, а ассигнованной государемъ на учебные округа. О приводимыхъ хлопотахъ В. Н. Каразина заключаемъ по письму его къ Тимковскому въ началѣ іюля 1803 г., напеч. въ «Кіевск. Стар.» т. XXXIV стр. 583—584. Также «Опытъ Ист. Х. ун.» пр. Багалѣя, стр. 133—134. Тоже въ запискѣ государю отъ 16 авг. 1803 г.

письмахъ Каразину о приглашенiи имъ профессоровъ въ университетъ, требовавшихъ для выѣзда третного жалованья и подъемныхъ. Завадовскiй отвѣтилъ на это, между прочимъ, что устройство университетовъ—вздоръ, и что Потоцкому денегъ не надо, такъ какъ де онъ самъ обѣщалъ ему въ этомъ случаѣ писать (письмо къ государю Каразина 16-го августа «Русск. Стар.» XIV. 274). Прошло двѣ недѣли, денегъ не выдавали и снова просили убавить сумму вдвое. Однако вмѣсто 20.000 р. Министерство назначило 18,000 руб., при томъ настолько неудобно распредѣлило расходованiе этой суммой, что она оказывалась совсѣмъ безполезной, и Новосильцовъ посовѣтовалъ Василiю Назаровичу не хлопотать и лучше вовсе отказаться отъ этихъ денегъ. Тимковскiй между тѣмъ въ письмѣ къ Каразину отъ 29-го iюня 1803 г. жаловался, что за отсутствiемъ денегъ пропадаетъ даромъ лѣто и что это затянетъ работы на цѣлый годъ, такъ какъ кирпичныхъ и штукатурныхъ работъ нельзя производить осенью и зимою; (каково было узнать объ этомъ Каразину, собиравшемуся праздновать въ сентябрѣ открытiе университета); что прiѣхавшiе въ Харьковъ проф. Делавинь и Лангъ требовали меблированныхъ квартиръ; что Делавиню, которому еще самъ Каразинъ обѣщалъ меблированную квартиру въ серединѣ апрѣля, Тимковскiй могъ дать для обстановки лишь два кресла и два стула. Подобныя извѣстiя не могли не удручать Василiя Назаровича. Но чѣмъ менѣе давали ему возможности дѣйствовать, чѣмъ сильнѣе ему противодѣйствовали, тѣмъ неудержимѣе становилась его неистощимая энергiя, проявляя съ рѣзкостью почти болѣзненной. Возбужденное нервное состоянiе рѣзко вылилось въ письмѣ къ Кочубею отъ 14 авг. 1809 г. и къ государю отъ 16-го числа того же мѣсяца. «Мое начальство», пишетъ онъ первому», не сдѣлало ни малѣйшаго шага, чтобы поддержать заведенiе университета въ Харьковѣ и духъ тамошняго дворянства и гражданъ, расположенный въ его пользу... Какъ будто на смѣхъ живутъ тамъ два профессора, публика начинаетъ судить обо всемъ этомъ весьма невыгодно, и мѣстное начальство подаетъ къ тому поводъ. Формально не отводятъ до сихъ поръ домовъ, подъ университетъ назначенныхъ, ссылаясь на ваши, графъ, запросы, которые выражаютъ сомнѣнiе, и на недостатокъ точнаго предписанiя ни объ одномъ изъ сихъ домовъ. Вы не изволили также ничего рѣшительно предписать, ни намъ отвѣчать объ остаточной суммѣ отъ откуповъ городскихъ, съ 1783 г. мы не имѣемъ ни свѣдѣнiя о ней, ни наставленiя, какъ приступить къ ея собранiю, между тѣмъ всѣ прочiя суммы по извѣстному вашего сiятельства расписанiю слѣдующiя къ сбору въ нынѣшнемъ году, остановились совершенно, поелику вы не изволили ничего отвѣчать предводителю на его

представленіе; изъ казны выдача 60-титысячной суммы отложена до будущаго года по милости графа Петра Васильевича (Завадовскаго), который заставилъ министра финансовъ представить государю, что его сіятельству было угодно. Я много еще надѣялся отъ добровольныхъ взносовъ, если бы приношеніе Хорвата [1]) было бы сколько ободрено, но оно обращается въ шутку, коль скоро вы еще изволите замедлить исполненіемъ вашего обѣщанія (не говорю даже о томъ, какъ я себя скомпрометировалъ, написавши ему объ этомъ обѣщаніи).—Начатыя строенія всѣ пріостановились; принятые чиновники потеряли и духъ и надежды, и вы изволите увидѣть, что все это кончится доносомъ на меня» [1]). «Развяжите меня, наконецъ, съ этимъ человѣкомъ», сказалъ Кочубей Сперанскому [2]), отдавая ему письмо Каразина. Вотъ какъ В. Н. Каразинъ наживалъ враговъ и рылъ самъ себѣ яму.

Онъ послалъ изъ полученныхъ имъ отъ Новосильцова денегъ 3.000 руб. Тимковскому, лишь бы не останавливалось начатое дѣло, а на Завадовскаго, «отыгрывавшагося» всякій разъ, какъ дѣло заходило о деньгахъ на Харьковскій университетъ, составилъ формальную жалобу государю [4]). Новосильцовъ и кн. А. А. Чарторыжскій отговаривали его подавать эту жалобу государю и не вооружать противъ себя и безъ того уже враждебно настроеннаго министра. Въ началѣ августа Василій Назаровичъ получилъ отъ Потоцкаго письмо, въ которомъ онъ на призывъ Каразина рѣшительно отказывался пріѣхать въ Харьковъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что ему рѣшительно нечего тамъ дѣлать. «Признаюсь Вамъ, пишетъ онъ, что я немного уже скомпрометировалъ себя, начавъ переговоры съ нѣсколькими лицами и не имѣя возможности кончить ихъ по недостатку денегъ. Мнѣ кажется, что и достоинство самого правительства нашего терпитъ отъ этого не мало: всѣ газеты протрубили о нашихъ новыхъ

---

[1]) Въ бытность Каразина въ Харьковѣ «генералъ-лейтенантъ Осипъ Ивановичъ Хорватъ, хотя и не былъ помѣщикомъ слободско-украинской губ., но пожелалъ, въ интересахъ просвѣщенія и въ силу прежней своей принадлежности къ Харьковскому дворянству, внести на Харьковскій университетъ 5000 руб. въ 5 сроковъ („Опытъ Ист. Х. ун." пр. Багалѣя, стр. 114--115). Собраніе дворянъ, бывшее 21 апр. 1803 г., благодарило за даръ. В. Н. Каразинъ хлопоталъ въ Петербургѣ о награжденіи Хорвата, но безъ результата.

[2]) «Русск. Стар.» 1875 т. XIV стр. 475.

[3]) Тамъ же стр. 75.

[4]) „Опытъ ист. Х. ун." проф. Багалѣя.

учрежденіяхъ на пользу просвѣщенія, всѣ ждутъ, что Россія потребуетъ изъ за границы множество нужныхъ ей людей, безъ которыхъ вначалѣ нельзя ей обойтись, и между тѣмъ мы совершенно бездѣйствуемъ!..» [1]). Оскорбленное чувство патріотизма, умышленное и неумышленное невниманіе «власть имущихъ» къ чистымъ побужденіямъ обижало и озлобляло Василія Назаровича на окружающихъ. Невнимательное отношеніе къ его просьбамъ Кочубея, невозможность добиться въ главномъ правленіи училищъ у Завадовскаго никакого толку и вмѣстѣ съ тѣмъ упорныя требованія денегъ Тимковскимъ изъ Харькова и Потоцкимъ изъ за границы, не желавшаго однако *дѣйствовать*—все это отуманило В. Н. Каразина [2]). Онъ ищетъ исхода своему неопредѣленному положенію, кому бы раскрыть весь ненормальный ходъ дѣла и у кого бы просить помощи; и предпринимаетъ «отчаянный поступокъ» [3]) — обращается опять къ «другу души своей», шагъ тѣмъ болѣе рискованный, что еще не такъ давно ему было запрещено непосредственно сноситься съ государемъ.

Утромъ 16-го авг. 1803 г. чрезъ камердинера Александра Гаврилова въ каменноостровскомъ дворцѣ Василій Назаровичъ подалъ государю собственную записку и, не колеблясь, приложилъ къ ней недавно полученное имъ письмо графа С. О. Потоцкаго [4]). Указавъ на бездѣятельность и произволъ въ распоря-

---

[1]) „Русск. Стар. 1875 г. Авг. 272.

[2]) Онъ хотѣлъ видѣть во всѣхъ самоотверженное пренебреженіе личныхъ интересовъ ради пользы отечества, какое было въ немъ, и, конечно, не находилъ ничего подобнаго. Потоцкій въ письмѣ отъ 7-го октября 1803 г. писалъ ему: «что касается до грустныхъ Вашихъ размышленій, что Харьковскій университетъ, повидимому, совершенно забытъ, то я долженъ признаться, что вина въ этомъ собственно моя или лучше сказать *моихъ обстоятельствъ*. Пусть говорятъ, что хотятъ, но гдѣ же Вы видѣли, любезный мой другъ, чтобы люди думали *столько же* или же даже *еще и больше* о дѣлахъ чужихъ, чѣмъ сколько о своихъ собственныхъ». Такъ думалъ лучшій изъ людей того времени, высказывая свои мысли такому самому господину, какого полагалъ невозможнымъ найти. Вотъ гдѣ крылись терніи В. Н. на его поприщѣ дѣятельности: заботились больше о своихъ интересахъ, чѣмъ объ интересахъ родины. „Сѣверн. Пчела“ 1860 г. № 92. Письмо 5.

[3]) Письмо къ государю 16 авг. „Русская Стар.“ 1875 г. XIV 275.

[4]) Одинъ изъ случаевъ нетактичности Каразина: Василій Назаровичъ не имѣлъ права никому показывать частныхъ писемъ адресовавшихся къ нему лицъ. Потоцкій касался здѣсь, какъ мы видѣли и правительства, о чемъ едва-ли самъ согласился бы передать государю. Здѣсь, можетъ быть, кроется позднѣйшее охлажденіе Потоцкаго къ Каразину.

женіи ассигнованными на университеты суммами, всѣ ухищренія, предпринимаемыя Завадовскимъ для того, чтобы не хлопотать о порученномъ ему министерствѣ, Каразинъ описываетъ по пунктамъ современное состояніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ правленіи царитъ полный хаосъ, объ университетахъ (кромѣ Дерптскаго) и школахъ не подымали до сихъ поръ вопроса, попечителемъ въ Казанскій округъ назначили чуть-ли не столѣтняго старика, и это въ то время, когда нужно особенно энергичныхъ дѣятелей: «въ производствѣ дѣлъ до того нѣтъ порядка и правилъ, что правленіе иногда совсѣмъ не знаетъ, что дѣлается у попечителей; попечители относятся къ министру, тотъ передаетъ правленію, правленіе опять попечителю и попечители представляютъ одно и то же дѣло опять министру». «Въ засѣданіяхъ нѣтъ порядка; собираются у министра въ гостиной комнатѣ за ломбернымъ столомъ» (хотя правленіе имѣетъ свой домъ); «министръ въ одно время бываетъ и предлагатель, и исполнитель, и членъ, и предсѣдатель, и министръ». «Часто онъ, забывшись, собственные свои приговоры принимаетъ за мнѣнія членовъ, оспариваетъ ихъ» и т. д... Записка обратила сперва на себя вниманіе государя, и Каразинъ «того же часа отвѣтъ получилъ чрезъ оберъ-гофмаршала», какъ значится въ собственноручной припискѣ Василія Назаровича къ копіи этого письма [1]). Въ чемъ состоялъ этотъ отвѣтъ, неизвѣстно; вѣроятно, въ записочкѣ, что письмо прочтено и что отвѣтъ будетъ, потому что изъ слѣдующаго его письма къ государю отъ 12-го сентября видно, что Каразинъ ожидалъ отъ государя болѣе удовлетворительнаго отвѣта. Уже 22 августа Василій Назаровичъ былъ вѣроятно во дворцѣ, за что и получилъ тотъ «милостивый выговоръ», о которомъ упоминаетъ въ запискѣ императору отъ 23 авг. Проникнуть во дворецъ Василій Назаровичъ пытался тайкомъ, но это не удалось. «Нельзя не улыбнуться Вамъ, государь, если я донесу, что я доселѣ не понималъ, что невозможно мнѣ скрыть приходъ мой въ дворецъ и что излишнія то предосторожности мои меня наиболѣе и выказываютъ», писалъ онъ государю, чистосердечно прося прощенія за непрошенное свое появленіе [2]). Но Василій Назаровичъ не могъ долго терпѣть и, не получая обѣщаннаго отвѣта, рѣшилъ опятъ напомнить о себѣ коротенькой запиской, въ коей ходатайствовалъ, между прочимъ, что онъ дѣлалъ часто, о какомъ-то своемъ корреспондентѣ въ Грузіи [3]).

---

[1]) „Русск. Стар. 1875 г. т. XIV стр. 278.

[2]) „Русск. Стар.“ 1875 г. XIV ч. 470—471 стр.

[3]) Тамъ же, стр. 278.

Испытавъ всѣ средства къ успѣшнѣйшему ходу харьковскаго дѣла и къ соглашенію на представленія, дѣлаемыя имъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, чувствуя, что дѣло остановилось [1]) и не получая отвѣта на письмо свое отъ 16 авг., Каразинъ рѣшился, наконецъ, вновь безпокоить императора [2]). «Еще разъ испрашиваю милости, если я покажусь Вамъ слишкомъ дерзновеннымъ. Ради Бога, не взыщите на мнѣ, августѣйшій государь, я испыталъ уже всѣ другія средства; не осталось пути, которымъ не проходилъ бы я; голосъ мой раздавался какъ въ безлюдной и глухой пустынѣ, и Вы теперь послѣднее мое прибѣжище». Василій Назаровичъ опять молитъ государя помочь ему въ дѣлѣ его мечты—университета, которому онъ отдалъ свою душу и помышленія; онъ проситъ защиты отъ «убивающаго его пренебреженія» окружающихъ [3]) отъ униженія и насмѣшекъ надъ его «идеями, писанными съ такимъ жаромъ сердца». Каразинъ вѣрилъ, что государь пойметъ эти идеи [4]) и скажетъ, наконецъ, ему «ласковое слово». Приведенное письмо дышетъ такимъ жаромъ, такимъ чистосердечнымъ изліяніемъ страстно-любимому человѣку, что поневолѣ удивляешься, какъ Александръ Павловичъ могъ молчать на него: отвѣта Каразину не было. Это новый предвѣстникъ невзгоды.

«Стараясь всячески подѣйствовать на тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ была судьба Харьковскаго университета, Василій Назаровичъ въ тоже самое время принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ хлопотахъ по части приготовительныхъ мѣръ» [5]).

---

[1]) Въ письмѣ Потоцкаго Каразину отъ 7-го октября 1803 г. говорится, что благодаря поздней присылкѣ денегъ потеряно дорогое время, что для приглашенія профессоровъ, пріобрѣтенія нужныхъ пособій университету нужно будетъ вести огромную переписку, такъ какъ въ Вѣнѣ Потоцкій могъ бы окончить „однимъ разговоромъ“ („Сѣв. Пчела“ 1860 г. № 92. Письмо 5).

[2]) Сохранился отрывокъ отъ этого письма. Русс. Стар. т. XIV, стр. 474—476.

[3]) Напоминая при этомъ о возмутительномъ поступкѣ Кочубея съ адресованнымъ ему письмомъ и отданнымъ Сперанскому (въ бумагахъ послѣдняго нашелъ свое письмо В. Н. Каразинъ) и о томъ какъ секретарь возвратилъ ему бумагу, назначенную для государя даже не докладывая ея.

[4]) При письмѣ Василій Назаровичъ приложилъ нѣсколько бумагъ, изъ которыхъ одна была „составленныя первоначально имъ „предварительныя правила народнаго просвѣщенія“. „Русск. Стар.“ т. XIV стр. 476.

[5]) Багалѣй „Опытъ ист. Х. ун.“ стр. 136.

Онъ велъ переписку съ разными иностранными учеными, приглашая ихъ въ Харьковъ для преподаванія въ университетѣ, и успѣлъ получить согласіе отъ нѣсколькихъ тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей: Фихте, Гильдебрандтъ, Пуассонъ, Лабандъ—были готовы выѣхать въ Россію и только благодаря невозможности выслать деньги В. Н. Каразинъ прервалъ съ ними переговоры [1]). Берлинскій натуралистъ Реихъ, будучи приглашенъ Василіемъ Назаровичемъ, тотчасъ принялся за изученіе русскаго языка. Изъ сего видно, что этотъ профессоръ съ удовольствіемъ ѣхалъ въ Россію, «считая для себя честью служить орудіемъ русскаго правительства въ дѣлѣ устроенія государства» [2]).

Въ концѣ того же года Василій Назаровичъ выхлопоталъ принятіе профессоромъ въ Харьковскій университетъ Ивана Степановича Рижскаго,—впослѣдствіи ректора Харьковскаго университета, Виллиха по части физіологіи и практической медицины, химика Кригера и учителя живописи и рисовальнаго искусства Маттеса «человѣка рѣдкихъ способностей» [3]). Озабочиваясь о томъ, чтобы къ открытію университета были готовы и слушатели лекцій, Каразинъ пріискалъ въ Харьковѣ (какъ видно изъ рапорта къ Новосильцову отъ 6-го іюля 1803 года [4]) «около 50 человѣкъ, годныхъ къ непосредственному поступленію студентами», представивъ при этомъ и образчики ихъ сочиненій, и просилъ, чтобы изъ семинарій, находящихся въ губерніяхъ, составляющихъ Харьковскій учебный округъ, не требовать учениковъ въ С-Петербургскую учительскую семинарію, а по сношеніи съ синодомъ помѣщать ихъ въ Харьковскій университетъ. Эта бумага, между прочимъ, «подъ разными видами и предлогами представляема была къ подписанію четыре раза; въ пятый, наконецъ, соглашено написать по сему предмету» [5]) уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

---

[1]) Въ архивѣ Харьковскаго университета недавно найдено донесеніе В. Н. Каразина отъ 3 сент. 1803 г. Н. Н. Новосильцову, управлявшему временно Харьковскимъ Учебнымъ Округомъ, при которомъ препровождалось 20 тыс. рублей, полученныхъ изъ «С.-Петербургскаго остаточнаго казначейства для отсылки въ чужіе края по надобностямъ Харьковскаго университета». Деньги Каразинъ просилъ отправить во Львовъ Потоцкому, м.-б. для приглашенія профессоровъ.

[2]) „Русск. Стар.“ т. XIV. 1875 г. стр. 472.

[3]) „Кіевск. Стар.“ 1891 г. т. XXXIV. Письмо къ И. Ѳ. Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г.

[4]) «Опытъ Ист. Харьк. ун.» проф. Д. И. Багалѣя, стр. 121.

[5]) Собственноручная приписка В. Н. Каразина къ копіи съ представленія «изъ этого можно заключить», замѣчаетъ Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ, какъ нелегко доставалась ему каждая мини-

Онъ покупалъ сколько могъ для университета книгъ и главнымъ образомъ употреблялъ свое вліяніе на расположенныхъ къ нему и дѣлу образованія въ Россіи лицъ къ пожертвованію ими въ пользу университетской библіотеки книгъ [1]). «Помѣщикъ Василій Назаровичъ Каразинъ, говоритъ Фойгтъ, положилъ первое основаніе университетской библіотекѣ. По его выбору и старанію пріобрѣтены для нея первыя сочиненія; его личному содѣйствію и вліянію она обязана большимъ числомъ книгъ, пожертвованныхъ въ то время разными частными лицами» [2]). На деньги, выданныя Новосильцовымъ, В. Н. Каразинъ пріобрѣлъ 4 печатныхъ станка, словолитныя формы и котлы, желѣзные инструменты, краски и проч. для первоначальнаго инвентаря университетской типографіи [3]).

Ободренный этими небольшими успѣхами и ожидая благопріятнаго отвѣта отъ государя на послѣднее свое письмо (въ концѣ сентября 1803 г., судя по тому, что въ запискѣ 12-го сент. онъ еще терпѣливо ждалъ), Василій Назаровичъ нѣсколько ожилъ и уже опять мечталъ объ открытіи университета въ концѣ того же 1803 г. [4]). Пріурочивалъ открытіе его онъ къ 12-му декабря, какъ видно изъ письма Тимковскаго къ Каразину [5]). Отправляя къ И. Ѳ. Тимковскому письмо 1-го октября 1803 г. онъ былъ охваченъ радужными надеждами. «Радуйтесь»! писалъ онъ, «послѣ скуки и непріятностей всякаго рода, чуть ли не приходимъ къ самой пріятной развязкѣ». Обѣщая затѣмъ присылку книгъ «на 3-хъ возахъ» и мастеровъ—слесаря и мѣдника, необходимыхъ для

стерская бумага по харьковскому дѣлу («Русск. Стар.» т. XIV, стр. 473). Результатомъ этихъ хлопотъ былъ указъ синода отъ 7-го іюля 1804 г. «въ пріуготовленный къ открытію Харьковскій университетъ отпустить изъ Харьковскаго коллегіума и Курской семинаріи студентовъ богословія и философіи по 15 да изъ риторики и поэзіи по 5 человѣкъ» (Кіевская Стар. 1891 г. т. XXXI, 388.

[1]) 14 дек. 1803 г. Каразинъ выслалъ въ Харьковъ на имя Шишкина 12 ящиковъ съ книгами и принадлежностями для университета. Характерна приписка къ письму, присланному съ посылкой: „Рогожи куплены на казенный счетъ, почему и должны остаться у васъ“.(Историч. Архивъ X. у-та).

[2]) Историко-статистическіи записки объ Исторіи Харьк. универ. и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г. Харьк. 1859, стр. 25.

[3]) Фойгтъ стр. 133—134.

[4]) «Кіевск. Стар. 1891 г. т. XXXIV, стр. 387.

[5]) Тамъ же стр. 387—389.

устройства университета [1]), которыхъ онъ обѣщалъ пріискать, уѣзжая изъ Харькова, и всякихъ благъ, Каразинъ въ избыткѣ энергіи, такъ обнадеживаетъ въ успѣшномъ ходѣ Тимковскаго: «не уповайте на князи, въ нихъ же нѣтъ спасенія!...» «Нѣтъ, Ваши сіятельства и Ваши превосходительства! Главнымъ (если не единственнымъ) предметомъ учрежденія университета было у меня благосостояніе моей милой страны и полуденнаго края Россіи, а не доставленіе Вамъ донесеній, надъ которыми можно было бы потолковать часа два три и потомъ приказать *пріобщить къ дѣлу*. Будьте покойны, мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, чѣмъ предполагаютъ наши недоброжелатели. Они измѣрили свои политическія силы, но для измѣренія нашего упорства въ добромъ намѣреніи не имѣютъ они масштаба» [2]). Такъ увѣренъ былъ Василій Назаровичъ въ обѣщанномъ ему отвѣтѣ императора и новыхъ чудесахъ своей энергіи. Но отвѣтъ на всѣ его письма и хлопоты полученъ былъ имъ въ срединѣ слѣдующаго года и окончательно лишилъ его возможности *упорствовать въ добромъ намѣреніи*. По вызывающему тону письма Тимковскій ожидалъ, что Каразинъ наживетъ себѣ бѣдъ и спѣшилъ по-дружески предупредить его. Тимковскій наотрѣзъ указалъ на невозможность открытія университета въ 1803 г. и, предвидя вспыльчивость неудержимаго энтузіаста, представилъ ему вѣскіе аргументы. Нельзя было открывать университета, не зная навѣрное, будутъ-ли достаточныя суммы для его поддержанія, откуда возьмутся сразу студенты, когда зданіе не отстроено, библіотеки, кабинетовъ и лабораторій еще совсѣмъ нѣтъ и проч. Указывая на болѣе подходящее время для открытія университета, именно, лѣто 1804 г., онъ уговаривалъ Василія Назаровича не портить дѣла своей поспѣшностью. «Дѣятельность Ваша» характеризовалъ онъ В. Н. Каразина, «есть пламень всепожирающій,—ахъ, берегитесь! пожирающій и Васъ самихъ,—есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Не отдѣляйтесь, по крайней мѣрѣ—не отдѣляйтесь такъ рано, оставьте себя будто въ опекѣ. Всякое царство, раздѣлившееся на ся погибнетъ». «Имѣяй уши слышати, да слышитъ» лаконически заключилъ Тимковскій.—«Я соглашаюсь быть смѣшнымъ, лишь бы успѣлъ быть полезнымъ», отвѣчалъ ему В. Н. Каразинъ [3]). Подъ вліяніемъ этого предостереженія, или

---

[1]) Тимковскій въ своихъ письмахъ жаловался на недостатокъ рабочихъ рукъ и спеціалистовъ (Кіевская Старина) 1891 г. XXXIV.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ же стр. 389.

нѣтъ, только съ этихъ поръ до отставки Каразина мы не имѣемъ ни одного рѣзкаго его письма къ «власть имущимъ», хотя быть «въ опекѣ» людей, нежелавшихъ ему помогать, Каразинъ не хотѣлъ, да и не могъ, и продолжалъ самостоятельныя дѣйствія, кончившіяся исполненіемъ угрозъ Тимковскаго. «Набѣжало сугубое ненастье». Главной, во всякомъ случаѣ ближайшей причиной устраненія В. Н. Каразина отъ дѣлъ, была покупка имъ эстамповъ и наемъ мастеровъ для университета.

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературный Банавентура.

(Замѣтки читателя [1]).

I.

Извѣстный изъ комедіи г. Тобилевича «Сто тысячъ» Банавентура-копачъ въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ въ его жизни минутъ, когда надъ надеждой отыскать кладъ беретъ верхъ сомнѣніе, между прочимъ заявляетъ: «Отсей останній разъ якъ не найду гроши — годи, кинець, аминь! Засяду десь и буду пысать, — все одно гроши. Я за годъ напышу стилькы, що й на воза не заберешъ»! (Ив. Тобилевичъ — Драмы и Комедіи, т. II, стр. 204). Немного раньше онъ намѣчаетъ даже тотъ родъ литературы, который намѣревается обогатить своими произведеніями,—это «комедія малоросійська»,—хотя вообще къ писательству относится полупрезрительно: «се пустякъ, одно баловство». Я просилъ бы читателя отнестись совершенно серьезно и къ вышеприведенному заявленію этого, такъ сказать, литературнаго самородка, и къ его отношенію къ писательству вообще: не смотря на ихъ видимое противорѣчіе — это въ нѣкоторомъ родѣ драгоцѣнный ключъ къ пониманію кое-какихъ современныхъ явленій въ нашей литературѣ, съ перваго взгляда

---

[1]) Переводъ съ украинской рукописи.

кажущихся необъяснимыми. Развѣ не замѣчательно въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ прямо заявляетъ: «щó тамъ пысать?—чортъ зна що—пысать... Се пустякы, одно баловство»—и въ тоже время собирается засѣсть за «комедію малоросійську», и при томъ именно тогда, когда предчувствуетъ крушеніе своихъ кладоискательскихъ надеждъ. Мотивъ такого поведенія выраженъ Банавентурой вполнѣ ясно: «писать—все одно гроши».

Конечно, только въ качествѣ человѣка, не знакомаго съ правильнымъ употребленіемъ общеизвѣстныхъ литературныхъ терминовъ, Банавентура употребляетъ въ данномъ случаѣ слово «комедія». По общему ходу его мысли, по смыслу всей его рѣчи не трудно догадаться, что подъ комедіей здѣсь нужно разумѣть просто всякое драматическое произведеніе, подобно тому какъ словомъ «комедіянщикъ» въ народѣ называется всякій актеръ, «комедію представлять» значитъ—вообще играть на сценѣ и т. п. Имѣй Банавентура болѣе ясное и отчетливое представленіе о драматическомъ искусствѣ, онъ, разумѣется, употребилъ бы иное, болѣе широкое и общее, опредѣленіе, но смыслъ его словъ остался бы въ сущности тотъ же: не выгорѣло дѣло съ кладами—попробую, съ Божьей помощью, на поприщѣ драматическаго писателя: авось тамъ дѣла устроятся лучше и музыка пойдетъ уже не та. Нужды нѣтъ, что Банавентура понятія о драмѣ не имѣетъ — настолько не имѣетъ, что постоянно путается въ общеизвѣстныхъ терминахъ и даже внушаетъ весьма сильныя подозрѣнія на счетъ умѣнія грамотно излагать свои мысли,—онъ вполнѣ увѣренъ, что писаніе «комедій» есть дѣло весьма пріятное, легкое и выгодное, безъ всякихъ усилій и затрудненій созидающее благоденствіе для лицъ, избравшихъ это благословенное дѣло своимъ постояннымъ занятіемъ. Если къ сказанному прибавить, что Банавентура весьма своеобразно относится къ вопросу о литературной собственности и, упрекая за литературную кражу другихъ, тутъ же принимается декламировать *собственную* комедію, начинающуюся словами: «Епей бувъ парубокъ моторный»,—то мы получимъ достаточно выразительный образъ своеобразныхъ отношеній Банавентуры къ литературѣ.

Я не безъ умысла началъ настоящій очеркъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ области нашей драматической литературы съ характеристики лица, повидимому ей совершенно чуждаго. Бываютъ моменты, когда среди литературныхъ дѣятелей замѣчается особенный наплывъ именно такихъ случайныхъ лицъ, которыя имѣютъ къ литературѣ въ сущности весьма отдаленное отношеніе, но тѣмъ не менѣе, разъ попавъ въ сферу ея притяженія, сообщаютъ ей опредѣленный характеръ, представляя свою особую струю, выдержанную въ весьма строгомъ стилѣ. Массовое участіе такихъ лицъ нарушаетъ всѣ наши обычныя представленія о нормальномъ ходѣ развитія и о дѣйствительномъ движеніи литературы, придавая послѣдней особый отпечатокъ тѣхъ спеціальныхъ качествъ, которыя приносятъ съ собой эти лица,—какой то специфически «банавентурный», если такъ можно выразиться, духъ. Говорятъ, напр., что драма представляетъ собой высшій родъ поэзіи, въ нѣкоторомъ родѣ—вѣнецъ литературнаго творчества и завершеніе литературнаго зданія. Утверждаютъ, что, зародившись на младенческой ступени развитія человѣчества въ видѣ простой безыскусственной народной пѣсни, когда невозможно еще выдѣлить всѣ элементы поэзіи въ ихъ чистомъ видѣ, поэзія проходитъ различныя ступени литературной обработки, первоначально въ собственномъ смыслѣ стихотворной—ритмической, и завершается драматической формой, какъ наиболѣе совершенной, наиболѣе удобной для полнаго воплощенія писателемъ въ образы и картины данныхъ положеній при наименьшемъ, такъ сказать, арсеналѣ средствъ, при наименьшей затратѣ творческихъ рессурсовъ. Лирикъ и эпикъ, воплощая въ образы свои мысли и положенія, могутъ пользоваться въ болѣе или менѣе широкомъ объемѣ выраженіемъ своихъ собственныхъ чувствъ, проявленіемъ своего личнаго отношенія къ предмету, своего субъективнаго настроенія, что̀ въ значительной степени облегчаетъ творческую работу, предоставляя широкій просторъ индивидуальности автора, и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ требуемое впечатлѣніе. Драматургъ лишенъ этихъ средствъ, образы его должны говорить исключительно сами за себя, совершенно не

терпя никакого посторонняго вмѣшательства, хотя бы даже со стороны автора. Субъективное настроеніе, личное отношеніе писателя къ изображаемому совершенно отсутствуетъ въ драмѣ, замѣняясь вполнѣ и исключительно дѣйствіемъ. Поставивъ свои созданія въ извѣстное положеніе, драматургъ уже не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣйствія, поступки и отношенія, которыя развиваются только въ силу внутренней, логической необходимости, вытекая послѣдовательно изъ разъ даннаго положенія. Говоря иными словами, драматургъ создаетъ лишь извѣстную потенцію, изъ которой и развивается дѣйствіе уже независимо отъ субъективнаго настроенія автора и его личныхъ отношеній къ изображаемому. Идеальнымъ драматургомъ, слѣдовательно, будетъ тотъ, который ограничится лишь наблюдательною, такъ скажемъ, ролью по отношенію къ создаваемымъ имъ лицамъ, который не сойдетъ со своего наблюдательнаго поста и не позволитъ себѣ вмѣшаться въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, на долю драматурга выпадаетъ трудная задача — достигнуть maximum'а художественныхъ результатовъ при minimum'ѣ художественныхъ средствъ; при помощи одного лишь рѣзца создать вполнѣ законченное, цѣльное и совершенное зданіе. Оставляя въ сторонѣ чисто индивидуальныя особенности каждаго даннаго автора, можно утверждать, что при прочихъ равныхъ условіяхъ такое ограниченіе въ средствахъ требуетъ отъ писателя бóльшаго напряженія творческихъ силъ именно въ драмѣ, нежели въ остальныхъ видахъ поэтическаго творчества. Сказанному вполнѣ соотвѣтствуетъ и исторія развитія поэзіи. Обращаясь, напр., къ греческой поэзіи, мы видимъ, что она лишь сравнительно поздно представила образцы драматической поэзіи, тогда какъ лирика и эпосъ достигаютъ кульминаціоннаго пункта своего развитія значительно раньше. Римская литература и вовсе не доразвилась въ этомъ отношеніи, не выработала самостоятельно безсмертныхъ образцовъ драмы, да и вообще на пути отъ греческаго искусства до XVI в., когда появился величайшій драматическій писатель Шекспиръ, мы не встрѣчаемъ драматическихъ произведеній міроваго, непреходящаго значенія. И это, конечно, не простая случайность. Вѣдь

поэзія, что́ бы ни говорили жрецы и поклонники такъ называемаго чистаго, самодовлѣющаго искусства, подчинена въ своемъ развитіи тѣмъ же законамъ эволюціоннаго порядка, какимъ подчиняются и всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Начинаясь съ болѣе простыхъ формъ, она также проходитъ извѣстныя ступени развитія и постепенно измѣняется въ болѣе сложныя формы, совершенствуясь и углубляясь какъ со стороны внутренняго своего содержанія, такъ и со стороны внѣшняго выраженія, захватывая все новыя и новыя области духовной жизни и вырабатывая новыя и новыя формы своего обнаруженія. Нечего и говорить, что позднѣйшимъ литературамъ не пришлось самостоятельно проходитъ всѣ ступени этого развитія: преемственность культуръ и органическія связи между ними дѣлаютъ такую полную самостоятельность и независимость совершенно излишними. Литературныя формы, выработанныя классической культурой, перешли къ выступившимъ впослѣдствіи на историческую арену народамъ готовыми — въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ — увѣковѣченными посредствомъ безсмертныхъ образцовъ, и позднѣйшимъ литературнымъ дѣятелямъ, знакомымъ съ дѣятельностью своихъ предшественниковъ, оставалось лишь примѣнять къ дѣлу данныя готовыя формы. совершенствовать ихъ и расширять, вкладывая при томъ новое, сообразно измѣнившимся временамъ, содержаніе. Современная, напр., драма вмѣсто классическаго «тріединства» (времени, мѣста и дѣйствія), сохранила лишь послѣднее, выбросивъ за бортъ два первыя, какъ несущественныя и безъ нужды стѣсняющія драматурга въ его творческой работѣ. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ общаго правила можно принять, что естественный ходъ развитія каждой литературы требуетъ того же поступательнаго движенія отъ болѣе простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Начинаясь въ большинствѣ случаевъ стихотворной поэзіей, каждая въ обыкновенныхъ условіяхъ развивающаяся литература проходитъ затѣмъ чрезъ всѣ ступени поэтической прозы (разсказъ, повѣсть, романъ) и завершается драмой, какъ высшей формой литературнаго творчества. Эта общая схема литературнаго развитія нарушается чаще всего и особенно явственно тогда, когда на арену литературы

выступаетъ или могучій, разносторонній талантъ, не укладывающійся въ рамки намѣченной схемы и ломающій всѣ перегородки, или же — Банавентура, разумѣя послѣдняго, какъ лицо собирательное, какъ особый типъ литературныхъ дѣятелей. И великанъ, и сонмъ пигмеевъ часто способны произвести аналогичныя результаты, отклоняя литературу отъ обычнаго пути, — съ тѣмъ однако различіемъ, что ведутъ они по прямо противоположнымъ направленіямъ: первый служитъ развитію, вторые — униженію и упадку...

Конечно, крошечные, но достаточно при этомъ самонадѣянные авторы, присасывающіеся къ литературѣ по соображеніямъ, ничего общаго съ литературой не имѣющимъ, встрѣчается вездѣ и всюду. У Щедрина, напр., одинъ писатель, на вопросъ—зачѣмъ онъ пишетъ?—съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства и правоты даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Какъ сказать,—зачѣмъ! знаю грамматику, синтаксисъ, учился правописанію, умѣю разставлять знаки препинанія—вотъ и пишу. Неужто же, обладая такими сокровищами, оставлять ихъ втунѣ?» («Похороны»). Ни одна литература не застрахована также и отъ участія такихъ людей, которые и перечисленными сокровищами не обладаютъ, но въ рукахъ своихъ, созданныхъ не для пера, а для щупа и лопаты, ощущаютъ тѣмъ не менѣе писательскій зудъ въ степени, превозмогающей ихъ болѣе чѣмъ скромныя силы. Но не вездѣ участіе одержимыхъ подобнымъ зудомъ людей производитъ одинаковые результаты. Въ литературахъ, количественно и качественно развитыхъ, произведенія всевозможныхъ самородковъ, олицетворяемыхъ въ образѣ Банавентуры, составляютъ лишь ничтожный процентъ всей литературной продукціи; они тонутъ и расплываются въ массѣ произведеній иного характера, оставаясь поэтому незамѣтными и не оказывая значительнаго вліянія на общій характеръ литературы. Это во-первыхъ; во-вторыхъ, въ силу одного уже соперничества, господствующаго въ писательской средѣ, имъ, этимъ самородкамъ, труднѣе выступить на литературное поприще, мѣста на которомъ заняты, и обратить на себя какое-либо вниманіе. Вотъ почему въ развитыхъ литературахъ самородки по-просту игнорируются, такъ какъ и помимо

ихъ есть на чемъ остановиться и читателямъ, и критикѣ. Не то въ литературахъ, слабѣе развитыхъ. Здѣсь, при небольшомъ сравнительно объемѣ литературной продукціи, всякое появляющееся на книжномъ рынкѣ произведеніе обращаетъ на себя вниманіе; здѣсь могутъ возбудить интересъ и сравнительно слабыя произведенія; здѣсь и публика, и критика часто принуждены отмѣчать и реагировать на такія литературныя явленія, надъ которыми при другихъ обстоятельствахъ они просто перешли бы къ очереднымъ дѣламъ. Перелистайте сочиненія Бѣлинскаго — и вы увидите, что этому отцу русской критики приходилось удѣлять свое вниманіе такимъ книгамъ, о которыхъ даже упоминанія не встрѣтите теперь въ солидныхъ русскихъ журналахъ. Словомъ, въ то время какъ въ болѣе развитыхъ литературахъ произошло извѣстное отслоеніе низовъ, при чемъ верхи и низы литературы между собой не сообщаются, — въ менѣе развитыхъ эти параллельные слои часто встрѣчаются на пересѣкающихся путяхъ, и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вполнѣ игнорируемы самородныя произведенія всевозможныхъ Банавентуръ. Особенно же въ томъ случаѣ, если они выступаютъ цѣлою толпою и обнаруживаютъ тенденцію къ расширенію своей дѣятельности,—тогда вѣдь и пигмеи пріобрѣтаютъ значеніе важнаго общественнаго явленія, замалчивать которое уже не представляется возможнымъ.

Украинская литература въ настоящее время находится именно въ такомъ невыгодномъ положеніи. Отъ какихъ бы причинъ это ни зависѣло, но фактъ на лицо, что наша литературная продукція, особенно въ предѣлахъ Россіи, не достигаетъ даже той наименьшей, количественно и качественно, степени напряженности, какой можно бы ожидать уже въ силу внушительной по своимъ размѣрамъ массы украинскаго народа и числа настоящихъ литературныхъ работниковъ. Много силъ остаются неиспользованными уже по той простой причинѣ, что имъ при настоящихъ условіяхъ негдѣ развернуться, негдѣ найти точку приложенія. Полное отсутствіе періодической печати, которая именно и представляетъ собою въ Россіи такую точку приложенія литературныхъ силъ, придется, конечно, поставить на первомъ мѣстѣ въ

этомъ рядѣ неблагопріятныхъ условій. Нѣтъ печати—не можетъ быть и правильнаго развитія литературы; нѣтъ печати—и литераторамъ приходится сидѣть, сложа руки и ожидая у моря погоды... Это—настоящимъ литераторамъ, но не Банавентурѣ, который и при условіяхъ даннаго момента можетъ устроиться сравнительно удобно. Дѣло въ томъ, что указанное сейчасъ, равно какъ и многія другія обстоятельства, отражающіяся весьма невыгоднымъ образомъ на продуктивности лучшихъ силъ, верховъ литературы, нисколько не вліяютъ на самородковъ, которые все равно остались бы за бортомъ прессы, если бы послѣдняя и существовала. Ограниченія, тяжело падающія на верхи украинской литературы, также почти не существуютъ для Банавентуры, не помышляющаго даже о содержаніи, такъ или иначе затрагивающемъ пресловутыя «основы». Онъ имѣетъ, поэтому, полную возможность почти невозбранно плодиться, размножаться и наполнять собой литературу, составляя и абсолютно, и относительно весьма замѣтный элементъ въ общей суммѣ нашей литературной продукціи. Прибавьте къ этому довольно значительную дозу развязности, беззастѣнчивости и самохвальства [1]), въ числѣ прочихъ качествъ украшающихъ литературнаго Банавентуру, и вы согласитесь, что не считаться съ его возгласами: «шире дорогу—Банавентура идетъ!» было бы большимъ промахомъ. Банавентура дѣйствительно идетъ въ нашу

---

[1]) Мнѣ приходилось уже какъ то останавливаться на предисловіи къ своимъ произведеніямъ нѣкоего г. Кулиды, единолично отпраздновавшаго свой 10-лѣтній юбилей и по этому поводу предпринявшаго изданіе своихъ непечатныхъ трудовъ. Смыслъ этого по истинѣ великолѣпнаго заявленія сводится къ откровенному презрѣнію по адресу рецензентовъ, осмѣлившихся не признавать его, г. Кулиды, талантовъ, и къ еще болѣе откровенному саморекламированію. Этотъ несомнѣнный Банавентура, говоря его собственными словами, уже прямо представляетъ обществу какой то счетъ по поводу своей литературной дѣятельности. Я, молъ, для общества потрудился, но и оно должно вознаградить меня, уплативъ по счету 40 коп. за каждый экземпляръ предлагаемаго «Збирныка творивъ». Претензіи въ своемъ родѣ классическія: просто и оригинально.

литературу, идетъ густыми рядами, вторгается во всѣ области литературнаго творчества, вездѣ оставляя свои специфическіе слѣды и громко о себѣ заявляя. Весьма естественно, что при подобныхъ условіяхъ литературный обозрѣватель уже не имѣетъ права проходить молчаніемъ это крупное слагаемое нашей литературы, а обязанъ и его привлекать въ качествѣ матеріала при обсужденіи и выводахъ о современномъ состояніи литературы. И еще имѣется одно обстоятельство, побуждающее къ тому же. Каждая украинская книга на пути отъ своего зарожденія и до появленія на свѣтъ Божій проходитъ такой длинный рядъ мытарствъ, протискивается черезъ такія игольныя уши, требуетъ отъ автора или издателя столько усилій, что поневолѣ возбуждаетъ къ себѣ интересъ уже хотя бы количествомъ затраченной энергіи. По поводу каждой книги рождается въ читателѣ предположеніе, располагающее скорѣе въ пользу успѣвшей избѣжать игольныхъ ушей книги, чѣмъ противъ нея: книга очевидно заслуживаетъ вниманія, разъ на нее пошло́ столько энергіи, хотя бы чисто внѣшней. Каждую новую книгу украинскій читатель встрѣчаетъ съ радостью и надеждами, разрѣзаетъ съ нетерпѣніемъ, къ каждой приступаетъ съ вопросомъ—не здѣсь ли заключается то лучшее, чего съ такою болью и напряженіемъ мы всѣ ожидаемъ?.. И съ тѣмъ большею болью и разочарованіемъ приходится закрывать большинство книгъ, такъ какъ, повторяю, и абсолютно и относительно произведенія Банавентуры составляютъ весьма замѣтный элементъ въ нашей литературѣ, а самъ Банавентура весьма часто мѣняетъ щупъ и лопату на перо—съ прежнимъ успѣхомъ...

Замѣчательно, что бравый копачъ подвергаетъ своему нашествію преимущественно два вида литературнаго творчества, именно—поэзію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, поэзію стихотворную, а затѣмъ драматическую. Это наиболѣе излюбленныя имъ области, привлекающія особенное его вниманіе, тогда какъ область художественной прозы посѣщается имъ сравнительно рѣдко. И это опять таки не случайное явленіе, хотя причины предпочтенія, оказываемаго Банавентурой стихотворному и драматическому родамъ поэзіи, совершенно различны. Тяготѣніе са-

мородковъ къ области стихотворныхъ упражненій понятно съ перваго же взгляда. Большинство ихъ—люди въ полномъ смыслѣ слова безкорыстные; они искренно вѣрятъ въ свое поэтическое призваніе—«глаголомъ жечь сердца людей», а названіе «поэтъ» для нихъ «почетное изъ званій». Это «званіе» въ представленіи самородка окружено вѣдь до сихъ поръ нѣкоторымъ ореоломъ неземного обаянія, отмѣчено печатью, такъ сказать, небожительства—и самородокъ стремится къ этому ореолу, какъ мотылекъ къ огню; самородку лестно собственной персоной пріобщиться къ небесамъ. И корпаетъ такой Банавентура безграмотные стихи, не придавая имъ матеріальной цѣны, не переводя ихъ на деньги, а возносясь мысленно за облака славы, извѣстности поэта; конечно, если кромѣ славы при этомъ получится и нѣкоторая реализація поэтическихъ продуктовъ, приготовленныхъ на постномъ маслѣ доморощенной амврозіи и нектара, то тѣмъ лучше; но вообще говоря, матеріальныя соображенія не входятъ въ разсчеты этого вида самородковъ и не осложняютъ собой ихъ честолюбивыхъ стремленій къ славѣ. Но чего ради вторгаются нѣкоторые изъ нихъ въ область драмы, не дающей права на заманчивое званіе «поэта» въ буквальномъ смыслѣ и при томъ болѣе затруднительной въ чисто техническомъ отношеніи? Чтобы понять это, нужно припомнить, съ одной стороны, общія условія матеріальнаго существованія украинскихъ писателей, а съ другой—ту мотивировку перехода отъ щупа къ перу, какую представилъ подлинный Банавентура и какую я приводилъ выше. По условіямъ существованія украинской литературы, матеріальную выгоду представляютъ пока лишь драматическія произведенія, постановка которыхъ на сценѣ оплачивается; всѣ же остальные роды и виды литературы для авторовъ въ практическомъ смыслѣ вполнѣ безполезны, такъ какъ литературный трудъ, какъ общее правило, не оплачивается у насъ вовсе. Болѣе практическіе самородки разсуждаютъ приблизительно такъ: оно, конечно, лестно и пріятно быть «поэтомъ», но... одной амврозіей и нектаромъ сытъ не будешь; можно помириться и на меньшемъ, если это меньшее будетъ возмѣщено нѣкоторымъ количествомъ презрѣннаго металла. Возмѣщеніе же практикуется лишь въ области дра-

матической литературы—ergo «засяду зимою й напышу комедію малоросійську». Банавентура у г. Карпенка-Караго именно такъ и ставитъ вопросъ—на чисто практическую почву: «пысать—все одно гроши». И вотъ въ то время, какъ самородки безкорыстные, самородки-безсребренники наводняютъ область стихотворной поэзіи, самородки дальновидные, самородки-практики предпочитаютъ менѣе почетную, но болѣе выгодную профессію драматурговъ. Впрочемъ, ничто не препятствуетъ болѣе догадливымъ и изобрѣтательнымъ изъ нихъ соединять пріятное съ полезнымъ, излагая всю драму цѣликомъ или отдѣльные моменты ея въ стихотворной формѣ. А попасть на сцену вовсе не такъ ужъ трудно,—во-первыхъ потому, что всегда найдется какой-нибудь г. Суходольскій, или иной того же характера антрепренеръ, который поставитъ какую угодно стряпню, лишь бы она обладала нѣкоторыми спеціальными «достоинствами» и удовлетворяла извѣстнымъ требованіямъ, этими господами къ драмѣ предъявляемымъ; а во-вторыхъ и—главнымъ образомъ—потому, что большинство практическихъ самородковъ принадлежитъ именно къ актерской средѣ, что значительно облегчаетъ дѣло постановки ихъ произведеній на сценѣ. Ходъ мысли у этихъ самородковъ до прозрачности ясный. Въ самомъ дѣлѣ, Кропивницкій и Карпенко-Карый—актеры и пишутъ драмы; я, имя-рекъ, милостью неба также актеръ,—почему бы и мнѣ не писать драмъ?.. Умозаключеніе, какъ и у Щедринскаго писателя, совершенно правильное и противъ него никто бы и не возражалъ, если бы въ результатѣ не появлялся новый Банавентура, который «съ маху» берется за перо и принимается строчить. И вотъ--пишетъ г. Манько, переписываетъ г. Суходольскій, обрабатываетъ г. Сабининъ, передѣлываетъ г-нъ Тогобочній, къ сценѣ приспособляетъ г. Шатковскій,—можетъ быть, я ошибаюсь въ распредѣленіи между ними ролей, но въ сущности это не важно,—а затѣмъ все это написанное, переписанное и т. д. съ большимъ шумомъ и трескомъ появляется на сценѣ; г.г. пишущіе, переписывающіе и къ сценѣ приспособляющіе имѣютъ «успѣхъ» у невзыскательной публики, и даже у нѣкоторыхъ, съ позволенія сказать, «рецензентовъ», получаютъ

гонораръ и опять пишутъ, переписываютъ и приспособляютъ, не обладая даже сокровищами Щедринскаго писателя. А глядя на нихъ, соблазняются на эти подвиги все новые и новые самородки и приливъ ихъ направляется именно въ эту сторону. Да, дѣйствительно, шире дорогу—Банавентура идетъ!.. И что всего прискорбнѣе—за самородками тянутся и не безъ успѣха съ ними соперничаютъ часто и настоящіе писатели, которымъ, казалось бы, должна быть извѣстной истинная цѣна подобнаго «творчества». А благодаря этому, наша драма въ общемъ (разумѣется, исключенія есть) представляетъ наиболѣе некультурную область въ нашей литературѣ, густо заросшую злаками весьма подозрительнаго качества. Въ значительной части эти злаки—нѣчто до такой степени уродливое и ненормальное, что мириться съ подобнымъ засариваніемъ литературнаго поля не представляется никакой возможности. Просто опасно идти на всякую новую пьесу неизвѣстнаго автора («извѣстные» уже слишкомъ хорошо извѣстны), такъ какъ вмѣсто эстетическаго наслажденія рискуешъ получить разлитіе желчи, присутствуя на невозможнѣйшихъ, головоломнѣйшихъ кувыркаціяхъ, исходящихъ отъ того или иного Банавентуры. Съ помощью какихъ пріемовъ эти достопочтенные господа достигаютъ такихъ результатовъ—сейчасъ будетъ видно на примѣрахъ нѣсколькихъ произведеній, появившихся лишь въ самое послѣднее время. Начнемъ съ произведенія, принадлежность котораго самородку стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній, а затѣмъ поднимемся послѣдовательно и къ верхнимъ ступенькамъ драматургической лѣстницы.

II.

«Въ кого серце щыре, той въ нещасттяхъ (sic) гыне», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ Хомы Бойця (Кіевъ, 1904),—такъ называется эта первая ступенька драматической лѣстницы. Прошу прежде всего читателя припомнить положеніе прадѣдовской драмы: «порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ» и затѣмъ обратить

вниманіе на внѣшность названной книги. На обложкѣ яркими тонами изображенъ по всѣмъ видимостямъ наказанный порокъ въ видѣ толстаго лысаго мужчины, въ пиджакѣ и сапогахъ «бутылками», лежащаго въ лужѣ крови, обильно, но черезчуръ аккуратно вытекающей изъ прорѣзаннаго пиджака; у ногъ толстяка, устремивъ глаза горѣ и въ позѣ «руки по швамъ», стоитъ торжествующая добродѣтель въ образѣ прилизаннаго, конфектнаго «парубка» въ традиціонной расшитой сорочкѣ и синихъ шароварахъ; возлѣ лежитъ орудіе наказанія порока и торжества добродѣтели—окровавленный ножъ. Рисунокъ въ нѣкоторомъ родѣ символистическій, при томъ не для «оперы» только г. Бойца, а для цѣлаго ряда драматическихъ произведеній. Конечно, оперой названное произведеніе называется лишь по недоразумѣнію,—по тому самому недоразумѣнію, вслѣдствіе котораго и подлинный Банавентура называетъ комедіей всякое драматическое произведеніе. На самомъ же дѣлѣ, какъ это иллюстрируется и сценой, изображенной на обложкѣ, предъ нами драма, настоящая современная драма, въ нѣкоторомъ родѣ—послѣднее слово Банавентуры въ области драматическаго искусства.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ улица. Тихій вечеръ. «Парубки и дивчата», обнявшись попарно, сидятъ чинно на завалинкѣ и поютъ:

Ой думалося, ой думалося,
Думалося оженытысь—
Передумалось. Ой доленько!
И вирылося, ой вирылося,
Вирылося жыть въ любови—
Перевирылося. Ой серденько!
И бачылося, ой бачылося,
Бачылося въ сони (sic) щастя—
Перебачылося. Ой лышенько!
И плакалося, ой плакалося,
Плакалося гирко-гирко—
Переплакалося. Ой щастенько!
Ой думалося, ой думалося,

Якъ думалось, не спиткалось—
Передумалось. Ой доленько!..

Окончивъ сіе чувствительное пѣснопѣніе возвращеніемъ къ его началу, поющіе тѣмъ не менѣе не продолжаютъ распѣвать его до безконечности, что́, какъ видитъ читатель, можно бы съ весьма большимъ удобствомъ сдѣлать, а завязываютъ разговоръ, варьируя, впрочемъ, на разные лады то же безконечное «ой думалося». Изъ разговора между прочимъ выясняется, что Васыль и Ганна очень другъ друга любятъ, а Семенъ и Настя прежде тоже очень другъ друга любили, но къ тому времени, когда г. Бойцу пришла мысль сочинить оперу, Семенъ Настѣ успѣлъ уже надоѣсть. Васыль и Семенъ собираются на заработки и первый, чувствительно распрощавшись съ Ганной: «не журысь же, незабутняя, серця мого квитко любая!» (стр. 25), дѣйствительно уходитъ, а второго—неизвѣстно, для какой надобности—на нѣсколько дней задерживаетъ волостной писарь. По уходѣ Васыля, этотъ писарь начинаетъ увиваться около Ганны и хотя мать ея и не прочь породниться съ богатымъ и могущественнымъ начальствомъ, но благородная дѣвица даетъ ему весьма недвусмысленный отпоръ, предпочитая, конечно, «у труни лежаты, нижъ зъ хылывымъ (?) та пузатымъ у-купоньци спаты» (стр. 45), какъ буквально «рече» (авторъ такъ и пишетъ—«рече») Ганна. Чтобы сломить ея упорство, писарь позаимствовался изъ «Глытая» г. Кропивницкаго слѣдующей комбинаціей: отъ имени Васыля пишетъ письмо къ его матери съ извѣщеніемъ, что Васыль на заработкахъ женился на богатой и возвращаться домой не намѣренъ, но между прочимъ проситъ передать поклонъ и Ганнѣ. Однако комбинація, блестяще удавшаяся «глытаю», въ данномъ случаѣ производитъ не совсѣмъ то дѣйствіе, на которое очевидно разсчитывалъ хитрый писарь, дѣлая свое позаимствованіе. Ганна, получивъ извѣстіе объ измѣнѣ Васыля, сначала съ рыданьемъ зарывается въ подушки, а затѣмъ куда-то убѣгаетъ, при чемъ начало новаго акта застаетъ ее уже лежащей въ безчувственномъ состояніи въ лѣсу. Очнувшись, она поетъ новую варьяцію на тему «ой думалося», тоже собствен-

наго г. Бойца сочиненія, проклинаетъ Васыля, безумно хохочетъ, ломаетъ руки, но въ концѣ концовъ съ крикомъ: «утоплюсь, утоплюсь»—убѣгаетъ за сцену. Ровно черезъ полъ минуты, какъ обозначено авторомъ въ ремаркѣ, на сценѣ появляется ничего не подозрѣвающій Васыль, но спасти Ганну уже, разумѣется, поздно. Васылю ничего не остается, кромѣ мести. И дѣйствительно, встрѣтивъ въ лѣсу писаря, онъ пускаетъ въ дѣло ножъ (эта сцена и изображена на обложкѣ), а затѣмъ «рече» безсвязный монологъ, разгоняется и разбиваетъ голову о близь стоящій дубъ... Вамъ страшно, читатель? Погодите еще не все. Кромѣ этихъ смертей, въ драмѣ еще упоминается, что и Семенъ повѣсился отъ несчастной любви, и старый Макаръ сошелъ съ ума по той причинѣ. Этотъ Макаръ, разговаривающій не иначе, какъ плохими стихами, вообще представляетъ собою воплощенное ходячее memento mori отъ любви. Итакъ, три самоубійства, одно убійство и одно сумашествіе понадобились автору для иллюстраціи положенія, взятаго заголовкомъ: «въ кого серце щыре, той въ нещастяхъ гыне», при чемъ за одно уже погибъ и писарь, хотя сердце имѣлъ вовсе не «щыре». Наказанъ примѣрнымъ образомъ порокъ, гибнетъ и добродѣтель, хотя и торжествующая въ сознаніи автора.

Я передалъ довольно подробно содержаніе этой, съ позволенія сказать, драмы, конечно, не въ виду ея достоинствъ; напротивъ, кромѣ самаго гомерическаго хохота въ самыхъ патетическихъ сценахъ, она ничего возбудить не можетъ. И если бы данное произведеніе было единичнымъ явленіемъ, автору смѣло можно было бы, отпустивъ грѣхи, сказать: «иди съ миромъ и впредь не грѣши», благодаря ужъ слишкомъ въ глаза бьющей нелѣпости его дѣтища. Но въ томъ то и дѣло, что это дѣтище г. Бойца представляетъ собой до извѣстной степени явленіе типическое, выражая въ сгущенномъ и, такъ сказать, концентрированномъ до нелѣпости видѣ обычные пріемы литературныхъ Банавентуръ и тѣхъ писателей, которые вступаютъ съ ними въ почетное состязаніе. А въ такомъ случаѣ драма г. Бойца пріобрѣтаетъ уже общественное значеніе, какъ одинъ изъ симтомовъ болѣзненнаго со-

стоянія нашей литературы вообще. При томъ же авторъ очевидно человѣкъ искренній, его тонъ и манера обличаютъ серьезныя намѣренія, къ своей задачѣ онъ относится вполнѣ добросовѣстно, онъ не паясничаетъ, не кувыркается, не бросается черезъ голову, какъ поступаютъ другіе, изображая какихъ то шутовъ гороховыхъ—и тѣмъ не менѣе даетъ нѣчто до невозможности плоское, съ грошевой моралью, словомъ—во всѣхъ смыслахъ ничтожное. Ниже будетъ видно, въ какомъ смыслѣ драма г. Бойца представляетъ собою сгустокъ нашей драматической литературы вообще, а пока—занавѣсъ за ней опускается.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ драма въ 5 дѣйствіяхъ г. Писаренка «Коринь» (Харьковъ, 1904), авторъ которой проникнутъ еще болѣе серьезными намѣреніями и уже прямо таки опредѣленной просвѣтительной тенденціей. Г. Писаренко изображаетъ двухъ братьевъ—Мусія и Левка. Старшій Мусій—это вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей, хотя автору пришла въ голову болѣе чѣмъ странная мысль отрекомендовать свое совершенство читателю въ видѣ арестанта, посаженнаго за буйство въ холодную; тѣмъ не менѣе онъ уменъ, жизнь вообще ведетъ трезвую, хорошій работникъ, къ старшимъ почтителенъ, къ бѣднымъ милосердъ, прекрасный семьянинъ и образцовый членъ «громады»,—словомъ, «правило вѣры и образъ кротости». Младшій Левко—полнѣйшая противоположность, хотя и имѣетъ при этомъ претензію считать себя «корнемъ» сельскаго уклада; это хвастунъ, трусъ, грубъ, пьяница и развратникъ, словомъ—до мозга костей испорченная натура, не останавливающаяся предъ самымъ отвратительнымъ преступленіемъ - посягательствомъ на жизнь матери. На почвѣ столкновенія и борьбы противоположныхъ нравственныхъ началъ, олицетворяемыхъ двумя братьями, и происходитъ драма... впрочемъ, виноватъ—именно драмы то и не происходитъ, несмотря на наличность всевозможныхъ ужасовъ. Слишкомъ ужъ замѣтны тѣ бѣлыя нитки, которыми на скоро сметалъ свое произведеніе г. Писаренко; слишкомъ трафаретны его образы, слишкомъ видна авторская—и нужно въ томъ отдать полную справедливость—совершенно неопытная рука, направляющая событія

именно такъ, какъ ему, автору, желательно, и не оставляющая равно никакого простора для естественнаго развитія дѣйствія. Г. Писаренко не въ состояніи проникнуть въ душу своихъ героевъ и объяснить ихъ душевныя движенія; онъ скользитъ по поверхности событій, не отдавая себѣ отчета въ ихъ истинномъ значеніи, а потому слова и поступки персонажей его драмы теряютъ всякій смыслъ и отдаютъ плоскостью. Предъ нами всего лишь безжизненныя маріонетки, «своихъ словъ» не имѣющія, а послушно ходящія на веревочкѣ г. Писаренка, который деспотически гнетъ ихъ и направляетъ въ сторону собственныхъ тенденцій. Да и самыя эти тенденціи, весьма, можетъ быть, похвальныя по своему направленію, крайне запутаны и темны у самаго автора. Благодаря этому, безупречный идеалистъ Мусій представляетъ изъ себя въ сущности весьма несимпатичнаго буржуя, изводящаго окружающихъ прописными проповѣдями и кисло-сладкими поученіями на темы о пользѣ труда, о вредѣ лѣности и пьянства и тому подобными сенценціями грошевой морали, приторными и слащавыми до того, что читатель начинаетъ чувствовать, вопреки намѣреніямъ автора, просто отвращеніе къ черезъ-чуръ добродѣтельному герою. Точно такою же фальшью отдаетъ и мрачная фигура Левка, а финалъ драмы—отравленіе имъ матери—является сущею неожиданностью. Ко всему этому г. Писаренко имѣетъ весьма смутное представленіе о чисто технической сторонѣ драматическихъ произведеній, благодаря чему въ архитектурномъ отношеніи «Коринь» представляетъ весьма любопытное явленіе. Несмотря на видимую діалогическую форму, эту драму скорѣе можно назвать механическимъ соединеніемъ монологовъ; каждый изъ собесѣдниковъ (дѣйствія, повторяю, нѣтъ вовсе) выражается до невѣроятности длинно, распространенно, запутанно; каждый уснащаетъ свою рѣчь множествомъ примѣровъ, допускающихъ, впрочемъ, совсѣмъ иное, а не то, которое придаетъ имъ авторъ, толкованіе. Верхъ нелѣпости въ этомъ отношеніи, прекрасно характеризующій пріемы г. Писаренка, составляетъ вложенная въ уста добродѣтельнаго писаря длинная сказка, приведенная цѣликомъ да такъ и озаглавленная: «казка: кинь и

цапъ»—содержащая при томъ же мораль сомнительной цѣнности. Отдавъ, наконецъ, Левка въ руки карающаго правосудія, г. Писаренко вдругъ спохватился, что драма носитъ названіе «Коринь», и потому находитъ нужнымъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу вложить въ уста одного изъ персонажей слѣдующую мораль по адресу Левка: «Хочъ ты й коринь, такъ гнылый; не вгоденъ есы земли нашій. Ось у насъ коринь (показуе на Мусія)! И дай, Боже, щобъ зъ того кориня выросло велыке дерево» (стр. 53). Конечно—дай Боже, и г. Писаренко вполнѣ послѣдовательно поступилъ, унизивъ гордый порокъ и возвысивъ скромную добродѣтель; бѣда лишь въ томъ, что даже этотъ нехитрый тезисъ онъ не сумѣлъ обставить хоть сколько-нибудь правдоподобно. Отравленіе Левкомъ своей матери, послужившее предлогомъ для окончательнаго наказанія порока и торжества добродѣтели, введено такъ грубо-насильственно, что до краевъ переполняетъ чашу терпѣнія читателя или зрителя. Занавѣсъ опускается.

Занавѣсъ поднимается. Идетъ драма въ 5 дѣйствіяхъ г. Тогобочного—«Борци за мріи» (? Харьковъ, 1904), представляющая много сходства и по сюжету, и по пріемамъ съ предыдущей, съ тѣмъ однако различіемъ, что г. Тогобочній очевидно нѣсколько опытнѣе своего сотоварища, успѣлъ уже набить руку въ работѣ и потому драматическая форма у него не сводится къ діалогическимъ, если можно такъ выразиться, монологамъ, какъ у г. Писаренка. Кромѣ того, и съ внутренней стороны онъ пытается поставить разрабатываемый вопросъ шире и затронуть его глубже. Сущность содержанія сводится къ тому же—къ борьбѣ двухъ братьевъ, повторяющихъ библейскую исторію Каина и Авеля [1]), при чемъ на этотъ разъ уже старшій, Каллистратъ, является исча-

---

[1]) Разбираемая пьеса г. Тогобочного имѣетъ и другое заглавіе, подъ которымъ идетъ иногда на сценѣ: «Каинъ и Авель», при чемъ о тождественности пьесъ подъ разными заглавіями обыкновенно умалчивается. Подробность, указывающая на то, что Банавентура не прочь, подобно гоголевскому городничему, праздновать свои именины дважды.

діемъ ада, а вмѣстилищемъ добродѣтелей—младшій, Антонъ. Указывая на нѣкоторое сходство двухъ произведеній, я вовсе не желаю этимъ сказать, что г. Тогобочній позаимствовался у г. Писаренка—его пьеса написана даже раньше,—хотя несомнѣнно кой-какіе образы изъ нашей драматической литературы носились предъ г. Тогобочнымъ и «вдохновляли» его въ непозволительной степени, чуть ли не до рабскаго копированья отдѣльныхъ сценъ и положеній (особенно замѣтно вліяніе «Розумного и дурня» и «Бурлаки» г. Карпенка-Карого). Я отмѣчаю фактъ сходства лишь какъ доказательство нѣкоторой общности происхожденія отъ одного литературнаго типа, представителемъ котораго считаю Банавентуру. Какъ бы то ни было, борьба противоположныхъ началъ, олицетворяемыхъ двумя братьями и почему то названныхъ «мріями», и у г. Тогобочного изображена опять таки чисто внѣшними чертами и при томъ весьма поверхностно; о многихъ весьма важныхъ моментахъ ея читатель или зритель узнаетъ только изъ разговоровъ бесѣдующихъ лицъ, а дѣйствіе происходитъ гдѣ-то за кулисами. Точно также отъ добродѣтели, олицетворенной, кстати, кромѣ младшаго брата еще въ образахъ волостного писаря и земскаго начальника, слишкомъ отдаетъ прописью, а отъ пороха—пахнетъ сѣрой и фосфоромъ даже на томъ приличномъ разстояніи, съ котораго авторъ показываетъ своихъ героевъ. Развитія или какого-нибудь наслоенія дѣйствія не замѣчается ни слѣда; выбросивъ то или другое дѣйствіе, мы ничего не потеряемъ ни въ смыслѣ опредѣленности обрисовки, ни даже въ чисто техническомъ отношеніи. Любопытно, что самъ авторъ это чувствуетъ: къ четвертому дѣйствію имъ сдѣлано примѣчаніе—«здебильшого 4-та дія зовсимъ не ставыться», молчаливо подтверждающее только что высказанное мнѣніе. А между тѣмъ, если хотите, 4-е дѣйствіе съ внѣшней стороны именно одно изъ важнѣйшихъ, такъ какъ показываетъ между прочимъ орудія наказанія порока и торжества добродѣтели, и если и оно оказывается лишнимъ, то что же сказать объ остальныхъ? На сценѣ все время идутъ нескладные разговоры и тѣмъ не менѣе въ результатѣ ихъ въ послѣднемъ актѣ оказывается—братоубійство и са-

моубійство: Каллистратъ-Каинъ задушилъ Антона-Авеля и послѣ этого каинскаго поступка пырнулъ и себя въ грудь... кинжаломъ, который услуживо суетъ ему въ руку авторъ. Чисто кавказскіе у насъ, сударь, нравы!—только и можно сказать, взирая на это изысканное уничтоженіе порока г. Тогобочнимъ. Драма кончена, занавѣсъ опускается.

Занавѣсъ поднимается. Для разнообразія и отдыха отъ кровавыхъ ужасовъ я желалъ бы на этотъ разъ позабавить читателя, говоря стариннымъ терминомъ, индермедіею и потому предлагаю его вниманію нѣчто въ комическомъ родѣ. Собственно и въ драмѣ г. Тогобочного уже есть нѣкоторыя черты самородной комедіи, такъ какъ авторомъ введенъ въ непропорціональномъ размѣрѣ балаганный элементъ, который для Банавентуры служитъ суррогатомъ истиннаго комизма, какъ неумѣренное проливаніе крови—суррогатомъ драматизма. Всѣ эти ни на какомъ человѣческомъ языкѣ невозможныя словечки, которыми уснащаютъ свои діалоги комическіе персонажи, всѣ эти «самувари», въ которыхъ бесѣдующія лица варятъ и картофель, и вареники, и даже кулишъ, все это пьянство безпросыпное и лакейская образованность въ пику «необразованному мужичью»—какъ все это пошло, плоско и какъ все это надоѣло! Особенно посчастливилось у насъ самовару: рѣдкій изъ драматурговъ-Банавентуръ избѣгаетъ соблазна поставить этотъ приборъ камнемъ преткновенія для кого-нибудь изъ своихъ простоватыхъ героевъ. Удивительно, какъ это не хватитъ изобрѣтательности даже на то, чтобы замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ эти избитыя, плоскія остроты на счетъ пьянаго мужичья и его неумѣнья обращаться съ самоваромъ. Въ пьесѣ г. Тогобочного всего этого имѣется въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ, но чтобы показать, до какой степени можно дойти въ этомъ направленіи, возьмемъ настоящую комедію, хотя бы недавно вышедшую пьесу г. Володскаго «Въ каламутній води» или «Орыся» (Кіевъ, 1904). На первой же страницѣ авторъ преподноситъ вамъ такой сюрпризъ: «Ява 1. За столомъ сыдять Хабаревичъ и Грабыха. *Воны зовсимъ тверези*» и т. д. И превосходно, но почему сіе важно? зачѣмъ автору понадобилось сразу же, не говоря

лишняго слова, указывать на трезвое состояніе своихъ героевъ? Читатель еще не знаетъ, что изъ себя представляетъ этотъ Хабаревичъ и эта Грабыха, а нашъ авторъ уже подчеркиваетъ, что они, молъ, въ нѣкоторомъ родѣ не въ своемъ натуральномъ видѣ. Не знаю, это ли именно хотѣлъ сказать своей ремаркой г. Володскій, но что все содержаніе его комедіи представляетъ натурализацію, такъ сказать, совершенно не натуральныхъ поступковъ—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Молодая и красивая деревенская дѣвушка Орыся попадаетъ служанкой въ захолустный городъ и сразу же становится центромъ клубничныхъ вожделѣній бесѣдующихъ лицъ мужска пола и предметомъ ревности—женска. Мужчины безъ различія возраста, званія и состоянія, на перерывъ бѣгаютъ за ней въ буквальномъ смыслѣ слова, а въ промежуткахъ пьютъ водку («нагынають жулика» по картинному выраженію г. Володскаго) и изъясняются на весьма странномъ жаргонѣ, заимствуя и коверкая слова каждый по своей спеціальности и профессіи. И на этомъ построена вся пьеса, которую самъ авторъ рекомендуетъ, тѣмъ не менѣе, какъ «буденни малюнкы», заставляя этимъ полагать, что упомятутые поступки составляютъ обычное времяпровожденіе его персонажей. Правда, они гдѣ-то служатъ, чѣмъ-то торгуютъ, какъ-то зарабатываютъ пропитаніе, имѣютъ какіе-то интересы, но все это между прочимъ, а главная цѣль ихъ бытія—водка и Орыся, Орыся и водка. Конечно, если это такъ, то и упомянутая ремарка получаетъ особый смыслъ и оказывается далеко не лишней, хотя приведена слишкомъ преждевременно, а потому и кажется нѣсколько неожиданной. Но при чемъ тутъ «буденни малюнкы»—такъ и остается неразрѣшимой загадкой. Само собою разумѣется, что и здѣсь добродѣтель, въ лицѣ глуповатой Орышки, торжествуетъ надъ довольно таки примитивнымъ порокомъ, который претерпѣваетъ отъ автора наказаніе при помощи очень остроумнаго и несомнѣнно уже оригинальнаго пріема. Въ числѣ персонажей имѣется нѣкій мѣщанинъ Латка, вообще пянчужка и забулдыга, но тѣмъ не менѣе добродѣтельный. Онъ неразлучно носитъ при себѣ дрянной, не стрѣляющій пистолетъ и всегда выдвигаетъ его въ соотвѣтственный моментъ для устрашенія по-

рочныхъ персонажей Не смотря на то, что угрозы Латки представляютъ въ полномъ смыслѣ слова покушеніе съ негодными средствами, пистолетъ его все-таки наводитъ ужасъ на порокъ и служитъ, такимъ образомъ, орудіемъ торжества добродѣтели. Ну, и благодареніе Богу—цѣль достигнута; хотя и безъ убійства, а при помощи лишь негоднаго пистолета, но порокъ униженъ, а добродѣтель вознесена «превыше Наполеонова столпа». Но, читатель, уже просто противно становится отъ этого торжества постоянно торжествующей добродѣтели и наказанія постоянно терпящаго униженіе порока. Вѣдь такъ, наконецъ, и затошнить можетъ. Невольно задавая вопросъ: «доколѣ, о Господи?»—опускаешь занавѣсъ и за этой интермедіей.

Но, замѣтитъ читатель, г.г. Боецъ, Писаренко, Тогобочній, Володскій—это вѣдь не литература, а Банавентура. Пишутъ они, изображаютъ всевозможныя драматическія и комическія плоскости—ну, и пусть ихъ... Погодите, читатель, съ преждевременными заключеніями: сейчасъ и до литературы доберемся,—мы уже у воротъ ея.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Переводъ П. А. Кулиша на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 года и Положенія о крестьянахъ.

Изъ сохранившихся у меня корректурныхъ листовъ и рукописей перевода на украинскій языкъ Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 года и «Положенія о крестьянахъ», а также изъ относящейся къ этому дѣлу переписки, видно, что П. А. Кулишъ и для этого дѣла поработалъ не мало. Теперь это матеріалъ, имѣющій уже только историческое значеніе, но когда изготовлялся П. А. Кулишомъ, то имѣлъ значеніе жизненное, практическое. Предавъ его теперь печати, можно выразить только сожалѣніе, что переводъ этотъ въ свое время не былъ законченъ и опубликованъ. Какъ случилось это, будетъ видно изъ нѣсколькихъ моихъ пояснительныхъ замѣтокъ, касающихся судьбы этой работы.

Мысль перевода, его исполненіе и ходатайство объ изданіи съ Высочайшаго разрѣшенія, Канцеляріей государственнаго совѣта принадлежитъ исключительно одному П. А. Кулишу, придававшему этому дѣлу огромное значеніе, какъ это онъ нерѣдко устно и письменно высказывалъ. Высочайшее разрѣшеніе было дано 15 марта 1861 г., а уже 16 марта Пантелеймонъ Александровичъ приглашалъ В. М. Бѣлозерскаго, А. В. Марковича и Н. И. Костомарова выслушать, въ обществѣ другихъ украинцевъ, пер-

вый листъ перевода и помочь установить украинскую юридическую терминологію положенія. Доказывается это слѣдующимъ письмомъ П. А. Кулиша.

Василій Михайловичъ! [1]) если у Васъ въ пятницу вечеръ свободенъ, то пріѣзжайте въ засѣданіе украинскаго совѣта, въ которомъ будетъ читанъ первый листъ устава о крестьянахъ, переведенный на украинскій языкъ. Пригласите и Афанасія Васильевича [2]). Костомаровъ также обѣщалъ. Переводчикъ не обязывается подчиняться общему приговору въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ будетъ убѣжденъ твердо, что такъ, а не иначе, слѣдуетъ выразиться; но онъ увѣренъ, что многое подскажутъ ему и многое помогутъ установить въ юридической терминологіи.

П. Кулишъ.

16 марта 1861 г.

—

Въ настоящемъ случаѣ, понятно, вопросы терминологіи представляли центральный пунктъ предстоящей работы и стали очень скоро предметомъ несогласія между авторомъ перевода и государственнымъ секретаремъ Владиміромъ Петровичемъ Бутковымъ. Работа подвигалась быстро. Въ апрѣлѣ набраны были четыре листа, съ русскимъ текстомъ на лѣвыхъ страницахъ и малорусскимъ на правыхъ, статья въ статью, въ форматѣ и шрифтомъ свода законовъ, и корректурные листы представлены на судъ Канцеляріи государственнаго совѣта. Въ началѣ мая государственный секретарь увѣдомилъ П. А. Кулиша, что характеръ языка представленнаго имъ перевода признанъ несоотвѣтствующимъ тому значенію, какое правительство желаетъ придать переводу на украинскій языкъ Положенія 19 февраля, и для допущенія перевода къ печатанію ставилъ необходимымъ условіемъ, чтобы переводчикъ «держался сколь возможно ближе тому языку и тѣмъ выраженіямъ, кои употребляются нынѣ малороссійскими

---

[1]) В. М. Бѣлозерскій.

[2]) А. В. Марковичъ.

крестьянами. Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе, П. А. Кулишъ написалъ В. П. Буткову слѣдующее письмо. На подлинномъ сдѣлана карандашемъ, рукою Кулиша, надпись: «*Не послано*» и краснымъ карандашемъ другая: «*Другое послано*».

—

Милостивый Государь Владиміръ Петровичъ!

Приношу вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность за снисходительное объясненіе, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, въ которомъ заинтересованы столь многіе. Признавая за нимъ право заботиться о государственномъ благоустройствѣ по собственнымъ, не согласнымъ съ нашими, соображеніямъ, я только сожалѣю, что не могу служить ему тѣмъ, что ему, по моему глубокому убѣжденію, можетъ со временемъ крайне понадобиться.

Что касается до моего перевода на украинскій языкъ Положеній о крестьянахъ, то имѣю честь изъяснить вашему превосходительству, что желаніе возстановить нѣкоторые исчезнувшіе изъ простонароднаго языка термины происходитъ во мнѣ не изъ одного моего взгляда на прошедшее и настоящее, но также и изъ существенной необходимости, которая всегда находится въ связи съ прошедшимъ. Если оставить безъ перевода термины великорусскіе, конечно понятные для всѣхъ, управляемыхъ россійскими законами, но понятные *обязательно*, то переводъ представитъ помѣсь языковъ, равно непріятную и для великорусскаго, и для украинскаго читателя. Хотя правительство и не руководствовалось изложенными мною соображеніями, дозволяя мнѣ перевести Положенія о крестьянахъ на украинскій языкъ, но не можетъ оно не желать, чтобы, по возможности, соблюденъ былъ характеръ той рѣчи, на которую Положенія переведены и достоинство языка, на которомъ говорятъ люди, заинтересованные въ переводѣ. Позвольте замѣтить, что я вовсе не въ томъ смыслѣ сознаю неясность моего перевода для всей безъ исключенія массы, какъ это выражено въ письмѣ вашего превосходительства, а въ томъ, въ какомъ и русскій юридическій языкъ не всегда и всякому понятенъ. Мой переводъ, по моимъ словамъ, долженъ объяснить

многія мѣста Положеній о крестьянахъ не однимъ украинцамъ. Уже одни эти слова показываютъ, что я сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать по отношенію къ общенародному языку украинскому; возстановить же нѣкоторые термины я долженъ для того, чтобы, съ одной стороны, не вводить въ языкъ несвойственныхъ ему словъ, и съ другой, не выдумывать новыхъ терминовъ вмѣсто тѣхъ, которые уже были въ употребленіи у украинцевъ. Офиціальный судъ о моемъ опытѣ перевода могутъ взять на себя передъ вашимъ превосходительствомъ многіе, но между судомъ о дѣлѣ и самимъ дѣломъ часто бываетъ огромное разстояніе. При всемъ моемъ уваженіи къ чинамъ Государственной канцеляріи, выразившимъ мнѣніе о моемъ переводѣ, смѣю думать, что они не слишкомъ глубоко посвящены въ тайны украинскаго слова и могутъ, какъ сами обманываться, такъ и другихъ обманывать на счетъ своей компетенціи въ сужденіи о столь новомъ, трудномъ и исключительно спеціальномъ дѣлѣ, какъ переводъ на украинскій языкъ Положеній о крестьянахъ. Ваше превосходительство изволили поставить условіемъ допущенія къ печатанію моего перевода, чтобы я «держался сколько возможно ближе тому языку и тѣмъ выраженіямъ, кои употребляются нынѣ малороссійскими крестьянами». Съ своей стороны, имѣю честь выразить Вамъ полную готовность служить правительству, ради общей пользы; но почтительнѣйше прошу Васъ вникнуть въ слѣдующую мысль: если я, сдѣлавшій жизнь украинскаго простолюдина предметомъ своего спеціальнаго изученія, долженъ, по мнѣнію людей почтенныхъ, но неспеціальныхъ въ этомъ дѣлѣ, выражаться въ данныхъ случаяхъ такъ, а не иначе, то какое зрѣлище представитъ это командованіе въ моихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ судей, къ которымъ оно перейдетъ на публичное обсужденіе? Я бы полагалъ, что контроль надъ моимъ переводомъ долженъ ограничиться указаніемъ неумышленныхъ пропусковъ и другихъ случайныхъ недосмотровъ.

Что же касается до характера языка, до ясности и выразительности смысла, то каждый офиціальный наставникъ въ этомъ случаѣ будетъ играть роль домашней курицы, которая бы вздү-

мала учить дикую птицу летать. Откровенно скажу, что мой переводъ, даже предъ судомъ моего самолюбія, котораго не чуждъ каждый человѣкъ, не будетъ то, чѣмъ бы желательно, чтобъ онъ былъ; и если я, готовившійся съ дѣтства быть украинскимъ писателемъ и къ старости не желающій ничего другого на землѣ,— если я сдѣлаю дѣло плоховато, то каково сдѣлаютъ люди, родившіеся не въ простонародномъ быту, проводившіе жизнь вдали отъ народа и приложившіе свои труды вовсе не къ народовѣдѣнію. Мнѣ было бы грустнѣе, нежели кому либо изъ украинцевъ, осмѣивать публично переводъ, который бы оказался съ-родни кой-чему, выдаваемому у насъ за настоящую украинскую рѣчь, по недостатку истинныхъ знатоковъ этой рѣчи въ классѣ образованномъ и литературномъ.

Покорнѣйше прошу Ваше превосходителъство принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи и преданности.

П. Кулишъ.

1861, мар. 7. Его превос. Вл. П. Буткову.

Изъ помѣтки на этомъ письмѣ рукою Кулиша видно, что оно не было послано В. П. Буткову, а замѣнено нижеслѣдующимъ.

—

Милостивый Государь Владиміръ Петровичъ!

Приношу Вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность за снисходительное объясненіе, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, въ которомъ заинтересованы столь многіе. Что касается собственно до моего перевода Положеній о крестьянахъ на украинскій языкъ, то имѣю честь изъяснить, что желаніе возстановить нѣкоторые исчезнувшіе изъ простонароднаго языка термины происходитъ во мнѣ не изъ одного моего взгляда на прошедшее и настоящее, но также и изъ существенной необходимости, которая всегда находится въ связи съ прошедшимъ. Если оставить безъ перевода термины, конечно, понятные для всѣхъ управляемыхъ россійскими законами, но понятные *обязательно*, то переводъ представитъ смѣшеніе нарѣчій, ровно непріятное и для великорусскаго, и для украинскаго читателя.

Хотя правительство и не руководствовалось изложенными мною соображеніями, дозволяя перевести Положенія о крестьянахъ на украинскій языкъ, но не можетъ оно не желать, чтобы, по возможности, соблюденъ былъ характеръ той рѣчи, на которую Положенія переведены, и сохранено было достоинство языка, которымъ говорятъ люди, заинтересованные въ переводѣ. Ваше превосходительство изволили поставить условіемъ допущенія печатанія моего перевода, чтобы я «держался возможно ближе тому языку и тѣмъ выраженіямъ, кои употребляются нынѣ малороссійскими крестьянами». Позвольте Васъ удостовѣрить, что въ представленномъ мною опытѣ перевода сдѣлано мною все, что было возможно сдѣлать по отношенію къ общенародному языку украинскому, котораго изученіе и введеніе въ письменность составляетъ предметъ постоянныхъ моихъ стараній; возстановлять же нѣкоторые термины я долженъ былъ для того, чтобы, съ одной стороны, не вводить въ украинскій языкъ несвойственныхъ ему словъ и выраженій, а съ другой, не выдумывать терминовъ вмѣсто тѣхъ, которые уже существовали въ народѣ и вышли изъ употребленія единственно потому, что онъ былъ обязанъ употреблять, въ юридическихъ соотношеніяхъ, термины общаго для всей Россіи письменнаго языка. Впрочемъ отдаюсь на благоусмотрѣніе Вашего превосходительства въ надеждѣ, что Вы удостоите вниманія мои представленія.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашего превосходительства покорнымъ слугою.

П. Кулишъ.

1861 г., мая 7. Его пр. Влад. П. Буткову.

—

Вслѣдъ за этимъ увѣдомленіемъ не замедлили возвратиться къ автору перевода, чрезъ посредство В. М. Бѣлозерскаго, и корректурные листы перевода, испещренные замѣтками и поправками чиновниковъ Государственной канцеляріи. 10 мая, П. А. Кулишъ, не безъ злой ироніи, написалъ В. П. Буткову письмо съ отказомъ продолжать начатую работу.

Милостивый Государь Владиміръ Петровичъ!

Приношу Вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность за объясненіе мнѣ, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, въ которомъ заинтересованы столь многіе. Вслѣдъ за Вашимъ отвѣтомъ на мое письмо, г. Бѣлозерскій возвратилъ мнѣ корректурные листы моего перевода Положеній о крестьянахъ на украинскій языкъ, съ такими переправками, на которыя я не могу согласиться, не желая уронить себя въ общественномъ мнѣніи.

Покорнѣйше прошу Ваше превосходительство принять увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

П. Кулишъ.

1861 г., мая 10. Его прев. В. П. Буткову.

Что же это за фатальныя поправки, принять которыя—значитъ—уронить себя въ общественномъ мнѣніи, а не принять—значитъ —провалить огромнаго общественнаго значенія дѣло?

Если исключить замѣны малороссійскихъ терминовъ: державець, підданий, скарбъ, громада, рада и т. п. терминами русскими: помѣщикъ, крестьянинъ, казна, общество, съѣздъ и т. п., то останется весьма незначительное число поправокъ и замѣчаній, не вносящихъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ смыслъ перевода и характеръ языка, и скорѣе подтверждающихъ достоинство перевода, чѣмъ указывающихъ его недостатки. Въ настоящую минуту украинецъ, интересующійся судьбами родного языка и литературы, можетъ остановиться на незначительности намѣченныхъ въ корректурѣ перевода поправокъ и бросить автору его тяжелый упрекъ. Какъ могъ П. А. Кулишъ, столько потрудившійся и столько сдѣлавшій на пользу украинскаго слова, готовившійся съ дѣтства быть украинскимъ писателемъ и къ старости не желающій ничего другого на землѣ, какъ онъ говоритъ о себѣ въ одномъ изъ приведенныхъ писемъ, какъ онъ могъ, по такому ничтожному поводу, провалить дѣло громадной важности не только по своему практическому значенію, но по значенію

для развитія родного языка и, главное, для завоеванія ему правъ гражданства въ будущемъ?

Подобный упрекъ былъ не разъ высказываемъ украинцами, познакомившимися съ переводомъ Положенія въ послѣднее время, но предлагаемъ теперь вниманію читателей «Кіевской Старины» документы. Упрекъ безусловно несправедливый. Можетъ быть онъ не былъ-бы высказанъ, еслибы возможность блестящихъ завоеваній украинскаго слова, ставшаго языкомъ великаго законодательнаго акта, была сопоставлена съ тѣми цензурными и прочими условіями, въ которыхъ находилась украинская печать съ конца шестидесятыхъ годовъ. Впрочемъ, несправедливость упрека ясна и безъ такихъ ретроспективныхъ сопоставленій.

П. А. Кулишъ придавалъ огромное значеніе общественной сторонѣ перевода, жертвуя иногда для нея практической стороной изданія. Этотъ взглядъ переводчика, бьющій изъ каждой статьи, изъ каждой строки перевода, очевиденъ для всякаго прочитавшаго одну его страницу, какъ онъ сталъ ясенъ для государственнаго секретаря. Дорожа именно этой стороной перевода, П. А. Кулишъ не могъ согласиться на требуемыя отъ него уступки, такъ какъ, испещривъ украинскую рѣчь русской терминологіей и проч., онъ лишилъ бы свой переводъ его достоинства и значенія для будущихъ услугъ родному языку. Но, говорятъ, что и та доля значенія, которую переводъ сохранилъ бы послѣ требуемыхъ уступокъ, слишкомъ дорога для того, чтобы его можно было легко жертвовать. Такъ думали и нѣкоторые изъ украинцевъ изъ кружка «Основы».

Правда, П. А. Кулишъ, по своей натурѣ, не особенно годился для уступокъ, но если бы онъ и согласился на предложенный компромисъ, то все же онъ не могъ принять требуемыхъ поправокъ уже по другой причинѣ. Замѣчанія, сдѣланныя на возвращенныхъ изъ Государственной канцеляріи листахъ, не представляли ничего рѣшающаго, законнаго, въ родѣ, напр., утвержденныхъ къ печатанію корректурныхъ листовъ, или чего нибудь подобнаго. Это были оттиски перевода съ нанесенными на нихъ анонимными поправками и замѣтками, выражающими то катего-

рическія требованія измѣненія терминологіи, то мнѣнія и совѣть, представляющіе палку въ колесѣ—не болѣе, такъ какъ не признаніе ихъ могло бы повести за собою большія или меньшія непріятности, а признаніе не могло подвинуть дѣло ни на шагъ впередъ, потому что неизвѣстные авторы замѣчаній рѣшающаго голоса не имѣли. По поводу такого рода замѣчаній пришлось бы еще вести переговоры, уславливаться, дѣлать уступки и вообще испытать на себѣ примѣненіе того выработаннаго нашею бюрократическою практикой способа, который издавна извѣстенъ подъ именемъ канцелярской волокиты, и съ неизмѣннымъ успѣхомъ употребляется всегда, когда нужно отъ кого нибудь или отъ чего нибудь отдѣлаться и кончить дѣло «изморомъ». Можетъ быть П. А. Кулишъ, неискусившійся въ канцелярскихъ обычаяхъ, избралъ бы этотъ путь для достиженія своихъ цѣлей, еслибы не не избавили его отъ такой траты времени объясненія Его П-ва, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, которымъ заинтересованы столь многіе. В. М. Бѣлозерскій, которому поручено было возвратить П. А. Кулишу корректурные листы его перевода, принадлежавшій тогда къ составу чиновниковъ Государственной канцеляріи, гдѣ онъ занималъ должность экспедитора, конечно зналъ это дѣло до мельчайшихъ подробностей и, по порученію или безъ порученія начальства, далъ надлежащія объясненія. Анонимныя поправки и совѣты, въ связи со взглядомъ правительства на разсматриваемый вопросъ, имѣли единственный, не подлежащій сомнѣнію смыслъ: «оставь надежду навсегда». Автору перевода оставалось только сложить оружіе и отступить, сохраняя по возможности человѣческое достоинство. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Такая судьба перевода была ясна его автору уже изъ извѣщенія государственнаго секретаря. Имѣются два, приведенные выше, непосланные отвѣты на это извѣщеніе. Былъ еще и третій; къ сожалѣнію, вѣроятно навсегда утраченный. Этотъ въ хронологическомъ порядкѣ первый отвѣтъ былъ написанъ въ очень самостоятельномъ, даже рѣзкомъ тонѣ. Въ немъ, какъ мы видѣли, авторъ говорилъ о необходимомъ соотвѣтствіи между достоин-

ствомъ излагаемаго предмета и характеромъ языка, при этомъ по поводу исправленія его чиновниками, онъ сказалъ: «они привыкли къ тому украинскому языку, на которомъ говорятъ въ Малороссіи лакеи и горничныя». Подъ вліяніемъ кружка украинцевъ, группировавшагося около редакціи «Основы», все еще надѣявшихся на возможность компромиса, онъ все болѣе и болѣе смягчалъ тонъ проектируемыхъ отвѣтовъ, пока не пришлось, отбросивъ безполезную аргументацію въ защиту окончательно потеряннаго дѣла, отвѣтить короткимъ отказомъ. Въ этомъ кружкѣ проигранное дѣло перевода Положенія 19 февраля не вызвало по адресу П. А. Кулиша ни малѣйшаго упрека. Тогда все это было ясно и не возбуждало ни въ комъ сомнѣній. Мнѣ кажется, ясно оно и въ настоящую минуту.

21 янв. 1905 г. **Г. Вашкевичъ.**

На подлинномъ, написанномъ Кулишомъ собственноручно, сдѣлана надпись, кажется, рукою Д. С. Каменецкаго: «15 марта 1861 года, разрѣшено П. А. Кулишу обнародовать переводъ Положенія о крестьянахъ на украинскомъ языкѣ.

Божою Милостю Ми, Александръ Другий, Императоръ и Самодержець Всероссийський, Царь Польский, Великий Князь Финляндський, и прочая, и ~~прочая~~, и прочая.

Ознаймуемо всімъ Нашимъ вірнимъ підданнимъ.

Свята воля Божа и праведний законъ наслідування Царства призвали Насъ на предківський Всероссійський Престолъ. Уважаючи на такий призивъ, обітували Ми въ серці Своему обнімати Нашою Царською любовъю всіхъ Нашихъ вірнихъ підданнихъ усякого звания и стану, одъ тихъ високихъ духомъ, що обороняють мечемъ отчизну, та й до тихъ людей смиреннихъ, що взялись до ремества, одъ найповажнійшихъ слугъ Государственнихъ, та й до простихъ хліборобівъ.

Позираючи, якъ стоять одно при другому усі звания и стани въ Государстві, зауважили ми, що Государственні закони, якъ змогли, такъ благоустроіли висчі и средні згромаження, ука-

завши ихъ одбутки, права и привилеі, тілько не рівно міркували про кріпаківъ або кріпостнихъ людей. Названо сихъ людей кріпаками затимъ, що іхъ або старі закони, або звичаі зъ роду въ рідъ закріпили панамъ, которі бъ то вже мусили імъ добру долю устроіти. До нашого часу панське право було широке, и законъ не визначивъ ясно, де панськоі волі границя. По старій памяти, по звичаямъ та своій уподобі пани людьми орудовали. Отъ же, по доброму ладу, міжъ паномъ и кріпаками велося добре, мовъ би міжъ батькомъ и дітьми; щирою бо правдою піклувався (sic) панъ и добродійствувавъ своімъ крестянамъ, а крестяне зъ доброю хіттю ёму корилися. Якъ же старосвітська простота почала виводитись, та стало бильше стосунківъ міжъ паномъ и крестянами, та перестали пани самі по-батьківській крестянъ держати, та почали крестянами орудовати такі люде, що тілько про свою користь дбали: тоді вже добрий ладъ попсувався, и вкинулись пани у своеволю; съ того-то на крестянъ стало важко, и достатківъ у нихъ меншало; съ того й крестяне про свое красче життя перестали дбати.

Вбачали се и присnопамятні предки Наши и добірали способу, якъ би допомогти красчому життю крестянському, тілько що не круто вони на добро повертали, самимъ панамъ до волі охочимъ, нові порядки до вподоби подавали; коли жъ повертали на добро й круто, то й то не всюди, а хіба підъ яку нужду, або для проби. Тако отъ Императоръ Александръ Первий давъ уставъ про свободнихъ хлібопашцівъ; тежъ и въ Бозі почивший родитель Нашъ Миколай Первий—про обязаннихъ крестянъ. Въ західнихъ губерніяхъ, по инвентарнимъ правиламъ, установлено наділити крестянъ землею и означити ихъ повинности. А про-те мало де приведено до самого діла устави про свободнихъ хлібопашцівъ и обязаннихъ крестянъ.

Отсе жъ Ми впевнились, що Предки Наши заповідали Намъ перемінити долю кріпаківъ на красчу и що самимъ ходомъ ділъ историчніхъ самъ Богъ указуе Намъ Наше діло.. (конецъ не найденъ).

Копія съ корректурнаго листа. Высочайше утвержденныя Его Императорскимъ Величествомъ 19 февраля 1861 года Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, переведенныя съ Высочайшаго соизволенія на украинскій языкъ. Санктпетербургъ 1861 [1]).

Въ оригиналі Власною Его Императорського Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Санктпетербурзі 19 лютня, 1861 року.

—

Спільній Уставъ про підданихъ [2]), що вийшли зпідъ кріпацтва.

—

Приступъ.

1) Право кріпацтва надъ осаженими по панськихъ державахъ [3]) підданими [4]) и надъ дворяками навіки касуется тимъ порядкомъ, який указано у сёму Уставі и въ другихъ Уставахъ и Правилахъ, вкупі зъ нимъ виданихъ.

2) Обпіраючись на сей Уставъ и на спільне право, підданимъ [5]) и дворакамъ, що вийшли зпідъ кріпацтва, даютця права вільнихъ землянъ, якъ до самого чоловіка, такъ и для його добра. Права ті вони осягнуть тимъ порядкомъ и въ ті пори, якъ указано въ Правилахъ на ввідъ у діло уставівъ про підданихъ и въ особому Уставі про дворяківъ.

3) Державці [6]), зостаючись при праві властности на свои землі, отдають підданимъ, за уставлені одбутки, у вічисте [7]) ко-

---

1) Въ выноскахъ печатаются поправки и замѣчанія, сдѣланныя въ государственной канцеляріи.

2) Крестьянахъ.

3) Не лучше ли употребить слово: „маетность“.

4) Крестьянами.

5) Крестьянамъ.

6) Помѣщики.

7) *Вѣчистий*—значитъ вѣчный, а не постоянный.

ристування осадне іхъ займище и, надто, щобъ убезпечити іхъ життя и щобъ мали вони съ чого одбувати своі одбутки на Урядъ и на державця, стілько поля и иншихъ угіддівъ, скілько виречено въ Помістовихъ Уставахъ.

4) Піддані [1]), за наділъ, означенний імъ, по передпёму артикулу, повинні одбувати на державцівъ [2]) одбутки, виречені въ Помістовихъ Уставахъ, роботою або грішми.

5) Які зъ сёго виходять *обітничі поземельні стосунки* межъ державцями [3]) и підданними [4]), вирекаетця те въ правилахъ, прописанихъ и въ сёму спільному, и въ особнихъ Помістовихъ Уставахъ.

Приписка. Сі Помістовні Устави отъ-які: 1) для 34-хъ губерній Великороссийськихъ, Новороссийськихъ и Білоруськихъ; 2) для губерній Малороссийськихъ: Чернігівськоі, Полтавськоі и часті Харьковськоі; 3) для губерній Кіевськоі, Подольскоі и Волинськоі; 4) для губерній Виленськоі, Гроденськоі, Ковенськоі, Минськоі и части Витебськоі. Опрічъ того до Помістовихъ Уставівъ доложені Додаточні Правила: 1) про впорядковання підданихъ [5]), осаженихъ на земляхъ дрібнихъ державцівъ, и про підмогу сімъ дрібнимъ державцямъ; 2) про приписанихъ до сторонніхъ гірничихъ рудень людей порядкування Министерства Финансівъ; 3) про підданихъ [6]) и робітниківъ, що одбувають роботи на Пермськихъ сторонніхъ гірничихъ рудняхъ, и на соляництві; 4) про підданихъ [7]), що одбувають роботи на панськихъ фабрикахъ; 5) про підданихъ [8]) и дворяківъ у землі Війска Доньского; 6) про підданихъ и дворяківъ въ Ставропольській губерніи; 7) про підданныхъ и дворяківъ въ Сибірі, и 8) про людей, що вийшли зпідъ кріпацтва въ Бессарабиі.

---

[1]) Крестьяне.

[2]) Помѣщиковъ.

[3]) Помѣщиками.

[4]) Крестьянами.

[5]) Крестьянъ.

[6]) Крестьянъ.

[7]) Крестьянъ.

[8]) Крестьянъ.

6) Наділъ підданихъ [1]) землею и иншими вгіддями, а такожъ и отбутки за се на державця [2])—укладаютця передорічъ по доброму ладу нижъ державцями [3]) и підданими [4]), тілько:

1) Щобъ наділъ, одданий підданимъ у вічисте [5]) користування на вбезпечъ іхъ життя и доброго одбування скарбовихъ одбутківъ, не бувъ менше тиі міри, яка для сёго виречена въ Помістовнихъ Уставахъ.

2) Щобъ ті підданські [6]) одбутки на державця, [7]) що одбуваютця роботою, укладались не инаково, якъ дочасними умовами, на реченець не довше, якъ на три роки (а про те не боронитця поновляти ті умови, якъ що обопільна на те буде згода, тілько що такожъ дочасно, не довше, якъ на трехъ-роковий реченець), и

3) Щобъ огуломъ умови, що державці [8]) и підданні [9]) проміжъ себе вчинять, не сперечили спільнёму гражданському праву и не вменшали правъ, що до чоловіка, що до добра и що до стану, которі даютця підданимъ симъ Уставомъ.

У всякому такому случаі, що якъ державці [10]) съ підданими [11]) доброхотними умовами до згоди не прийдуть, наділяти підданихъ землею и одбувати імъ одбутки нехибно по Містовнимъ Уставамъ.

7) По симъ правиламъ пишутця *уставні грамоти*, у которихъ мусять виректися вічисті поземельні стосунки всякого державця [12]) съ підданими [13]), що осажено на ёго земли. Писати сі

---

1) Крестьянъ.
2) Помѣщика.
3) Помѣщиками.
4) Крестьянами.
5) Невѣрно.
6) Крестьянскіе.
7) Помѣщика.
8) Помѣщики.
9) Крестьяне.
10) Помѣщики.
11) Крестьянами.
12) Помѣщика.
13) Крестьянами.

уставні грамоти вільно самимъ державцямъ. На писання іхъ, на обрахування и ввідъ у дило даетця два роки съ того дня, якъ сей Уставъ ствержено.

Приписка. Дрібні речі про писання и виконання уставнихъ грамотъ прописані въ Помістовнихъ Уставахъ и Правилахъ про порядокъ, якимъ уводити въ діло Устави про підданихъ [1]).

8) Державці, [2]) наділивши підданихъ [3]) землею на вічисте [4]) користування, за уставлені Помістовними Уставами одбутки,— більше вже не повинні ніколи и ні въ якому случаі наділяти іхъ ніякою частиною земли надто.

9) Якъ уведется въ діло сей Уставъ, тоді державці [5]) не будуть уже повинні: 1) харчувати и доглядати підданихъ [6]); 2) одвітувати передъ урядомъ за податі съ підданихъ [7]) и за іхъ одбутки грошима и натурою; 3) речникувати за підданихъ у всякихъ справахъ и криминалахъ, по арт. 1119-му Зак. о сост., т. IX, Св. Зак. 1857 р., и 4) одвітувати за нихъ у всіхъ скарбовихъ [8]) поплаткахъ, якъ отъ: штрафахъ, пошлинахъ и инш.

10) Писля сёго сами піддані [9]) мусять пільпувати про громадське харчування и доглядъ и одвітувати за добре одбування скарбовихъ [10]) и земськихъ, натуральнихъ и грошовихъ одбутківъ, якъ прописано далі (Розділъ Ш).

11) Підданимъ [11]) даетця право викупляти у властність осадне іхъ займище такими грішми, якими воно буде осумоване,

---

[1]) Крестьянъ.
[2]) Помѣщики.
[3]) Крестьянъ.
[4]) Невѣрно.
[5]) Помѣщики.
[6]) Крестьянъ.
[7]) Крестьянъ.
[8]) Не лучше ли,—казенныхъ.
[9]) Крестьяне.
[10]) Казенныхъ.
[11]) Крестьянамъ.

и щобъ при тому були виконані правила, прописані въ Помістовнихъ Уставахъ.

12) За згодою державцівъ [1]), підданимъ [2]) вільно, надъ осадне іхъ займище, набути у власність, на спильнёму праві, поле и инші угоддя, означені тимъ підданим у вічисте [3]) користування. Якъ набудуть такі піддані [4]) у властність свій наділъ, або частину ёго, виречену у Помістовнихъ Уставахъ, тоді не повинно бути у іхъ більше ніякихъ обітничихъ поземельніхъ стосунківъ съ державцями [5]).

13) Самостай способу, указаного въ переднёму артикулі, обітничі поземельні стосунки державцівъ [6]) съ підданими [7]) касуютця тими двома способами:

1. Коли піддані [8]), тимъ порядкомъ и по тимъ правиламъ, якъ виречено въ Помістовнихъ Уставахъ, доброхіть зречутця користування відданимъ імъ наділомъ, и

2. Коли піддані [9]), виконавши уставлені на те правила, припишутця до другихъ станівъ.

14) Щобъ легше було підданимъ [10]) набувати у власність одзначене імъ у вічисте [11]) користування землі, коли буде на те у іхъ доброхітня згода зъ державцемъ [12]), або хочъ и самъ державець [13]) того зажадае, Урядъ даватиме підмогу въ тій мірі и

---

[1]) Помѣщиковъ.

[2]) Крестьянамъ.

[3]) Невѣрно.

[4]) Крестьяне.

[5]) Помѣщиками.

[6]) Помѣщиковъ.

[7]) Крестьянами.

[8]) Крестьяне.

[9]) Крестьяне.

[10]) Крестьянамъ.

[11]) Невѣрно.

[12]) Помѣщикомъ.

[13]) Помѣщикъ.

тимъ порядкомъ, якъ виречено въ особному Уставі про підданський [1]) викупъ осаднёго займища и про допомогу імъ одъ Уряду до набутку полёвихъ вгіддівъ у власність.

15) Піддані, [2]) що вийшли зпідъ кріпацтва, та мають обітничі поземельні стосунки зъ державцями [3]), зватимутця до часу обітничими підданими [4]).

16) Піддані [5]), що вийшли зпідъ кріпатцва и набули у властність поземельні вгіддя по Уставамъ, зватимутця *землякамиа-господарями* [6]).

17) Которі піддані [7]) вийшли зпідъ кріпацтва, тимъ кýпитись, про господарскі речи, въ *сельскі громади*, [8]) а про ближчу управу и судъ *у волості*. У кожній сільскій громаді [9]) и въ кожній волості громадськими справами заправлятыме миръ [10]) съ своіми виборними, по сему Уставу.

18) Поки не скасовані обитничі стосунки съ підданими [11]), осаженими на ёго землі, за державцемъ [12]) зостается маеткова [13]) полиція и пильнування надъ громадою [14]) сихъ підданихъ, [15]) по артикуламъ 140—163-му сёго Уставу.

---

[1]) Крестьянскій.

[2]) Крестьяне.

[3]) Помѣщиками.

[4]) Крестьянами.

[5]) Крестьяне.

[6]) Господарь (gospodarz) значитъ хозяинъ, а не собственникъ (włascicel, proprietaire, Eigenthümer).

[7]) Крестьяне.

[8]) Общества.

[9]) Обществѣ.

[10]) Громада.

[11]) Крестьянами.

[12]) Помѣщикомъ.

[13]) Вотчинная.

[14]) Обществомъ.

[15]) Крестьянъ.

19) Піддані [1]) и громадські іхъ установи підвладні [2]) спільнімъ губерськимъ и повітовимъ урядованнямъ.

20) На ввідъ у діло Уставівъ про підданихъ [3]) и розвязъ особнихъ справъ, які виходитимуть одъ обітничихъ поземельнихъ стосунківъ державцівъ [4]) зъ дочасно-обітничими підданими [5]), поставляютця въ кожній губерніі: 1) Губерський про підданські [6]) справи судъ; [7]) и 2) Повітові мирові Ради [8]) и 3) Мирові Треті [9]). Хто тутъ урядъ держатиме, які речі порядкуватимутця, які будуть границі власті и якимъ порядкомъ сі постанови мають обертатися, те все виречено въ особному на те Уставі.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) Крестьяне.

2) Підвладній значитъ—подвластный.

3) Крестьянъ.

4) Помѣщиковъ.

5) Крестьянами.

6) Крестьянскія.

7) Присутствіе.

8) Съѣздъ.

9) Посредники.

Воспоминанія дѣтства о дядѣ П. А. Кулишѣ.

Я была еще дѣвочкой, когда мы съ мамой и сестрой пріѣхали на хуторъ къ Кулишамъ. Хуторъ этотъ былъ въ пяти верстахъ отъ города Борзны, на опушкѣ большого лѣса. Возлѣ этого лѣса и въ самомъ лѣсу было разбросано еще много хуторковъ, а за лѣсомъ, въ двухъ верстахъ, большое село Оленовка. При въѣздѣ въ усадьбу, наше вниманіе было обращено на большія ворота. На верху двухъ столбовъ лежала выгнутая перекладина, на которой, какъ мы впослѣдствіи узнали, руками самого дяди, была вырѣзана надпись: «Хуторъ Пиддубень». Дядя говорилъ намъ, что онъ назвалъ такъ хуторъ въ честь трехъ дубовъ,—растущихъ изъ одного пня, которые роскошно раскинулись на полянѣ передъ домомъ. Даже зимой, когда деревья, потерявъ листву, имѣютъ такой печальный видъ, эти три дуба были хороши; а когда они были покрыты инеемъ, это представляло волшебную картину. Не разъ дядя оставлялъ перо, подходилъ къ окошку полюбоваться на нихъ. Вообще дядя очень любилъ деревья, любилъ за ними ухаживать,—умѣлъ, какъ художникъ, описать ихъ красоту. Мы, дѣти, любили присосѣдиться къ его прогулкѣ. Вотъ онъ остановился передъ маленькимъ деревцомъ; у него подъ рукой пилка садовая и маленькая сокирка, онъ подрубилъ ненужные побѣги у корня, потомъ зашелъ съ другой стороны, посмотрѣлъ внимательно и отпилилъ слишкомъ удлиненную вѣтку. Вотъ онъ остановился передъ свѣсившей свои печальныя вѣтки

березой и начинаетъ описывать намъ ея красоту. Мы, разинувъ рты, его слушаемъ, мало понимаемъ, но намъ нравится его слушать. Онъ такъ хорошо говорилъ. Но вотъ онъ оглядывается на насъ, вспоминаетъ, что намъ, дѣтямъ, другое нужно. Въ одну минуту сказка импровизирована: Эта береза—мачеха, а эта маленькая—ея падчерица; мачеха властно разбросала свои вѣтки—падчерицѣ мало свѣта, она отклонилась и пошла вкривь, чтобъ только увидѣть клочечекъ неба, но это ей не удается—мачеха бросаетъ на нее густую тѣнь, и падчерица чахнетъ.

И много тогда мы такихъ сказочекъ наслушались, да возрастъ былъ такой, что ничто долго не оставалось въ головѣ. Какъ больно, какъ обидно теперь подумать, что тогда, когда мы многаго не понимали, многаго не могли удержать въ памяти, а потомъ, когда уже могли оцѣнить каждое его слово, судьба такъ устроила, что не имѣли возможности видѣться. Еще помню, какъ дядя, бывало, сильно огорчался, если увидитъ ободранную липку или сломленное молодое деревцо. Это его разстраивало иногда на цѣлый день. Конечно, тутъ не потеря его огорчала. Дядя любилъ очень также и животныхъ. Животныя это чувствовали и всегда льнули къ нему. У него были друзья во всѣхъ породахъ домашнихъ животныхъ, но особеннымъ его вниманіемъ пользовались кошки. Дядя часто рисовалъ намъ своихъ любимцевъ въ разныхъ позахъ.

Я такъ и вижу дядю, идущимъ изъ своего кабинета въ зеленомъ суконномъ халатѣ съ любимцемъ котомъ Сенекой подъ рукой. Мы уже по лицу видимъ, что сейчасъ намъ будетъ разсказана сказочка, гдѣ будетъ фигурировать мудрый Сенека. Это были минуты его отдыха во время письменныхъ занятій. Если перерыва долго не было, то мы начинали нетерпѣливо заглядывать въ его кабинетъ; если это было лѣтомъ, то мы потихоньку клали на его окошко, возлѣ котораго стоялъ его письменный столъ, какой-нибудь душистый цвѣтокъ. Дядя обращалъ вниманіе на запахъ цвѣтка и догадывался въ чемъ дѣло.

Работалъ дядя или сидя за столомъ, или стоя за конторкой. Кабинетъ его былъ заваленъ книгами. Одна сторона комнаты

была почти вся уставлена книгами, подъ другой стѣной стоялъ диванъ, гдѣ дядя спалъ. Передъ диваномъ круглый столъ и два мягкихъ кресла, изъ которыхъ одно называлось «Дядино», другое «Мама-Сашино», какъ мы называли тетю. Затѣмъ, здѣсь же былъ письменный столъ, фисъ-гармонія (тетя играла на ней, а дядя на флейтѣ) и столикъ съ разными рѣдкостями. Въ общемъ этотъ кабинетъ-гостинная былъ изящно обставленъ. Дядя и тетя часто бывали заграницей и всегда привозили что-нибудь изящное.

Здѣсь дядя началъ учить насъ переводить и на память говорить стихи Мицкевича, которыми онъ самъ очень увлекался. Потомъ читалъ намъ Гомера. При чтеніи, онъ, какъ человѣкъ впечатлительный, сильно волновался. Это волненіе передавалось и намъ, и мы дрожали за Троянскихъ героевъ.

Въ этотъ пріѣздъ мы прожили у Кулишей 2 года. При насъ они перешли въ купленный ими рядомъ хуторъ—Мотроновку. Въ хуторѣ Поддубнѣ все было новенькое, все ихъ руками построенное и посаженное, и все въ маленькомъ видѣ, а въ Мотроновкѣ все было старое и обширное. Домъ былъ старый, большой, съ громаднымъ садомъ, въ которомъ были вѣковыя деревья. Но дядя съ любовью на все это смотрѣлъ. Здѣсь—каждый уголокъ былъ для него полонъ воспоминаній. Изъ этого дома онъ взялъ невѣсту—нашу тетю, которую онъ такъ любилъ, что когда кто говорилъ: «нѣтъ счастья въ мірѣ, нѣтъ прочной любви, то мы поправляли: «исключая Кулишей». Одно время дядя началъ заниматься съ нами французскимъ и русскимъ языками, но вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ на службу.

А вотъ еще воспоминанія: дядя очень любилъ цвѣты и жалѣлъ, когда видѣлъ, что ихъ рвутъ. Самъ онъ избѣгалъ ихъ рвать, хотя иногда не выдерживалъ и составлялъ художественно букетъ, но для самыхъ близкихъ. Какъ то, на дядины именины—тетя и мы свили нѣсколько вѣнковъ и гирляндъ и украсили его кабинетъ и веранду, на которой онъ любилъ сидѣть. Конечно, это было сдѣлано сюрпризомъ.

Когда дядя увидѣлъ, то поблагодарилъ насъ за вниманіе, но на другой день сказалъ, что онъ не хотѣлъ насъ огорчать,

но ему было бы пріятнѣе видѣть эти цвѣты на стебляхъ. Это, впрочемъ, не помѣшало дядѣ на тѣхъ же дняхъ принести тетѣ прелестный букетъ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ.

Когда мы пріѣхали къ нимъ погостить въ другой разъ, то они собрались ѣхать заграницу и предложили намъ ѣхать съ ними. Первоначальный планъ былъ проѣхать въ Швейцарію и тамъ, по мѣрѣ средствъ, прожить подольше. Кажется, здѣсь играло роль соображеніе относительно изученія французскаго языка нами и многое другое. Но уже по дорогѣ выяснилось, что дѣла скоро насъ отзовутъ домой, и они измѣнили планъ маршрута. Мы поѣхали на Берлинъ, Шарль-Руа, въ Парижъ, гдѣ мы и пробыли около трехъ мѣсяцевъ. По дорогѣ—въ Варшавѣ мы прожили съ недѣлю. Тамъ насъ посѣщалъ дядя Василій Бѣлозерскій. Съ дядей и тетей мы ходили по цѣлымъ днямъ по городу, причемъ дядя останавливался передъ бывшими дворцами и своими интересными повѣствованіями давалъ намъ заглядывать вглубь исторіи польскаго народа. Тамъ же мы въ первый разъ были на выставкѣ картинъ. Дядя, какъ художникъ, разбиралъ достоинства работъ и давалъ намъ понемножку понятіе о живописи. Слѣдующая остановка была въ Берлинѣ. Здѣсь тоже дядя водилъ насъ всюду, гдѣ находилъ для насъ полезнымъ и интереснымъ побывать. Лекціи, конечно, продолжались, одна интереснѣе другой. Затѣмъ, останавливаясь по нѣсколько дней въ Ахенѣ и Шарль-Руа, мы пріѣхали въ Парижъ. Первую квартиру наняли въ предмѣстьи Мон-Мартра, вторую возлѣ Итальянскаго Бульвара и третью возлѣ самаго Лувра. Это былъ заранѣе рѣшенный планъ. Дядя хотѣлъ, чтобы мы видѣли Парижъ по ступенямъ. Здѣсь мы обществомъ дяди меньше пользовались, такъ какъ онъ много работалъ въ архивахъ. Но все-таки онъ насъ водилъ въ картинныя галлереи и музеи Лувра и другихъ дворцовъ и на публичныя лекціи въ Сорбону, Колежъ де Франсъ. Очень сожалѣю, что не пришло мнѣ тогда въ голову записывать всего, о чемъ онъ намъ такъ хорошо разсказывалъ. Незадолго до нашего отъѣзда, на послѣдней квартирѣ, дядя обратилъ вниманіе на человѣка, который сидѣлъ по цѣлымъ днямъ согнувшись у малень-

каго окошечка угольной лавченки, находившейся противъ нашей квартиры. Этотъ человѣкъ, по словамъ дяди, каждый разъ, когда мы уходили изъ квартиры или возвращались въ нее, высовывалъ голову въ окошечко и долго слѣдилъ за нами. Насъ это заинтересовало. Мы начали заходить въ угольную лавочку покупать тоненькія щепки для разжиганія камина. Тамъ мы увидѣли этого человѣка, который сидѣлъ въ отгороженномъ углу маленькой лавченки, какъ бы въ шкафу, и чинилъ старые башмаки. Каждый разъ, какъ мы уходили изъ лавки, человѣкъ наклонялъ голову къ окошку и пристально смотрѣлъ на насъ. Лицо у него было блѣдное и измученное, а взглядъ выражалъ страданье. Наблюденія свои мы сообщили дядѣ. И вотъ, однажды, дядя приходитъ съ гостемъ, и мы узнаемъ въ немъ нашего незнакомца изъ угольной лавки. Онъ разсказалъ намъ длинную исторію. Мы такъ были взволнованы, что я не все запомнила изъ его разсказа. Онъ польскій эмигрантъ. Очень давно, во время повстанія, онъ бѣжалъ за границу. Оставилъ дома жену и дѣтей и не знаетъ, что съ ними. Пока добрался до Парижа, блуждалъ по многимъ мѣстамъ. Добывалъ себѣ пропитаніе на всякихъ работахъ. Случалось быть и безъ работы, и безъ хлѣба. Онъ имѣлъ видъ человѣка, котораго судьба такъ прихлопнула, что не расправиться уже ему. Разсказывая, онъ сильно волновался и постоянно мѣшалъ польскую и французскую рѣчь. Онъ говорилъ, что, услышавъ однажды отъ насъ русскую рѣчь, онъ все собирался съ нами заговорить, разспросить о своей родинѣ, и не рѣшался. Черезъ нѣсколько дней мы уѣзжали. Дядя оставилъ ему много книгъ и сказалъ: «Читайте ихъ, пусть они у васъ побудутъ; если когда пріѣду снова сюда, заберу; если будете нуждаться, продайте ихъ. Я буду радъ знать, что они вамъ принесли пользу—какимъ-бы то ни было образомъ». Никогда не забуду того тоскливаго взгляда, какимъ онъ насъ провожалъ.

На возвратномъ пути мы остановились на нѣсколько дней въ Кіевской лаврѣ. Это была первая недѣля поста. Дядя очень любилъ хорошую церковную службу и пѣніе. Мы по цѣлымъ

днямъ ходили въ церкви. Дядя просвѣщалъ насъ по части исторіи православія и Лавры, въ частности указывалъ намъ старинную живопись. Это было въ послѣдній разъ, что мы долго гостили у Кулишей. Послѣ этого мы только разъ были въ Мотроновкѣ при жизни дяди, и то накороткѣ. Много горькаго пережилося за этотъ періодъ и Кулишами и нами.

Образъ дяди запечатлѣлся въ моей душѣ, какъ человѣка высокаго ума, широкаго образованія, съ безконечно добрымъ, любящимъ и щырымъ сердцемъ. А говорилъ онъ такъ увлекательно, что сразу покорялъ слушателя.

Леся.

Прибавимъ къ этому еще одинъ эпизодъ изъ воспоминаній другой племянницы покойнаго П. А. Кулиша.

Разъ, въ числѣ многихъ другихъ развлеченій, дядя задумалъ устроить для насъ спектакль, въ которомъ мы же сами должны быть и актерами. Онъ выбралъ одну сцену изъ исторіи Богдана Хмельницкаго и передѣлалъ ее для насъ. Въ этой сценѣ Богданъ ведетъ какіе то переговоры съ Барабашемъ. Содержанія этихъ переговоровъ у меня не осталось въ памяти.

Гетманъ и его золотая булава насъ очень соблазняли, но Барабашемъ никто изъ насъ не желалъ быть. Однакожъ, дядя рѣшилъ быть мнѣ Барабашемъ. Сначала это меня огорчило, но когда я узнала, что Барабашу приходится говорить мало, и потомъ я буду переодѣваться и являться чурой, въ шапкѣ на бекрень—то совершенно примирилась со своею ролью.

Репетиція шла недурно. Наконецъ, насталъ день спектакля.

Въ гостиной поставили два шкафа и между ними повѣсили занавѣску. Мы надѣли подобающіе костюмы.

Собралась публика: человѣкъ пять нашихъ близкихъ родныхъ и наша же прислуга.

Занавѣсъ взвился. Барабашъ растерялся, но гетманъ вполнѣ владѣлъ собою и смѣло и отчетливо произнесъ свою рѣчь, когда

же очередь дошла до Барабаша, то онъ, вмѣсто словъ, залился горькими слезами. Всѣ бросились утѣшать его, и спектакль кончился.

Дядя очень смѣялся и старался успокоить меня.

Галя.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. *У Львові. Накладом Наукового Товариства ім. Шевченка. Вип. I, 1899; вип. II, 1901; вип. III, 1902; вип. IV, 1904.*

«Наукове Товариство імени Шевченка», его дѣятельность и изданія не разъ давали „Кіевской Старинѣ“ матеріалъ для болѣе или менѣе подробныхъ рецензій, поэтому не будемъ здѣсь повторять сказаннаго уже раньше. Всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстно, на какую высокую степень развитія въ сравнительно короткій срокъ это ученое общество подняло украинскую науку, а для всякаго спеціалиста по украинской исторіи, литературѣ, языку и этнографіи опять-таки не составляетъ тайны то обстоятельство, что онъ не можетъ успѣшно работать въ указанныхъ областяхъ человѣческаго знанія, не познакомившись предварительно съ работами названнаго „Товариства“. Если же въ данномъ случаѣ мы позволимъ себѣ объ одномъ изъ его изданій дать нѣсколько иной отзывъ, чѣмъ тотъ, какого удостоились остальныя, то причиной этого является не стремленіе умалить значеніе названной ученой институціи, но наоборотъ—указаніемъ на недостатки желательно сдѣлать его болѣе осторожнымъ и не только удержать на достигнутой высотѣ, но отчасти подвинуть его впередъ въ столь удачно начатомъ направленіи.

Заглавіе сочиненія, о которомъ желательно намъ побесѣдовать съ читателемъ, приведено выше. Какъ видно изъ отчетовъ, публиковавшихся „Науковым Товариством ім. Шевченка“, „Гуцульщину“ реферировалъ въ засѣданіи секціи и настаивалъ на печатаніи ея проф.

Ол. Колесса; по его же предложенію въ другомъ засѣданіи секціи „Гуцульщина" была признана „науковою працею" (чего, насколько мы можемъ судить по отчетамъ, не допускалось почему-то относительно другихъ работъ). Значитъ, названный профессоръ непосредственно способствовалъ печатанію ея въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ свѣтъ, и на него же падаетъ отвѣтственность за ея научную цѣнность. На это мы и обращаемъ прежде всего вниманіе читателя, такъ какъ нельзя допустить, чтобы спеціалисты, руководящіе этнографическими изданіями «Наукового Товариства імени Шевченка» (гг. Волковъ, Франко и др.) не дѣлали своихъ замѣчаній при реферированіи. Но почему же въ такомъ случаѣ ихъ замѣчанія не были приняты къ свѣдѣнію, что и отразилось невыгодно на самой работѣ?..

Указывая на недостатки „Гуцульщини", мы совершенно не будемъ считаться съ тѣми появившимися до настоящаго момента сочувственными отзывами о ней, какія намъ приходилось читать. Ихъ писали преимущественно не-спеціалисты, обладающіе слишкомъ поверхностными свѣдѣніями о гуцулахъ; если же, между рецензентами и встрѣчались лица, обладавшія спеціальными познаніями въ данной области, то очевидно они не пожелали вдаваться въ подробности и въ слишкомъ общей формѣ давали свою оцѣнку: главнымъ образомъ они останавливались на собранномъ матеріалѣ и съ похвалой отзывались о немъ. О самомъ матеріалѣ собственно, за незначительными, впрочемъ, исключеніями, о чемъ ниже,—не можемъ сказать ничего худого и мы, но считаемъ своей непремѣнной обязанностью отрицательно отнестись—къ методу работы и способу ея выполненія, допустимымъ, быть можетъ, двадцать лѣтъ назадъ, когда г. Шухевичъ принялся за собираніе матеріала, вѣроятно, и не помышляя объ его публикованіи, но ужъ ни въ какомъ случаѣ въ настоящее время. Тѣмъ менѣе мы склонны считаться съ такими газетными замѣтками, авторы которыхъ заявляли, что „про Гуцульщину говорять не лиш у Відні, але і в Парижі і в Льондоні" [1]).

---

[1]) Эту цитату мы беремъ изъ львовскаго „Діла", хотя и недословно, такъ какъ въ данный моментъ у насъ нѣтъ подъ руками того номера газеты, гдѣ напечатана была упомянутая замѣтка. Во всякомъ случаѣ мы ручаемся за вѣрно переданный смыслъ и, читая замѣтку, мы удивились лишь тому, почему позабыли упомянуть тутъ же о Нью-Іоркѣ, Каирѣ, Пекинѣ, Сиднеѣ, гдѣ также не исключительно круглые невѣжды обитаютъ...

Самъ г. Шухевичъ также весьма высоко цѣнитъ свое произведеніе (какъ немногіе изъ авторовъ) и склоненъ придавать ему громадное значеніе, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ предисловіе къ первому выпуску, съ котораго мы и начнемъ свои критическія замѣчанія.

Въ самомъ началѣ онъ говоритъ: „Гуцульщина – се вислідок моеі більше як 20-и літноі праці; в ній подаю усе те, що я сам бачив, чув, *зібрав* або списав; про те е вона *самостійною* працею з виімкою фізиографічного огляду, який зладив я на підставі праць д-ра Цубера і д-ра Ремана. З иньших публікаций, які про Гуцулів появили ся, не користав я просто для того, бо кромі праць д-ра Кайндля, які впрочім дотикають властиво буковиньских Гуцулів, не найшов я таких, *на які можна би оперти ся* (Вып. I, стр. 1).

Чистосердечно признаемся, что отъ двадцатилѣтней (а такъ какъ приведенныя слова написаны въ 1899 г., то въ настоящій моментъ уже болѣе, чѣмъ двадцатилѣтней) работы мы ожидали лучшихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, какіе получились. Но не будемъ вдаваться въ это для избѣжанія субъективизма, неизбѣжно связаннаго съ оцѣнкой соотношенія между работой и временемъ, затраченнымъ на нее. Но за то считаемъ необходимымъ рѣшительно запротестовать противъ заявленія, что будто бы о Гуцулахъ не существовало сочиненій, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Мы не будемъ предлагать здѣсь полной библіографіи такихъ работъ, тѣмъ болѣе, что сдѣлать это наскоро нельзя, но то, что припоминается намъ въ данный моментъ, считаемъ нужнымъ указать.

Уже въ 1838—1839 г. одинъ изъ піонеровъ возрожденія галицкихъ русиновъ и ученый—Иванъ Вагилевичъ напечаталъ свою статью о Гуцулахъ подъ заглавіемъ: Huculové obyvatelé vychodnjho pohorj Karpatského (Čas. čes. Mus. годъ изданія XII, стр. 474—498; годъ изд. XIII, ст. 45—68). Съ этого времени статьи такого же содержанія появлялись довольно часто. Въ 1860 г. напечатана въ „Львовянинѣ, приручномъ и господарскомъ мѣсяцословѣ на рôкъ 1861"—„Гуцулы. Шкицъ етнографичный" (ст. 46—57). Въ 1863 г. появилась брошюра „Rys o Huculach" С. Витвицкаго, служившаго долго священникомъ въ Жабьѣ, столицѣ Гуцуловъ. Въ 1864 г. начали издаваться „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси" Я Головацкаго, гдѣ на ряду съ гуцульскими пѣснями находимъ не мало матеріала и о самыхъ Гуцулахъ. Въ 1887 г. вышла въ Краковѣ брошюра Вайгля (Waigiel): „O Huculach zarys etnograficzny". Въ томъ же году была

напечатана въ львовскомъ журналѣ „Шкôльна Часопись“ (№ 13—14) статья Р. Заклинскаго: «Гуцулы». Въ 1889 г. въ вѣнской «Наукѣ» появляется статья «Изъ буковинскихъ карпатскихъ горъ», гдѣ мы находимъ: «а) Жизнь гуцула въ его вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, б) Игрушки, в) Колачины, родины, крестины, г) Обзорины, заводины, свадьба, пропой, смѣны, и д) Опохоронныхъ обычаяхъ буковинскихъ гуцуловъ». Какъ видно изъ заглавій, тутъ говорится о такихъ именно предметахъ, которые и г. Шухевичу очень бы даже пригодились. Въ 1896 г. въ чешской газетѣ: „Národni Listy“ (№ 217) была напечатана статья „Huculské Velikonoce. Prispêvek k rusinskému národopisu Karpat“ Ф. Ржегоржа. Въ 1900 г. появилась въ варшавскомъ „Ateneum“ статья г. Лукинскаго: „Na Huculszczyźnie“ (кн. VI, ст. 487—515). Въ львовскомъ журналѣ „Lud“ помѣстилъ довольно большую статью о Гуцулахъ І. Шнайдеръ подъ заглавіемъ „Z kraju Huculów“. Кромѣ того, появился цѣлый рядъ работъ о Гуцулахъ проф. черновецкаго университета Ф. Р. Кайндля, интересныхъ особнино тѣмъ, что онъ дѣйствительно самъ собиралъ матеріалъ для нихъ или же пользовался записями людей, родившихся и долго проживавшихъ въ Гуцульщинѣ. Только языкъ онъ передаетъ не съ надлежащей вѣрностью; впрочемъ онъ и не заявляетъ претензіи, подобно г. Шухевичу, чтобы его записямъ филологи безусловно довѣряли. Считаемъ нужнымъ перечислить здѣсь эти работы: 1) Die Wahrheit über die Huzulen. 2) Die Wetterzauberei bei den Rutenen und Huculen. 3) Cosmologische Sagen der Rutenen und Huzulen. 4) Die Huzulen (Вѣна, всѣ въ 1894 г.). 5) Neüe Beiträge zur Ethnologie und Volkskunde der Huzulen. 6) Haus und Hof bei den Huzulen. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. 7) Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen. 8) Die Viehzucht und der Viehaberglauben bei den Huculen (всѣ въ 1896 г.). 9) Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. 10) Die Jagd bei den Huzulen. Geschichtlicher Rückblick. Jagdgeröthe und Jagdausrüstung (обѣ въ 1897 г.). 11) Bei den Huzulen im Pruththal (1898 г.). 12) Die Czorno-Hora als Kultstätte der Huzulen. 13) Die Seele und ihr Aufenthaltsort nach dem Tode im Volksglauben der Rutchenen und Huzulen. 14) Die volksthümlichen Rechtsauschaüungen der Ruthenen und Huzulen. 15) Haüsbaü und Baüopfer bei den Huzulen.

Помимо цѣлаго ряда этихъ работъ, посвященныхъ почти исключительно Гуцуламъ, существуютъ и другія, гдѣ о нихъ говорится мимоходомъ, Изъ статей этого послѣдняго рода назовемъ статью въ

„Львовянинѣ“ за 1863 г. подъ заглавіемъ „Русины въ Буковинѣ. Шкицъ етнографично-статистичный“; замѣтку въ „Галичанинѣ, литерат. сборникѣ“ 1863 г.: „Спѣванки Гуцуловъ“; въ львовской „Меті“ за 1863 г. напечатаны: „Коляди Гуцулів“, собранныя А. Кобрынскимъ (ст. 164—171); въ „Запискахъ Юго-Зап. Отдѣла Импер. рус. Геогр. Общества“ за 1875 г. напечатаны „Пѣсни Буковинскаго народа“, собранныя Купчанкомъ, гдѣ между прочимъ есть и гуцульскія; въ „Правді“ за 1879 г. напечатаны «Співанки з Гуцульщини» (ст. 175—180, 238—244, 297—299); въ сочиненіи О. Кольберга „Pokucie“, четыре тома котораго уже появились въ продажѣ (первый въ 1882 г.), также собрано много матеріала о Гуцулахъ; въ статьѣ д-ра Ом. Огоновскаго: «Русины пôдъ взглядомъ етнографичнымъ, языковымъ, историчнымъ и литературнымъ» (Діло, 1886), печатавшейся первоначально по-нѣмецки въ энциклопедіи Ерша и Грубера, находимъ упоминанія и о Гуцулахъ; въ женскомъ альманахѣ «Перший вінок» (1887) есть статья Катерины Довбенчукъ: «Дівка й княгиня. Народні обичаі в Косівщині» (ст. 197—207); въ 1889 г. вышла брошюра Коперницкаго: „O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnograficzny według spostrzeżeń w podróży, odbytej w końcu lata 1888 r.“, гдѣ находимъ упоминанія о Гуцулахъ. Дальше встрѣчаемъ нѣсколько статей: Ф. Ржегоржа „Salašnictvi v Karpatech“ („Národni Listy“. № 22, 1897); „Етнографічний Збірник“, т. V (1898), гдѣ между прочимъ находимъ прекрасное собраніе „Гуцульських примовок“ І. Франка; въ „Ділі“ (1899) напечатана статья: «Рôздвяни звычаи въ Марамороши“ (№ 291).

Уже и эти замѣчанія могутъ убѣдить читателя, что литература о Гуцулахъ не такъ ужъ бѣдна, чтобы серьезному изслѣдователю не на чемъ было остановиться; скажемъ болѣе—его обязанность познакомиться съ этой литературой и по возможности использовать ее въ томъ смыслѣ, чтобы исправить погрѣшности, подтвердить правдивыя показанія и ничего не оставить подъ вопросомъ въ наслѣдство дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, на обязанности которыхъ лежало бы дополнить пропущенное, сдѣлать ожидающее своей очереди, но ни въ коемъ случаѣ не начинать ab ovo, что приходится дѣлать теперь. Г. Шухевичъ, вѣроятно, думалъ, что если онъ будетъ игнорировать всѣ сочиненія о Гуцульщинѣ, то его работа выйдетъ самостоятельнѣе (что имъ особенно подчеркивается), но при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду то простое обстоятельство, что положительно лишне вторично открывать разъ уже открытую Америку.

Уже то одно способно ввести въ заблужденіе человѣка, поверхностно знакомаго съ предметомъ, что г. Шухевичъ далъ своему сочиненію краткое заглавіе „Гуцульщина“, не приводя при этомъ никакихъ поясненій ни въ заглавіи, ни въ текстѣ, какъ будто бы дѣйствительно описанная имъ территорія заключала въ себѣ всѣхъ гуцуловъ. Поэтому то онъ ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что есть также гуцулы и въ Буковинѣ (часть послѣднихъ живетъ съ галицкими гуцулами собственно въ однихъ и тѣхъ же селахъ, раздѣленныхъ лишь небольшой рѣчкой Бѣлымъ Черемошемъ (Яблоныця, Довгополе, Стебне) или обоими Черемошами, напримѣръ, Ростоки) и въ Угорщинѣ. Жаловаться на скудость литературы о буковинскихъ гуцулахъ г. Ш. не могъ, такъ какъ работы Кайндля описываютъ ихъ подробнѣе, чѣмъ „Гуцульщина“ галицкихъ, а относительно угорскихъ также есть, помимо произведенія Бидермана-старшаго: «Die ungarischen Ruthenen» (работы, кстати сказать, для своего времени прекрасной и вполнѣ заслуживающей довѣрія),—сочиненія Ю. Жатковича: «Замітки етнографічні з Угорськоі Руси» (Етногр. Збірник т. II), Кайндля (между упоминавшимися выше) и др. [1]) Поэтому то необходимо было ихъ во всякомъ случаѣ использовать и дополнить собственными наблюденіями и матеріалами, собранными на мѣстѣ, если у автора было намѣреніе сдѣлать «Гуцульщину» монографіею о Гуцулахъ вообще. Если же онъ такой цѣлью не задавался, то долженъ былъ дать своей работѣ менѣе исчерпывающее названіе и озаглавить ее, допустимъ: «Галицька Гуцульщина», или какъ-либо въ этомъ же родѣ, что несравненно было бы ближе къ истинѣ.

Кромѣ того мы совершенно не увѣрены, изслѣдовалъ ли авторъ, даже и ограничивъ значительно территорію, всѣ гуцульскія села, хотя бы въ своемъ «Статистичнім огляді», или нѣтъ. Правда, онъ категорически заявляетъ: «В Галичині замешкують Гуцули 40 катастральних громад, з яких 24 пише сі до коссівского, 11 до печеніжиньского, а 5 до надвірняньского повітів» (I, 54). На слѣдующихъ страницахъ г. Шухевичъ перечисляетъ по порядку всѣ эти села, но ничѣмъ не мотивируетъ того, почему именно ихъ считаетъ гуцульскими, почему, напримѣръ, Соколивку мы находимъ въ числѣ гуцульскихъ селъ, а Городъ, расположенный въ двухъ километрахъ отъ Соколивки, къ таковымъ не причисляется. И мы, читая это и довѣряя автору на

---

[1]) См. Францевъ В. „Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси“.

слово, совершенно не задавались бы вопросомъ, существуютъ ли еще гдѣ-либо Гуцулы, если бы не пользовались другими извѣстіями, игнорировать которыя нельзя безъ достаточныхъ основаній. Территорію Гуцуловъ опредѣлялъ уже В. Поль (Prelekcye Wincentego Pola. Rzut oka na północne stoki Karpat. Kraków, 1851) и при этомъ далъ перечисленіе всѣхъ гуцульскихъ поселеній. Я. Головацкій, лично хорошо знакомый съ Гуцульщиной, такъ какъ даже былъ женатъ тамъ, перепечатывая перечисленіе Поля (Пѣсни Гал. и Угор. Руси, I, ст. 688—690), вполнѣ соглашается съ нимъ, дополняя впрочемъ его всего лишь восьмью селами, изъ которыхъ четыре только и упоминаются у г. Шухевича, а другія четыре отсутствуютъ. Считаемъ нужнымъ перечислить здѣсь эти села, признанныя Полемъ и Головацкимъ за гуцульскія, но пройденныя молчаніемъ у г. Шухевича: Рафайлова, Пасична, Быткивъ, Пнивье, Надвирна, Спорымба, Лойева, Делятынъ, Лугъ, Заричье, Били Ославы, Чорни Ославы, Чорный Потикъ, Яблонивъ, Утoропы, Пистынь, Косивъ, Монастырско, Москаливка, Городъ (всѣ три послѣднія считаются предмѣстьями Косова), Печенижынъ, Рунгуры, Свобода Рунгурська, Старый Косивъ. Разногласіе, какъ видимъ, между Головацкимъ и Шухевичемъ не можетъ быть признано незначительнымъ: разница на цѣлыхъ 24 села! А вѣдь немаловажное значеніе имѣетъ твердое установленіе того, перестали ли эти села быть гуцульскими (значитъ—гуцулы вымираютъ), или они никогда въ сущности таковыми и не были. Въ томъ и другомъ случаѣ это необходимо было бы подтвердить фактами, каковые у г. Шухевича отсутствуютъ.

Но хотя и слишкомъ ограничена гуцульская территорія у г. Шухевича, всетаки нельзя сказать, чтобы обзоръ ея даже и въ уменьшенномъ видѣ сдѣланъ былъ съ надлежащею полнотою. Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Праця моя обнимає цілу галицьку Гуцульщину, а не поодинокі ii села, проте представив я при описі обрядів і пр. в одній цілости усе те, що бачив по всій Гуцульщині, хоч *деякі звичаі, обряди і пр. не всюди однакі*, бо як каже Гуцул: *У нас (Гуцулів) що грунь, то інша установа.* Тому не менче і з тоі причини, що давніщими роками не вважав я річию потрібною записувати місця або особи, від яких удалось мині що почути чи списати або зібрати, особливо в випадках, коли якась пісня, звичай і т. і. є загально звісною в цілій Гуцульщині—нема в моій праці назвиськ місцевостий та осіб під усею збіркою пісень і пр., а тільки під специяльно місцевими

та тими, що зібрані в остатніх роках» (Вып. I, ст. I—II). Такимъ образомъ самъ г. Шухевичъ подтверждаетъ то обстоятельство, что «що грунь, то інша установа»; а между тѣмъ печатаетъ записанное въ одномъ какомъ-либо селѣ и рекомендуетъ его, какъ нѣчто общее для всей Гуцульщины, типическое. Напримѣръ, почерпнувъ у г. Шухевича свѣдѣнія относительно гуцульскаго костюма, читатель будетъ увѣренъ, что всѣ гуцулы именно такъ одѣваются, какъ онъ говоритъ. А между тѣмъ жители Жабя, Космача, и Довгополя, не говоря уже о буковинскихъ и угорскихъ гуцулахъ, тотчасъ узнаютъ другъ друга по костюму. Также и описаніе свадьбы (не указанó, гдѣ именно записано) рекокомендуется, какъ типическое для всей Гуцульщины; между тѣмъ, сравнивъ его съ другими описаніями того же явленія народной жизни, сразу видимъ значительныя отклоненія. Вообразите теперь, въ какомъ положеніи долженъ очутиться, напримѣръ, изслѣдователь свадебныхъ обрядовъ, особенно если онъ не знаетъ того, вся ли свадьба записана въ одной опредѣленной мѣстности или она представляетъ изъ себя результатъ соединенія во едино нѣсколькихъ описаній свадебъ въ различныхъ селахъ, чего авторъ, какъ это подобало бы добросовѣстному ученому—совершенно не выясняетъ. Интересно также и то, какъ могъ авторъ знать, поется ли, напримѣръ, данная пѣсня во всей Гуцульщинѣ, не имѣя подъ руками варіантовъ ея изъ каждаго села (если бы таковые имѣлись въ его распоряженіи, то, вѣроятно, были бы напечатаны, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія); или, какими признаками руководствуясь, отличалъ онъ исключительно мѣстныя пѣсни, такъ какъ по напечатанному имъ матеріалу вопросъ этотъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть рѣшенъ. Но и помимо всего этого, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что нашему автору *не удалось побывать на всей гуцульской территоріи и пользоваться записями, касающимися всѣхъ селъ*, благодаря чему даже и заглавіе «Галицька Гуцульщина» слишкомъ обширно для его сочиненія. Это сразу бросается въ глаза при ознакомленіи съ пѣснями. Никакой матеріалъ не можетъ быть собранъ съ такой легкостью, какъ пѣсни. Если бы г. Шухевичъ посѣтилъ всѣ гуцульскія села или хотя бы пользовался матеріалами, собранными тамъ, то безусловно среди нихъ оказались бы и пѣсни. А такъ какъ при печатаніи пѣсенъ г. Шухевичъ не особенно придерживается своего метода—не называвать ни собирателя, ни мѣстности—по крайней мѣрѣ, послѣднюю называетъ часто,—то несомнѣнно, что хотя бы одинъ разъ упоминались бы въ записяхъ на-

званія многихъ мѣстностей, относительно которыхъ въ цѣломъ сочиненіи нѣтъ никакихъ упоминаній, за исключеніемъ статистическаго отдѣла, гдѣ они могутъ фигурировать даже и въ томъ случаѣ, если бы нашъ авторъ жилъ и писалъ о нихъ въ центральной Африкѣ, никогда не выѣзжая за ея предѣлы. Высказанная нами мысль подтверждается также и отсутствіемъ фотографическихъ снимковъ со многихъ мѣстностей, каковые г. Шухевичъ не преминулъ бы сдѣлать, побывавъ тамъ.

Этнографія, какъ наука, не вчера родилась; она существуетъ уже цѣлое столѣтіе и выросла до такихъ размѣровъ, что для одного человѣка невозможно уже овладѣть ею въ цѣломъ и нужно дѣлить ее при спеціальныхъ изученіяхъ на различные отдѣлы. Въ поступательномъ развитіи ея принимали участіе выдающіеся ученые различныхъ народовъ и примѣнительно къ извѣстнымъ принципамъ выработали нѣсколько методовъ, среди которыхъ методъ сравнительнаго изученія былъ признанъ наилучшимъ, принятъ для всеобщаго руководства и уже довольно давно вытѣснилъ изъ научныхъ изслѣдованій другіе методы, болѣе давняго происхожденія. Всякій этнографъ, работая надъ «самостійним» произведеніемъ, все же долженъ руководствоваться въ работѣ извѣстнымъ методомъ. Но г. Шухевичъ пожелалъ быть настолько оригинальнымъ, что даже не призналъ нужнымъ придерживаться какого-либо изъ существующихъ методовъ и предпочелъ пролагать себѣ дорогу «самостійно». А потому работа его въ методологическомъ отношеніи имѣетъ необыкновенно жалкій видъ. Напримѣръ, вотъ какія крупицы метода сравнительнаго изученія мы находимъ у него: въ III вып. (ст. 24) сравниваетъ онъ свадебное гуцульское деревцо съ мифомъ о древѣ жизни Зендавесты. Насколько основательно это сравненіе, вдаваться не будемъ, такъ какъ пришлось бы слишкомъ уклониться отъ нашего предмета (мы однако увѣрены, что его внушилъ автору кто-то другой). На ст. 40, упоминая о томъ, что мать намазываетъ сыну губы медомъ по возвращеніи его домой послѣ вѣнчанья, г. Шухевичъ прибавляетъ: «В старинній Індиї намащувано при весільних обрядах жіночий род. знаряд медом, приговорюючи: «Намащуемо твій знаряд медом, бо він є другими устами твірчоі енергіі, через яку ти сама, непоконана, поконаєш усіх мущин!» (и это сравненіе, по нашему мнѣнію, заимствовано авторомъ, ибо самъ онъ во всей работѣ не обнаруживаетъ знакомства съ какими-либо литературами). На ст. 218 одну пѣсню г. Шухевичъ сопровождаетъ слѣдующимъ

поясненіемъ: «Оповідане (sic!) се подано за «Нар. пѣсни гал. и угор-Руси Я. О. Головацкого» (значить, знакомъ съ сборникомъ Головацкаго, но лишь въ такой незначительной степени использовалъ его!) так, як мині довелось зібрати лише недоладні уривки з него». Но вмѣсто того, чтобы кратко сказать: я слыхалъ въ отрывкахъ такую то пѣсню, въ цѣломъ же видѣ она напечатана у Головацкаго въ такомъ-то мѣстѣ (послѣдняго то именно и не указано и, если кому-либо понадобится, то пусть изволитъ самъ порыться въ четырехъ томахъ!), г. Шухевичъ безъ настоятельной необходимости перепечатываетъ всю пѣсню, занимающую полторы страницы! Въ IV вып., печатая на ст. 96 одну колядку, прибавляетъ отъ себя: «Ся коляда нагадує «Поєдинок з турецким царем», поміщений в «Рускій Читанці» для висших кляс, 1892». Этимъ и исчерпываются у г. Шухевича всѣ слѣды сравнительнаго метода. А между тѣмъ, если бы онъ воспользовался этимъ методомъ въ полномъ его видѣ, то въ нашемъ распоряженіи было бы произведеніе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ просто монументальное. Вѣдь есть же такіе отдѣлы въ «Гуцульщині», что сами такъ и напрашиваются на сравненіе, напримѣръ, гуцульское «вівчарство» съ румынскимъ, сплавливаніе дерева у гуцуловъ и мадьяръ (откуда заимствованъ цѣлый рядъ терминовъ) и т. д., не говоря уже относительно необходимости проведенія параллели между обрядами, обычаями, пѣснями, лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ могущихъ представлять изъ себя извѣстную цѣнность, не затериваясь среди безчисленныхъ сборниковъ сырого матеріала, въ которыхъ трудно уже и разбираться. Вслѣдствіе слабаго примѣненія метода сравнительнаго изученія кажется, будто бы всѣ матеріалы, напечатанные г. Шухевичемъ, *безусловно гуцульскіе*; между тѣмъ, присмотрѣвшись къ нимъ ближе, видимъ, что они даже и не безусловно всеукраинскіе, о чемъ рѣчь впереди.

Да и какъ можно требовать отъ автора научнаго метода, если онъ не выработалъ себѣ даже обыкновеннаго литературнаго, такъ сказать—техническаго. Онъ положительно не способенъ различать болѣе важнаго отъ неимѣющаго существеннаго значенія и поэтому не знаетъ, что́ должно быть выдвинуто на первый планъ, а что можетъ довольствоваться и скромнымъ мѣстомъ; что́ необходимо напечатать и отсутствіе чего большого вреда не принесетъ; гдѣ нужно выдержать серьезный тонъ, а гдѣ излишняя серьезность просто-таки неумѣстна. Напримѣръ, даетъ онъ характеристику гуцуловъ (по старинному об-

разцу—въ общихъ фразахъ, а всякая характеристика народа, написанная въ такомъ родѣ, не имѣетъ никакого значенія) и безъ достаточнаго основанія приводитъ анекдотъ о томъ, какъ гуцулъ читалъ „Отче наш“, ведя лошадь, или въ другомъ случаѣ разговоръ на тему, кто, молъ, послѣ смерти Бога будетъ его преемникомъ (I, 42). Безусловно, анекдоты эти хороши и имѣютъ извѣстную цѣнность, если они напечатаны въ надлежащемъ мѣстѣ, среди анекдотовъ, а не въ характеристикѣ гуцуловъ, тѣмъ болѣе, что они, собственно говоря, и *не гуцульскіе*, а потому способны скорѣе умалить значеніе характеристики, чѣмъ быть полезными въ этомъ отношеніи. Такихъ примѣровъ можно было бы привести безчисленное множество, но просто жаль мѣста. Помимо сказаннаго, даже съ формальной стороны насъ не можетъ удовлетворить литературная манера г. Шухевича. Этнографическій матеріалъ обыкновенно предлагается вниманію читателя въ двоякой формѣ: иногда онъ записывается *буквально* изъ устъ разсказчика и печатается безъ всякихъ измѣненій, благодаря чему онъ онъ получаетъ, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, еще и спеціальное, филологическое, представляя изъ себя образецъ какого-либо говора даннаго времени; въ иныхъ случаяхъ для передачи его пользуются литературнымъ языкомъ, выработаннымъ писателями извѣстнаго народа на основѣ простонароднаго языка. Г. Шухевичъ не воспользовался ни той, ни другой формой, но изобрѣлъ опять таки „самостійну“—способную развѣ только подвергнуть терпѣніе обыкновеннаго читателя крайнему испытанію: онъ пишетъ литературнымъ языкомъ, но уснащеннымъ провинціализмами до степени, напоминающей старый сапогъ, усѣянный заплатами. Благодаря этому способъ его изложенія, его литературная манера представляется въ слѣдующемъ, напр., видѣ: „Дерево (материял) на всяку будівлю приготовлює стельмах з віблека, круглого пня смереки; долішній конець віблека, від *ґу́зера*, утятий на 6 m. се *ко́вбок*, а *пла́тва*—се 8 m. довга часть віблека теж від *ґузера*, *кро́ква*—6 сяжінь, а *кіле* 5—6 m. довга часть віблека від вершка; з ковбка колять *дошки*. З віблека лагодить стельмах зелізником *дерево*, материял на хату, при чім *бракує* він (відкидає) ковбки *бортя́ві* (порохнаві), *бре́склі* (сирі) та *бри́нябі* (перестоялі, що зачинають уже червоніти), а *лишеє мудре* (добре) дерево“. Въ такомъ же родѣ написано все сочиненіе; удачно ли выбранъ способъ изложенія—представляемъ судить самому читателю. По нашему мнѣнію, лучше было бы гуцульскія слова заключить въ скобки, а не наоборотъ, да и это, собственно говоря, совершенно

излишне, такъ какъ описаніе чего-либо и словарь какого-нибудь говора, съ удобствомъ могущій быть напечатаннымъ отдѣльно, двѣ совершенно различныя вещи. Правда, какъ видимъ изъ оглавленія еще не вышедшаго изъ печати дальнѣйшаго выпуска, тамъ обѣщается словарь и отдѣльно, но, по нашему мнѣнію, онъ представляетъ совершенно ненужную роскошь, такъ какъ цѣликомъ, съ комментаріями даже, напечатанъ въ текстѣ, при чемъ нѣкоторыя слова повторяются разъ десять, если не больше. Печатать вторично одно и тоже—значитъ переливать изъ пустого въ порожнее, и мы думаемъ, что „Наукове Товариство імени Шевченка“ не должно столь непроизводительно тратить средства, имѣя возможность дать имъ другое болѣе полезное назначеніе. Если будетъ когда-нибудь печататься словарь нашего языка, тогда составитель или составители воспользуются, вѣроятно, матеріаломъ г. Шухевича и безъ того, будетъ ли онъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ или нѣтъ.

Говоря о литературной манерѣ, мы не можемъ здѣсь оставить безъ вниманія языкъ и стиль автора. Помимо того, что насъ непріятно поражаютъ провинціализмы, смѣшанные съ литературнымъ языкомъ, какъ горохъ съ капустой, это же впечатлѣніе усиливается еще и присутствіемъ въ литературномъ языкѣ цѣлаго ряда чужихъ словъ. При иныхъ условіяхъ подобное явленіе не обращало бы особаго вниманія. Но въ данный моментъ „Наукове Товариство імени Шевченка“ какъ бы поставлено на стражѣ нашего слова и поэтому оно должно оберегать чистоту его, не допуская хотя бы въ своихъ изданіяхъ варваризмовъ, къ сожалѣнію положительно наводняющихъ нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, юридическія, математическія, естественно-научныя, а отчасти даже филологическія (работы, напр., г. Верхратскаго). У г. Шухевича также не мало ихъ, напримѣръ:

слідуючі шпилі (за кѣмъ они слѣдуютъ?)

пас (pas)	вмѣсто:	поле;
обшар (obszar),		простір:
вынятокъ (wyjątek),		вимок;
находить ся,		е;
іменно,		власне, а то;
високости (wysokość),		висота;

властивостию Карпат (właściwością)	прикметою;
розпостертий по Европі	росповсюджений;
тота,	та;
немногі случаі,	нечисленні випадки;
прочі,	иньші;
східний,	подібний (по-украински східний=восточний);
просторонь (przestrzeń),	простір;
занім (zanim),	заки, поки;
так як,	бо, тому що;
виконавця,	виконавець и т д.

О стилѣ можно составить понятіе по слѣдующимъ въ своемъ родѣ шедеврамъ: „В Гуцульщині дуже росповсюднена *потерýха* (syphilis)“. „Устами посла д-ра Т. Окуневскаго оперла ся тота справа о сойм“ (I, 45). „На жаль представляють ті дані о много гірший стан річи, як змогли се сконстатувати статистичні дані по шпиталях (I, 46). „В іншім куті знов стрижуть старші вівці (,) а молодші збирають та прячуть вовну то в посудину, то в бисаги“ (II, 196),—какъ видимъ, овцы стригутъ своего же брата—овецъ, да еще и шерсть прячутъ!.. „Які він легко дома придбати або направити може“ (II, 241) вмѣсто: „Які він може дома легко придбати“. „З огляду на се, що він займав ся церковним різьбярствомъ, помер він в р. 1889 без впливу на розвій народнього різьбярства“ (II, 315), т. е. будто бы умеръ онъ по той причинѣ, что „займав ся церковним різьбярством“ и т. д.

Вся работа г. Шухевича является какъ бы свидѣтельствомъ, позволяющимъ думать, что онъ положительно не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чтó болѣе важно—хорошія ли, вѣрныя описанія или собираніе гуцульскихъ словъ; благодаря этому, вѣроятно, наибольшее вниманіе обращалъ онъ на слова и термины, какъ это и видно изъ слѣдующаго мѣста въ предисловіи: „У відповідні місця тексту вложив я много гуцульских слів і їх форм з вимовою і наголосом так, як я їх чувъ, не менче старав ся я з усею силою придбати народню термінольогію, що усе зазначую у тексті курсивом; осібний словарець, поданий при кінці сеі праці, містить усі гуцульські слова, які мені лише удалось зібрати, а по при них і сторону, на якій їх у тексті віднайти можна“ (I, 1). О словарѣ мы уже упоминали, но что касается терми-

нологіи, то обязаны еще отмѣтить то обстоятельство, что г Шухевичъ въ погонѣ за ней теряетъ способность различать терминъ отъ слова, ничего общаго съ таковымъ не имѣющаго, а также гуцульскія выраженія отъ вообще украинскихъ, и въ качествѣ гуцульскаго валитъ въ кучу все безъ разбора. Слѣдующіе примѣры вполнѣ подтвердятъ справедливость нашихъ словъ: «способу, аби лихе відвернути» (I, 43), «серед опівночі, поклав Довбуш» (I, 44), «скарби землі, товариша очий людских» (I, 45), раком, лютим (тютюном) (I, 46) дуків, дукарів (I, 48), неповинні (обставини), клаптику (земли) (I, 49), образу гонору, покладних (гроший), змову (I, 51), верхах (I, 72) гинут у руках, всіх горах, кусник ситої землі, весняний випас (I, 73), поступати в чуже, вугли (I, 75), славу, одпущене гріхів (I, 77), достатній, ладній, підклад (I, 78), будь чого, бувалого, розумний (I, 83) и т. д. Всѣ указанныя выраженія напечатаны курсивомъ, хотя въ сущности онп ни исключительно гуцульскими, ни тѣмъ болѣе терминами названы быть не могутъ.

Выше мы упоминали уже о томъ, что авторъ не отличаетъ важнаго отъ несущественнаго и т. д. Теперь укажемъ нѣсколько примѣровъ его систематики, налагающей особый отпечатокъ на все сочиненіе. Описывая рыбацкіе снаряды, онъ вдругъ ни къ селу, ни къ городу помѣщаетъ среди нихъ рыбацкія вѣрованія, самое подходящее мѣсто для которыхъ было бы также среди вѣрованій (II, 224—226,—вообще авторъ никакъ не можетъ справиться съ вѣрованіями и старается всюду втиснуть ихъ безъ малѣйшей въ томъ надобности); въ описаніе жизни пастуховъ въ «полонинах» вставляетъ разсказъ о попадьѣ (II, 219—221), и притомъ совершенно даже не гуцульскій, а ходячій (сюжетъ: мать (чаще свекровь) посылаетъ дочь въ мартѣ мѣсяцѣ собирать «малину» (землянику), а дочь приноситъ деньги); тутъ же онъ приводитъ также якобы пастушьи пѣсни, хотя мѣсто ихъ въ III вып., рядомъ съ другими пѣснями; музыкальные же инструменты почему то онъ описываетъ въ III вып. (69—77), между тѣмъ какъ удобнѣе всего ихъ помѣстить во II, гдѣ говорится о всякихъ другихъ гуцульскихъ издѣліяхъ; колядки печатаетъ въ IV вып. при народномъ календарѣ; въ сущности же самое подходящее для нихъ мѣсто въ III вып., въ отдѣльной группѣ на ряду съ прочими пѣснями и т. д.

Очень невыгодное впечатлѣніе производитъ также тотъ фактъ, что авторъ нигдѣ ни словомъ не упоминаетъ о людяхъ, много доста-

вившихъ ему матеріала и благодаря записямъ которыхъ была составлена большая часть «Гуцульщини». Правда, изъ цитаты, приведенной уже выше, можно было бы подумать, что онъ раньше не отмѣчалъ у себя именъ, почему и забылъ ихъ. Но это можетъ касаться только старыхъ записей, а не собранныхъ въ послѣднее время, составляющихъ въ книгѣ подавляющее большинство. Конечно, онъ могъ бы забыть, что ту или другую пѣсню записалъ N, и не подписать его имени подъ ней, но такъ окончательно забыть имя собирателя, чтобы даже и въ предисловіи не упомянуть о немъ, особенно, если онъ доставилъ массу матеріала, нѣсколько странно. Мы никогда не видѣли записей г. Шухевича, а также никогда не состояли съ нимъ по этому поводу ни въ какихъ отношеніяхъ, но все-таки если бы онъ изъявилъ желаніе, беремся указать ему имена собирателей изъ Космача, Ростикъ, Головъ, Ясенова, Крыворивни и Жабя и этимъ самымъ помочь ему исправить хотя бы теперь свою ошибку и выйти изъ того неловкаго положенія, въ какомъ онъ очутился, написавъ: «В ній (Гуцульщині) подаю усе те, що *я сам бачив, чув, зібрав або списав»*. Въ отношеніи одного только г. Ф. Колессы, записавшаго ноты къ нѣсколькимъ пѣснямъ, г. Шухевичъ измѣнилъ самому себѣ и публично поблагодарилъ его цѣлыхъ три раза (по украинскому обычаю): въ предисловіи (I, 2), III, ст. 82 и IV, ст. 22. Чѣмъ объяснить такую галантность по отношенію къ г. Колессѣ—рѣшать не беремся.

Вмѣстѣ съ украинскимъ изданіемъ „Гуцульщини“ появилась она также и по-польски. Какъ видно изъ счетовъ „Наукового Товариства імени Шевченка“, напечатанныхъ въ годичномъ отчетѣ, затраты по изданію «Гуцульщини» довольно велики въ сравненіи съ другими изданіями Товариства. Но выручитъ ли оно средства, затраченныя на украинское изданіе, при существованіи же таковаго же польскаго тамъ, гдѣ всякій интеллигентный русинъ и полякъ читаетъ на обоихъ языкахъ—надъ этимъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы подумать его членамъ. Для Европы польское изданіе столь же пригодно, какъ и украинское,—въ такомъ случаѣ для кого же собственно понадобились два эти изданія? Если иногда Товариство публикуетъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ на международныхъ языкахъ, такъ это вполнѣ понятно: стараются сдѣлать ихъ доступными широкому кругу ученыхъ; но «Гуцульщина» вѣдь не предназначается для такого подношенія ученымъ спеціалистамъ, поэтому то мы и не понимаемъ, зачѣмъ въ одно и то

же время издается она на двухъ языкахъ? Во избѣжаніе недоразумѣній укажемъ, что она по-польски издана Львовскимъ «Muzeum'омъ im. hr. Dzieduszyckich».

Еще одинъ фактъ является для насъ мало понятнымъ: г. Шухевичъ въ предисловіи къ обоимъ изданіямъ указываетъ на свои большія издержки по изданію „Гуцульщини" („як щиро я над нею працював не вважаючи ні на великі видатки, ні на трудности" I, II). Опять таки и въ возраженіи рецензенту польскаго изданія онъ заявляетъ, какъ видно изъ приводимой цитаты, слѣдующее: „Dwukrotna aluzya do kosztów, podniesiona w owych fejletonach, może mimowoli wzbudzić w czytelniku podejrzenie, jakobum, *zbierając materyały do mej „Huculszczyzny"*, *korzystal z obcych funduszów*, za które, wedle zdania p. St. B. (рецензента), dałem «Książkę nieodpowiadającą zadaniu», a której «istnienie jest zasługą polską». Otóż oświadczane niniejszem, *że nigdy i od nikogo na powyższe cele żadnej kwoty nie otrzymalem, ale opędzalem wszystkie koszta z własnych funduszów*, nadto, że moja «Huculszczyzna» pojawiła się najpierwe w wydaniu ruskiem, a potem dopiero w wudaniu polskiem, co wyraźnie na str. VIII przedmowy do wudania polskiego zaznaczyłem» (Słowo Polskie, 1903, № 489, «Huculszczyzna»). Несмотря на это, мы прочли въ отчетахъ «Наукового Товариства імени Шевченка», что оно въ различное время, субсидировало г. Шухевича по частямъ суммой въ 500 кронъ «на поіздку по Гуцульщині», а кромѣ того, назначило особую сумму на клише и опять таки особую на карту Гуцульщины, которая на самомъ дѣлѣ приложена къ польскому изданію, а не къ украинскому (—почему?). Гдѣ же тутъ правда и какъ понимать все это «звичайному» члену «Наукового Товариства імени Шевченка», интересующемуся его дѣятельностью?

Мы упомянули о клише. Въ счетахъ «Товариства» рядомъ съ суммой, предназначенной на изданіе „Гуцульщини", находимъ при каждомъ выпускѣ особыя и довольно значительныя ассигновки на пріобрѣтеніе клише. Всѣми этими клише воспользовались для польскаго изданія. И если въ украинскомъ изданіи вездѣ указаны чужія клише, то въ польскомъ нѣтъ рѣшительно никакого упоминанія о клише „Наукового Товариства імени Шевченка". Намъ не хочется вѣрить, чтобы для польскаго изданія были пріобрѣтены новыя клише, тѣмъ болѣе, что, какъ показываетъ сравненіе, они положительно ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Почему же объ этомъ ни слова не сказано? Въ вѣнскомъ этнографическомъ журналѣ (Zeitschrift f. öster.

Volkskunde, 1902, V, ст. 211) читаемъ слѣдующую замѣтку относительно цѣлаго ряда клише, отпечатанныхъ тамъ: „Die Cliechés zu diesen Abbildungen, welche dem angezeigten Werke entnommen sind (въ томъ же номерѣ напечатана рецензія д-ра И. Франка на три выпуска „Гуцульщини“, которою мы иногда и пользовались), wurden uns von Herrn Prof. Vl. Šuchevyč freundlichst zur Verfügung gestellt, wofür demselben hier der herzlichste Dank ausgesprochen wird“. Чьи же въ такомъ случаѣ клише—г. Шухевича, или „Науковего Товариства імени Шевченка?“ Если они собственность перваго, то „Товариство“ должно возвратить ему затраченныя на нихъ деньги, но всетаки почему же въ отчетахъ послѣдняго упоминается объ ассигновкахъ на нихъ?

Въ томъ же выпускѣ журнала (1902, VI, ст. 254) прочли мы слѣдующія слова проф. Р. Кайндля: „dass Herr Prof. Šuchevyč thatsächlich meine Schriften nicht nur dem Titel nach Kennt, weil er zum Beispiel auch *mehrere Abbildungen meinen Studien entnahm*“, но къ сожалѣнію не указалъ этого. У насъ нѣтъ подъ руками работъ проф. Кайндля, чтобы провѣрить то, насколько этотъ упрекъ справедливъ и сколько такихъ иллюстрацій, но за то имѣемъ полнѣйшую возможность указать, что рисунокъ 172 (II, ст. 253) „шкафа“ взятъ изъ „Матеріялів до укр. етнольогіі“ т. I, ст. 72, а рисунки 180 (II, 260) „довбня“ и 182 (II, 261) „весло“ позаимствованы изъ той же книги ст. 55. Это мелочь, но весьма характерная, такъ какъ подольская громадная „шкафа“, кстати плохо нарисованная, вѣроятно, имѣетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ гуцульская, а полтавская „довбня“ и „весло“ также, смѣемъ думать, не тождественны съ косовскими. Безусловно авторъ могъ воспользоваться этими клише, указавъ предварительно, что за недостаткомъ другихъ прилагаетъ эти, въ такой или иной степени дающія приблизительное представленіе объ одноименныхъ гуцульскихъ издѣліяхъ.

До настоящаго момента мы высказывали свои взгляды, касающіеся всей вообще „Гуцульщини“. Обратимся же теперь къ частностямъ.

Вся „Гуцульщина“ раздѣляется на четыре выпуска, первый изъ которыхъ состоитъ изъ восьми отдѣловъ: 1) Фізіографічний огляд. 2) Етнольогічний огляд. 3) Статистичний огляд. 4) Гуцульске село. 5) Гуцульский оседок. 6) Гуцульска церков. 7) Гуцульска ноша. 8) Гуцульский харч. Второй выпускъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ и шестнадцати главъ: 9) Звичайні занятя Гуцулів: а) Праця в оседку. б) Сі-

нокоси. в) Бутини. Сплавачка. г) Полонина. д) Рибарство. е) Стрілецтво. 10) Домашний промысл: а) Лижкарство. б) Коритарство. в) Боднарство. г) Столярство. д) Кушнірство. е) Ткацтво. ж) Гончарство. з) Мосяжництво. и) Вироби з ременя. і) Різьбярство. Третій выпускъ дѣлится на шесть отдѣловъ: 11) Родини. 12) Гуцульске весіля. 13) Гуцульскі струменти. 14) Гуцульскі танці. 15) Гуцульскі пісні. 16) Смерть і похорони. Въ четвертомъ выпускѣ помѣщенъ одинъ только отдѣлъ 17) Обряди церковні. Это собственно народный календарь, и мы положительно не понимаемъ, почему авторъ отождествилъ его съ церковными обрядами, представляющими изъ себя нѣчто совершенно иное.

Ожидается еще пятый выпускъ, раздѣленный на пять отдѣловъ: 18) Космогонія. 19) Демонольогія. 20) Перекази, казки і т. и. 21) Словарець. 22) Антропометричні висліди. Что касается послѣдняго отдѣла, то мы не знаемъ, откуда его авторъ позаимствуетъ, такъ какъ намъ доподлинно извѣстно, что онъ никогда не производилъ антропометрическихъ измѣреній и совершенно не знакомъ съ этимъ дѣломъ. Относительно словаря мы уже высказали свое мнѣніе. Что же касается демонологіи, космогоніи, народныхъ разсказовъ и т. п., то мы, наученные опытомъ,—зная, что умудрился сдѣлать авторъ съ пѣснями и вѣрованіями, уже напечатанными, — беремъ на себя смѣлость посовѣтовать ему или совершенно оставить мысль объ ихъ опубликованіи, или передать свой матеріалъ для редактированія кому-либо другому, кто бы сумѣлъ составить изъ него, — если это впрочемъ возможно, — трудъ, отвѣчающій научнымъ требованіямъ, а не перепечатку уже извѣстнаго, безсистемно собраннаго и сваленнаго въ кучу сырого матеріала.

Какъ видно изъ оглавленія, «Гуцульщина» въ самомъ дѣлѣ охватываетъ собою, за небольшими исключеніями, весь бытъ гуцуловъ. Недостаетъ только народной медицины, народныхъ игръ, юридическихъ взглядовъ, изображенія семейной и гражданской жизни и нѣкоторыхъ родовъ устной словесности, поскольку еще они не будутъ изслѣдованы въ пятомъ выпускѣ. Но, помимо указанныхъ выше недостатковъ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ замѣчаются еще и свои спеціальныя погрѣшности: большинство изъ нихъ не исчерпываетъ своего предмета, а иногда трактуетъ его бѣгло, урывками только.

Обратимся теперь къ частностямъ каждаго отдѣла.

Первый отдѣлъ не оригиналенъ (написанъ по работамъ: Dr. Rud. *Zuber*, Atlas geologiczny Galicyi. Kraków, 1888; Dr. A. Rehmann Karpaty pod względem fizyczno-geograficznym. Lwów, 1895), но недурно составленъ. Относительно его мы можемъ замѣтить только то, что не совсѣмъ отвѣчаютъ дѣйствительности слова: «.... Снігу, який у тих місцях (на Чорногорі), звернених до півночи, лежить заєдно». (ст. 8). Правда, бываетъ иногда, что снѣгъ въ нѣкоторыхъ оврагахъ лежитъ цѣлое лѣто, но въ большинствѣ ихъ онъ совершенно исчезаетъ,—въ этомъ направленіи и нужно бы исправить указанное выраженіе.—На ст. 24 авторъ говоритъ: «У потоках і ріках Гуцульщини живуть: струги і т. д... та головатиця». Въ другомъ мѣстѣ (II, ст. 224) сообщаетъ: «Головатиця є рибою властивою поріча Прута, жиє особливо горі в Черемоши». «Вона є товаришкою пструга, яким живить ся». Изъ этихъ словъ можно заключить, что «головатиця» водится во всѣхъ гуцульскихъ рѣкахъ, между тѣмъ въ дѣйствительности ея нѣтъ ни въ Быстрицѣ, ни въ Прутѣ, ни въ Рыбницѣ, а только въ Черемошѣ.

Второй отдѣлъ наиболѣе самостоятельный, хотя и въ немъ встрѣчаемъ упоминанія о слѣдующихъ авторахъ: Корженевскомъ, Кайндлѣ, Гакетѣ, Коперницкомъ, Полѣ, Грегоровичѣ (очевидно въ видѣ исключенія и совершенно безъ всякой нужды)—но въ то же время въ немъ всего больше встрѣчается фразерства и парадоксовъ, что будетъ подтверждено цитатами. На стр. 26 авторъ говоритъ о названіи «Гуцул» и приводитъ свой разговоръ объ этомъ съ однимъ гуцуломъ. «Як то— спрашивалъ онъ — то у вас і люде Гуцули і коні гуцули? — Та то у нас коні гуцули, — отвѣтили ему, — а від коли по горах ходе усекі шарипатки з окенами (сурдутовці з люнетами (sic), уже і нас рішених так прозивають»! Значитъ, сами гуцулы не называютъ себя этимъ именемъ и считаютъ его оскорбительнымъ для своего достоинства. Но уже на ст. 30 авторъ вотъ что утверждаетъ: «Найвисшим пунктом на обшарі гуцульських осад є Черногора, після якої Гуцули називають себе з думою Чорногірцями, *хоч і чванять ся назвою Гуцула*». Гдѣ же однако правда и можно ли подобныя вещи печатать почти рядомъ да еще въ научномъ трудѣ? — Такимъ же парадоксомъ необходимо считать и слѣдующія слова (ст. 30): «О скільки Бойки не суть люблені на сусіднім обшарі рівнин Руси і Буковини, о тільки є Гуцул люблений і відграває в письнях люду руського подібну ролю, як козак (sic!)».

Доказательства, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе этихъ словъ, на самомъ дѣлѣ взяты у Поля, хотя и въ неисправленномъ видѣ, но выданы за собственныя. А развѣ никогда не слыхалъ г. Ш. о томъ, что сосѣди называютъ гуцуловъ «поганою Гуцуліею»?—На ст. 28 говоритъ, что гуцулы произносятъ свои имена въ сокращенномъ видѣ: Марі! Семе! Мико! Гафи! (вмѣсто Маріко, Семене, Миколо и т. д.), и прибавляетъ: «Се походить з обставин фізичних, бо таке урване накликуване чути дальше, як ціле, довге». Но почему не продѣлываютъ того же, напримѣръ, Лемки или Бойки? Развѣ у нихъ не можетъ быть подобныхъ же мотивовъ?—На той же страницѣ онъ говоритъ: «В співанках зміняють Гуцули часто наголос, *бо так ліпше віходит»*. Но удареніе въ пѣсняхъ и въ прозѣ часто бываетъ различно и въ другихъ мѣстахъ Украины. Зачѣмъ же отмѣчать это, какъ гуцульскую особенность?—На ст. 29 читаемъ слѣдующее: «Пісень у Гуцулів, богатих фантазиєю і пречудними природними порівнанями, *дуже много*; однак мельодия тих пісень, які вони звичайно *висьпівують за скрипкою*, вправді в мотивах гарна, але *мало ріжнородна*. Кожда мельодия, приґравана на фуярці, або на скрипці, визначуе ся незвичайним богацтвом прикрас, мельодийних мережанок, котрі суть так субтельні і при повторюваню мельодий так зміняють ся, що стають для уха майже невловимі, через що лише въ приближеню мож їх уняти в нотне письмо. В співах Гуцулів визначують ся головно три типи мельодий, іменно: коломийкова, весільна і колядницька. *Мала ріжнородність мельодий походить від значного віддаленя хат, рідких товариських зносин*, черезъ що не выробило ся у Гуцулів музикальне чуте, *не вважаючи на богацтво пісень*. Натомісь витворили ся посеред них специялісти музиканти, яких, скрипаків, за оплатою наймають на хрестини, весіля, толоки, танці і т. и. а трембітанників на похорони». Если бы судить о богатствѣ гуцульскихъ пѣсенъ по напечатаннымъ у нашего автора, то намъ пришлось бы сказать, что гуцулы очень бѣдны пѣснями. Самъ авторъ насчитываетъ ихъ всего четыре сотни. Такое количество пѣсенъ можно собрать въ любомъ селѣ въ теченіе недѣли; авторъ же собиралъ ихъ въ продолженіе 25 лѣтъ во всей Гуцульщинѣ (minimum 40 селъ, вслѣдствіе чего на долю каждаго изъ нихъ пришлось бы по 10 пѣсенъ) и утверждаетъ, что ихъ очень много. Мы однако полагаемъ, что на самомъ дѣлѣ ихъ значительно больше, но для какихъ-либо сравненій ихъ необходимо было сначала записать. Но на какомъ основаніи авторъ подчеркиваетъ «бо-

гату фантазию і пречудні порівнаня», не знаемъ, во всякомъ случаѣ у гуцуловъ ихъ замѣчается не больше, чѣмъ у кого-либо другого. Бѣдность мелодій объясняется отдаленностью хатъ и слабо развитой общительностью; но почему же въ такомъ случаѣ степныя мелодіи богаче, хотя и тамъ хаты не ближе расположены одна отъ другой и сношенія населенія едва ли оживленнѣе? Опять таки какъ согласовать отсутствіе музыкальнаго чутья съ «субтельними мережанками», трудно передаваемыми на нотахъ, это для насъ представляетъ загадку, разрѣшить которую обязанъ авторъ хотя бы въ дальнѣйшихъ выпускахъ.— На ст. 30 напечатано: «Сьвітогляд народній Гуцулів, іх звичаі, обичаі, казки в піснях, простота мови, поетичні образи і природні прегарні порівнаня, а в мові складня, доказують, що Гуцули—*племя з правіку славянське*». Мы не будемъ, конечно, заподозрѣвать принадлежность гуцуловъ къ славянскому племени, такъ какъ не имѣемъ на это рѣшительно никакихъ данныхъ, но также и на основаніи вышеприведенныхъ словъ г. Шухевича нельзя считать ихъ «з правіку» славянами: вѣдь слова эти ничего не доказываютъ. Особенно не могутъ доказать этого сказки, принадлежащія къ разряду международныхъ произведеній, а также и языкъ (кстати до настоящаго момента далеко еще не изслѣдованный съ желательной полнотой), который могъ быть принятъ безъ особаго труда и не-славянами; то же можно сказать и относительно строя рѣчи (совершенно автору не знакомаго) и поэтическихъ образовъ, тождественныхъ или обнаруживающихъ близкое сходство съ таковыми же у другихъ народовъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ понадобилось все это фразерство?..—На той же страницѣ авторъ говоритъ: «*Білєвих* (бльондинів) між ними нема, тільки самі *чорневі*». Намъ не приходилось видѣть и читать антропологическихъ изслѣдованій автора, поэтому мы не знаемъ, на какихъ данныхъ основываетъ онъ свою мысль. Но за то мы видѣли среди гуцуловъ много блондиновъ и даже укажемъ автору одного въ его же собственной книгѣ. На ст. 92, рисунокъ 33, передъ хатой Шкрибляків изъ Яворова стоитъ Микола Шкрибляк (и еще кто-то другой), блондинъ чистѣйшей воды. Мы думаемъ, что авторъ видѣлъ его, а потому, употребляя приведенную фразу, обязанъ былъ прибавить: «за исключеніемъ М. Шкрибляка». Кромѣ того, намъ кажется также, что и Марко Мегеденюкъ (II, ст. 316, рис. 232) не изъ брюнетовъ. Въ какой пропорціи среди гуцуловъ блондины относятся къ брюнетамъ, объ этомъ за неимѣніемъ необходимыхъ матеріаловъ говорить не будемъ, но налич-

ность какъ тѣхъ, такъ и другихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Говоря объ одеждѣ, авторъ замѣчаетъ, что гуцулъ любитъ «набрати на себе особливо на свята стільки всякого лу́диня (убраня), що воно замісь піднести красу зраджує нераз брак естетичного почутя. Дівка прим. ідучи до шлюбу убирає дві сорочці, дзьобню, сукню, запаску, капта́р, поверх него сердак, а верх того гуглю, на котру накидає ще що найменше дві великі хустці» (ст. 31). Но прежде всего авторъ не различаетъ ношенія одежды при обыкновенныхъ занятіяхъ и въ экстраординарныхъ случаяхъ, къ каковымъ принадлежитъ въ числѣ всевозможныхъ другихъ обрядовъ и свадьба. Далѣе авторъ не считаетъ нужнымъ сравнить ношеніе платья у гуцуловъ и у народовъ другихъ украинскихъ и не украинскихъ земель, а жаль, такъ какъ, если бы онъ сдѣлалъ это и убѣдился, напримѣръ, въ томъ, что есть мѣстности, гдѣ дѣвушка надѣваетъ на себя за разъ 10 юпокъ, то не дѣлалъ бы съ поспѣшностью неосновательныхъ выводовъ. Кромѣ того, гуцульская одежда вѣдь коротка и легка, поэтому положительно не въ состояніи произвести такого ужь подавляющаго впечатлѣнія, какое желательно видѣть автору.—Дальше г. Шухевичъ говоритъ: «Замилуване до прикрас у Гуцулів велике (несмотря на недостатокъ естетическаго чувства!). Вони украшають навіть такі предмети, на котрих окраси підпадають скорому знищеню, як: кушки, бабчері, коновки, дійниці і т. д. *На жаль дбають вони тільки про зверхню, для ока видну прикрасу, а самого тіла ніколи не миють окрім лиця і рук;* тільки під неділю миють мужчини волос лугом, а женщини та кучереві мужчини додають до лугу ще бурякового борщу, щоби волос пускав, бо він за цілий тиждень склима́кований (збитий). Те саме треба сказати про лад у хаті, де тільки про неділю та сьвята навішують чистого лудиня по жердках, а стіл укривають чистою скатертею; поміст і стіни у хаті миють ледви 3 рази у рік, а декуди лише разъ у рік під великдень! Коли зважимо, що по при людий у тій хаті ховає ся *те́ле, єгне,* а під припічком кури, а знов те теле та єгне мають посеред хати настелену солому, котра перегниває нераз через кілька днів, заким її змінять, надто що вікон у хаті ніколи не відчиняють, а дим з під комина стелить ся по хаті, куди заходить і задуха з *приту́л*, у котрих ховає ся маржина—зрозуміємо, що воня и нехарь пануе особливо зимою в гуцульских хатах і то на жаль з малими виемками майже у всіх!» (ст. 31). Это уже дѣйствительно похоже на какую-то Räubergeschichte, и если бы мы не знали, что авторъ любитъ иногда, попросту говоря,

преувеличить, то могли бы все это принять за чистую монету. Между тѣмъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Кто былъ среди гуцуловъ и видѣлъ, какъ они по цѣлымъ днямъ сотнями мокнутъ во время стаскиванія «ковбків», а потомъ во время сплавливанья «дараб» и при томъ не только лѣтомъ, но весною и осенью, когда температура воды необыкновенно низка; кто знаетъ, что, благодаря продолжительному пребыванію на водѣ, гуцулы (въ значительномъ числѣ) заболѣваютъ ревматизмомъ, тотъ совершенно не удивится тому обстоятельству, что они не устраиваютъ себѣ еще и экстренныхъ купаній. Но и этимъ мы не можемъ ограничиться для возстановленія дѣйствительной правды, такъ какъ тому, кто жилъ среди гуцуловъ, должно было броситься въ глаза, что мужчины и женщины купаются, особенно по праздникамъ и въ воскресные дни. То же самое и относительно неопрятности, царящей будто бы въ хатахъ, мы лично не осмѣливались бы ограничиться самими общими фразами. Безусловно существуютъ небрежно содержимыя хаты, но не у однихъ только гуцуловъ, а и значительнаго числа львовскихъ «панів». Но это уже индивидуальная особенность, во всякомъ случаѣ широкому обобщенію неподлежащая. Что же касается телятъ и пр., то ихъ держитъ въ избахъ исключительно только бѣднота, не имѣющая ничего, кромѣ хаты; иногда еще помѣщаютъ въ хатахъ на короткій срокъ новорожденныхъ ягнятъ и телятъ если на дворѣ стоятъ значительные морозы, но это всюду бываетъ, не только у гуцуловъ и русиновъ. Стѣны и полъ, правда, рѣдко моются но въ данномъ случаѣ мытье тождественно съ мазкой хатъ въ другихъ мѣстахъ, а сколько разъ на годъ мажутъ тамъ хаты? Что же касается постояннаго присутствія въ хатахъ дыма, то и это по нашему мнѣнію, результатъ стремленія изъ мухи сдѣлать слона, такъ какъ въ настоящее время у гуцуловъ, кромѣ такъ называемыхъ «зимарок», очень мало курныхъ избъ, а съ Бойками въ этомъ отношеніи ихъ и сравнивать нельзя. Вообще добросовѣстный и объективный изслѣдователь не написалъ бы того, что находимъ мы у г. Шухевича, воображающаго себя лучшимъ знатокомъ гуцуловъ. А ужь относительно такихъ вещей, какъ «брак естетичного почутя» и «замилуване до прикрас», нечего и говорить: онѣ сами за себя говорятъ. Относительно же купанья считаемъ своей обязанностью отмѣтить еще то, что если бы авторъ больше удѣлялъ вниманія своимъ собственнымъ матеріаламъ, то, по всей вѣроятности, нашелъ бы въ нихъ подтвержденіе нашихъ словъ. Вотъ что въ собранныхъ имъ же пѣсняхъ читаемъ:

Сіда-ріда, сіда-ріда, сіда-рідайдана,
Та *піду си искупати* на світого Йвана (Ш, 113).

Если бы гуцулы не купались, то мы бы и въ ихъ пѣсняхъ не нашли никакихъ слѣдовъ этого. Но лучшимъ опроверженіемъ вышеприведеннаго обвиненія является слѣдующее: „Кілька днів перед Різдвом починають газдині порати ся у хаті: *перуть, миють, білять*, варять, *убирають хату по сьвяточному;* газди знов заходять ся коло обійстя, чешуть, *змивають маржину, чистять* спід неі, вивозять гній на поле, рубають дрова; а знов причта церковна порядкуе у церкві: укривае престоли чистими скатерками, тиче нові сьвічки у поставники, чистить кадильницу, хрести, стирае порохи з образів і т. д. (IV, ст. 9—10). Всетаки значитъ присуще же гуцуламъ чувство порядка и чистоты; но зачѣмъ же въ такомъ случѣ утверждать противное?— Также и общую характеристику гуцуловъ, помѣщенную на ст. 34—35, считаемъ далекой отъ истины. Дабы не занимать много мѣста, мы процитируемъ ее только въ отрывкахъ: „Мимо тоі *щирости* в повитаню та в розпитуваню про рідню, маржинку і т. д. Гуцул *недовірливий.* З сердечністю в повитаню.. ... вяже ся також і *незвичайна гостинність* Гуцулів; у кождій порі привитае він радо у себе прихожого,... угостить іх у хаті, як може найкрасше не жадаючи заплати". Какъ же тутъ согласовать „щиріcть", „гостинність" и недовѣріе? Или кто согласится назвать характеристикой слѣдующія слова: „Гуцул з натури честолюбний, незвичайно вразливий на зневагу і кривду заподіяну йому (различныя дѣла съ власть имущими лицами доказываютъ совершенно противоположное!); він говорить тоді *без обрізків*, а урази, хочби найменшоі на забуде довго; тож не диво, що Гуцули заедно навіть за марну уразу *доправеють ся, подають ся* до суду, *тегают ся по судах*, почімъ звичайно *еднают ся* по коршмах, наслідком того тратять на ті *іднанки* много часу, а ще більше гроша". Это не разъ мы читали въ газетныхъ корреспонденціяхъ изъ различныхъ частей нашего края (да впрочемъ не только нашего), а автору почему то вздумалось пріурочивать его исключительно къ гуцуламъ! — На ст. 37 читаемъ, что гуцулы курятъ крѣпчайшій табакъ въ такъ называемой кругенкѣ (трубкѣ), „за котрою ходять ночами до сел доліських". Не знаемъ, зачѣмъ собственно понадобилось гуцуламъ за трубками ходить ночью: вѣдь онѣ ничего общаго не имѣютъ ни съ духами, ни съ колдовствомъ. Но самая капитальнѣйшая вещь заключается въ слѣдующихъ словахъ:

„В Жабю, Криворівни курять майже усі молодиці та старші дівчата гусеки́ (цигарета)“ (ст. 36). Но чтобы понять это, нужно знать, что „гусеками“ называютъ гусиный пометъ; какой-то гуцулъ острякъ, вѣроятно, желая подшутить надъ нашимъ авторомъ, назвалъ сигаретки „гусеками“, а онъ довѣрчиво принялъ это за чистую монету, какъ другой подобный же собиратель терминовъ слово „гаргара“ за „ein roht bemaltes Zimmer oder ein grosser Schrank“.—На той же страницѣ достается гуцуламъ отъ автора еще и за иныя прегрѣшенія: „Від управи ситоі землі здержуе ще до нині многих Гуцулів пересуд, мов би то гріх було землю пороти, бо тамъ сидить а́рідник (черт). Додаймо до того, що Гуцул з природи *вигідний*, *лінивий*, а царинка та полонинка дае йому вигідний, певний, заробок, то зрозуміемо, для чого плекане і торговля маржиною е головним занятем Гуцулів.“ Но въ то же время онъ говоритъ, что: „Орного поля мало в Гуцульщині, а те, що е невистарчило би на виживлене і десятоі части всеі тамошньоі людности“ (ст. 36) и что (по всей вѣроятности, благодаря лѣни) „многі Гуцули працюють з сокирою по бу́тинах (зрубах) *в нашім краю*, а значна часть, особливо з сс. Ясенова, Криворівні, Березова і инь. блукае ца́рами (цара=чужий край), звідки *тільки на великдень* повертають на короткий час до рідні, щоби полагодити усякі справи“ (ст. 37). Неужели читатель не видитъ никакого противорѣчія между двумя этими нашими выдержками?—На ст. 43 г. Ш. говоритъ, что гуцулы „вірять в те, що Мамуни́ уводять жінок, маня́ть людий так, що ті від разу остовпіють; що Мавки́ роблять дівчатам при куделі збитки, слинять, мотають і плентають нитки; що на 40 с'етих Нявки учеплеють ся спячого чоловіка і ссисають його так, що часом і здуріе“. Повидимому тутъ рѣчь идетъ о трехъ видахъ демоновъ, между тѣмъ какъ мамуны, мавки и нявки одно и тоже, въ чемъ авторъ при желаніи могъ бы безъ особаго труда убѣдиться.—На ст. 44 авторъ говоритъ: „Одною з замітних черт гуцульськоі душі е тужливість, що відбивае ся в іх житю, звичаях і в поетичних творах“ и т. д. Это опять-таки одна изъ безчисленныхъ голословныхъ гиперболъ, разсыпанныхъ въ книжкѣ въ большомъ количествѣ, отсутствіе которой очень выгодно бы отразилось на сочиненіи.—На ст. 45 читаемъ „Повістують про Гуцулів, що вони ведуть неморальне житє. Хоч таке згенералізоване (автору оно чуждо!) опирае ся на поодиноких немногих случаях, все ж таки годі заперечити, що суспільне житє у Гуцулів вільнійше, особливо в селах глубше в горах положених, як

у Жабю, Криворівни, Ясенови гор. і ин. Деякі жонаті Гуцули утримують собі по при жінці любасок, а жінки любасів; буває і так, що *жінки стають любасками жидів*, ба навіть буває і так, *що батько жиє з донькою, а дід з внучкою, а в деяких закутках має отець просто обовязок постарати ся бездітній синовій о діти!* Найінтереснійше те, що таке пожите не разить Гуцулів, вони уважають се просто природним". Да проститъ намъ авторъ то, что мы столь недовѣрчивы (какъ гуцулы къ „шарапаткам"), но что жъ подѣлаешь, если авторъ, высказывая имѣющія столь важное значеніе слова, не приводитъ ни одного примѣра, ни одного имени, или какихъ нибудь другихъ данныхъ. Развѣ за четверть столѣтія нельзя было собрать необходимыхъ доказательствъ, особенно, если они такъ общеизвѣстны

О третьемъ отдѣлѣ, статистическомъ, сказали мы уже кое-что выше. Тутъ укажемъ еще, что авторъ бралъ для него цыфры, относящіяся къ различнымъ годамъ, благодаря чему отдѣлъ этотъ не даетъ полнаго представленія о состояніи Гуцульщины въ какое-нибудь опредѣленное время; для нѣкорыхъ рубрикъ онъ пользовался даже отчетами духовенства по станиславовской епархіи; однако тотъ, кто знаетъ, какъ заполняются духовенствомъ разосланныя бланки (не заглядывая ни въ какую книжку), оцѣнитъ доставляемый ими матеріалъ по достоинству. Этими отчетами можно пользоваться только развѣ тамъ, гдѣ не замѣчается значительной разницы въ цыфрахъ, но въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, довѣрчивость къ подобнаго рода документамъ ни на чемъ не основана. Укажемъ также, что с. Ріка (Зелене) причислено разъ къ Ясенову, а другой разъ къ Криворівнѣ; далѣе изъ Ріки и Зеленаго сдѣлано два села, а Явірникъ причисленъ къ Ясинову, хотя онъ, какъ и Ріка, принадлежитъ на самомъ дѣлѣ къ Криворівнѣ. Статистическихъ таблицъ не контролируемъ, во-первыхъ, потому, что не располагаемъ нужнымъ для этого матеріаломъ, во-вторыхъ, что авторъ составилъ ихъ съ надлежащей обстоятельностью. Обратимъ также вниманіе на то, что авторъ неясно разграничиваетъ два понятія: „осередок" (село въ собственномъ смыслѣ) и „оселя" («кути» села или даже въ иныхъ мѣстахъ улицы); къ Жабю, напримѣръ, онъ причисляетъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ „кутів", Бистрецъ и Ріку, являющихся въ дѣйствительности настоящими (только незначительными) селами, подобно Жабю, Криворівнѣ и др., имѣющими свои собственные „кути".

Относительно описанія села (IV отдѣлъ) мы находимъ нужнымъ сдѣлать только два замѣчанія. На стр. 72 читаемъ: «До сусідних сел і їх мешканців Гуцули не дуже приязні, овшім дуже часто з погордою призвішкують одні одних або вікладають ім прізвища». Но это же явленіе наблюдается не только между гуцулами и ихъ сосѣдями, но также и въ средѣ исключительно самихъ гуцуловъ, самихъ бойковъ и т д.; скажемъ болѣе, тоже происходитъ и между обитателями одного и того же села, что можно подтвердить безчисленнымъ множествомъ фактовъ.—На стр. 78 напечатано: «Турецке походжене гуцульского коня видно по цілім його складі, по масти переважно карій, по грубім карку, буйній гриві і такім хвості, що все власне знаменує турецку расу коня». На стр. 26 авторъ также говоритъ, что «гуцульский кінь *має бути* турецкого походженя, тож можливо, що назва коня (раси) перейшла і на людий», а относительно названія «Гуцул» приводитъ три теоріи: а) кочувати, кочул, гуцул; б) готоман (по-румынски=крупный воръ), гупан, гуцул; в) румыское гуц=воръ+ул (окончаніе). Думается, что на основаніи этого же можно было бы съ бо́льшимъ удобствомъ и гуцульскаго коня произвести отъ румынскаго, что носило бы на себѣ характеръ бо́льшаго правдоподобія. Но чтобы убѣдить насъ въ происхожденіи гуцульскаго коня изъ Турціи, нужно сначала провести болѣе основательную параллель между нимъ и его турецкимъ сородичемъ, а далѣе указать, по крайней мѣрѣ приблизительно, когда именно это могло произойти. Турки съ нѣкоторыми изъ нашихъ племенъ были въ болѣе близкихъ сношеніяхъ, но почему у нихъ не сохранилась порода этого коня?

«Гуцульский оседок» (все недвижимое имущество извѣстнаго хозяина, огороженное плетнемъ (V отдѣлъ) производилъ бы болѣе выгодное впечатлѣніе, если бы авторъ принялъ къ свѣдѣнію хотя бы работы Кайдля: «Haus und Hof bei den Huzulen» и «Hausbau und Bauopfer bei den Huzulen»—не говоримъ уже о болѣе детальномъ сравненіи съ разныхъ сторонъ (напр. Kaindl. «Haus und Hof bei den Rusnaken») построекъ нашихъ и чужихъ, что могло бы дать интереснѣйшіе результаты. Между тѣмъ авторъ не только не попытался сдѣлать такого сравненія, но даже и не далъ подробнаго описанія «оседка», а относительно архитектуры ограничился нѣсколькими только словами. Еще слабѣе получился VI отдѣлъ о гуцульской церкви, весь текстъ котораго, исключивъ рисунки, можно помѣстить на одной страничкѣ. Между тѣмъ гуцульская архитектура имѣетъ свои

значительныя особенности, а въ постройкѣ церквей гуцулы выработали даже свой особый стиль и нанимаются для постройки деревянныхъ церквей на территоріи почти всей Галиціи. Впрочемъ не будемъ долго останавливаться надъ этими отдѣлами. Укажемъ развѣ на слова автора, что будто бы «з лямпою нахтовою не вміють Гуцули добре поводити ся, наслідком чого вона часто самопотить і обкопчує хату» (стр. 104). Это было развѣ 35 лѣтъ тому назадъ, когда авторъ впервые отправлялся на Чорногору, но ни въ коемъ случаѣ не теперь, въ чемъ убѣдиться можно довольно легко. Точно также ничѣмъ не оправдано и другое замѣчаніе: „Новіщими часами вкрала ся у Гуцулів мода носити дзигарки, на які вони видають великі гроші розмірно до вартости товару найпідлішого сорта" (стр. 50). Мы не отрицаемъ, конечно, отдѣльныхъ случаевъ, но опять-таки съ большой осторожностью должны относиться къ обобщенію.

Слѣдующіе отдѣлы (VII) о костюмахъ и (VIII) о гуцульской пищѣ также составлены на скорую руку. Въ отдѣлѣ о костюмахъ перечислено, правда, во что именно гуцулъ одѣвается, но описанія отдѣльныхъ частей костюма не дано, а также ни слова не находимъ и о способахъ приготовленія одежды. Особенностей, наблюдаемыхъ въ этомъ отношеніи въ отдѣльныхъ селахъ Гуцульщины, также не указано. При этомъ авторъ снова обвиняетъ гуцуловъ въ честолюбіи и въ стремленіи по этой причинѣ напяливать на себя возможно большее количество всякихъ одѣяній (стр. 134=стр. 31). Но этимъ онъ на этотъ разъ не ограничивается и приводитъ еще и новую небылицу. Разсказываетъ, напримѣръ, что гуцулки, отправляясь въ церковь, несутъ съ собой въ «бесагах» праздничный свой нарядъ (собственноручно или на лошадяхъ) и потомъ недалеко отъ цѣли своего путешествія выбираютъ укромное мѣстечко, идутъ, по словамъ автора «під тінисте дерево, під близьку хату, під дзвінницю або у кут цвинтара, там виймають з бесаг прилюдне лудине, а *скинувши з себе все буденне, нераз до сорочки,* убирають чисте» и т. д. Относительно переодѣванія подлѣ церкви мы не можетъ ничего возразить, но происходитъ это не съ такой, конечно, безцеремонностью, какъ утверждаетъ г. Шухевичъ. Почему бы ему не назвать мѣстность или хотя бы время, гдѣ и когда все это происходило?—Пища занимаетъ всего четыре страницы, что ужъ само собой говоритъ, насколько данный вопросъ исчерпанъ: это едва только перечисленіе названій кушаній, а не описаніе ихъ. Лучше ли питаются гуцулы, чѣмъ, напримѣръ, обитатели

Подоліи, этого авторъ не сообщаетъ, хотя могъ бы въ сущности безъ особыхъ затрудненій сдѣлать это, сравнивъ описаніе, касающееся этого предмета, В. Гнатюка, напечатанное въ тѣхъ же «Материялах до укр. руськоі етнольогіі» (о другихъ подобнаго же рода матеріалахъ ужъ и не упоминаемъ).

Въ IX отдѣлѣ авторъ описываетъ «звичайні занятя Гуцулів», къ каковымъ причисляются: «жорна», «робота коло лену (а не льну?) і коноплів», «робота коло вовни», «шите», «олій», «копане» «оране» (все это роботы въ «оседку») сінокоси», «бутини» (рубка лѣса), «сплавачка», «полонина» и «рібарство», «стрілецтво». X отдѣлъ посвященъ домашнимъ промысламъ: „лижкарство", „коритарство", „боднарство", „столярство", „кушнірство" „ткацтво", „гончарство", „мосяжництво", „вироби з ременя" и „різьбярство". Исчерпываются ли указаннымъ занятія гуцуловъ и ихъ домашній промыслъ,—кстати мы не находимъ отдѣльныхъ главъ, посвященныхъ сапожному мастерству, портняжеству, мельничному занятію,—и насколько рыбная ловля и охота «звичайні» занятія, слишкомъ вдаваться въ это мы не будемъ, но обратимся къ тому, что есть на лицо. Все-таки считаемъ своей обязанностью замѣтить, что нѣкоторыя ремесла трактуются слишкомъ ужъ бѣгло и вслѣдствіе этого, по нашему мнѣнію, они не должны и фигурировать подъ отдѣльными рубриками. Такъ напримѣръ, выдѣлкѣ ложекъ посвящено всего 18 полныхъ строчекъ и 11 полустрокъ; издѣлью корытъ 4 полныхъ и 8 полустрокъ; столярству 1 полная и 14 половинныхъ; издѣльямъ изъ кожи 13 полныхъ и 4 полустроки. Но развѣ это описаніе и развѣ на основаніи подобнаго описанія можно составить себѣ ясное представленіе о ремеслѣ? Не особенно посчастливилось и боднарству, хотя оно, правда, и занимаетъ три страницы,— одна изъ нихъ вся, а другая въ половину заняты иллюстраціями; то же самое можно сказать и относительно выдѣлки кожъ (кушнірство), которой посвящено двѣ страницы! О ткацкомъ ремеслѣ говорится нѣсколько подробнѣе, на пяти страницахъ, но въ описаніи его столько путаницы, что человѣкъ, практически не знакомый съ нимъ, едва ли пойметъ что-либо. Далѣе авторъ не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что именно является чисто гуцульскимъ, а потому и заслуживающимъ опредѣленнаго мѣста въ „Гуцульщині", а что нѣтъ. Такъ, напримѣръ, описывая гончарное ремесло (довольно хорошо), онъ говоритъ: „Гончарі—не Гуцули; згадую про іх вироби обширніще попросту тому, що виробами, а специяльно богато орна-

ментованими, послугують ся усі Гуцули і до свого буденного ужитку, і до окраси намисників, полиць, до церквий на поставники (ліхтарі) і т. и.» (II стр. 271). Но вѣдь гуцулы пользуются и стеклянными, и желѣзными издѣліями и т. п.,—почему же авторъ въ такомъ случаѣ и о нихъ не говоритъ? Такъ или иначе, но подобной непослѣдовательности тутъ не должно быть мѣста.

Разумѣется, что и здѣсь авторъ остался вполнѣ вѣренъ самому себѣ и не удѣлилъ никакого вниманія литературѣ вопроса, хотя такія произведенія, какъ: *Kaindl.* «Die Viehzucht und der Viehaberglauben bei den Huzulen» и «Viehzucht und Viehzauber in den Ostkarpaten, Die Jagd bei den Huzulen: Jagdgeräthe und Jagdausrüstung, Das Wild und der Wildglaube der huz. Jäger, Jagdaberglaube und Jagdgeheimnisse bei den Huzulen, Die Fischerei bei den Hazulen; *Вовкъ*—Рибальство въ Добруджі; *Гнатюк*—Ткацтво у східній Галичині; *Веретельник*—Рубане і виготовлюване дерева и т. д., могли бы оказать ему громадную услугу.

Перейдемъ къ частностямъ.

На стр. 145 читаемъ: „Ідучи за старими звичаями і місцевими традициями, заспокоюють Гуцули *працею своїх рук усе, чого потребують для себе*; тому і займають ся найбільше газдівством, яке відповідає місцевим обставинам“ и т. д. Ну, здѣсь что ни слово, то и неожиданность. Мы раньше слыхали, что гуцулы лѣнивы, «вигідні» и т. п., теперь же намъ говорятъ, что они всѣ свои потребности удовлетворяютъ собственными силами. Мы также слыхали, что въ Гуцульщинѣ мало пахотной земли (и это правда), теперь же стараются убѣдить насъ въ томъ, что обитатели ея «найбільше» занимаются сельскимъ хозяйствомъ, подъ которымъ разумѣютъ обыкновенно обработку земли въ противоположность занятіямъ ремеслами. Мы знаемъ, что гуцулы покупаютъ многое, начиная отъ пищевыхъ продуктовъ (кукуруза) и кончая всякими издѣльями стеклянными, желѣзными и др., на сторонѣ, такъ какъ не производятъ ихъ самостоятельно, а тутъ намъ говорятъ, что они сами все нужное приготовляютъ для себя (вѣдь только въ такомъ смыслѣ и можно понимать подчеркнутыя слова) и т. п. Можно-ли большаго противорѣчія требовать отъ такой коротенькой выдержки?—На стр. 183 читаемъ, что на плотѣ («дараба») «при задній кермі може іхати будь хто, навіть Жид». Между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что евреи часто гонятъ плоты и стоятъ у передняго руля. Къ чему же это стремленіе непремѣнно одурачить кого-нибудь?—

Все вступленіе къ домашнему промыслу (ст. 240—247)—единственное мѣсто, гдѣ авторъ желалъ выступить въ качествѣ ученаго—представляетъ изъ себя сплошное фразерство и собраніе ничего незначущихъ фактовъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Як небудь воно і було, а всеж таки бачимо на усіх гуцульских виробахъ, чи вони примітивні, чи артистичні, заховані старі звичаі (sic) і місцеві традиціі (!!), які власне витворили (!) в Гуцульщині специяльний домашній промисл, через що його вироби, звязані тісно з ношею (!) та звичаями (!) Гуцулів, не тілько відповідають вповні місцевим обставинам і потребам, але надто носять на собі национальні прикмети» (стр. 240); „в ніякім иньшім закутку нашоі Руси не відграє домашний промисл так важноі ролі, нігде не є він так загальним добром усіх, як у Гуцулів“ (стр. 241); «техніка деяких гуцульських виробів, бережена традицийно від віків» (какихъ и съ какого времени? стр. 241) и т. д. Не упустилъ г. Ш. также случая выставить на видъ и то, что онъ составлялъ для иностранцевъ музеи, говоря, что тѣмъ смѣлѣе пользуется онъ изданіями Львовскаго промышленнаго музея, «що і я, як се зазначено у тих виданях, чимало причинив ся до зібраня і впорядкованя того материялу» (стр. 243).—Въ описаніи ткацкаго ремесла читаемъ: „У жолобець верхнього воротила заложний *стало кусень грубого полотна*, яке натягнене, сягає майже до ничиниць; у жолобець долішного воротила заложений *довший кусень полотна*; аби воно не віхопило ся з жолобця, заложений в жолобець згаданий повисше прут, *прибитий до воротила кілочками*. Здоймлену з снувавки пряжу, призначену на основу (развѣ бываетъ еще и иная какая-нибудь?), *розтинає ткач, ткаля у чінах, пересилює через кожде вічко ничиниць* по одній, а через крайні по дві нитці, а *кінці ниток привязує до кусня полотна*, що вистає з верхнього воротила» и т. д. (257). Кто не имѣетъ никакого представленія о ткацкомъ ремеслѣ, тотъ можетъ сказать: какъ прекрасно все это изложено. Но человѣкъ, знающій дѣло, замѣтитъ: какъ могъ г. Шухевичъ написать подобную чепуху? Не бываетъ никакого куска полотна въ «воротилах», по крайней мѣрѣ, въ обоихъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается оно въ нижнемъ «воротилі», гдѣ и находится до тѣхъ поръ, пока не получится извѣстное количество полотна, но такъ не вездѣ бываетъ; часто употребляются вмѣсто него такъ называемые „шнури“. Въ верхнемъ „воротилі“ совершенно не бываетъ полотна; «прут» не приколачивается къ „воротилу“, такъ какъ его пришлось бы при наматываніи вырывать, но влагается въ

корытце; ткачъ не раздѣляетъ „чинів“, снявши со „снувавки“ пряжу, потому что если бы онъ сдѣлалъ что-либо подобное, то развѣ бы только веревки изъ нея получились, но ни въ коемъ случаѣ не полотно; также и нитокъ не перетягиваетъ черезъ „вічко“, а только прикрѣпляетъ ихъ къ „торокам“, которые остаются на концѣ всякой пряжи; а ужъ того, что̀ это за нитка, привязанная къ куску полотна, мы и представить себѣ не въ состояніи. Тотъ же характеръ носятъ и дальнѣйшія описанія, гласящія, что будто бы ткачъ „решту основи перепускае осторожно по дві нитці через одну комірку берда, відси обмотуе маголь“ (первое не нужно, а второе невозможно (стр. 257), „сідае (ткачъ) не сідець варстату і відмапцуе тоту частину, що вистае між бердом і маглем“ (стр. 258) (эта часть никогда не подмазывается, развѣ только между „бердом“, собственно ничиницами, и верхнимъ воротиломъ, такъ какъ вѣдь мокрой пряжи и дѣлать то нельзя); „як нитки попутають ся, перериває ткач одну з них, розпутує іх і звязуе назад“ (непорваные нитки и путаться то не могутъ); «оба кінці основи, що були привязані до куснів полотна у воротил, не можуть бути зароблені, вони полишають ся яко тороки“ (стр. 259)—между тѣмъ „тороки» остаются только въ концѣ пряжи и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ абсолютно ничего не смыслитъ въ ткацкомъ ремеслѣ, описывать которое взялся; поэтому лучше было бы, если бы онъ совершенно его не касался. Какъ обстоитъ дѣло съ описаніями другихъ ремеслъ, мы не можемъ проконтролировать, не будучи достаточно компетентными въ этомъ отношеніи и не имѣя подъ руками нужнаго для сравненія матеріала. Думаемъ, однако, что тамъ авторъ избѣжалъ подобнаго рода непростительныхъ ошибокъ; вѣдь остальныя ремесла не такъ сложны и съ ними можно безъ особаго труда справиться.—Нѣсколько разъ г. Ш. упоминаетъ о путешествіи гуцуловъ на заработки въ Турцію, напримѣръ: „Турецька чепрага—масивна аграфа, до спинаня жіночих ремінних букурійок або мущинських ретізів, виріб орієнтальний, принесений тими, шо за роботою ходять у Молдавщину та Туреччину“ (стр. 275). Намъ извѣстно, что гуцулы ходятъ на заработки въ Бессарабію и Румынію (рѣже), но никогда не слыхали того же относительно Турціи. Если это дѣйствительно справедливо, то почему же авторъ слишкомъ какъ то вскользь говоритъ объ этомъ видѣ заработка и не приводитъ никакихъ данныхъ? На стр. 292 читаемъ, что „різьблені предмети, які находимо у нашого народу, не викінчені діла—чого і годі шукати поміж людо-

вими виробами" (мы лично видѣли издѣлья совершенно законченнаго характера), а не далѣе, какъ на стр. 301, авторъ обмолвился, говоря о токарѣ, „що так не звичайно по містецьки вирізьбив новітну лож"— опять два противорѣчія, трудно мирящіяся одно съ другимъ.—На стр. 316 авторъ пишетъ, что Марко Магеденюкъ изъ Рички „перший впровадив пацьоркове письмо, яким він окрім питомих мотивів, наслідує на дереві взори вишивок, писанок и т. и." Мы знаемъ, что „пацьорковане" довольно широко распространено въ Гуцульщинѣ, и если авторъ отцомъ его называетъ Магеденюка, то намъ желательно было бы получить кое-какія подробности объ этомъ, такъ какъ вѣдь на слово трудно повѣрить.—На той же страницѣ читаемъ, что „Федор (Шкрибляк) закинув цілком різьбярство, пильнує тільки гадзівства, яке придбав собі, оженивши ся в Барвінковій, де осів на стало". Между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что Федоръ живетъ тамъ же, гдѣ и братья его—Васыль и Мыкола, въ Яворовѣ, а также и то, что онъ не забросилъ „різьбярства", потому что еще недавно мы видѣли новыя его издѣлія.

На третьемъ выпускѣ мы не будемъ долго останавливаться и удовлетворимся отмѣченнымъ уже выше; особыхъ замѣчаній заслуживаютъ только пѣсни. Родины описаны кратко, свадьбѣ же посвящено порядочно мѣста, но неизвѣстно, результатомъ изслѣдованія какого района является это описаніе. Упоминаніе о гуцульскихъ инструментахъ здѣсь неумѣстно, хотя само описаніе ихъ безупречно; гуцульскіе танцы, собственно мелодіи ихъ, записалъ Ф. Колесса; глава о смерти и погребеніи, не смотря на свою краткость, интересна, благодаря помѣщеннымъ въ немъ матеріаламъ. Разумѣется, что и тутъ литература не указана, хотя по вопросу о свадьбѣ слѣдовало бы автору познакомиться съ работами: Ф. Вовка «Rites et usages nuptiaux en Ukraine», В. Охримовича «Значеніе малорусскихъ свадебн. обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи» или хотя бы съ библіографіей свадьбы (если уже не съ самими подлинниками), напечатанной т. Гринченко («Этнографическіе матеріалы», т. III). Не мѣшало бы, по нашему мнѣнію, прочесть и Сумцова: «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ», «Къ исторіи южно-русскихъ свадебныхъ обычаевъ», «Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы» и «Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ». Не слѣдовало бы игнорировать и статей Д. Лепкого: «Похоронні звичаі і обряди у нашого народу» и Бѣньковскаго «Смерть, погребеніе и загробн. жизнь по понятіямъ и вѣрованію на-

рода». О многихъ другихъ работахъ по данному вопросу даже и не упоминаемъ; указываемъ лишь на тѣ, которыя легко можно было достать.

Что же касается подробностей, то на ст. 6 читаемъ, что у гуцуловъ «мало котра мати кормить сама дитину», «по більшій частині плекають Гуцули своіх дітий молоком овечим або коровлячим через перетятий воловий ріг, до якого дорабляють цьвірок—дойок із шматки або із скірки». Мы не отрицаемъ такихъ фактовъ, но чтобы они были столь ужь общи, составляли, такъ сказать, подавляющее большинство, какъ-то не хочется вѣрить.—На ст. 8 читаемъ: «У церкві гуцульських дітий ніхто не побачить». Между тѣмъ мы сами лично видѣли и не разъ даже. А какъ бы въ качествѣ поясненія этого явленія авторъ приводитъ слѣдующее: «Не мало причиняють ся і родичі до того, що вже з малку не виробляе ся у Гуцулів релігійне почуте, бо не то що навіть найблизші сусіди не беруть дітей у церков, але й відстрашують іх ксьондзом, як по містах коминарем, говорячи до них: Не йди там, бо ті ксьондз озме! Тож не дивно, що ось яка пригода лучила ся о. Окуневському з Яворова: Іде він вулицею, в тім надбігла дитина, а побачивши священника—в плач: Ой йой йой ксьондзику, любчику, не бери мене—душко, душко, дам ти грейцар!—Нічого не помогло привітливе успокоюване дитини, вона йойкала, тиснучись по під пліт, а скоро тільки пролізла, далі на втікача» (I, 42). Отсюда лучше всего видно, какъ авторъ на основаніи какой-то мелочи, можетъ быть совершенно случайной, дѣлаетъ серьезныя заключенія, считая ихъ типическими для всей данной территоріи.—На ст. 73 авторъ говоритъ о рогѣ: «Ріг се виключно вівчарський струмент, не довший, як 1 m., з легка закривлений»—но не считаетъ нужнымъ сообщить того, цѣльный ли онъ, или составной. Если цѣльный, то интересно было бы знать, откуда гуцулы берутъ такіе длинные рога, потому что въ Галиціи ихъ нѣтъ, а также трудно допустить и то, чтобы они покупали ихъ въ готовомъ уже видѣ, На ст. 79 читаемъ, что «Голубці щібають—танцюють так, що вибивають одним обцасом до другого то в бік, то в перед». Но даже на рисункѣ, помѣщенномъ передъ этими словами, гуцулы танцуютъ въ «постолахъ»,—какимъ же образомъ они умудряются выбивать «обцасами»?

Обратимся теперь къ пѣснямъ, занимающимъ большую часть этого выпуска (ст. 81--255).

Украинскія пѣсни появились въ печати раньше другого этнографическаго матеріала, и въ этой области мы можемъ похвалиться цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ сборниковъ, среди которыхъ особенно обращаютъ на себя вниманіе—Максимовича, Лукашевича, Метлинскаго, Рудченка, Чубинскаго, Гринченка, Антоновича и Драгоманова, Залѣсскаго, Павли, Головацкаго, Кольберга, Купчанка и многихъ другихъ. Объ украинскихъ пѣсняхъ имѣется также довольно значительная научная литература, среди представителей которой встрѣчаются такія имена, какъ Максимовичъ, Костомаровъ, Потебня, Сумцовъ, Драгомановъ, Житецкій, Франко и др. Изслѣдованіе пѣсенъ въ XIX ст. такъ далеко ушло впередъ, что выработало особый методъ изданія ихъ и систематику, безъ которыхъ нельзя приступить къ печатанію новыхъ сборниковъ пѣсенъ. Но для г. Шухевича все это не существуетъ, онъ и знать никого не хочетъ, кромѣ своей собственной безцѣнной персоны, и печатаетъ свои пѣсни такъ, какъ дѣлалъ это 70 лѣтъ тому назадъ Залѣсскій, имѣвшій мало предшественниковъ на этомъ поприщѣ, не бывшій къ тому же—да впрочемъ и не считавшій себя, подобно г. Шухевичу,—спеціалистомъ. Но присмотримся же, какъ онъ идетъ по этой столь уже проторенной дорожкѣ.

Всѣ пѣсни раздѣлены у него на четыре части: 1) Коломийки, 2) Сьпіванки. 3) Жовнярські сьпіванки. 4) Поетичні оповіданя.

Если бы авторъ напечаталъ всѣ свои пѣсни въ одной рубрикѣ и далъ ей названіе «Сьпіванки», то неудачнымъ подобнаго рода планъ нельзя было бы назвать, такъ какъ это означало бы противопоставленіе пѣсенъ прозѣ, которую онъ разсматривалъ все время раньше. Но существованіе названія «сьпіванки» рядомъ съ названіями «коломийки» и «поетичні оповіданя» производитъ впечатлѣніе, будто бы эти послѣднія—не «сьпіванки», но проза, что еще болѣе усугубляется словомъ «оповіданя». Но особенно странно видѣть рядомъ термины «сьпіванки» и «жовнярські сьпіванки». Тутъ какъ-то сама собой напрашивается мысль: ну, это жовнярскія пѣсни, а чьи же тѣ, остальныя? Не имѣлось ли тутъ въ виду разграниченіе пѣсенъ штатскаго и военнаго населенія? А можетъ быть онѣ разбойничьи, чумацкія, свадебныя и т. д. Заголовки обыкновенно придумываются такіе, чтобы въ нихъ уже давалось извѣстное представленіе о содержаніи, а не въ силу простого обычая и традиціи.

Если бы авторъ назвалъ всѣ свои пѣсни «коломийками», то и это названіе можно было бы съ удобствомъ оправдать. Съ названіемъ «ко-

ломийки» у насъ связано представленіе о коротенькой пѣсенкѣ, состоящей въ большинствѣ случаевъ изъ двухъ или четырехъ стиховъ (хотя иногда это число бываетъ гораздо значительнѣе) вполнѣ опредѣленнаго размѣра; но такъ какъ, за небольшими исключеніями, почти всѣ пѣсни, напечатанныя у г. Шухевича, имѣютъ размѣръ „коломийки", то и это послѣднее названіе не могло бы считаться неосновательнымъ. Вообще же указанное выше дѣленіе нельзя оправдать никакими научными аргументами. Очень ужь оно не послѣдовательно. Такъ, напримѣръ, между „коломийками" встрѣчаются козачки, правда, также коротенькіе, но имѣющіе совершенно другой размѣръ и поющіеся во время танцевъ, тогда какъ для пѣнія „коломийокъ" опредѣленнаго мѣста и времени не положено. На стр. 130 подъ № 123 находимъ слѣдующій козачекъ:

Дівчина нининина
Полюбила Вірменина,
А Вірменин гоіц, гоіц,
Купив дівці сукню й пойис.
А дівчина візирае,
Куда Турок війгривае,
А се Турки та не наші,
Пют водицу із Дунаші [1]).

Также козачекъ напечатанъ и на ст. 149, № 249, и дальше на ст. 163, № 16, но уже между „сьпіванками!"—На первомъ мѣстѣ среди „жовнярських" пѣсенъ напечатана разбойничья, о Процѣ Томанюкѣ; за то солдатскія встрѣчаются между „коломийками".—Если подъ „поетичними оповіданями" нужно разумѣть эпическую поэзію, то названіе это считаемъ еще болѣе неумѣстнымъ, такъ какъ почти всѣ гуцульскія пѣсни эпическаго характера; поются, конечно, и лирическія, но онѣ, по всей вѣроятности, заимствованы и указать это не составило бы большого труда. Значитъ, и всѣ предыдущія подраздѣленія можно было бы съ полнымъ основаніемъ подвести подъ это названіе.

Если же мы попытаемся поискать въ сборникѣ г. Шухевича какую-нибудь систему, хотя бы порознь въ каждомъ отдѣлѣ, то также разочаруемся. Онъ просто беретъ одну пѣсню за другой въ томъ видѣ

---

[1]) Это выраженіе очень подозрительно и заставляетъ ко всей вообще пѣснѣ относиться съ большимъ недовѣріемъ.

и порядкѣ, въ какомъ ихъ прислали собиратели, и съ легкимъ сердцемъ печатаетъ все безъ разбора, совершенно не задаваясь мыслью о томъ, была ли уже напечатана данная пѣсня или насколько она извѣстна и заслуживаетъ ли вообще опубликованія, но даже и съ тѣмъ не справляется, не напечаталъ ли онъ же самъ ее гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ! Мы взяли на себя трудъ внимательно пересмотрѣть эти пѣсни и нашли среди нихъ не мало повтореній, то просто буквальныхъ, то съ незначительными лишь варіаціями, легко поддающимися соединенію во едино, но во всякомъ случаѣ совершенно напрасно напечатанныхъ вторично; только незначительную часть этихъ варіантовъ можно было бы напечатать; хотя и не тамъ, гдѣ они помѣщены у г. Шухевича, предварительно, конечно, заявивъ о томъ, что это варіанты. Да соблаговолитъ читатель сравнить слѣдующія мѣста въ книгѣ г. Шухевича: ст. 117, № 31=ст. 130, № 122; ст. 123, № 70=ст. 129, № 119; ст. 124, № 79=ст. 133, № 144; ст. 125, № 89=ст. 122, № 64 и ст. 133, № 143; ст. 131, № 134=ст. 138, № 178; ст. 132, № 138=ст. 130, № 122; ст. 159,=ст. 58, гдѣ фигурируетъ въ качествѣ свадебной; ст. 160, № 13 напечатанъ на ст. 14 также какъ свадебный; ст. 162, № 25=ст. 166, № 21; ст. 172, № 1=ст. 220, № 33; ст. 191, № 6=ст. 216, № 28; ст. 204, № 16 и варіанты 17, 18, 19, 20, ст. 208, № 21, 22, 23=ст. 225, № 37; ст. 211, № 24 и варіанты 25, 26, 27; ст. 220, № 32=ст. 224, № 36; начиная съ страницы 229 г. Ш. печатаетъ варіанты одной и той же пѣсни подъ № 42, 43, 44, 45, хотя, собственно говоря, полные ихъ тексты совершенно лишни и достаточно было бы указать только особенности. Но чтобы не подумалъ кто-либо, что мы имѣемъ дѣло съ огромнымъ собраніемъ пѣсенъ, гдѣ, конечно, нетрудно запутаться и невольно повторить кое-что, мы здѣсь же опредѣлимъ количество всѣхъ пѣсенъ по отдѣламъ: 274 + 24 + 14 + 48 = 360. Какъ видно, не такой ужъ это лѣсъ дремучій!

Мы позволимъ себѣ привести примѣръ для уразумѣнія того, что представляютъ изъ себя эти повторенія:

Ст. 123, № 70:

Ой ковалю, ковалику, зроби-ко ми дримбу,
Дам ти за то миску муки, повісем на линву.
От дам тобі миску муки, шобис си утішив,
А повісем дам на линву, шобис си завісив.

Ст. 129, № 119:

Ой ковалє, ковалику, зроби *мені* дримбу.
Дам ти *кусок солонини*, повісем на линву.
Дам ти кусок солонини, щобис си утішив,
А повісем дам на линву, шибис си повисив.

Всякому до очевидности ясно, что различія тутъ чисто формальнаго характера, на которыя можно было бы указать, но перепечатывать вторично ради нихъ пѣсню—совершенно напрасный трудъ. Въ большинствѣ случаевъ такой же характеръ имѣютъ и другія повторенія и только сравнительно ничтожная часть ихъ даетъ дѣйствительно цѣнные варіанты съ самостоятельнымъ содержаніемъ.

Обратимся теперь къ подробностямъ.

Печатаетъ авторъ «гуцульські пісні», но не даетъ себѣ ни малѣйшаго труда провѣрить, дѣйствительно ли онѣ гуцульскія, т. е. составлены гуцулами, или заимствованы у другихъ и только распѣваются ими, что вѣдь далеко не одно и то же. Такъ, напримѣръ, на ст. 124 подъ № 78 читаемъ:

Гой (та) дріта, моя мамко, та дріта, та дріта,
Не далас мні за злісного, дай-ко мні за віта.
Не далас мні за злісного, шобим панувала,
Та дай-ко мні та за віта, шобим гоноръ мала.

Эта пѣсня поется во всей Галиціи, о чемъ свидѣтельствуютъ различные сборники, гдѣ она печаталась. Но на какомъ же основаніи она фигурируетъ здѣсь въ качествѣ исключительно гуцульской? По нашему мнѣнію, ея не гуцульское происхожденіе подчеркивается вполнѣ опредѣленно такими выраженіями, какъ «шобим» вмѣсто гуцульскаго «шо бих». И мы не сомнѣваемся въ томъ, что если бы авторъ просмотрѣлъ сборники пѣсенъ и увидѣлъ ее уже напечатанной, то, можетъ быть, онъ не рискнулъ бы помѣстить ее у себя безъ всякихъ поясняющихъ указаній, какъ это сдѣлано имъ теперь. Такихъ «гуцульських» пѣсенъ въ его сборикѣ много, хотя не слѣдуетъ и того упускать изъ виду, что есть и дѣйствительно мѣстныя, представляющія неотъемлемую цѣнность сборника.

На ст. 148 подъ № 242 находимъ слѣдующую пѣсню:

Ой татуню, ой мамуню, не пийте горівки,
Бо в горівці сидит дідько, вискочить з берівки!
А з берівки до живота, стане тропотати,
Йизик стерпне, стане колом, буде билькотати.
Потім дідько стане кріпко голову лупати,
И занудит, стелепоче, будете ригати.
Хто горівку любит пити, розуму не мае,
Бо горівка—помийници житьи вкорочае.

Это пѣсня совершенно не гуцульская, да кстати даже и не народная, о чемъ свидѣтельствуютъ ея размѣръ, содержаніе и языкъ. Она принадлежитъ къ произведеніямъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда въ Галиціи велась сильная пропаганда противъ алкоголизма, и прототипъ ея, по всей вѣроятности, можно отыскать въ такихъ изданіяхъ, какъ «Наука» и другія подобнаго же рода.

На ст. 158 подъ № 10 напечатана пѣсня, въ которой казакъ бесѣдуетъ съ своимъ конемъ. Эта пѣсня даже и не галицкая, хотя и поется въ Галиціи, но украинская. Подъ ней находимъ подпись «Микитинцка», т. е. записана въ селѣ Мыкытынцахъ. Но село Мыкытынцы не принадлежитъ къ гуцульскимъ, и авторъ, отлично зная это, всетаки напечаталъ ее между гуцульскими пѣснями.

На ст. 162 подъ № 14 помѣщена пѣсня о Меланкѣ, которую слѣдовало бы напечатать въ IV вып., гдѣ собраны другія «Меланчині» пѣсни.

На ст. 183 подъ № 14 напечатана въ числѣ солдатскихъ очень популярная пѣсня о смерти императрицы Елизаветы. Но, какъ извѣстно, жена императора никогда не служила въ военной службѣ, а также и сама пѣсня составлена не служителями Марса, что видно изъ словъ:

Йили *дівки на сапаню* собі говорити,
Йик би пані цісаровій співанку зложити.

Содержаніе пѣсни также совершенно не носитъ на себе военнаго характера, — на какомъ же основаніи она причислена къ военнымъ пѣснямъ? Вообще же, думается намъ, для автора при желаніи, конечно, не составило бы большого труда собрать въ отдѣльныя рубрики хотя бы всѣ разбойничьи и военныя пѣсни, такъ какъ вѣдь

содержаніе ихъ таково, что совершенно не позволитъ сомнѣваться въ томъ, куда ихъ причислить—но онъ не счелъ нужнымъ и этого сдѣлать. Если прибавимъ еще ко всему сказанному уже то, что разсматриваемый нами сборникъ пѣсенъ слишкомъ далекъ отъ полноты и что, кромѣ того, онъ совсѣмъ не наученъ, то и поймемъ, почему цѣнность его не можетъ быть велика.

Оставимъ пока пѣсни и перейдемъ къ IV выпуску. Этотъ выпускъ собственно посвященъ народному календарю, но по какому-то странному недоразумѣнію ему-то именно и отведено менѣе всего мѣста; наибольшую же часть книги занимаютъ колядки, помѣщенныя авторомъ здѣсь по той только причинѣ, что онѣ поются на Рождество, а этого послѣдняго никакъ ужь нельзя пропустить въ народномъ календарѣ. Выпускъ этотъ—кромѣ колядокъ—не вызываетъ много замѣчаній. Скажемъ только, что автору нужно было непремѣнно обратить вниманіе на сочиненіе Кайндля: «Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen» и еще хотя бы на статью г. Зубрицкаго «Народній календарь Бойків», напечатанную въ тѣхъ же «Материялах україньско-руськоі етнольогіі», что и «Гуцульщина». По вопросу же о писанкахъ не мѣшало бы ему познакомиться съ работой М. Кордубы: «Писанки на гал. Волини» (напечатана тамъ же) или хотя бы со статьей Сумцова: «Писанки» (К. Стар. 1891 г.). Печатать собраніе колядокъ и игнорировать совершенно сборникъ Головацкаго или такія работы, какъ Потебни: «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсенъ. Колядки и щедривки»—это ужь совершенно непростительно для человѣка, претендующаго на званіе ученаго.

Изъ менѣе важнаго укажемъ: на ст. 1 авторъ говоритъ, что «Гуцули не знають хронольогічного численя часу, тому і не означують років біжучими числами, а називають іх то після подій, які лучили ся в Гуцульщині, то після місцевих та особистих обставин». Далѣе читаемъ, что они «називають весну святим Юрієм, літо святим Петром, осінь св. Димитрієм, а зиму святим Миколою» (ст. 1) и что къ тому же обозначаютъ времена года «від того, які чинности виконують, як напр.: йик бурьишку садили (май); йик сіно косили (серпень); на перше сапане (червень)» и т. д. (ст. 3). По нашему мнѣнію это опять-таки преувеличеніе, такъ какъ, съ одной стороны, гуцулы считаютъ и по годамъ (напримѣръ, „мене відобрали 81-ого року“, т. е. въ 1881 г.), а съ другой, по событіямъ вѣдь считаютъ не только гуцулы, но и интеллигенція (во время французской революціи, во время

польскаго возстанія, въ то время, когда родился мой старшій сынъ и т. д.). Что же касается названія временъ года по именамъ святыхъ, то это справедливо лишь въ томъ отношеніи, что „на Юра“—значитъ весной, но чтобы весна отождествлялась съ „Юром“ и одно названіе можно было бы употреблять вмѣсто другого, это чистѣйшая выдумка. На ст. 9 авторъ говоритъ: „Йик сонейко зачинат змагати си в силу, а Божа днинка зачинат рости—тоді настає у Гуцулів новий рік“. Однако выраженіе это совершенно не гуцульское; кромѣ того, около новаго года (совпадающаго у гуцуловъ вмѣстѣ съ нашимъ) солнце нисколько не „змагат си в силу“, но едва показывается на нѣсколько часовъ въ полдень, въ остальное же время обыкновенно прячется за неровностями почвы, *а потому описываемое авторомъ явленіе нельзя соединять съ празднованіемъ новаго года.*—На ст. 243 авторъ описываетъ «рахманський великдень» и между прочимъ говоритъ: „Кромі сих повірій повістують в Гуцульщині, що шкаралущі, вкинені на воду, допливають у Туреччину, *де дають знати людям, що там остались на заробітках*, про настане Великодня. (Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что гуцулы на Пасху всегда возвращаются домой). Мині бачить ся, що *се буде властива причина вкиданя шкаралущ у ріку*, а то тим певніще, бо і в Борщівщині над Серетом і в Заліщиччині над Дністром кажуть люде, що робять те для того, бо богато людий жиє у Турка в ясирі, они-б і не знали коли у нас Великдень, наколи-б не доплили до них шкаралущі з яєць і писанок“. Конечно, почему бы не прислушаться и къ тому, что говорятъ «люди», но если ученый склоненъ принимать на слово все, что бы кто ни сболтнулъ, то въ результатѣ могутъ получиться печальныя неожиданности. И опять-таки тутъ очень бы пригодилось г. Шухевичу знакомство ну хоть съ сочиненіями О. Партыцкаго: „Рахманський великдень“ („Правда“ 1867, № 9—11) и Яцимирскаго: „Румынскія сказанія о рахманахъ“ („Жив. Старина“, 1900, кн. 2). Но трудно, впрочемъ, убѣждать автора въ полезности чтенія книгъ, если онъ этого не признаетъ.

Перейдемъ теперь къ колядкамъ. Все, сказанное нами по поводу пѣсенъ, вполнѣ приложимо и къ нимъ. Вотъ какъ раздѣлены колядки у г. Шухевича: 1) «Початок до коляд». 2) «Священикови». 3) «Коляди під вікнами». 4) «Коляди газді». 5) «Коляди газдині». 6) «Коляди вдовиці». 7) «Коляди парубкови». 8) «Коляди дівчині». 9) «Коляди дитині». 10) «Коляди загальні» (sic!). 11) «Кольида страстна».

12) «Коляда за Пречисту». 13) «Коляда за Апостолів». 14) «Умерла коляда и 15) «Столова коляда».

Повторенія колядокъ и отсутствіе указаній относительно варіантовъ, особенности которыхъ довольно значительны по той, вѣроятно, причинѣ, что гуцулы въ этой области часто импровизирують (въ опредѣленномъ, конечно, направленіи и родѣ), наблюдаются въ такой же степени, какъ и въ пѣсняхъ. Мы перечислимъ ихъ: стр. 44, № 13= стр. 46, № 16; стр. 50, № 2=стр. 32, № 4 и стр. 53, № 5; стр. 54, № 6 и 7 (варіанты; стр. 62, № 16=стр. 82, № 15; ст. 64, № 18= стр. 65, № 20; стр. 77, № 11=стр. 75, № 9; стр. 81, № 15=стр. 85, № 3; стр. 83, № 1=стр. 86, № 4 и стр. 190, № 8 (это пользующаяся широкой извѣстностью пѣсня:

«Я в лісі, в лісі, на перебою
Сидьи си голуб з голубиною» и т д.,

которую авторъ одинъ разъ печатаетъ подъ именемъ колядки, а потомъ вторично уже въ качествѣ пѣсни, поющейся во время танцевъ (sic!); стр. 90, № 6, 7, 8 (вар.); стр. 107, № 6 и 7=стр. 120, № 26, 27 и 28, 35 и 37 (съ удобствомъ можно было ихъ напечатать рядомъ); стр. 116, № 20, 21, 22 и 23 (вар.); стр. 129, № 38 и 39 (вар.); стр. 137, № 4=стр. 29, № 2; стр. 141, № 8=стр. 29, № 2 и стр. 38, № 4 (опять-таки можно было бы ихъ соединить); стр. 143, № 9=стр. 30, № 3; стр. 148, № 12 (это всего лишь отрывокъ, въ напечатаніи котораго особой потребности не ощущалось); стр. 152, № 18 и 19=стр. 53, № 5, стр. 154, № 20=стр. 36, № 2; стр. 186, № 5=вып. III, стр. 163, № 16.

А между тѣмъ на стр. 19 авторъ говоритъ: «Я зібрав коляди *з усіх сел галицької Гуцульщини* (мы уже упоминали о томъ, что этому нельзя вѣрить); з винятком кількох повторяють ся вони з менчими або більшими вариянтами по усіх селах; тому подаю тут тільки найповніщі, а для порівнаня додаю де-кілька вариянтів (не обозначая этого!), пропускаючи з зібраних рівнозвучні тай ті, в яких бракують цілі звороти, стрічки або котрі безладно з собою по дві або і три повязані». Но эти слова, какъ мы видѣли, не совсѣмъ то согласны съ истиной, что, собственно говоря, не разъ ужъ замѣчалось за авторомъ.—Колядку на стр. 140, № 7 слѣдовало бы сравнить съ напечатанной у Федьковича:

«Ой сів сам Христос тай вечеряти,
Входить до него божая Мати» и т д.

(Твори т. I, стр. 637). Да и вообще не мѣшало бы сравнить весь матеріалъ этого рода, имѣющійся у г. Шухевича, съ колядками Федьковича (Твори, т. I, стр. 604—654), который вѣдь самъ былъ по происхожденію гуцулъ и прекрасно изучилъ гуцульскую душу.

Если, однако, кто подумаетъ, что нашъ авторъ однѣ только пѣсни печатаетъ по два раза, тотъ жестоко ошибется. Такъ, напримѣръ, цитированныя уже нами выше слова о пѣсняхъ, мелодіяхъ и музыкальности гуцуловъ встрѣчаемъ опять въ I вып. на стр. 29 и въ III вып. на стр. 81. На стр. 31, I читаемъ, что „голову іх вкривае довгий, по середині по за вуха розчесаний, сильно маслом намащений волос"; а на стр. 122 опять видимъ то же самое съ незначительными, правда, измѣненіями: „Голову з буйним темним, по середині поділеним, на оба боки і карчило у кучері спадаючим, звичайно маслом намащеним волосом, вкривае Гуцул" и т. д. Какъ мало однако у автора наблюдательности, видно хотя бы изъ того, что надъ словами „по середині поділеним" (волосом) находится 61 рисунокъ, изображающій гуцула изъ Ростокъ съ непокрытой головой и нераздѣленными волосами, что вообще не составляетъ conditio sine qua non, и вопросъ еще въ томъ, не болѣе ли гуцуловъ ходитъ съ нераздѣленными волосами. О тяжелой одеждѣ (сравни нашу цитату, приведенную раньше) онъ пишетъ въ I вып. на ст. 31 и 134. На стр. 34, I читаемъ: „як увійдуть у хату, а застануть кого при іджеңю, кажуть: Споживайте здорові!—Дай Боже здоровя, просимо і вас ршених!" А на стр. 140: „Харчуйте здорові!—Декува́ть, просимо і вас ршених! Такими словами здоровлять Гуцули себе посполу, коли зайдуть до себе в пору обіду" и т. д.—На стр. 109, I находимъ описаніе „верклюги" съ иллюстраціей, а на стр. 187, II встрѣчаемъ ее опять. Какъ дѣлаютъ „гуслянку", авторъ сообщаетъ на стр. 141, I и потомъ повторяетъ то же самое на стр. 214, II. О томъ, что гуцулы въ „різьбярстві" работаютъ „один мудріще, другий ні, як хто втьик, той вдав", читаемъ во II вып., стр. 295 и 301 и т. д.

А теперь посмотримъ, какъ изданы пѣсни въ языковомъ отношеніи; на стр. 117, № 33, III читаемъ:

„Як би плаі обчистити, ліси прорубати
Щоби видко до фіялки, аж до его хати.

Однако вмѣсто *ею* тутъ должно быть *ii*, на что указываетъ слово фіалка; кромѣ того, не дивчата же рубятъ лѣсъ, а парни, поэтому и такихъ желаній первыя не могутъ выражать.

На стр. 117, № 36, Ш читаемъ:

„А я вішов на улицу та зачьив гадати,
До котроі дівчиноньки старости післати“

. . . .

И дальше: „Волію я *у тій бідній* дороги топтати“... а должно быть: „Волію я до бідноі дороги топтати“.

На стр. 118, № 41 напечатано: “Ай не ме ж ті коштувати“, и тутъ же немного ниже: „покладу *тьи* у лужко“.—На стр. 119, № 46 читаемъ: „вечір“ (черезъ і), но „любчика“ и „очи“ (черезъ и), хотя гуцулы послѣ ч обыкновенно выговариваютъ і, а не и.—На стр. 120, № 56 въ одной и той же пѣснѣ встрѣчаемъ роди*т* и роди'.—На стр. 121, № 58 попадаются *ше* и *що*, хотя гуцулы обыкновенно (не знаемъ только всегда ли и всюду) употребляютъ *ш* вмѣсто *щ*.—На стр 122, № 69 читаемъ:

„Ий бідна м'и, головонько, де мій ледінь дів си?
Йик би в гаю, у гаіку, гай *за*зеленів си“.

Тутъ должно быть: «гай *би* зеленів си»; также и ниже, вмѣсто «гаік зелененький».—На ст. 123, № 71 читаемъ: «Ци до меі *Нуцишечки*»; такого имени не встрѣчается не только у гуцуловъ, но и вообще у народа. Очевидно въ запискахъ было иначе, но авторъ не вчитался хорошо и напечаталъ незнакомое имя собственнаго изобрѣтенія. Тоже самое повторяется и на ст. 163, № 16, гдѣ читаемъ: «Славне й місто *Солдове*, раду радьи радове». Но, какъ извѣстно, такого города нѣтъ не только въ Гуцульщинѣ, но и во всей Галиціи. А такъ какъ въ народныхъ пѣсняхъ неизвѣстныя мѣстности обыкновенно замѣняются близкими, знакомыми, то поэтому нельзя допустить такого названія въ пѣснѣ; очевидно авторъ тутъ опять напуталъ, не умѣя прочесть присланную рукопись.—На ст. 124, № 83 читаемъ: «А я траву *ти* рубаю», вмѣсто «не рубаю».—На ст. 125, № 90 напечатано:

«Ой дана, дана, дана, не піду *я* за Йвана,
Але піду за Данила, шобих *нічо* не робила.

То же повторяется и въ № 91. Между тѣмъ размѣръ позволяетъ предположить, что слова *я* и *нічо* лишни здѣсь, въ чемъ можно дѣйствительно убѣдиться, познакомившись съ другими варіантами.—На ст. 130, № 124 читаемъ:

«А прийшов я та до раю, *лишень подівитис*.
Відтів світі відтрутили, ще й хотіли *битис*».

А между тѣмъ тутъ должно быть: «лиш си подивити», «бити».—На ст. 135, № 161 читаемъ:

«Не я пийний, не я пийний, горівочка *пйана*
Та зажди ми до осени, дівчино кохана».

Гуцулы говорятъ «пений», поэтому выраженіе «пяна», необходимая для рифмы, указываетъ на то, что эта пѣсня не гуцульскаго происхожденія, и, вмѣсто «пийний», должно быть также «пяний». На ст. 136, № 162 читаемъ: «Та заграй ми, сопівкарю, з сопівки *тесовоі*». Между тѣмъ размѣръ пѣсни позволяетъ думать, что, вмѣсто «тесовоі», должно быть другое какое-нибудь слово, напримѣръ, «новоі».—На ст. 137, № 171 читаемъ: «чому *оно-сь* (рѣчь идетъ о сердцѣ) не розсьиде з жалю великого». Въ народной поэзіи абсолютно невозможна такая форма (употребляющаяся исключительно галицкой интеллигенціей), какъ «чому оно-сь»; вмѣсто нея, должно быть: «чом воно си». То же нужно замѣтить и относительно формы: „Треба буде утопитись (ст. 140, № 190), вмѣсто: „Треба буде втопити си“.—На ст. 141, № 194 встрѣчаемъ опять незнакомое имя: „Жепьинка“.—Также не народна и форма: „В *ней* не миті лави“ (ст. 144, № 213).—На ст. 149, № 247 читаемъ: „Ой співаку, *ни рубаку ни руба* (?) сорочка“. Вмѣсто „ни рубаку“, должно быть „небораку“.—На ст. 176, № 5 встрѣчаемъ „ізу везди“, вмѣсто „ізувезди“ (со всѣхъ сторонъ).—На ст. 189, № 7 напечатано: „Ой Сигота, козаченьки, Сигота, Сигота“, а должно бы „з Сигота“.—На ст. 223, № 34 читаемъ: „Збирай *коси*, Фитючику“, вмѣсто „збирай ко си (ко=но).—Тоже самое наблюдаемъ и въ колядкахъ. На ст. 58, IV читаемъ: „Йа в постиречку, господаречку“. Такъ какъ слово „постиречку“ лишено попросту всякаго смысла, то мы думаемъ, что авторъ опять неудачно прочиталъ рукопись. На ст. 80, № 14 встрѣчаемъ слѣдующія три формы: ей, еі, і. Очевидно, что только послѣдняя изъ нихъ вполнѣ правильная, другая

на половину, а первая совершенно не народная.—На ст. 95, № 11 авторъ такимъ образомъ рифмуетъ: коня—Василе, а должны оба слова быть или на *е* или на *я*. Такими цитатами мы могли бы заполнить еще нѣсколько страницъ, но думаемъ, что и этихъ вполнѣ достаточно, чтобы доказать, насколько легкомысленно и ненаучно отнесся г. Шухевичъ къ народному тексту при печатаніи его. Да впрочемъ этого можно было ожидать, познакомившись только съ тѣмъ, что написалъ онъ о гуцульскомъ говорѣ (I, ст. 26—28), а особенно о колядкахъ (ст. 29), гдѣ говорится: „При колядах замітним е те, що де тільки дает ся вставити й, там чути його в сьпіві. Ось пр.

Й а в поли *й*, в поли *й* рубять ся *й* двори *й*,
Рубять ся *й* двори *й* на штири *й* угли й и т. д.

То же самое повторяетъ онъ еще разъ на ст. 20, IV вып. Тутъ слишкомъ ужь большой пересолъ, чтобы не замѣтить его, но г. Шухевичъ этого именно и ищетъ.

Авторъ кое-гдѣ старался дѣлать поясненія къ тексту, если онъ казался ему малопонятнымъ. Такъ, напримѣръ, во время заручинъ поютъ пѣсню о томъ, какъ сынъ, находясь въ плѣну, шлетъ сначала письма къ отцу, матери, брату, сестрѣ и, наконецъ, къ дивчинѣ, но никто, за исключеніемъ послѣдней, особой заботливости о его судьбѣ не обнаруживаетъ. Пѣсня начинается такъ:

«Сидит *синок* й а в неволи і тяженько дише
Та до свого тата [1]) дрібне листе пише (III, ст. 14).

Г. Шухевичу почему-то слово «синок» показалось неумѣстнымъ и онъ поясняетъ его словомъ «донька». Правда, выраженія «доню», «донцю» употребляются въ качествѣ ласкательныхъ по отношенію къ дѣтямъ обоего пола, но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не можетъ, въ чемъ авторъ могъ бы убѣдиться: а) по варіантамъ этой пѣсни и б) по окончанію ея, гдѣ находятся слова:

«Ой буду я, мій миленький, гуси годувати,
Аби тебе, мій миленький, з неволі зволяти».

---

[1]) Нужно: татунейка.

А онъ отвѣчаетъ ей:

«Не треба тобі, моя мила, гуси годувати,
Коли хочеш й а з неволі мене визволяти» и т. д.

На ст. 124, № 84 (Ш) читаемъ:

«Ти Василю, сиди в билю, я буду *збуячу,*
Та йик буде темна нічка, я тебе зобачу.

Слово «збуячу» авторъ поясняетъ «збудую», не подумавъ даже о томъ, что же въ такомъ случаѣ будетъ означать въ этомъ мѣстѣ «збудую» и какой смыслъ получитъ вся пѣсня послѣ такой вставки. Онъ очевидно думалъ, что «буду»—это accus. sing. отъ бýда, а не futurum отъ глагола бýти. Но если бы онъ потрудился заглянуть въ какой-нибудь сборникъ пѣсенъ и увидѣлъ, что вмѣсто «збуячу», тамъ стоитъ «в бодачу», то, по всей вѣроятности, и не трудился бы давать объясненіе, да еще такое безтолковое.

На ст. 164, № 18 напечаталъ онъ пользующуюся широкой извѣстностью (совершенно не гуцульскую) пѣсню о чумакѣ, умирающемъ въ пути. Она у г. Шухевича начинается такъ:

«Ой ходив Джуман сім рік по долу,
Не мав же він пригодоньки на свою худобу.

Перемѣнивъ слово «чумак» на совершенно непонятное «Джуман», онъ затѣмъ старается пояснить его, но только слѣдующимъ образомъ: «Джуманъ мав буты великим богатирем з волоського боку (Буковини), що їздив заєдно сімома парами волів по долах (Поділю)». За какой надобностью?—спросимъ мы. Такъ себѣ, спорта ради? Относительно же чумака подобные вопросы совершенно лишни, такъ какъ всѣмъ отлично извѣстно, куда и съ какой цѣлью онъ совершалъ свои путешествія.

На ст. 166, № 20, авторъ поясняетъ слово «цара»=заграница и прежде всего Россія (хотя у него же на ст. 37, I тоже самое слово цара чужой край). Между тѣмъ «цара» означаетъ вообще земля, край и можетъ совершенно не употребляться въ значеніи Россія.

На ст. 171, III читаемъ: «А у мене у городци *лунчина* тогідна». На ст. 242, IV снова читаемъ: «Кусок сьвяченоі солонини—*лýнчина*, переховують довгі роки, даючи єі що рік посьвятити; вона зі ста-

рости пожовкне та стане мягкою, як масло. Як наближае ся буря, кидають кусень тоі *лунчини* в піч и т. д. Какъ видимъ, въ IV вып. авторъ говоритъ, что «лунчина» значитъ солонина (старая); въ III же вып., наоборотъ, утверждаетъ, что „лунчина“ = сѣно. Между тѣмъ слово „лунчына“ происходитъ отъ *лони* (ср. польск. łoni, latoś, лужицк. loni, woni, и прилагательныя: польск. łoński, чешск. lonský, хорв. lanski) и означаетъ—съ прошлаго года, нѣмецк. vorjährig, vom vorigen Iahre, vorigen Iahrs. „Лунчина“, впрочемъ, можетъ употребляться въ значеніи и сѣно, и солонина, и сметана, и масло и т. д., но только прошлогоднее; самый же предметъ, какъ это думаетъ авторъ, этимъ словомъ не обозначается.

На ст. 221 находимъ собственное имя „Ясіне“; это—гуцульское село, расположенное на угорской территоріи и поэтому имѣющее наряду съ украинскимъ еще и мадьярское названіе; Kőrös-mező (чит. Керешмезе). Нашъ же авторъ, не зная мадьярскаго языка, довольно неудачно пишетъ, Kórosz-mező, что нужно прочесть: Ковросмезе.

На ст. 208 авторъ дѣлаетъ примѣчаніе такого содержанія: „Штолюк був опришком, *товаришем Довбуша*“. Мы не представляемъ себѣ того, какимъ образомъ они могли быть товарищами, такъ какъ Довбушъ умеръ въ 1743 г., а Штолюк разбойничалъ въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія и былъ повѣшенъ въ 1829 или 1830 году. Развѣ послѣ смерти сошлись!

На ст. 229, № 40 читаемъ:

„Ой на горі на високій, два війгране грают,
Николая молодого в цвинтари ховают“.

Слово „війгране“ авторъ поясняетъ: „Дикі кози = Gemse“. Какъ подобная мысль пришла ему въ голову, трудно рѣшить. А между тѣмъ это слово даже и не требуетъ поясненія, такъ какъ оно совершенно понятно: орган, польск. органы, нѣм. Orgel—музыкальный инструментъ, на которомъ у католиковъ всегда играютъ во время погребенія, а „Николай“ могъ быть и католикомъ или, можетъ быть, совершенно случайно его погребали католики. Впрочемъ, игры на органѣ могло и не быть во время погребенія, а въ пѣснѣ упоминается о ней просто для большаго эффекта.

Слово „ільчитий“ авторъ одинъ разъ (III, 24) объясняетъ такъ: „мереживий, рівно як фоя на илі (ялици“), а потомъ во второй разъ уже,

какъ „дорого тканий“ (IV, стр. 125). Между тѣмъ это слово означаетъ извѣстный способъ тканья; „ільчитий рушник“ — вытканный опредѣленнымъ способомъ, по извѣстному образцу, похожее на вѣточки ели.

На стр. 201—202 (IV) читаемъ, что гуцулки, начиная отъ Рождества до Новаго года, не выносятъ сора изъ избы, но сбрасываютъ его въ уголъ, а на Новый годъ выносятъ на огородъ и жгутъ, приговаривая: „Господи, будь ласкав уродити жита, пшениці, усьикоі пашниці! *Тирилай ся!* Після пояснень Гуцулів кличуть так на то, аби усе було веселе, як ся ватра, що з тих пометків горить. З викликом *Тирилай си—Кирилай си* перескакують тричі через вогонь там і назад“. По поводу слова „тирилай си“ авторъ счелъ нужнымъ сказать: „Яке значіне се слово мае, не далось мені розвідати. В Яворові кажуть: Тірилай си. Гуцули виговорюють часто *т* замість *к* і на оборот“. Болѣе неудачное толкованіе трудно и придумать. А жаль, что авторъ, будучи учителемъ реальнаго училища, не обратился къ кому-либо изъ своихъ товарищей, учителей гимназіи, любой бы изъ нихъ сообщилъ ему, что это таинственное слово — не что иное, какъ греческое Κύριε ἐλέησον — извѣстное почти всякому, кто бывалъ въ церкви.

Мы могли бы немало еще привести подобныхъ же цитатъ, но пора уже и кончить. Если обобщить все нами сказанное, то получится такой выводъ: 1) Работа г. Шухевича, несмотря на то, что она напечатана съ одобренія проф. О. Колессы и что по его же предложенію секція большинствомъ голосовъ признала ее ученою, на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ наукой не имѣетъ, а является просто любительской работой и въ качествѣ таковой подлежитъ и соотвѣтственной оцѣнкѣ. 2) Кромѣ того, она представляетъ изъ себя собраніе матеріала, иногда даже очень цѣннаго, но изданнаго не научно и безсистемно. Поэтому то пользоваться этимъ матеріаломъ надлежитъ съ большой осторожностью, а дѣлать выводы на основаніи его слѣдуетъ избѣгать, главнымъ образомъ вслѣдствіе обобщеній, построенныхъ на случайныхъ фактахъ. 3) Наибольшею цѣнностью произведенія г. Шухевича являются рисунки, поясняющіе предметъ иногда лучше всякихъ авторскихъ описаній. Они несомнѣнный плюсъ работы г. Шухевича. 4) Главное же значеніе сочиненія г. Шухевича заключается въ томъ, что въ немъ собраны вмѣстѣ всевозможные матеріалы, касающіеся гуцуловъ, и затрагиваются различныя стороны гуцуль-

ской жизни, благодаря чему оно можетъ послужить когда-нибудь хорошимъ основаніемъ для научнаго уже изслѣдованія всей гуцульской территоріи. Если же мы, несмотря на это, не причисляемъ „Гуцульщину“ къ лучшимъ изданіямъ „Наукового Товариства імени Шевченка“, то думаемъ, что такой нашъ взглядъ на указанное сочиненіе достаточно аргументированъ, и съ этой стороны мы чувствуемъ себя вполнѣ безупречными...

М. Р.

Выдавныцтво „Викъ“. № 13. Мыхайло Грушевськый. Оповидання. *У Кыиви. 1904 г. VII+147. Ц. 35 коп., на кращому папери 65 коп.*

Въ книгѣ «Оповидання Грушевського» помѣщено пять разсказовъ: 1) «Бех-аль-Джугуръ», 2) «Бидна дивчына», напечатанный въ первый разъ въ 1886-мъ году въ «Степу», херсонскому беллетрыстычному збирныку; 3) «Неробочый Грыцько Крывый», 4) «Исторія однои ночи» и 5) «Ясновельможный сватъ», написанный г. Грушевскимъ для первой книжки «Літ.-Наук.-Вістника» въ 1898-мъ году.

Первый разсказъ «Бех-аль-Джугуръ» представляетъ эпизодъ изъ войны англичанъ съ арабами, при чемъ представители культурной націи съ усовершенствованнымъ оружіемъ въ рукахъ стремятся навязать свою высокую культуру отсталымъ арабамъ, а послѣдніе почти съ голыми руками, воодушевленные фанатической мечтой объ ожидающей ихъ небесной наградѣ, выступаютъ на защиту своей религіи и родины. Картины сраженія, а также затишья, мѣткія характеристики англичанъ и арабовъ не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ талантливости автора.

Разсказъ «Бидна дивчына» производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, какъ по сюжету, взятому изъ обыденной жизни, такъ и по яркой разработкѣ темы. Исторію „биднои дивчыны“ можно встрѣтить почти ежедневно въ отдѣлѣ происшествій любой газеты, сообщающей, что такого-то мѣсяца и дня дѣвица такая-то покончила жизнь самоубійствомъ, причины неизвѣстны. Предполагать можно все, что угодно: любовную драму, нужду или просто пришла минута—оглянулся человѣкъ на свое прошлое, заглянулъ въ будущее—и нигдѣ ничего, за что бы можно было ухватиться, въ чемъ бы можно было найти смыслъ своего существованія. Такой моментъ изображенъ г. Грушевскимъ въ

его разсказѣ «Бидна дивчына». Героиня р[illegible]а сельская [illegible]тельница, не знавшая тепла ни въ [illegible]домъ возра[illegible]оей жизни, [illegible] раннемъ дѣтствѣ въ домѣ своихъ родителей, гд[illegible] ее смотрѣли, какъ на товаръ, который рано или поздно придется с[illegible], и только скорбѣли о томъ, что въ силу своей некрасивой наружно[illegible] можетъ обмануть ихъ надежды «Адже въ тій старни, де выросла вона, за-для дивчыны не було дорогы, якъ тильки замижъ; то було биганина навыпередкы за чоловикомъ: коверзувалы, хитрувалы, скильки сылы, й горе, хто видстававъ—для неи вже не було мисця пидъ сонцемъ». «Замижъ, замижъ, замижъ» — змалку чула дивчына; про те, щобъ поставыты дивчыну на ногы, щобъ надаты ій сылы, хысту до жыття самій, не спыраючысь на чоловика—про те й не знавъ нихто. И то ввійшло въ косты и кровъ, що якъ хто хоче дитей похвалыты, про хлопчыка скаже: «розумный буде», а про дивчыну: «буде гарна». (Стр. 26). Но она „не була гарна". „Блиде лыце, сири очи, русе якъ пачосы волосся--ничого кращого не могла вона знайты, якъ не зачисувалася" (стр. 26). Послѣднее обстоятельство сильно ожесточило противъ бѣдной дѣвушки и безъ того немягкія родительскія сердца, и въ душѣ дѣвушки, кромѣ горечи вслѣдствіе сознанія своей непривлекательности, накопляется горечь отъ упрековъ за вину, въ которой она совсѣмъ неповинна. Но и сознаніе своей внѣшней непривлекательности, и упреки близкихъ, и тяжкую долю сельской учительницы, оскорбляемой на каждомъ шагу старшиной, писаремъ и т. п. мелкими людишками, играющими роль начальства въ отношеніи сельской учительницы,—все это можно было бы вытерпѣть, какъ это и терпятъ многія дѣвушки, имѣющія хоть какіе-нибудь идеалы, хоть какую-нибудь привязанность. Но у героини г. Грушевскаго нѣтъ идеаловъ, а есть только наука, преподанная ей ея отцомъ, пьянымъ неудачникомъ: „На симъ свити тымъ тильки жыты добре, хто вміе гнутыся, лазыты на жывоти, терпиты, сорому не знаты, жыты такъ, щобъ здавалося, наче тебе й нема.—Зитры гордыню, потовчы бажання, пидлый смиренія, розмишай послушаніемъ—и будешъ счастлывый...— казавъ винъ злисно, наче тыкавъ пидъ нисъ комусь отсымъ лыкомъ". (Стр. 33). Итакъ, весь ея жизненный скарбъ, вынесенный изъ дѣтства и юности, заключался въ служеніи, послушаніи и терпѣніи, но бываютъ минуты, когда эти надежные оплоты человѣка, пришибленнаго судьбой, отказываются ему служить. „Бувають таки часы въ чоловика, що мовъ якась рука свитъ передъ нымъ видтворыть, якесь свитло чу-

додійне освитыть подіи, думкы, життя ёго усе, й тамъ, де було саме звычайне, на що й не вважавъ винъ доси, що знавъ винъ добре,— зъявытся щось зовсимъ нове". (Стр. 36—37).

Такой именно моментъ просвѣтлѣнія пришелъ и для „бидной дивчыны". У нѣкоторыхъ одна минута такого просвѣтлѣнія можетъ измѣнить всю послѣдующую жизнь. „Така годына—бо часомъ се въ одну годыну разомъ станется—багато зминяе въ чоловикови: наче народытся вдруге. Якъ йе въ ёго сыла й хыстъ и воля дужа—поставыть винъ мету свою передъ собою, постановыть добуваты доли, або мстытся, й выйде зъ того щось або добре, або зле. Але що-жъ тому робыты, въ кого нема ани сылы, ани хысту, ани воли дужои, хто увесь викъ тильки тужывъ, хто самъ не ступывъ, рукою не посунувъ, якъ не штовхавъ ёго прытьмомъ голодъ, або чужа воля"?.. (Стр. 38—39). Въ такихъ именно обстоятельствахъ безъ силы и воли находится „Бидна дивчына", для нея нѣтъ цѣли и смысла въ жизни. Продолжать жить такъ, какъ жила она до сихъ поръ,—жить потому, что живется—она не можетъ: изсякъ источникъ смиренія и послушанія; выйти на новую дорогу и начать жизнь съ начала—она не въ состояніи, такъ какъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, у кого нѣтъ „ани сылы, ани хысту, ани воли дужои". Значитъ, для нея существуетъ одинъ исходъ—покончить разомъ со всѣми муками й униженіями, изъ которыхъ состояло все ея печальное существованіе; средство для этого всегда найдется подъ рукой. И въ данномъ случаѣ коробка фосфоровыхъ спичекъ сослужила службу нашей героинѣ и помогла ей освободиться отъ опостылѣвшей жизни. Вотъ содержаніе второго разсказа, написаннаго Грушевскимъ очень правдиво и сильно, безъ паѳоса и безъ растянутости. Останавливаемся такъ подробно на этомъ разсказѣ, чтобы лучше уяснить читателю писательскую физіономію автора, проявившаго, судя по этимъ первымъ пробамъ пера, недюжинный беллетристическій талантъ, откликавшійся на тяжелыя жизненныя драмы. Остальные три разсказа г. Грушевскаго, за исключеніемъ „Исторіи одной ночи", представляютъ уже не откликъ сердца на то или иное явленіе обыденной жизни, а скорѣе результатъ мысли, работающей въ извѣстномъ направленіи.

Историкъ-Грушевскій, работая въ архивахъ и обладая въ то же время талантомъ беллетриста, сердцемъ воскрешаетъ передъ читателемъ картины экономическихъ и соціальныхъ условій XVII-го и

XVIII вѣковъ въ двухъ разсказахъ „Неробочый Грыцько Крывый“, и «Ясновельможный сватъ“.

Первый изъ этихъ разсказовъ «Неробочый Грыцько Крывый», написанный еще во время студенчества Грушевскаго, отличаясь сильнымъ драматизмомъ, производитъ глубокое впечатлѣніе. Сюжетъ этого разсказа, какъ видно изъ примѣчанія автора, взятъ изъ декрета, напечатаннаго въ архивѣ юго-западной Россіи ч. VI, т. II, № 15. Самое названіе «Неробочый» примѣнялось въ XVIII-омъ вѣкѣ, какъ юридическій терминъ, къ крестьянамъ, переходившимъ по своей волѣ отъ одного помѣщика къ другому, «шукаючы, де краще», и вездѣ находя ту же панщину, «толоки и шарварки» и вѣчную ихъ спутницу—безпросвѣтную нужду. Самымъ драматическимъ мѣстомъ разсказа является послѣдній побѣгъ Грыцька съ больнымъ ребенкомъ и женой; ребенокъ умираетъ ночью въ лѣсу, куда уходитъ Грыцько, не рѣшаясь переночевать въ корчмѣ изъ опасенія погони. Жена набросилась на Грыцька съ упреками, называя его убійцей сына, а онъ, полуобезумѣвшій отъ горя и раздраженный упреками жены, схватилъ «ципокъ» и въ пылу досады убилъ ее наповалъ. Преступленіе обнаружилось. Грыцька судили и приговорили къ смертной казни, но «чы то зъ воли Божои, чы то зъ несправнои руки ката, чы то зъ счастя того забойци сталося, оповидае урядове справоздання, тильки катъ не видрубавъ Грыцькови головы видразу» (стр. 78). И вотъ въ силу особаго обычая Грыцька не казнили, а отдали духовнымъ на излѣченіе. Но рана была глубока, а лѣченіе велось плохо, и Грыцько, промучившись девятнадцать сутокъ, умеръ «добровольно», какъ сказано въ судебномъ протоколѣ этого дѣла. Вотъ и все содержаніе разсказа, написаннаго очень живо, благодаря чему воображенію читателя такъ и рисуется бѣдный Грыцько, странствующій въ поискахъ лучшихъ мѣстъ и теряющій въ концѣ концовъ и жену, и ребенка, единственное богатство, которое онъ имѣлъ.

Другой историческій разсказъ Грушевскаго «Ясновельможный сватъ» представляетъ картину общественной жизни въ Кіевѣ около половины XVII-го вѣка, когда все, что было лучшаго въ украинскомъ обществѣ, стремилось къ освобожденію родины отъ польскаго ига. Въ то время, какъ разсказъ «Неробочый Грыцько Крывый» представляетъ драму на сѣромъ фонѣ обыденной жизни, здѣсь въ разсказѣ «Ясновельможный сватъ» великія общественныя событія служатъ

мрачнымъ фономъ для свѣтлой идилліи, какою является сватовство и свадьба Грыцька Писченка съ «донькою Матербозкаго протопопа» Настусей. Разсказъ интересенъ не столько изображаемой въ немъ идилліей, сколько картиной жизни тогдашней интеллигенціи, къ числу которой принадлежитъ о. Кириллъ, ученый богословъ и библіофилъ, «спудей» кіевской академіи, Грыцько Писченко, и самъ «Ясновельможный сватъ» Богданъ Хмельницкій. Разсказъ изобилуетъ бытовыми подробностями, которыхъ особенно много находимъ въ описаніи торжественной встрѣчи митрополитомъ Богдана Хмельницкаго, «протектора руського народа и грецькои религіи», и въ описаніи пира въ день именинъ его.

Что касается разсказа «Исторія одной ночи», то онъ по сюжету, взятому изъ современной жизни, напоминаетъ первые разсказы г. Грушевскаго, отличаясь отъ нихъ только болѣе глубокой психологіей. Это произведеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ немъ устами главнаго дѣйствующаго лица высказываются жизненные идеалы самого автора «Перше счастя чоловика вильно выконуваты те, що ёму каже ёго розумъ и совисть. Решта то не мае ваги то ἀδιάφορου, що зовсимъ ныкне передъ вичнымъ и неустаннымъ життямъ и розвоемъ передвичнои тройци: правды, добра и красы» (стр. 112). Вотъ слова героя повѣсти послѣ долгихъ сомнѣній въ пользѣ своей общественной дѣятельности и сожалѣній объ отсутствіи личнаго счастья. Изъ желанія найти это свое личное герой разсказа Борсукъ, въ теченіе всей своей жизни занятый только общественными дѣлами, рѣшается въ ночь подъ новый годъ, подъ вліяніемъ тоскливыхъ мыслей, жениться, съ тѣмъ, чтобы найти хотя одно любящее серце, которое бы билось для него; это ему не удается, и онъ остается одинокимъ, какъ ему кажется навсегда. Разочарованіе въ своемъ личномъ счастьи, такъ доступномъ каждому, значительно смягчается въ немъ, когда онъ случайно узнаетъ, что его литературно-общественная работа идетъ въ массу и будитъ въ ней мысль о добромъ и справедливомъ. Подъ вліяніемъ этого доказательства полезности своего труда онъ и рѣшаетъ, что смыслъ жизни и заключается въ служеніи великой тройцѣ: правдѣ, добру и красотѣ.

Однимъ изъ такихъ служителей этой тройцы является и самъ проф. Грушевскій, одаренный художественно чуткой душой и, хотя жаль, что онъ отдавшись цѣликомъ наукѣ, пересталъ откликаться на жизненные вопросы, но, принимая во вниманіе, что его служеніе

наукѣ не ограничивается кабинетной дѣятельностью, а идетъ навстрѣчу жизненнымъ потребностямъ общества, нужно надѣяться, что жизнь рано или поздно пробудитъ въ немъ снова потребность писателя подѣлиться своими наблюденіями съ публикой. Будемъ ждать, пока такой чуткій и отзывчивый писатель, какимъ является въ своихъ произведеніяхъ М. С. Грушевскій, обогатившись жизненными наблюденіями и научными знаніями, съ присущей ему искренностью подѣлится ими съ публикой.

Л. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Одинъ изъ питомцевъ Сѣчевой школы. Къ числу извѣстныхъ уже документальныхъ свидѣтельствъ о существованіи школы въ Сѣчи Запорожской присоединяемъ и слѣдующее.

Въ 1774 г. жители села Котовки [1], находившагося «во владѣніяхъ Войска Запорожскаго», въ Орельской паланкѣ, задумали построить церковь, выхлопотали «благословительную» грамоту кіевскаго митрополита (Гавріила Кременецкаго), собрали нужные матеріалы и приступили къ постройкѣ. Но для будущей церкви у нихъ не было священника, «которій бы какъ въ созиданіи реченного храма зрѣлѣйшій совѣтъ и порядокъ велъ, усердствуя къ скорѣйшему онаго состроенію, такъ би и в нужныхъ случаяхъ христіанскими требами ихъ вспомогалъ»; въ этой нуждѣ они обратились съ прось бой въ Кошъ Запорожскій, который вообще очень ревниво оберегалъ свое вѣковое «право подаванья» духовныхъ къ церквамъ, находящимся на территоріи «Вольностей войска Запорожскаго», и всегда требовалъ, чтобы прихожане представляли своего кандидата на его утвержденіе. Въ данномъ случаѣ такой кандидатъ нашелся въ самой Сѣчи: это былъ козакъ Кисляковскаго куреня Иванъ Андреевичъ Высота, какъ видно изъ послѣдующаго, довольно равнодушный къ воинскимъ подвигамъ, но за то «порядочно долгое время служившій *при войсковой запорожской школѣ*» и потому казавшійся всѣмъ вполнѣ подходящимъ кандидатомъ.

---

[1]) С. *Котовка* и нынѣ существуетъ въ Новомоск. у., Екатерин. губ., на р. Орели.

въ священство. Первоначальный выборъ его формально совершенъ былъ въ самой Котовкѣ, куда нарочито для этого прибылъ полковникъ Орельской паланки Цибодричъ съ полковой старшиной; здѣсь же прихожане заключили съ Высотою и договоръ о платѣ за совершеніе требъ и вообще относительно матеріальнаго обезпеченія своего будущаго «душ-пастыря». Кошевая старшина, отъ которой, кажется исходили инииціативы въ этомъ дѣлѣ, охотно утвердила данный выборъ, и тогдашній кошевой Петръ Кальнышевскій приказалъ выдать Высотѣ «презентальное» письмо къ кіевскому митрополиту съ просьбою о рукоположеніи его въ священники. Независимо отъ этого Высота долженъ былъ еще заручиться рекомендательнымъ доношеніемъ митрополиту со стороны Старо-Кодацкаго духовнаго правленія. Въ этомъ доношеніи намѣстникъ іерей Григорій Порохня и членъ правленія іерей Троицкой Самарчицкой церкви Яковъ Соколовскій удостовѣряли, что «по учиненномъ объ ономъ Высотѣ отъ духовнаго правленія справкѣ является, что оный Высота, съ малолѣтства своего в Войско Запорожское Низовое зашедши, проживалъ *при войсковой запорожской школѣ в числѣ протчіихъ церковниковъ* безъ и малѣйшаго подозрѣнія, а по уволненіи оттоль женился вольностей войсковихъ Запорожскихъ въ мѣстечкѣ Самарчику на девицѣ и первимъ бракомъ», имѣетъ законные для священства лѣта, «да и продоволствовать себе в томъ селѣ Котовкѣ, въ которомъ теперъ дворовъ 73 имѣется, промежду обывателей и запорожскихъ козаковъ безнужно можетъ».

Въ Кіевѣ въ «катедрѣ митрополитанской», Высота далъ о себѣ такое показаніе: «Родомъ онъ полку Миргородскаго мѣстечка Крылова, кое нынѣ состоитъ подъ Новороссійскою губерніею; отецъ его былъ въ томъ мѣстечкѣ козакомъ, имя ему Андрей, а прозваніе Таранъ. Находился онъ при ономъ отцѣ его до умертвія его, при которомъ мало изученъ и руской грамматы; а по умертвіи оного отлучился онъ в Сѣчь Запорожскую, гдѣ принятъ Кислякѣвскаго куреня козакомъ Иваномъ Головкомъ, которымъ отданъ онъ для обученія руской грамати и писать *въ Сѣчевую школу, въ коей находился съ восьмнадцать годъ*, при томъ упражняясь при церкви тамошней Сѣчевой Покровской въ чтеніи и пѣніи, а потомъ 1769 года опредѣленъ онъ отъ Коша къ походной войсковой Георгіевской церкви дьячкомъ, при коей находился по 1772 годъ, а от оной, по возвращеніи съ похода, того жъ года отъ Коша жъ опредѣленъ въ мѣстечко Самарчикъ къ троицкой церкви дьячкомъ же и при оной находился

чрезъ 1773-й годъ; 1774-го жъ года женился первымъ бракомъ на дочерѣ вдовы козачки самарчицкой Марьи Богдановой, дѣвкѣ, и въ ономъ же мѣстечкѣ понынѣ онъ жительство имѣетъ и состоитъ въ званіи козачьимъ. Долговъ и начетовъ казенныхъ и никакихъ за собою не имѣетъ, въ штрафахъ и наказаніяхъ ни въ какихъ не былъ; въ бытность же свою онъ, Высота, въ походѣ, при походной войсковой церкви, на сраженіи не былъ и потому никого не убилъ, лѣтъ ему отъ роду 32».

Послѣ всѣхъ этихъ справокъ и въ уваженіе къ ходатайству кошеваго атаманъ, Иванъ Высота въ маѣ 1775 г. былъ рукоположенъ во священники въ с. Котовку «на весь приходъ».

Изъ обстоятельствъ этого интереснаго дѣла [1]) мы узнаемъ нѣкоторыя подробности, характеризующія положеніе и внутренній бытъ Сѣчевой школы. Иванъ Высота, осиротѣвъ на 10-мъ году своей жизни, случайно попадаетъ въ Сѣчь, и усыновившій его козакъ опредѣляетъ его въ тамошнюю школу, гдѣ онъ пребываетъ въ теченіе *восемнадцати* лѣтъ, исполняя въ то же время причетническія обязанности при Сѣчевой церкви. Спрашивается, что дѣлалъ онъ въ школѣ въ теченіе столь продолжительнаго времени? Курсъ ученія въ ней былъ не великъ: учили здѣсь только грамотѣ, письму и церковному чтенію. Очевидно, это была школа совершенно того же типа, что и приходскія школы въ цѣлой тогдашней Малороссіи, и построена была на тѣхъ же артельныхъ началахъ: учащіеся, по мѣрѣ усвоенія ими школьной премудрости, сами становились учащимн и подъ руководствомъ главнаго мастера—«дидаскала» (онъ же и главный дьякъ мѣстной церкви) обучали меньшихъ, за что получали отъ нихъ особую плату. Такія лица именовались „выростками школьними" или „молодыками"; они жили въ школьномъ зданіи артельнымъ способомъ и получали отъ прихожанъ жизненные припасы и денежныя подаянія, но за это обязаны были „услуговать церкви Божіей на клиросѣ" и вмѣстѣ съ дьякомъ участвовать во всѣхъ церковныхъ службахъ. На такихъ условіяхъ желающіе могли оставаться въ школѣ, пока хотѣли; въ вѣдомости 1765 г. о приходскихъ школахъ г. Прилуки, въ спискѣ „молодыковъ и школьниковъ, при школѣ живущихъ", мы встрѣчаемъ почти половину

---

[1]) За любезное сообщеніе коего редакція приноситъ благодарность В. А. Бѣднову, имъ же оно отыскано въ архивѣ Екатеринославской духовной Консисторіи.

лицъ въ возрастѣ отъ 30 до 39 лѣтъ. Нашъ Ив. Высота тоже проживалъ въ Сѣчевой школѣ до 26-лѣтняго возраста. Конечно, кто хотѣлъ, могъ оставить школу во всякое время и заниматься другимъ ремесломъ или превратиться въ „мандрованаго дьяка“ и вмѣстѣ „бакаляра“; но большинство посвящало себя такой профессіи, къ какой школа лучше всего приготовляла—причетнической, какъ поступилъ и Ив. Высота. Судя по его примѣру, можно заключать, что Сѣчевая школа воспитывала готовый контингентъ церковниковъ для приходовъ, быстро заселявшихся въ то время обширныхъ „вольностей Войска Запорожскаго“, при чемъ сѣчевая старшина сама и заботилась о назначеніи ихъ на ту или другую дьячковскую или священническую должность. Это обстоятельство должно было значительно содѣйствовать росту сѣчевой школы, открывавшей широкую дорогу своимъ питомцамъ. Вѣдь въ то время въ Гетманщинѣ для занятія священническаго мѣста обязательно требовалось образованіе въ „латинскихъ школахъ“, а здѣсь, при содѣйствіи Коша, хорошему дьячку нетрудно было „выдряпаться“ въ іереи. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первоначальный контингентъ приходскаго духовенства Новороссійскаго края въ значительной части состоялъ именно изъ питомцевъ бывшей Сѣчевой школы.

О. Л.

Иванъ Чарнышъ и Михаилъ Милорадовичъ. Въ дополненіе къ помѣщенному нами въ Кіевской Старинѣ 1904 года (мартъ, апрѣль май) очерку дѣятельности генеральнаго судьи Ивана Чарныша, предлагаемъ найденный нами среди бумагъ А. М. Лазаревскаго (въ библіотекѣ университета св. Владиміра) документъ, служащій иллюстраціей къ тѣмъ событіямъ, которыми сопровождалось водвореніе Михаила Милорадовича въ Гадячѣ, послѣ того, какъ Чарнышъ былъ назначенъ генеральнымъ судьей. Свѣдѣнія, заключающіяся въ документѣ, относятся къ 1715 году и были собраны и оффиціально записаны на комышанскомъ сотенномъ урядѣ (гадяцкаго полка) тѣмъ самымъ сотникомъ Иваномъ Крупкою, который вскорѣ послѣ этого былъ смѣщенъ съ уряда Милорадовичемъ [1]). Мѣстечко Комышная принадлежала къ ранговымъ имѣніямъ гадяцкихъ полковниковъ, но Чарнышъ и послѣ своего

---

[1]) Кіев. Стар. 1904 г., апр., стр. 21.

назначенія генеральнымъ судьей, не хотѣлъ отказаться отъ владѣнія ею и тѣмъ вызвалъ крутыя и рѣшительныя мѣры со стороны Милорадовича, который, какъ это видно изъ документа, прислалъ сюда своего «рохмистра» съ двумя волохами для отобранія Комышной отъ Чарныша. Явившись въ Комышную, «рохмистръ» и его два помощника «казали» всѣхъ «граждан» комышанскихъ «избити», а затѣмъ заарестовали тѣ подводы, которыя были присланы отъ Чарныша «по пашню» и для возки дерева. Повидимому, въ моментъ появленія посланныхъ Милорадовичемъ въ Комышную, здѣсь происходили хозяйственныя работы по распоряженію Чарныша, несмотря на то, что это было глубокой осенью, а указъ о назначеніи Милорадовича въ Гадячъ состоялся еще 10-го іюля. Народъ, испытавшій на себѣ всю тяжесть державства Чарныша, льстилъ себя надеждой, что новый гадяцкій полковникъ будетъ для него болѣе легкимъ паномъ, и потому открыто выражалъ свою радость по поводу удаленія изъ Гадяча Чарныша. Вскорѣ, однако, жители комышанскіе и другіе поняли, что они попали лишь изъ огня да въ полымя, но въ ноябрѣ 1715 года, т. е. тогда, когда Милорадовичъ только еще вступалъ въ управленіе гадяцкимъ полкомъ, были случаи открытаго выраженія общаго довольства. Такъ Стефанъ Яценко, бывшій комышанскій сотникъ, и нѣкоторые другіе козаки, его „единомишленники", вовсе не негодовали на „рохмистра", а напротивъ, расхаживали среди комышанъ, „шаблю подъ полою державчи и кіи въ рукахъ носячи", и побуждали своихъ односельчанъ, чтобы тѣ Чарныша „зневажали", говоря слѣдующія слова: «Теперъ часъ маете, всякъ за свое говорѣте, а его (т. е. Чарныша) не бойтеся!" Самъ Яценко при этомъ не упустилъ случая ругнуть (не разъ, вѣроятно) Чарныша „матерними бридкими" словами, къ которымъ прибавилъ: и еслибы тутъ появился судія,—и въ очи не повстидився би его зневажити за свою жаль!" Не всѣ, однако, комышане были такъ храбры на словахъ, какъ Яценко, который, вѣроятно, былъ чѣмъ-то сильно обиженъ Чарнышемъ (весьма возможно, что тотъ его смѣстилъ съ сотничества и отдалъ этотъ урядъ Крупкѣ): многіе понимали, что Чарнышъ если и потерялъ полковничество, то не потерялъ своего положенія и силы, какъ генеральный судья и свойственникъ гетмана, и потому многіе изъ громады „отводили" Яценка, чтобы тотъ не безчестилъ Чарныша, но за это и сами себѣ „зневаги достали", а Яценко не унимался: „Я ему на всякомъ мѣстцу теперъ ровенъ; и що хвалится онъ мене въ Глуховъ отсилати, то впередъ

я его на шибиницѣ видѣтиму, и за сее не боюся; еще и предъ свѣтъ-великого государя чоломъ на его битиму, же мене на арматѣ держалъ невинне!"

Дѣло едва не дошло до междоусобной брани между „подводянами и гражданами" которые караулили первыхъ, не пуская ихъ никуда изъ „мѣсца", отчего тѣ даже терпѣли голодъ... Чарнышъ, узнавъ обо всемъ происходящемъ въ Комышной, счелъ за лучшее посовѣтовать своимъ бывшимъ подданнымъ, все оставивши, „здоровье свое хоронячи, уходити"...

Кромѣ дерзливыхъ словъ Яценка, комышанскій урядъ записалъ еще нѣкоторыя дѣйствія комышанъ, которыя такъ или иначе казались ему непозволительными по отношенію къ генеральному судьѣ. Козакъ Иванъ Зенкувскій, напримѣръ, допытывался у дворового десятника Олексы Баса, зазвавшы его во дворъ Яценковъ: откуда судейскіе „господари" брали дерево на строеніе, подозрѣвая, что оно взято у кого-либо насильно, и не смотря на то, что Олекса „праведно" сказалъ, что это дерево было куплено „за гроши", Зенкувскій „билъ его по щокахъ безъ милости", грозя и приказывая, чтобы тотъ сказалъ, что дерево „дарма въ лѣсахъ людскихъ рубано" и изъ него „двори, млини, комори и токи строено"... Семенъ Волошинъ, слуга Милорадовича, присланный послѣднимъ въ Комышную „на резидинцію", запрещалъ войту и подданнымъ ходить до двора Чарныша и отдавать ему послушенство, „приказуючи, аби его знали, а пана судіи больше не слухали"; кромѣ того, Волошинъ пересмотрѣлъ „на току" всѣ сборы, приставилъ къ нимъ четырехъ сторожей и отобралъ къ себѣ ключи; то же самое сдѣлано было имъ и въ Остаповкѣ; было все пересмотрѣно во „дворцѣ", отобраны ключи, всюду поставлены сторожа, дворнику не оставлено даже „йисти мало"; лошади, стоявшіе, „на станѣ", были прогнаны и велѣно сторожамъ не давать имъ сѣна...

Комышанскій урядъ и записалъ этотъ „зухвалній и бунтовничій поступокъ" комышанъ, которые „смѣли и важилися, честь его милости пана судіи енерального испражняючи, досаждати, ругати и уближати", при чемъ можно думать, что этотъ протоколъ былъ составленъ подъ давленіемъ на сотенный урядъ со стороны Чарнышевого урядника Ив. Ставицкого. Это видно изъ простодушнаго признанія писаря „на тотъ часъ" Комышанскаго, мѣстнаго іерея Дмитра Калиновича, который, выгораживая, очевидно, на всякій случай, свое участіе въ этомъ дѣлѣ,

прямо сознается, что списывалъ протоколъ съ черновика, даннаго ему Ставицкимъ, безъ бытности старшины, а самъ онъ, іерей, „тому же не свѣдомъ“.

Року тисяча сѣмъ сотъ пятогонадцятъ, ноеврия осмого дня.

На ратуши комишанской, пред нами: Іваномъ Крупкою—сотникомъ, Трохимомъ Гречанимъ—атаманомъ городовымъ, Федоромъ Дирдою—войтомъ, Дорошемъ Гриценкомъ--бурмистромъ, зухвалний бунтовничий поступокъ комишанъ, которие смѣли и важилися, честь его милости пана судии енералного іспражняючи, досаждати, ругати, уближати, которихъ рѣчи туть нижей описалисмо.

Присланний от пана полковника гадяцкого рохмистръ з двома волохи в Комишную казал всѣхъ граждавъ избити, и до двора пана судѣнного асаули громаду пригнавши, подводи всѣ і якие по пашню от пана судии присланни були, а на остатние деревнѣ било наложено,—заарештовали и держали цѣлие сутки, стерегучи всѣ городомъ; где и Стефанъ Яценко, бивший сотникъ комишанский, з единомишленниками своими Іваномъ Зенкувскимъ, Яковомъ Ковтуномъ, Грицкомъ Римаренкомъ, хорунжимъ сотникомъ Семеномъ Передерѣенкомъ, шаблю под полою држачи и кии в рукахъ носячи, народъ побужали, аби его милость пана судию зневажали, мовлячи: Теперъ час маете, всяк за свое говорѣте, а его не бойтеся!“ И самъ Яценко, матерно лаючи бридкими словами, мовилъ; „Еслиби тут появился судия—и в очи не повстидився би его зневажити за свою жаль!“ И любо нѣкоторие змежи громади отводили (его), аби не безчестилъ (судію),—и за тое еще себѣ зневаги достали: „Я ему на всякомъ мѣстцу ровенъ; а що хвалится онъ мене в Глуховъ отсилати, то впередъ я его на шибеницѣ видѣтиму,—и за сее не боюся; еще и пред свѣтъ великого государя чоломъ на его битиму, же мене на арматѣ держалъ невинне“. И тилко било пришлось до междуусобной брани подводянамъ з гражданами, же самихъ и бидло ихъ караулячи, понудили и поморили, не пускаючи из мѣстця нѣкуди; а когда дано вѣдати пану судии о томъ, тогда присланно, абы, все оставивши, здоровя свое хоронячи, уходили.

Іванъ Зенкувский десятника дворового Олексу Баса, зазвавши в дворъ Яценковъ, допитовался, вудки (откуда) деревню господарѣ судѣйские на строение бирали, который сказалъ, праведно, же за гроши

купованая; и за тое по щокахъ билъ безъ милости, грозячи и приказуючи ему, аби казалъ, что дармо в лѣсахъ людскихъ рубано и двори, млини, комори и токи строено.

Семенъ Волошинъ, слуга пана полковника гадяцкаго, присланний в Комишную на резидинцію, войтовѣ заказуетъ и грозитъ до двора пана судѣнного не ходити и подданнимъ не велитъ послушенства отдавати, приказуючи имъ, аби его знали, а пана судии болше уже не слухали; на току в Комишной всего збора пересмотрѣлъ и сторожу, человѣка чтирохъ, поставилъ и ключи поотбиралъ.

В Остаповцѣ также, до дворця зехавши, все перегляделъ и ключи поотбиралъ, дворникови и йисти и мало не оставилъ, сторожею всюди пообводилъ, конѣ, на станѣ стоячие, казалъ вонъ вигонити и сѣна не давати сторожамъ загрозилъ.

Мы теди вишеписанная старшина обявленний на ратуши кгвалтовний поступокъ и чинячиеся долегливости его милости пану судии енералному од его милости пана полковника гадяцкого велѣлисмо записати и печатю городовою закрепити. Року и дня вижей писанного.

(Печать).

Другимъ почеркомъ. Любо и писалемъ я сий протестъ, которихъ вижей речонихъ старшини і людей подписалемъ, однакъ я з мазаного папѣру в дворѣ комишанскомъ чрезъ Івана Ставицкого, слугу пана судии енералного, сие переписалемъ без битности старшини комишанской; а я тому не свѣдомъ.

Іерей Дмитро Калиновичъ, на тотъ часъ писаръ комишанский.

(Съ подлинника).

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

О базиліанахъ въ с. Маліовцахъ, подольской губ. Послѣ обращенія въ 1795 г. уніатской Крестовоздвиженской церкви и прихожанъ ея въ с. Маліовцахъ, ушицкаго уѣзда, подольской г., въ православіе, состоявшіе при этой церкви монахи базиліане остались безъ всякихъ обязанностей. „Поселившись,—какъ сказано въ дѣлѣ „о разныхъ злоупотребленіяхъ Базиліанскихъ монаховъ, водворившихся Ушицкаго повѣта въ селѣ Маліовцахъ“ [1]),—на жительство не далѣе

---

[1]) Архивъ Св. Синода. Дѣло 1810 г. № 4000 по каталогу Канцеляріи Об. Прокурора.

20 шаговъ отъ церкви, они производятъ въ келіяхъ своихъ богослуженіе по своему обряду, привлекаютъ къ слушанію онаго тамошнихъ жителей, разными ласкательствами стараются совратить паки въ унію, даже исправляютъ имъ требы; о прекращеніи каковыхъ злоупотребленій хотя неоднократно было заявлено тамошнему гражданскому правительству, но и за тѣмъ монахи сіи не воздерживаются отъ оныхъ". Дѣятельность монаховъ имѣла извѣстный успѣхъ среди мѣстныхъ крестьянъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Матвѣй Корчинскій и Василій Мартыновъ, перешли въ уніатство, а сынъ Михаила Мельника—Лука (30 лѣтъ), записался даже въ церковное базиліанское братство. Такъ продолжалось дѣло до 1810 года, когда, по докладу министра юстиціи, государь повелѣлъ проживающихъ въ с. Маліовцахъ монаховъ причислить къ другимъ монастырямъ ихъ исповѣданія.

В. Страшкевичъ.

„Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ" Въ августѣ минувшаго 1904 года мнѣ довелось посѣтить и ознакомиться съ нѣсколькими архивами, имѣющими значеніе для исторіи Малороссіи. Таковы архивы—Кіевской и Полтавской духовныхъ консисторій, Переяславскаго Вознесенского монастыря и др. Здѣсь мое вниманіе невольно остановилось на томъ поразительно небрежномъ отношеніи къ старымъ документамъ, какое мнѣ приходилось наблюдать. И прежде всего это нужно сказать объ архивѣ старыхъ дѣлъ при Кіев. дух. консисторіи. Во-первыхъ, попасть туда очень трудно. Имѣя оффиціальное разрѣшеніе заниматься въ этомъ архивѣ, я вынужденъ былъ пройти рядъ мытарствъ, прежде чѣмъ попалъ сюда.

Въ консисторіи мнѣ сказали: «Этотъ архивъ не нашъ, обратитесь въ духовную академію, къ проф. Н. И. Петрову». Въ академіи сказали: «мы тутъ не при чемъ, архивъ не нашъ, а консисторскій». Только путемъ одного личнаго знакомства мнѣ удалось получить ключъ отъ этого архива.—Архивъ отпертъ, но двери въ него нѣтъ; чтобы попасть сюда, нужно при помощи стула взобраться въ небольшое отверстіе, разсчитанное на самоотверженіе рискнувшаго попасть въ архивъ. Кое-какъ ползкомъ попадаете вы сюда. Темно и грязно въ этомъ помѣщеніи—чердакѣ. Дѣла въ полномъ безпорядкѣ, нѣкоторыя подгнили. Нѣтъ описи дѣлъ, нѣтъ никакой системы въ подборѣ дѣлъ въ связки. Комнаты для занятій не существуетъ; хотите заниматься—

сидите въ этомъ грязномъ, темномъ чердакѣ. Если вы проведете здѣсь нѣсколько дней, потомъ будете вспоминать объ этомъ времени съ ужасомъ (какъ о томъ меня и предупреждалъ одинъ кіевскій ученый). Между тѣмъ въ этомъ архивѣ еще и теперь сохранилось немало цѣнныхъ дѣлъ, преимущественно за 18 вѣкъ (есть и за 17), изъ старой Кіевской и Переяславской консисторій.

Къ сожалѣнію, многое уже растащено (о чемъ мнѣ заявляли въ Кіев. дух. академіи), такъ какъ надзора за этимъ архивомъ никакого не существуетъ.

Затѣмъ, укажу еще небольшой архивъ, хранящійся на колокольнѣ Кіево-Софійскаго собора [1]). Находится онъ въ помѣщеніи чрезвычайно неудобномъ. Дѣлъ въ немъ немного, но еслибы его тщательно осмотрѣть, можетъ быть тутъ и нашлось-бы кое-что интересное.

Спрашивалъ я въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ объ архивѣ. Здѣшніе монахи рѣшительно и съ неудовольствіемъ заявляли: «Нѣтъ у насъ никакого архива. Есть библіотека, туда пожалуйте». Между тѣмъ, кромѣ всѣмъ извѣстной библіотеки Михайловскаго монастыря, имѣющей много рукописей, должны быть здѣсь (если они старательно не уничтожаются монахами) цѣнныя архивныя данныя изъ исторіи этого монастыря. Куда они дѣвались?

Изъ Кіева поѣхалъ я въ Полтаву, чтобы позаниматься въ архивѣ здѣшней дух. консисторіи. «Архивъ консисторіи въ хорошемъ состояніи»—говорило мнѣ одно значительное лицо, которому подчиненъ архивъ. Но оно ошиблось. Правда, помѣщеніе архива далеко не такое, какъ въ отдѣленіи старыхъ дѣлъ архива Кіев. дух. консисторіи, но дѣла не въ лучшемъ порядкѣ. Описи дѣлъ искали и секретарь консисторіи, и архиваріусъ, но не нашли.

Дѣла въ связкахъ (я имѣю въ виду дѣла 18 в. и начала 19) соединены безъ всякой системы. Вообще отыскать что-нибудь въ этомъ архивѣ крайне трудно. «Насъ собственно интересуютъ дѣла за послѣдніе 70 лѣтъ, а остальныя намъ только въ тягость»—сказали мнѣ тутъ. Въ этомъ архивѣ сохранились нѣкоторыя интересныя дѣла за 18 ст., но, кажется, въ послѣднее время, къ сожалѣнію, изъ этого архива исчезло нѣсколько старыхъ дѣлъ.

---

[1]) Этотъ архивъ нужно отличать отъ извѣстной своими рукописями библіотеки Кіево-Соф. собора.

Заглянулъ я и въ Переяславъ. При Вознесенскомъ монастырѣ, при которомъ была каѳедра епископовъ полтавско-переяславской епархіи въ 18 и отчасти въ 19 в.в., хранилась масса цѣннѣйшихъ дѣлъ. Но теперь уцѣлѣло весьма немного. Остальное растащено—не столько «учеными» (какъ въ архивѣ Кіев. дух. консисторіи), сколько безграмотными монахами, разрушительная дѣятельность (говоря вообще) которыхъ по отношенію къ архивнымъ документамъ давно извѣстна (припомните, напримѣръ, случай изъ жизни знаменитаго митроп. кіевскаго Евгенія Болховитинова († 1837 г.), случайно натолкнувшагося на возы съ старыми рукописями, предназначавшимися невѣжественными монахами одного монастыря къ потопленію въ проруби).

Недавно назначенный настоятелемъ переясл. Вознес. монастыря архимандритъ Геннадій собралъ остатки нѣкогда большого архива и образовалъ изъ нихъ небольшой архивъ. Въ этомъ архивѣ все-же можно находить кое-что цѣнное. Къ сожалѣнію, въ порядокъ онъ не приведенъ, и въ связки рукописи соединены неудачно.

Въ переясл. Покровской церкви поинтересовался я и архивами старыхъ переяславскихъ церквей. Осталось весьма мало архивнаго матеріала. Настоятель Михайловской церкви сказалъ, что въ этой церкви архива почти не существуетъ. Архивъ переясл. Успенской церкви оказался запертымъ гдѣ-то въ сараѣ, ключа отъ котораго я, къ сожалѣнію, никакъ достать не могъ...

Говоря объ этихъ моихъ «архивныхъ» скитаніяхъ, я хотѣлъ-бы обратить вниманіе лицъ, интересующихся исторіей Малороссіи, на эти архивы. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы нашлись люди и средства для того, чтобы осмотрѣть эти и другіе архивы малороссійскіе, выбрать изъ нихъ болѣе цѣнное въ историческомъ отношеніи и образовать нѣчто въ родѣ *«центральнаго малороссійскаго архива»*. Если бы кто-нибудь откликнулся на эту мою мысль, нужно было-бы *поспѣшить* съ этимъ дѣломъ, потому что каждый годъ промедленія приноситъ уменьшеніе архивныхъ матеріаловъ. За послѣднія 20 лѣтъ, напримѣръ, погибло чуть-ли не $^9/_{10}$ архива переяславскаго Вознесенскаго монастыря и врядъ-ли менѣе половины архива старыхъ дѣлъ Кіевской дух. консисторіи.

Очевидно, спѣшить нужно.

Вл. П—ко.

Письмо В. М. Бѣлозерскаго къ Т. Г. Шевченку. Посписаю до Васъ, дорогій намъ Кобзарю, Тарасе Грыгоровычу, зъ вистокою: сёгодни ранкомъ, въ $1/2$ 4-й годыны, давъ намъ Богъ сына. Маемо надію, що вы не одмовытесь зъ намы покуматься [1];—благословить же малого козака на вырисать и на розумъ, и накажить матери ёго спивать оттакого котка: (чы знаете?)

„По-надъ моремъ Дунаемъ
Витеръ яворъ хытае;
Маты сына пытае:
—„Ой сыну мій, Иване,
Дытя мое кохане!
А чы тебе оженыть,
Чы у військо урядыть?
Якъ я тебе родыла,
Тяжко-важко нудыла;
Якъ я тебе колыхала,
Усю ниченьку не спала;
Якъ я тебе зростыла,
Сама себе звеселыла;
Якъ я тебе оженю,
Всю родыну звеселю;
Якъ я тебе въ військо 'ддамъ,
Соби жалю я завдамъ!"—
„Маты жъ моя ридная,
Порадонько вирная!
Исправъ мени тры трубы,
Да й уси тры мидяны,
А четвертую трубу
Исправъ мени золоту!
У въ одну трубу заграю,
Якъ коныка сидлаю;
А въ другую заграю—
На коныка сидаю;
А въ третюю заграю—

---

[1]) Жинка моя перва захотила, щобъ вы, а не хто иншый, булы хрещенымъ батькомъ.

Съ твого двора зйизжаю,
А въ четверту затрублю
Середъ війська стоючы
И шабельку держучы,
Щобъ зачула матуся
До утренни идучы,
Якъ голубка гудучы"!
—„Ой сыну жъ мій, Иване,
Дытя мое кохане!
Ой колы бъ же я зозуля,
Я бъ до тебе полынула!"—
„Якъ бы, маты, я сокилъ,
Я бъ до тебе прылетивъ!"
—„Росты жъ, сынку въ забаву,
Козачеству на славу,
Вороженькамъ въ росправу! [1])—

Правда, що Вы мени подякуете, що я Вамъ нагадавъ такого чудесного котка?

Чы не зайшлы бъ Вы *сёгодни* у вечери до мене: есть де-що Вамъ показать и запытать Вашои рады. Вси отси дни не ладылось, щобъ до Васъ зайты. Въ суботу Вы не заглянулы ни до мене, ни до кумы, а вчора зновъ я не бувъ у Варвары Яковлевны.

Вашъ до вику Васыль Б.

Николай Андреевичъ Вербицкій-Антіоховъ (*къ 35-лѣтію писательской дѣятельности*). Въ журналѣ „Псовая и ружейная охота" (ноябрь, 1904 г.) помѣщены И. Г. Рашевскимъ разсказанныя ему Н. А. Вербицкимъ воспоминанія. Появленіе этихъ весьма интересныхъ разсказовъ не менѣе интереснаго автора на страницахъ спеціальнаго журнала можетъ быть объяснено только постояннымъ сотрудничествомъ автора въ этомъ журналѣ, у котораго теперь—по его собственнымъ словамъ—„отъ прежней жажды дѣятельности, отъ страстныхъ увлеченій ничего не осталось; осталась только охота, бывшая съ девятилѣтняго возраста моей вѣрной и неизмѣнной спутницей". Между тѣмъ воспоминанія эти настолько любопытны и настолько касаются родного намъ

[1]) По свидѣтельству покойнаго А. М. Лазаревскаго, это была одна изъ любимыхъ пѣсенъ Т. Г. Шевченка.

края, что считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателей „Кіевской Старины".

Н. А. Вербицкій родился 1 февраля 1843 г. въ Черниговѣ; отецъ его, старшій секретарь губернскаго правленія, тщательно заботился о воспитаніи сына и «при помощи ременной трехвостки» внушалъ ему правила нравственности. Въ гимназію ребенка отдали 9 лѣтъ; здѣсь онъ шелъ первымъ и вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ былъ назначенъ старшимъ въ классѣ, т. е. имѣлъ право носить мундиръ съ офицерскими погонами, а обязанности его состояли въ томъ, что онъ долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ въ классѣ, записывать на доскѣ шумѣвшихъ товарищей и представлять на благоусмотрѣніе начальства классный журналъ. Званія этого Вербицкій лишился во 2 кл. за то, что по дружбѣ къ товарищу передѣлалъ въ классномъ журналѣ единицу на 4; за это его «пребольно» высѣкли, сорвали офицерскіе погоны и засадили на послѣднюю скамейку. Возстановленъ былъ въ правахъ старшаго и получилъ погоны Вербицкій только въ 7 классѣ.

Въ университетъ св. Владиміра онъ поступилъ 16 лѣтъ и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на жрецовъ науки, излагающихъ, какъ то дѣлалъ проф. Делленъ, римскую литературу и древности на латинскомъ яз.; то восторгался до обожанія громкими и красивыми фразами проф. Селина, то съ недоумѣніемъ, доходящимъ до головной боли, старался вникнуть въ непроглядную тьму философіи проф. Гогоцкаго. Но скоро юноша убѣдился, что профессора только «пугаютъ» своею ученостью. Когда онъ слушалъ лекцію проф. Ставровскаго о великомъ переселеніи народовъ, гдѣ изъяснялось, что «гуны были, такъ сказать, народъ свирѣпый и ѣли, изволите видѣть, сырое мясо; они клали его на спину лошади, садились, такъ сказать, на него верхомъ, и мясо, сдавленное, такъ сказать, сжатое, изволите видѣть, стиснутое подъ ляжками, подъ бедрами, такъ сказать, подъ гунскими, получало особый вкусъ»; или же уразумѣвалъ, какъ проф. Гогоцкій, приставивъ перстъ ко лбу, изъяснялъ: «ничто есть ничто, но оно перестаетъ быть таковымъ потолику, поколику мы будемъ подниматься на высоты отвлеченія»,—то рѣшилъ себѣ: «нѣтъ, братъ, шалишь не надуешь». Такъ какъ матеріальное положеніе автора воспоминаній было весьма горькое (онъ жилъ на Назарьевскомъ проулкѣ, платя $1^1/_2$ руб. въ мѣсяцъ за подвалъ, мебель котораго составляли столъ и сломаный стулъ, и питался пятикопѣечной булкой изъ муки втораго

сорта; да кромѣ того стѣна въ его подвалѣ завалилась и онъ въ мартѣ мѣсяцѣ остался голодный и безъ пріюта), то, получивши отъ своихъ гимназическихъ товарищей изъ Петербурга нѣсколько писемъ, что «въ Питерѣ университетъ прелесть и работы можно достать, сколько угодно»—онъ рѣшилъ ѣхать туда. Появленіе его въ Петербургѣ совпало съ волненіями въ тамошнемъ университетѣ, который закрыли, а молодежь разослали. Впрочемъ, въ Петербургѣ Н. А. имѣлъ маленькій заработокъ въ «Основѣ», которая скоро скончалась «отъ недостатка питанія». Н. А. снова возвратился въ Кіевъ, гдѣ и прожилъ 3 года въ качествѣ „вольнопрактикующагося молодого человѣка", потому что ему не дозволялось поступить въ университетъ, и только въ концѣ 3-го года ему дозволено было держать кандидатскій экзаменъ. Изъ экзаменаціонной эпохи интересенъ разсказъ объ экзаменѣ по греч. яз. у проф. Нейкирха. Выучивши наканунѣ экзамена при помощи товарища-классика одну главу изъ „Киропедіи", умѣя читать по-гречески, склонять членъ и зная одну фразу изъ греческой хрестоматіи, которая въ переводѣ значила „пьянство есть малое бѣшенство", авторъ предсталъ передъ профессоромъ. Нейкирхъ пожевалъ губами.—Берите билетъ!

— Господинъ профессоръ, я безъ билета.—Нейкирхъ пожевалъ губами вторично.

— Ну, что вы такое знаете?

— Ксенофонта переводить могу.

— А?! Ну, всего Ксенофонта?

— Нѣтъ, одну главу изъ „Киропедіи". Профессоръ заставилъ перевести нѣсколько строкъ.

— Вы и посрединѣ знаете.

— И посрединѣ. Онъ заставилъ перевести нѣсколько строкъ въ срединѣ главы.

— Вы и въ концѣ знаете?

— И въ концѣ. Конецъ главы переведенъ благополучно.

— Что вы еще знаете?

— Десять стиховъ изъ Одиссеи.—Пришлось перевести Одиссею.

— А что вы еще знаете?

— Членъ склонять умѣю.

— Просклоняйте.—Просклонялъ.

— А еще что знаете?

— Больше ничего, профессоръ.

— Можетъ вы спрягать умѣете?

— Не знаю.

— Ну, какъ-нибудь, можетъ какъ-нибудь?

— И какъ-нибудь не знаю.

— Ну, можетъ, склоните мнѣ аористъ отъ τύπτω?

— Не знаю, г-нъ профессоръ.

— Ну, какъ-нибудь, попробуйте. Я попробовалъ. Нейкирхъ заткнулъ уши.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это совсѣмъ не то, это совсѣмъ не по-гречески. Я вижу, вы не умѣете.

— Не умѣю.

— Да, да. Жаль, очень жаль; но все-таки, я вижу, вы трудились; но я не могу вамъ три поставить, а только 2.

Такой результатъ былъ большою радостью для экзаменующагося, потому что Нейкирхъ ставилъ на экзаменѣ ноли, половины; для полученія диплома достаточно было единицы.

Интересны и служебныя мытарства Н. А. По окончаніи университета онъ былъ назначенъ въ 1865 г. въ Полтаву, гдѣ сразу же завоевалъ симпатіи гимназистовъ и гимназистокъ и гдѣ, по его словамъ, блаженствовалъ на подобіе птицы, „весело ходившей по тропинкѣ бѣдствій". Первое бѣдствіе произошло въ женской гимназіи, гдѣ начальница грубо оскорбила одну выпускную ученицу, опоздавшую на уроки, приказавъ швейцару вытолкать ее на улицу. Швейцаръ буквально исполнилъ распоряженіе начальства: онъ далъ въ шею бѣдной дѣвушкѣ, вытолкалъ ее на улицу и заперъ за нею дверь. Подруги оскорбленной ученицы поголовно всѣ „подали въ отставку". Дѣло, впрочемъ, окончилось благополучно: педагогическій совѣтъ опредѣлилъ начальницѣ извиниться передъ обиженною, а дѣвицы снова всѣ были приняты въ гимназію. Но начальница не пожелала извиняться и подала въ отставку; а это была дама съ вліяніемъ. Н. А. же признается, что въ этомъ дѣлѣ „была и его капля меду".

Въ это же время при Полтавской гимназіи былъ упраздненъ благородный пансіонъ и назначена была ревизіонная коммиссія для провѣрки оставшагося имущества. Коммиссія нашла въ исправности негодные матрацы, изорванныя простыни, наволоки, дряхлые сапоги и пр., но серебряныхъ ложекъ не оказалось. Обвинили въ ихъ исчезновеніи переведеннаго въ Варшаву инспектора и положили передать

дѣло волѣ окружнаго начальства. Директоръ же послѣ благополучной ревизіи, задалъ хорошій ужинъ, гдѣ Н. Ан. „по неумѣстной любознательности“ открылъ на ложкахъ штемпель П. Б. П., о чемъ и „сообщилъ гласно“. Теперь его обвинили въ злокозненности, въ развращающемъ вліяніи на учениковъ и перевели для пользы службы въ Черниговъ (1866 г.).

Въ Черниговѣ Н. А. прожилъ 9 лѣтъ; сначала онъ держалъ себя тише воды, ниже травы; но потомъ «молодая энергія не осталась въ бездѣйствіи: онъ съ товарищами велъ непрестанную войну съ директоромъ Кустовымъ, «желавшимъ управлять педагогическимъ совѣтомъ на подобіе турецкаго султана»; въ качествѣ гласнаго городской управы онъ побѣдоносно боролся съ городскимъ головою и управою; редактируя земскій сборникъ, онъ «обрабатываетъ» старую управу за нелѣпую постройку дома умалишенныхъ; но особенно огорчали многихъ его фельетоны въ «Кіев. Телеграфѣ» и «Недѣлѣ». Вербицкій былъ въ зенитѣ своей популярности, но и Кустовъ не дремалъ. Въ 1873 г. Черниговъ посѣтилъ министръ нар. просвѣщ. гр. Толстой и нѣсколько разъ былъ на урокахъ Н. А., чтобы найти предлогъ къ его изгнанію; но уроки не только словесности, но и латинскаго яз., какой преподавалъ Вербицкій, были блестящи. На торжественномъ обѣдѣ министру одинъ изъ земцевъ, когда зашла рѣчь о гимназіи и Вербицкомъ въ частности, сказалъ, что слѣдуетъ поощрять способныхъ преподавателей и что награды особенно заслуживаетъ Вербицкій.

— Награды?!—возразилъ Толстой: пусть будетъ доволенъ тѣмъ, что я его не выгоняю.

Послѣ благополучной ревизіи положеніе Н. А. не только не улучшилось, а стало скоро исключительнымъ: въ Мглинскомъ и Суражскомъ уѣздахъ случился голодъ, а за нимъ и волненія, потребовавшія административныхъ мѣропріятій. Было въ это время перехвачено письмо какой-то дамы, въ которомъ говорилось объ участіи Вербицкаго въ возмущеніи крестьянъ с. Любещанъ. Возникло цѣлое дѣло, и на Вербицкаго посыпались обвиненія въ украинофильствѣ, въ подговорѣ крестьянъ къ бунту. Въ Черниговъ пріѣхалъ попечитель Антоновичъ и потребовалъ виновника.

— Что вы натворили?

— Ничего предосудительнаго не дѣлалъ.

— Охота была вамъ съ бабою связываться. Теперь вотъ и раздѣлывайтесь: она васъ подвела.

— Да ни съ какой бабой я не связывался.

— И не связывайтесь. Эти бабы хуже отравы. Что же вы теперь намѣрены дѣлать?

— Я, ваше превосходительство, самъ понимаю, что теперь мнѣ въ гимназіи не мѣсто: прійдется искать другой дѣятельности.

— Ну, нѣтъ, это не резонъ: ваше мѣсто именно въ гимназіи, только не здѣсь. Я вамъ это устрою.

Результатомъ этого свиданія была бумага изъ министерства о переводѣ Н. А. для пользы службы въ Рязань; но въ этой же бумагѣ было прибавлено, что «если онъ не пожелаетъ воспользоваться предоставляемымъ ему мѣстомъ, то будетъ отправленъ въ Рязань вообще».

Если отъѣздъ Н. А. изъ Полтавы сопровождался оваціями цѣлой толпы юношей, стоявшихъ у его квартиры, проводомъ на почтовыхъ лошадяхъ до первой станціи, безконечными объятіями и цѣлованіемъ,—то выѣздъ его изъ Чернигова былъ еще болѣе грандіозенъ. Правда, гимназистовъ не пустили проводить любимаго наставника, но за то несмѣтная толпа наполнила площадь передъ конторою дилижансовъ; тутъ были земцы, городскіе гласные и особенно много бѣдныхъ еврейчиковъ, считавшихъ его своимъ благодѣтелемъ. «А я, говоритъ Н. А., сидѣлъ въ дилижансѣ, уткнувшись въ спинку носомъ, и сердце мое разрывалось отъ боли».

Не сладка была жизнь его въ Рязани, а съ 1886 года и въ Орлѣ, гдѣ онъ прожилъ до 1900 г., когда былъ уволенъ по прошенію «по причинѣ тяжкой и неизлѣчимой болѣзни».

Передавая содержаніе воспоминаній Н. А. Антіохова-Вербицкаго, относящіяся къ его жизни въ Кіевѣ, Черниговѣ и Полтавѣ, мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что отличаются онѣ необычайною краткостію, особенно же времена студенческой жизни почтеннаго автора. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что Н. А. принималъ весьма живое участіе въ веденіи воскресныхъ школъ того времени, а также—обладая перомъ и карандашомъ—онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ рукописнаго сатирическаго журнала «Помыйныця». Очень желательно бы было видѣть въ печати его воспоминанія и объ этихъ временахъ.

Муж. пансіонъ Гедуэна въ Кіевѣ. 21 сент. 1840 г. попечитель спрашивалъ Бибикова, признаетъ ли онъ съ своей стороны по-

лезнымъ открытіе въ Кіевѣ учителемъ Гедуэномъ частнаго мужскаго пансіона по приложенной программѣ.—Отвѣта долго не было. 1 сент. 1841 г. послѣдовалъ вторичный запросъ.

23 сент. 1841 г. послѣдовалъ отвѣтъ Бибикова князю Давыдову:

„Не нахожу препятствій къ дозволенію учителю кіев. 1-й гимназіи Петру Гедуэну открыть въ Кіевѣ частный муж. пансіонъ, на степени уѣздныхъ дворянскихъ училищъ, если г. Гедуэнъ не воспитывался въ Кременцѣ или не былъ тамъ учителемъ, если онъ извѣстенъ В. С-ству, какъ человѣкъ благонадежный, и направленіе, которое пансіонъ его возымѣетъ, будетъ совершенно согласно съ тѣмъ направленіемъ, которое правительство старается дать воспитанію здѣшняго юношества.

Программа частнаго мужскаго пансіона.

„Соглашаясь на предложенія многихъ почетныхъ особъ и родителей, имѣющихъ ко мнѣ довѣренность и желающихъ помѣстить у меня дѣтей своихъ для первоначальнаго воспитанія, я намѣреваюсь открыть частный пансіонъ по слѣдующей программѣ:

1) Цѣль сего заведенія есть первоначальное образованіе дѣтей соотвѣтственно 1-му, 2-му и 3-му классу гимназіи.

2) Предметы ученія будутъ: Зак. Божій, языки: Русскій, Латинскій, Франц. и Нѣмецкій, Ариѳметика, Географія, начало Геометріи и Алгебры, Исторія, Чистоп. и Рисованіе, а по желанію родителей—музыка и танцы. Воспитанники будутъ въ разговорахъ употреблять Франц. и Нѣм. языки, дабы заблаговременно могли пріобрѣсти хорошее произношеніе и свойственные симъ языкамъ обороты.

3) Преподавателями учебныхъ предметовъ будутъ учители, имѣющіе на сіе право и позволеніе отъ училищнаго начальства.

4) Наибольшее число учениковъ предполагается до 20 ч.

5) Пансіонъ будетъ помѣщенъ въ удобномъ къ сему домѣ полковника Брозина, въ Липкахъ.

6) Пища для дѣтей будетъ приготовляема изъ свѣжихъ припасовъ и въ достаточномъ количествѣ. Въ 7 часовъ утра чай со сливками и бѣлый хлѣбъ, въ 12 часовъ обѣдъ изъ супу и трехъ кушаньевъ; въ 5 часовъ пополудни чай со сливками и бѣлый хлѣбъ, въ 8 часовъ вечера ужинъ изъ 2-хъ кушаньевъ. Воспитанники будутъ вставать поутру въ 6 часовъ, а ложиться въ 9 часовъ вечера.

7) Комнаты для помѣщенія учениковъ будутъ надлежащимъ образомъ отапливаемы и освѣщаемы, надлежащая прислуга и мытье бѣлья для иногородныхъ будутъ на счетъ содержателя; если же родители пожелаютъ давать служителей для своихъ дѣтей отъ себя, то на сей счетъ долженъ быть особый договоръ.

8) Плата въ годъ назначается за каждаго ученика по 300 р. сер., за исключеніемъ уроковъ искусствъ. За уроки музыки и танцованія, по желанію родителей, платится сверхъ того 150 р. сер. Кромѣ сего, каждый ученикъ долженъ имѣть собственныя: одежду, обувь, бѣлье, кровать, книги, бумагу, перья и карандаши, также серебряную ложку, ножъ, вилку и шесть салфетокъ. Сей столовый приборъ, равно какъ и кровать, по удаленіи ученика изъ пансіона, должны остаться въ пользу содержателя.

9) Для больныхъ будетъ особая комната; ихъ посѣщать будетъ г. докторъ Бржезинскій. Издержки на пользованіе больного воспитанника должны быть содержателю возвращены родителями.

10) Надзоръ за поведеніемъ, прилежаніемъ, порядкомъ и исправностію воспитанниковъ ввѣренъ будетъ домашнему надзирателю, извѣстному по своему хорошему поведенію и рачительности какъ мнѣ самому, такъ и училищному начальству, который безотлучно будетъ находиться при дѣтяхъ. Сверхъ сего я самъ, какъ содержатель, принимающій на себя отвѣтственность во всемъ, что касается какъ нравственнаго, такъ и умственнаго образованія воспитанниковъ, поставляю себѣ священнымъ долгомъ неусыпное усердіе и попеченіе о ввѣренныхъ мнѣ воспитанникахъ, дабы, сообразуясь совершенно съ цѣлію просвѣщенія, удовлетворить въ полной мѣрѣ желанію и довѣрію ко мнѣ какъ родителей, такъ и училищнаго начальства. Учитель фр. языка *П. Гедуэнъ.*

Музей имени Котляревскаго въ Полтавѣ. Г. Сердюкомъ въ „Полтавщинѣ" (№ 27, „Къ вопросу о Полтавскихъ музеяхъ") вновь поднятъ вопросъ о музеѣ имени Котляревскаго. Упомянувъ о чисто формальномъ отношеніи къ этому вопросу городского управленія, авторъ замѣтки предлагаетъ слѣдующую программу устройства этого музея:

„I. Коллекція вещей, связанныхъ съ памятью о поэтѣ: а) портреты, картины, утварь, одежда и вообще предметы обихода, б) вѣнки,

адреса и папки, полученныя городской управой въ дни открытія памятника.

II. Собраніе изданій сочиненій И. П. Котляревскаго, вышедшихъ до сихъ поръ, а также: а) рукописи, б) письма, в) списки и т. п.

III. Общая малорусская научно-литературная библіотека.

Помимо того, что полтавцы *обязаны* докончить чествованіе памяти знаменитаго земляка и гражданина своего, они должны попутно придти къ убѣжденію о разрѣшеніи другой близкой къ этому задачи—созданія музея школьныхъ пособій съ отдѣломъ подвижного музея для другихъ своихъ школъ; тѣмъ болѣе, что была мысль—проектируемый музей соединить въ одномъ зданіи со школой имени И. П. Котляревскаго. Музеи школьныхъ пособій существуютъ и даже процвѣтаютъ въ другихъ городахъ по инициативѣ земствъ, у насъ же ихъ пока совсѣмъ нѣтъ, и это, какъ разъ, должно бы побудить городскую управу совмѣстно съ училищной комиссіей стать піонерами этого дѣла для Полтавщины. Совмѣщая оба названные музея, къ вышепреведенной программѣ можно было-бы добавить еще слѣдующіе два отдѣла:

IV. Школьно-историческій, содержащій коллекцію, характеризующую старинную украинскую школу и дѣятельность „мандрованыхъ" дьяковъ и

V. Собраніе современныхъ школьныхъ пособій съ подвижными коллекціями.

При такой постановкѣ программы музей представилъ-бы законченное цѣлое и не былъ бы случайнымъ безпочвеннымъ явленіемъ".

Извѣщеніе редакціи. На образованіе капитала имени И. С. Левицкаго, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа прислано намъ 1) видъ украинськыхъ пысьменныкивъ—26 руб.; 2) видъ выдавныцтва „Викъ"—10 р.,—всего 36 р., что вмѣстѣ съ прежними 34 р. 86 к. (См. № 1-й) составитъ *70 р. 86 к.*

Текущія извѣстія.

Земельный и земскій вопросъ на Украинѣ. Останавливаясь на вопросахъ коренной реформы крестьянскаго быта, г. Л. П. („Правовая основа землевладѣнія сельскихъ сословій въ Малороссіи, въ „Полтавщинѣ“, № 24) справедливо указываетъ на необходимость примѣняться къ правовымъ исторически сложившимся воззрѣніямъ украинскаго населенія. „Проведенные въ названный районъ путемъ государственной регламентаціи общинные (мірскіе) порядки (по типу великорусской общины) не только не привились на югѣ Россіи, не только усложнили здѣсь поземельныя отношенія крестьянъ, но и въ значительной мѣрѣ способствовали перепутанности этихъ отношеній. Предпринятая и осуществляемая въ теченіе полувѣка попытка провести въ жизнь населенія земельно-правовыя нормы, построенныя на чуждыхъ для населенія принципіальныхъ основаніяхъ, при отсутствіи соотвѣтствующихъ понятій въ міровоззрѣнія коренного южно-русскаго населенія, такая попытка не могла способствовать упорядоченію взаимоотношеній населенія въ земельномъ дѣлѣ. Такъ называемое *подворно-участковое* землевладѣніе крестьянъ, при отсутствіи въ міросозерцаніи южно-русскаго населенія понятій о великорусскомъ „*дворѣ*“, представляетъ собою почти сплошную путаницу земельныхъ отношеній. И такое положеніе вещей неизбѣжно, такъ какъ существующія въ населеніи понятія, его собственныя правовыя воззрѣнія не могли не видоизмѣнять несоотвѣтствующихъ его бытовому укладу нормъ писаннаго закона. Жизнь не укладывалась въ установленныя нормы: надѣльныя земли шли въ раздѣлъ между наслѣдниками, наслѣдовались дочерями, передавались „пріймакамъ“, очень часто отчуждались частями и полными надѣлами,—словомъ шла мобилизація надѣльныхъ земель, вовсе недопускаемая правопорядкомъ общиннаго землевладѣнія, по которому права земельныя принадлежатъ міру и затѣмъ представителямъ (большакамъ) отдѣльныхъ, до слитности сплоченныхъ дворовъ; личныя права на землю, право личности, хотя бы представляющей и отдѣльное семейство, вовсе не признается общиннымъ правопорядкомъ... Нельзя не признать, заключаетъ авторъ—того, что такія нормы не могутъ быть единообразными въ сѣверныхъ и южныхъ областяхъ Россіи, выработавшихъ рѣзко различныя формы землевладѣнія сельскихъ

сословій въ зависимости отъ совершенно особой природы сѣвера и юга, особаго историческаго процесса, пройденнаго въ областяхъ лѣсовъ и степей и въ зависимости отъ особаго народнаго быта, сложившагося въ рѣзко различной по своей природѣ и исторіи обстановкѣ".

Въ то время, какъ въ области земельныхъ отношеній, проведено вредное начало приведенія къ одному знаменателю, въ другихъ областяхъ господствуетъ не менѣе вредное выдѣленіе украинскаго народа и подчиненіе его исключительнымъ нормамъ.

Съ фактами въ рукахъ „Волынь", напр., жалуется на недочеты введеннаго въ Юго-Западномъ краѣ „туберкулезнаго" земства и доказываетъ необходимость замѣны его земствомъ настоящимъ. Масса населенія нашего края—говоритъ газета--малороссы. До сихъ поръ только малороссійскій языкъ въ опалѣ,—въ опалѣ до того, что на-дняхъ еще Святѣйшій Синодъ не разрѣшилъ продажу въ Россіи библіи на малороссійскомъ языкѣ; малороссы же въ своихъ правахъ сравнены съ великоросами. Въ губерніяхъ, чисто малороссійскихъ, т. е. такихъ, гдѣ нѣтъ помѣстнаго польскаго дворянства, малороссы давно уже пользуются благами полнаго земства. Здѣшніе же малороссы, благодаря тому, что большинство помѣстнаго дворянства--поляки, лишены земства, и лишеніе это сильно отражается на всѣхъ сторонахъ жизни малороссовъ нашего края. Школъ мало, и онѣ плохи, медицинская помощь народу поставлена слабо, никто не заботится о поднятіи крестьянскаго земледѣлія, объ улучшеніи рабочаго скота и лошадей, о развитіи кустарныхъ промысловъ и т. д. и т. д.». (Цит. по „Биржевымъ Вѣдомостямъ", № 8604). Полное уничтоженіе всякаго рода исключительныхъ мѣръ, въ зависимости отъ мѣстности или происхожденія, съ одной стороны, и внимательное отношеніе къ мѣстнымъ нуждамъ, удовлетореніе ихъ путемъ широко раздвинутаго мѣстнаго же самоуправленія--съ другой,--вотъ единственный рецептъ для уврачеванія соціальныхъ, экономическихъ, національныхъ и иныхъ язвъ въ нашей жизни...

„**Историческіе антитезы**". Подъ этимъ заглавіемъ г. Русова помѣстила въ газетѣ «Наши Дни» (№№ 36 и 39) интересную статью о прошломъ и настоящемъ украинскаго народа. Нарисовавъ по изслѣдованіямъ г-жи Ефименко и проф. Грушевскаго картину историческихъ судебъ украинскаго народа, г-жа Русова противопоставляетъ

этой картинѣ современное его положеніе, полное неустройство соціальнаго, экономическаго и національнаго характера. „Склонность къ совмѣстной товарищеской работѣ, самоуваженіе и любовь къ свободѣ, отвращеніе отъ единодержавія и тяготѣніе къ федераціи—это основы національнаго характера малоруссовъ; и рядомъ съ ними соціально-политическія условія, среди которыхъ имъ приходилось жить,—вотъ роковая антитеза, въ которой погибаютъ безплодно лучшія дарованія цѣлой націи". (№ 39) Выходомъ изъ указаннаго тяжелаго положенія можетъ быть лишь обращеніе къ творческимъ силамъ народа.

Въ № 8337 „Южнаго Края" помѣщена статья г. Тихаго „В. Н. Каразинъ и Харьковскій университетъ", посвященная біографіи знаменитаго дѣятеля и его участію въ основаніи харьковскаго университета, столѣтіе со дня открытія котораго исполнилось 17 января 1905 г.

Въ № 622 „Полтавскаго Вѣстника" помѣщена г. Ольскимъ замѣтка „25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности В. Е. Бучневича", подробно останавливающаяся на трудахъ юбиляра по описанію Полтавской старины.

Чествованіе Д. Л. Мордовцева по случаю 50-лѣтія его литературной дѣятельности, назначенное на 22 января, отложено на неопредѣленное время въ виду извѣстныхъ январскихъ событій въ Петербургѣ („Волынь", № 21).

Въ № 2386 „Приднѣпровскаго края" помѣщена замѣтка г. Эварницкаго: „Какъ проводили запорожцы первый день новаго года", подробнѣе останавливающаяся на раздѣлѣ земельныхъ угодій между „товариствомъ" и выборѣ сичевой „старшины".

Сообщая о крупномъ успѣхѣ передвижной народной выставки, функціонировавшей лѣтомъ прошлаго года въ предѣлахъ кіевской и подольской губерній, г. Базанкуръ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" (№ 8651) передаетъ въ видѣ достовѣрнаго слуха, что „весною начнетъ разъ-

ѣзжать не одна, а уже цѣлыхъ три выставки. Первая—по подольской губерніи; средства для ея организаціи даетъ губернское попечительство о народной трезвости; вторая—по черниговской и полтавской губерніямъ, средства даются тоже изъ мѣстныхъ источниковъ, и вопросъ принципіально рѣшенъ, дѣло только за, такъ сказать, оффиціальнымъ его освященіемъ, что и состоится на дняхъ въ засѣданіи земства; наконецъ, третья выставка двинется изъ Одессы по херсонской и екатеринославской губерніямъ и будетъ оборудована на прежнихъ началахъ, то-есть при условіи нѣкоторой субсидіи отъ академіи художествъ".

Предполагаемыя украинскія изданія. Разрѣшенъ цензурою и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новый украинскій альманахъ „Зъ потоку життя", подъ редакцій М. Коцюбинського и М. Чернявського. Въ альманахѣ принимаютъ участіе слѣдующіе писатели: М. Вербицькый, М. Вороный, Г. Грыгоренко, Б. Гринченко. С. Ефремовъ, Н. Кибальчичъ, О. Кобылянська, М. Коцюбинській, А. Крымській, И. Левицькій, О. Луцькій, П. Мырный, Н. Полтавка, М. Старыцькій, Л. Старыцька-Черняхивська, Л. Украинка, И. Франко, А. Чайковській, М. Чернявській и Л. Яновська. („Кіевскія Отклики", № 41).

Въ Одессѣ печатается сборникъ произведеній молодой украинской поэтессы Галины Комаровой подъ названіемъ „Початокъ" — „Писни, думы та мріи". По независящимъ отъ автора причинамъ въ сборникъ не войдутъ нѣкоторыя оригинальныя и переводныя произведенія, а другія появятся съ значительными купюрами. („Волынь", № 14).

Въ № 38 „Кіевскихъ Откликовъ" помѣщены рецензіи на слѣдующія украинскія изданія: 1) М. Коцюбинського—Для загального добра. (С. О-вича), 1) Творы Леонида Глибова (Б. Гринченка), 3) Русовои—Божа искра (Б. Гринченка) и 4) „Руська хата". Ілюстрована часопись літературы, науки і штуки (С. О—вича).

Въ № 3 одесскаго журнала „Южныя Записки" напечатанъ переводъ разсказа Т. Бордуляка „Прерванная стачка" (пер. г. Славин-

ской); въ № 4—разсказъ Б. Лепкого „Дидусь“ (переводъ М. П. Старицкаго), въ № 6—разсказъ того же автора „Цвѣтокъ счастья“ (пер. г. Глаголевой).

Въ № 4 “Южныхъ Записокъ“ появилась интересная по содержанію статья г. Корнича—“Просвѣтительная дѣятельность галицкихъ русскихъ“, представляющая краткую исторію національнаго возрожденія нашихъ закордонныхъ братьевъ и обзоръ ихъ культурной работы. Пока авторомъ даны свѣдѣнія о двухъ львовскихъ обществахъ—„Наукове товариство ім. Шевченка“ и „Просьвіта“.

Въ № 6 того же изданія находимъ продолженіе „Писемъ изъ Галиціи“ г. Стояна. Въ настоящемъ письмѣ авторъ останавливается на организаціи и дѣятельности извѣстныхъ „Січей“.

Въ № 6 «Южныхъ Записокъ» г. Сьогобочнимъ вновь поднятъ вопросъ о народной школѣ среди украинскаго населенія (статья «Тоже на очереди»). Приведя изъ извѣстной работы Вартового «Яка теперъ народня школа на Вкраини» достаточно выразительные факты несоотвѣтствія современныхъ школьныхъ учебниковъ среди учениковъ и непониманія послѣдними русскаго и церковно-славянскаго языковъ, авторъ останавливается на полъ-пути, не сдѣлавъ окончательнаго вывода о настоятельнѣйшей необходимости введенія въ преподаваніе народной школы родного языка.

«Южныя Записки» (№ 6, «Обзоръ журналовъ») при оцѣнкѣ продолженія извѣстнаго труда г. Батуринскаго «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые» (печатается въ журналѣ «Всеміряый Вѣстникъ») между прочимъ пишутъ: цѣнной частью стетьи г. Батуринскаго является приведенный имъ отрывокъ изъ воспоминаній о Чернышевскомъ украинскаго писателя *Павла Граба*, напечатанныхъ въ 1895 г. во Львовѣ («*Микола Гавр. Чернишевський. Біографічний нарис Павла Граба*»). Насколько мы знаемъ, въ русскомъ переводѣ эти воспоминанія еще не появлялись, а между тѣмъ они могли бы послужить цѣннымъ дополненіемъ къ тѣмъ воспоминаніямъ о Чернышевскомъ, которыя вышли недавно изъ-подъ пера В. Г. Короленка».

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

25-лѣтіе существованія газеты „Діло". Въ нынѣшнемъ году газета „Діло"вступаетъ въ 26-й годъ своего существованія; первый номеръ ея представляетъ собою святочный юбилейный номеръ, „наполненный историческими справками о газетѣ и ея выдающихся работникахъ. Если вообще 25 лѣтъ въ исторіи идей довольно значительный промежутокъ времени, то въ исторіи молодого украинскаго вопроса, въ частности въ исторіи украинской журналистики—это огромный періодъ, въ теченіе котораго мѣнялась совершенно физіономія многихъ общественныхъ группъ и ихъ взгляды на многіе вопросы... 25-лѣтіе украинскаго изданія—это фактъ огромной важности среди тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ развивается украинское слово и которыя не даютъ никакой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Останавливаясь только на Украинѣ галицкой, мы не можемъ не видѣть вліянія этихъ условій въ томъ фактѣ, что, при значительномъ количественно развитіи журналистики, органы ея отличаются крайней неустойчивостью и недолговѣчностью: возникаетъ множество изданій и такъ же быстро исчезаетъ безслѣдно, или почти безслѣдно, хотя многія изъ нихъ успѣваютъ за время своей краткосрочной жизни бросить въ общій круговоротъ идей своей родинѣ нѣсколько новыхъ словъ. „Дзвін", „Молот", „Громадський Друг", „Сьвіт", „Народ", „Хлібороб", „Товариш", „Житте и слово" и многіе-многіе другіе, просуществовавшіе весьма недолго, все-таки оставили свой слѣдъ въ развитіи галицкаго общества. Исторія развитія галицкой журналистики и вліянія ея отдѣльныхъ органовъ, къ сожалѣнію, еще не разработана, но какая это благодарная тема для изслѣдователя и сколько крайне интересныхъ выводовъ она могла бы сообщить! Уже одинъ мартирологъ погибшихъ--въ борьбѣ ли съ равнодушіемъ публики, или по инымъ причинамъ—органовъ и болѣе или менѣе точная ихъ статистика представила бы богатый матеріалъ для характеристики и соотношенія общественныхъ силъ въ Галиціи. Къ сожалѣнію, намъ непосильна такая работа,—ее можно выполнить только на мѣстѣ, во Львовѣ, пользуясь всѣми доступными тамъ источниками; это трудъ огромный, но и значеніе его также огромно... Высказывая налету эти мысли по поводу *перваго* 25-лѣтняго юбилея украинской газеты, мы, вмѣсто исторіи и характеристики ея за истекшее время, пожелаемъ пока нашему

закордонному товарищу въ будущемъ плодотворнаго служенія интересамъ истины и добра на пользу родного народа...

Театръ или гимназія? Въ январьской книжкѣ „Літерат.-Наук. Вістника„ напечатана интересная статья проф. Грушевського „Що жъ дали?“, посвященная вопросу о будущихъ судьбахъ украинской средней школы въ Галиціи въ связи съ проектомъ основанія во Львовѣ постояннаго украинскаго театра.

Примѣръ Станиславовской гимназіи ясно показалъ, съ какими трудностями будетъ сопряженъ каждый такой шагъ русиновъ, имѣющихъ и безъ того большой недостатокъ въ собственныхъ школахъ.

Поэтому проф. Грушевскій высказываетъ мысль о необходимости частной инициативы въ дѣлѣ основанія украинскихъ гимназій. Не отрицая огромнаго культурнаго значенія, которое имѣлъ бы постоянный украинскій театръ для Галиціи, онъ высказывается далѣе, что при настоящихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ гораздо большее значеніе имѣетъ правильно поставленная въ національномъ отношеніи средняя школа, и потому проэктируетъ обратить для этой цѣли средства, собранныя на постройку театра. Проектъ уважаемаго профессора возбудилъ полемику между галицкими дѣятелями. Въ № 7 „Діла“ опубликована коллективная „Заява“, подписанная многими извѣстными во Львовѣ лицами, рѣшительно возстающая противъ перемѣны назначенія собранныхъ на постройку театра пожертвованій на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ дѣлѣ постройки театра затронута народная честь. Съ этой точки зрѣнія откликнулся на вопросъ и г. Франко, помѣстивъ въ февральской книжкѣ „Л.-Н. Вістника“ обстоятельную статью „Львівській театр і народня честь“, гдѣ выставляетъ цѣлый рядъ соображеній противъ того формальнаго отношенія къ дѣлу, какое проявлено авторами „Заяви“. Въ №№ 8 и 9 помѣщена статья г. Боровскаго „В справі закладання пріватнихъ руських гимназій“; въ № 10 статья г. Кміта „Приватна гімназия в Яворові“ и наконецъ въ № 14 проф. Грушевскаго „В справі приватних середніх шкіл“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ быть со средствами, собранными на постройку театра, мы не можемъ не присоединиться къ общему мнѣнію проф. Грушевскаго, что въ положеніи русиновъ относительно правильной постановки образованія можетъ быть лишь одинъ выходъ—самая широкая частная инициатива и прекращеніе

того чисто формальнаго отношенія къ насущной потребности, какое, напр., было проявлено въ дѣлѣ основанія украинской гимназіи въ Яворовѣ. Что это вполнѣ возможно, доказывается существованіемъ въ той же Галиціи цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ исключительно частной иниціативѣ и энергіи отдѣльныхъ лицъ.

Художественная украинская выставка. Въ половинѣ января въ Львовѣ открыта первая украинская художественная выставка, организованная «Товариством прихильників української літератури, науки, і штуки». Между картинами особенно выдѣляются своими достоинствами принадлежащія кисти г.г. Красицкаго („Гість із Запорожжа") Труша и Сосенка. Проф. Грушевскимъ выставлена богатѣйшая коллекція гуцульскихъ издѣлій изъ дерева высоко художественной работы талантливыхъ братьевъ Шкрибляків. Наплывъ предметовъ на выставку былъ такъ великъ, что администрація выставки оказалась не въ состояніи воспользоваться всѣмъ доставленнымъ матеріаломъ и часть его принуждена отложить для будущихъ выставокъ. Среди львовскаго общества и въ художественныхъ кругахъ выставка пользуется большимъ успѣхомъ. (Л.-Н. Вістник, кн. II).

Новыя изданія. Въ настоящемъ году галицко-украинская журналистика обогатилась новыми изданіями. Съ 1 января начали выходитъ во Львовѣ: 1) „Новий громадський голос" еженедѣльная газета, издаваемая г. Макухом, органъ возродившейся радикальной партіи, 2) „Вольне слово", еженедѣльная газета для интеллигенціи, издается г. Петрицкимъ, органъ національно-демократической партіи (вмѣсто прекратившихся „Гайдамак"), 3) „Дзвін", иллюстрированная еженедѣльная газета для народа подъ редакціей г. Шпитка, 4) „Руска хата" иллюстрированый журналъ литературы, искуства и общественной жизни, подъ редакціей г. Д. Сембратовича и 5) „Артистичний Вістник" ежемѣсячный журналъ, посвященный музыкѣ и вообще искуству, редакторъ—г. Бережницкій.

Разрѣшеніе на ввозъ въ Россію „Історії України-Руси“. Проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскій получилъ черезъ русскаго консула во Львовѣ извѣщеніе, что ходатайство его о разрѣшеніи ввоза въ Россію „Історії України-Руси“ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ рѣшено въ удовлетворительномъ смыслѣ. Лица, интересующіяся нашей родной исторіей получаютъ, такимъ образомъ, возможность знакомиться съ капитальнымъ трудомъ львовскаго профессора и ученаго въ подлинникѣ. Напоминаемъ, что до сихъ поръ вышло четыре тома этого труда (І-й —вторымъ изданіемъ), охватывающіе исторію Украины до литовскаго періода; т. V (литовскій періодъ) и второе изданіе II тома находятся въ печати. Отвѣта на аналогичное ходатайство редакціи «Літературно-наукового Вістника» еще не получено.

Замѣтки на текущія темы.

Всеобщее оживленіе и подъемъ, наблюдающіеся съ нѣкоторыхъ поръ въ общественной жизни Россіи, не могли не увлечь въ своемъ потокѣ и украинцевъ, заставивъ ихъ сердца биться въ унисонъ съ окружащимъ. Вмѣстѣ со всѣми сознательными элементами русскаго общества мы пережили и періодъ весеннихъ надеждъ и упованій во время кратковременной осенней «весны», и наступившіе затѣмъ въ общественной жизни холода, оказавшіеся однако не въ состояніи заморозить и лишить жизни ростокъ новыхъ теченій; съ ужасомъ прислушивались мы къ извѣстіямъ о страшныхъ январскихъ событіяхъ въ Петербургѣ; съ возмущеніемъ узнаемъ о свѣжихъ подвигахъ «черныхъ сотенъ» и иныхъ подобныхъ элементовъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи,—и всетаки съ надеждою въ сердцѣ смотримъ впередъ, твердо вѣря, что грядущее обновленіе (а что бы ни говорили темные люди—оно вѣдь близко), перестроивъ Россію на новыхъ началахъ правового государства, дастъ и намъ, наконецъ, возможность вздохнуть свободно, полною грудью... Но кромѣ общихъ горестей и радостей (послѣднихъ, впрочемъ, немного въ сей юдоли скорби и плача), у насъ есть еще и свои спеціальныя язвы, свои спеціальныя боли, отравляющія намъ существованіе, и не только препятствующія спокойно «творить жизнь» въ желательномъ направленіи, но обрекающіе насъ лишь на участь пассивнаго матеріала для всевозможнаго рода

эсперментовъ бюрократическаго творчества. Естественно, что помимо общихъ нестроеній, относительно которыхъ мы жили одною жизнью съ лучшими представителями русскаго общества и присоединяли свой голосъ къ общему хору заявленій и пожеланій—вокругъ этихъ спеціальныхъ язвъ и болей сосредоточена была значительная часть нашихъ помысловъ, въ эту сторону направлялись, между прочимъ, наши пожеланія, которыя нашли выходъ въ цѣломъ рядѣ актовъ общественнаго значенія. На нихъ я и желалъ бы сосредоточить вниманіе читателя.

Весеннее настроеніе въ высшихъ бюрократическимъ сферахъ, такъ повидимому неожиданно прорвавшееся прошлою осенью, но имѣвшее глубокіе корни въ общихъ условіяхъ русской жизни, возбудило и среди украинцевъ ожиданія, что пришелъ конецъ нашимъ спеціальнымъ болямъ. Извѣстныя, въ общемъ весьма умѣренныя, заявленія новоназначеннаго министра, внутр. дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскаго о его личномъ несочувствіи тѣмъ мѣрамъ, которыя съ излишнею щедростью примѣняются ко всѣмъ, не имѣющимъ чести принадлежать къ «истинно-русскому» населенію, а также дружественныя изліянія министра по адресу провинціальной печати—прозвучали чуть ли не откровеніемъ съ вершинъ бюрократической лѣстницы и отозвались повсемѣстно въ украинскомъ обществѣ надеждою на близкое измѣненіе положенія украинской печати (читатель понимаетъ, что сочетаніе послѣднихъ словъ является пока ироніей). И вотъ, какъ слѣдствіе этого, возбуждается цѣлый рядъ ходатайствъ, исходящихъ отъ лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и профессій и изъ различныхъ мѣстностей,—все по одному и тому же самому больному вопросу нашей жизни—о разрѣшеніи періодическихъ органовъ печати на украинскомъ языкѣ[1]). На сколько

---

[1]) Не претендуя на исчерпывающую полноту, я напомню о тѣхъ изъ этихъ ходатайствъ, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ свое время въ печать: 1) ежедневная газета „Громадянин“ въ сл. Покровской (возбуждалъ ходатайство г. Семешко), 2) еженедѣльная газета „Вік“ съ приложеніемъ книжекъ „Літературний додаток до тижневика

это движеніе было повсемѣстнымъ и глубокимъ, показываютъ тѣ многочисленные запросы отъ широкаго круга читателей, тѣ привѣтственныя письма и заявленія, которыя получались лицами, возбуждавшими ходатайства. И что всего характернѣе, движеніе не ограничилось только такъ называемыми интеллигентными слоями, но нашло себѣ доступъ и въ глубь народной массы. Вотъ, напримѣръ, голосъ крестьянина Полтавской губерніи С. Д. Конака по поводу одной изъ попытокъ издавать газету на родномъ языкѣ.

„Осенью 1904 г. було напечатано де то шо въ Кыйіві литературне обчество просыть у правительства дозволу здавать газету на нашимъ рідным языці „малороссійскимъ". Я сказавъ своимъ селянамъ шо на нашимъ рідні говорі буде здаватця газета, всі слухачи рішылы вь складчыну выпысать цю газету хоть бы вона була и найдорожча. На другый день мыні знысли пять карбованцівъ, и всі сказалы якъ шо треба буде ще грошей то ше дамо пять карб. Я пыльно слідывъ за тымъ, яке прыйде розрышення на выдачу газеты „Вікъ". Колы це чытаю що „ходатайство литературнаго общества" г. Кіева объ изданіи газеты „Вікъ" отклонено. Всі мы дуже булы печальні, а це получаю первый № „Хуторянына" и читаюче земску хронику: полтавское губернское XXXX земское собраніе де міжъ другымъ вычитавъ шо В. П. Науменко дуже гарно розсказавъ и побажавъ

„Вік" въ Кіевѣ (пишущій эти строки), 3) еженедѣльный журналъ „Дніпрові Хвилі" въ Кіевѣ (г. Рябошапка), 4) еженедѣльная газета „Неділя" въ Кіевѣ (г. Федорченко), 5) юмористическій журналъ „Характерник" въ Кіевѣ (г. Коваленко), 6) ежедневная газета „Поступ" въ Лубнахъ (г. Шеметъ), 7) ежемѣсячный журналъ „Поступ" въ Екатеринодарѣ (г. Эрастовъ), 8) медицинскій журналъ „Ликарський Порадник" въ Одессѣ (докторъ Липа), 9) газета „Новини" въ Одессѣ (докторъ Луценко), 10) сельско-хозяйственная и медицинская газета въ г. Хотинѣ (докторъ Немоловскій и агрономъ Яблоновскій) и 11) научный журналъ „Етнографічний Вістник—Село" въ Новочеркаскѣ (г. Ткаченко). Несомнѣнно были и другія ходатайства, свѣдѣнія о которыхъ не попали въ печать.

щобъ земство полтавске потурбовалось здавать народну газету на ріднімъ языці котра „необходима какъ фонарь, для внесенія свѣта въ крестьянскую среду“. И я прочитавше тее здумавъ и батька Т. Г. Шевченка который сказалъ:

И стане ясно передъ нымъ
Надія Ангеломъ святымъ“.

И мы знову надією живымо надіючысь бачыть *не слово тілько, а діло*, дай Боже дожыть и чытать свое рідне всымы покынуте пошты мертве слово. Колы буде гоже прошу напечатать. 16 января [1]).

Этотъ голосъ деревни, при всей его непосредственности, весьма любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, насколько вопросъ о чисто народной газетѣ для украинскаго населенія назрѣлъ и какъ сильно въ немъ заинтересована деревня, отдающая свои трудовыя гроши на такую газету, «хоть бы вона була и найдорожча». Но, къ сожалѣнію, скоро оказалось, что надежды, основанныя на дружественныхъ заявленіяхъ и гуманныхъ словахъ министра, были по меньшей мѣрѣ преждевременны, что «весна» на насъ не распространяется. Всѣ лица, возбуждавшія ходатайства, получили одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: «ходатайство такого-то (имя рекъ) о разрѣшеніи ему издавать газету на малороссійскомъ нарѣчіи подъ названіемъ...... признано г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію» [2]). Отвѣтъ краткій и выразительный, но тѣмъ не менѣе не совсѣмъ понятный послѣ «весеннихъ» заявленій и обѣщаній. Непонятное выяснилось вскорѣ при личныхъ поѣздкахъ нѣкоторыхъ изъ ходатайствовавшихъ лицъ къ источнику газетныхъ разрѣшеній. Пишущему эти строки и г. министромъ и г. начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати было заявлено въ личной бесѣдѣ, что украинскія періодическія изданія «запрещены закономъ». Конечно, заявленія, исходящія изъ

---

[1]) „Полтавщина“, № 28. Перепечатано въ „Кіевской Газетѣ“ (№ 28) г. Петрищевымъ въ замѣткѣ „Не слово тилько, а дило“.

[2]) Вѣстникъ Юга, № 832 (о газетѣ г. Луценко „Новини“).

столь авторитетныхъ и по своему положенію долженствующихъ быть компетентными по данному вопросу источниковъ, заставляли задавать вопросъ, о какомъ именно законѣ идетъ рѣчь, гдѣ этотъ законъ опубликованъ, съ какого времени онъ вступилъ въ силу и т. п. Отвѣтомъ на эти вопросы была голая ссылка на извѣстное Высочайшее повелѣніе отъ 18—30 мая 1876 г. Читатель навѣрное помнитъ этотъ въ высшей степени у насъ популярный, не смотря на полную таинственность, его окружающую, актъ, и потому мнѣ нѣтъ нужды его перепечатывать [1]); я напомню лишь одно, что онъ о періодической печати *не говоритъ ни слова*, не упоминаетъ даже въ видѣ намека. Тѣмъ не менѣе въ противность общепринятому толкованію всякаго законодательнаго акта, что, во-первыхъ, не воспрещенное прямо и опредѣленно уже тѣмъ самымъ является дозволеннымъ и, во-вторыхъ, ограничительныя постановленія не могутъ быть толкуемы въ смыслѣ распространительномъ—всѣ предполагавшіяся періодическія изданія на украинскомъ языкѣ оказались воспрещенными—ссылкой на не относящееся въ данномъ случаѣ къ дѣлу постановленіе. Не смотря на всю незаконность этой ссылки, она по условіямъ нашей жизни оказывалась безапелляціонной и потому выдвигался на очередь другой вопросъ—о полной отмѣнѣ этого къ дѣлу не относящагося, но тѣмъ не менѣе по обстоятельствамъ всесильнаго акта, оказывающаго такое могучее вліяніе на вопросъ о существованіи украинской періодической печати. Этотъ вопросъ тѣмъ настоятельнѣе о себѣ заявлялъ, что упомянутый актъ совершенно парализовалъ развитіе украинской литературы и науки, уже прямо воспретивъ все, выходящее изъ рамокъ «изящной словесности», словарей и покрытыхъ архивною пылью документовъ, закрывъ доступъ къ намъ украинскимъ заграничнымъ изданіямъ не за содержаніе, а за языкъ и правописаніе и т. п. Связывая частный

---

[1]) Полностью онъ приведенъ въ недавно вышедшемъ трудѣ проф. Грушевскаго „Очеркъ исторіи украинскаго народа“ (СПБ. 1904. стр. 354) и въ моей статьѣ „Внѣ закона“ („Русское Богатство“, январь).

вопросъ о разрѣшеніи украинскихъ періодическихъ органовъ съ постановленіемъ 1876 г., компетентныя сферы лишь наталкивали на мысль о связи нашего вопроса съ общимъ положеніемъ дѣлъ, при которомъ могутъ существать, быть терпимы и въ теченіе десятковъ лѣтъ опредѣлять собою культурныя потребности населенія—акты въ родѣ принадлежащаго законодательному творчеству извѣстнаго тайнаго совѣтника Юзефовича... На устраненіе подобныхъ актовъ, очевидно, и должны были направиться усилія общества.

Украинское общество пошло именно въ этомъ направленіи. Я могу отмѣтить за послѣднее время цѣлый рядъ публичныхъ заявленій по данному вопросу, рисующихъ яркими красками современное положеніе украинской литературы и указывающихъ единственно желательный и возможный выходъ изъ него. Прежде всего, собравшаяся въ декабрѣ прошлаго года въ Кіевѣ для юбилейнаго чествованія И. С. Левицкаго-Нечуя украинская интеллигенція не могла, говоря о дѣятельности украинскаго писателя, не вспомнить, что эта дѣятельность обставлена невыносимыми условіями. «Одесскій Листокъ» приводитъ текстъ слѣдующей резолюціи, принятой собраніемъ и подписанной свыше чѣмъ 300 лицами:

„Украинская интеллигенція, собравшись для чествованія 35-ти лѣтней дѣятельности одного изъ старѣйшихъ украинскихъ писателей И. С. Левицкаго, послѣ обмѣна мнѣній по вопросу о современномъ положеніи украинской литературы въ Россіи, единогласно пришла къ слѣдующему выводу:

1) Нынѣ дѣйствующія въ Россіи запретительныя распоряженія почти исключаютъ возможность пользоваться украинскимъ языкомъ въ литературѣ, вслѣдствіе чего украинскіе писатели должны или совсѣмъ отказаться отъ своей дѣятельности, или переносить ее за границу.

2) При такомъ положеніи вещей народъ лишенъ средства, единственно пригоднаго для проведенія въ темныя массы знаній—книги и школы на родномъ языкѣ, благодаря чему десятки лѣтъ поддерживаются тьма и невѣжество среди народа, убивающія его духовныя силы и задерживающія его экономическое развитіе.

3) Украинская интеллигенція лишена своей литературы, лишена возможности какого бы то ни было яснаго выраженія своихъ мнѣній, такъ какъ даже въ той крайне узкой области оригинальной беллетристики, которая, повидимому, является незапрещенной, писатели подвергаются неограниченному ничѣмъ произволу цензоровъ.

Въ виду этого, мы, нижеподписавшіеся, глубоко убѣжденные въ настоятельной необходимости отмѣны упомянутыхъ запрещеній, считаемъ своимъ долгомъ довести вышеизложенное до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ" [1]).

Подлинный текстъ приведенной резолюціи за подписями всѣхъ присутствовавшихъ препровожденъ г. министру при слѣдующей объяснительной запискѣ:

„Нынѣ дѣйствующія въ Россіи запретительныя распоряженія относительно малорусскаго слова, начиная съ закона 18 мая 1876 г., а также и существующая административная практика по примѣненію означенныхъ распоряженій, не даютъ возможности развиваться въ Россіи литературѣ на малорусскомъ языкѣ. Второй параграфъ вышеизложеннаго закона гласитъ: „Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малорусскомъ нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ, б) произведеній изящной словесности". Но даже и въ этой узкой области незапрещеннаго цензурное вѣдомство, въ противность прямому смыслу закона, увеличило ограниченія. Во-первыхъ, оно запрещаетъ всѣ вообще переводы, хотя изъ текста этого закона ясно видно, что переводы произведеній изящной словесности не могутъ быть относимы къ числу запрещенныхъ. Во-вторыхъ, не пропускаются

---

[1]) Цитирую по „Приднѣпровскому Краю", № 2400. Кромѣ лицъ, подписавшихъ эту резолюцію на юбилеѣ И. С. Левицкаго, въ нашу редакцію продолжаютъ поступать заявленія отъ цѣлыхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ о полной солидарности съ приведенной резолюціей. Такія заявленія получены изъ Чернигова, Винницы, Нѣжина, Оржицы и др. мѣстъ.

цензурой всѣ произведенія изящной словесности, пригодныя для дѣтскаго чтенія. Въ третьихъ, запрещаются всякія періодическія изданія, хотя-бы состоящія только изъ произведеній изящной словесности, не смотря на то, что о періодическихъ изданіяхъ въ помянутомъ законѣ 1876 г. не говорится ни слова.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, положеніе малорусской литературы въ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Невозможно печатаніе всѣхъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія; въ христіанскомъ государствѣ, гдѣ имѣется евангеліе на семидесяти языкахъ и нарѣчіяхъ, даже для небольшихъ группъ народовъ, населяющихъ Россію, въ томъ числѣ: на вогульскомъ, вотяцкомъ, зырянскомъ, калмыцкомъ, латышскомъ, лапландскомъ, пермскомъ, на четырехъ нарѣчіяхъ татарскаго языка, на еврейско-польскомъ и еврейско-нѣмецкомъ жаргонахъ,—украинское населеніе болѣе чѣмъ въ два десятка милліоновъ душъ лишено права читать священное писаніе на своемъ родномъ языкѣ. При этомъ нужно пояснить что: а) полный переводъ библіи изданъ за границей, б) существуетъ рядъ переводовъ евангелія и отдѣльныхъ частей библіи ветхаго завѣта, в) различныя лица входили въ цензурныя вѣдомства, прося о разрѣшеніи напечатать переводы евангелія или всей библіи, г) академіей наукъ признанъ прекраснымъ переводъ евангелія г. Морачевскаго еще въ 1862 г. Такимъ образомъ, отсутствіе въ Россіи печатнаго малорусскаго перевода священнаго писанія объясняется исключительно тяготѣющимъ надъ малорусскимъ словомъ запрещеніемъ.

2) Практикуемое цензурнымъ вѣдомствомъ запрещеніе всякихъ переводовъ на малорусскій языкъ лишаетъ возможности людей, способныхъ вполнѣ художественно передать на родномъ для нихъ малорусскомъ языкѣ произведенія классическихъ писателей, опубликовать свои труды, благодаря чему обширная область изящной словесности оказывается изъятой изъ пользованія уроженцами Малороссіи.

3) Въ такомъ же точно положеніи находится и область научной литературы на украинскомъ языкѣ. Не только научныя изслѣдованія на этомъ языкѣ не могутъ быть отпечатаны и распространены въ Россіи, но и популяризація наукъ, такъ необходимая для просвѣщенія темныхъ массъ, оказывается подъ

запретомъ, что не можетъ не отразиться на слабомъ культурномъ ростѣ населенія нашего края.

4) Что касается дѣтской литературы на малорусскомъ языкѣ, то она, какъ сказано раньше, въ силу цензурной практики оказывается подъ запретомъ, благодаря чему наши дѣти лишены возможности читать книги на своемъ родномъ языкѣ.

5) Перечисленныя выше запретительныя мѣры, касающіяся различныхъ отраслей малорусской литературы прилагаются, конечно, въ равной мѣрѣ и къ запрещенію періодическихъ изданій. Какъ тамъ, такъ и здѣсь нѣтъ основаній для такого запрещенія даже съ точки зрѣнія дѣйствующаго „Устава о цензурѣ и печати“; какъ тамъ, такъ и здѣсь практика съ прессой польской, армянской, грузинской, еврейской и въ послѣднее время литовской сама говоритъ противъ этого запрещенія.

6) Тяготѣющія надъ украинскимъ словомъ запрещенія обусловливаютъ существованіе еще одного явленія. Согласно § 1 закона 1876 г. не допускается ввозъ въ предѣлы Имперіи „безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ-бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи“. Такъ какъ главное управленіе по дѣламъ печати такихъ разрѣшеній почти не даетъ, то практически въ Россіи оказывается запрещенной всякая малорусская книга, изданная за границей. А такъ какъ за храненіе или сообщеніе кому либо запрещенной цензурой книги виновные подвергаются наказаніямъ, то за чтеніе украинскаго евангелія или перевода Гомера, Данта, Шекспира, Пушкина и пр. и пр. виновные подвергаются наказаніямъ, примѣненіе которыхъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ далѣе мѣстожительство „виновника“ отстоитъ отъ значительныхъ культурныхъ центровъ, и доходитъ до полнаго произвола и грубости по отношенію къ крестьянину, у котораго захвачено, напр малорусское евангеліе,

Такимъ образомъ, для малорусскаго писателя единственной незапрещенной областью является область изящной литературы, при томъ оригинальной и не для дѣтей. Но и эта крайне узкая область подвергается на практикѣ большимъ ограниченіямъ. Въ разное время примѣнялись, ослабѣвали и вновь усиливались запрещенія, напр., для произведеній изящной словесности изъ жизни интеллигенціи, для исторической беллетристики, драмы и

стихотворной поэзіи, для произведеній, языкъ которыхъ казался цензурѣ искусственнымъ, для произведеній, въ которыхъ попадались слова: козакъ, гетманъ, Украина и пр. и пр. Существовалъ и существуетъ полнѣйшій, ничѣмъ на практикѣ не ограничиваемый, произволъ цензоровъ, сегодня запрещающихъ то, что дозволялось вчера и, быть можетъ, дозволено будетъ завтра. Огромное количество фактовъ, подтверждающихъ сказанное, можно, конечно, найти въ архивахъ цензурнаго вѣдомства, гдѣ имѣются также и многія жалобы на дѣйствія цензуры. Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что само цензурированіе рукописей продолжается обыкновенно въ среднемъ 6—8 мѣсяцевъ, а иногда и до двухъ лѣтъ, то сдѣлается совершенно понятнымъ, что малорусскіе писатели почти лишены въ Россіи права пользоваться своимъ языкомъ, а малорусская интеллигенція лишена своей литературы, лишена возможности какого-бы то ни было яснаго выраженія своихъ мнѣній.

Благодаря этому малорусскіе писатели должны или совсѣмъ отказаться отъ своей дѣятельности, или переносить ее за границу, изъ славянскаго государства въ нѣмецкое, гдѣ существуетъ свобода для малорусской прессы. Невыгодность такого положенія вещей очевидна сама собой и не требуетъ подробныхъ поясненій, такъ какъ ясно, что при этомъ писатели лишаются и литературнаго заработка, и непосредственнаго общенія съ публикой, а страна утрачиваетъ своихъ культурныхъ работниковъ.

Малорусское общество давно уже тяготится указанными выше запретительными мѣрами по отношенію къ малорусскому слову и горячо желаетъ измѣненія этого тягостнаго положенія.

Въ настоящее время предположенъ пересмотръ законоположеній о печати, и малорусское общество сочло благовременнымъ высказать свое мнѣніе по этому поводу, чѣмъ и вызвано прилагаемое при семъ въ подлинникѣ заявленіе части малорусской интеллигенціи, случайно собравшейся на праздновaніи юбилея одного изъ старѣйшихъ малорусскихъ писателей. Исполняя порученіе лицъ, подписавшихъ это заявленіе, имѣемъ честь представить его Вашему Сіятельству при настоящей пояснительной запискѣ и ходатайствуемъ о принятіи Вашимъ Сіятельствомъ ради интересовъ справедливости и жизненныхъ нуждъ милліоновъ народа и его интеллигенціи, необходимыхъ мѣръ къ

измѣненію условій, созданныхъ закономъ 18 мая 1876 г. для малорусскаго слова, а равно и цензурной практикой. Мы надѣемся, что, Ваше Сіятельство, найдете возможнымъ создать для малорусской литературы тѣ же условія, въ которыхъ будетъ поставлено вообще печатное слово въ Россіи.

Кромѣ того, тѣми же собравшимися на юбилеѣ И. С. Левицкаго лицами была избрана депутація для личнаго представленія г. министру внутреннихъ дѣлъ и комитету министровъ особой докладной записки, подробно выясняющей современное положеніе украинской литературы въ Россіи и необходимость коренного измѣненія ея положенія въ смыслѣ полнаго уравненія съ остальными литературами. Депутація, въ составѣ г-жи О. П. Косачъ, Н. А. Дмитріева, В. П. Науменка и И. Л. Шрага, исполнила возложенное на нее порученіе, лично представивъ соотвѣтственныя ходатайства по данному вопросу.

Какъ сообщаютъ одесскія газеты [1]), докладная записка въ комитетъ министровъ представлена 15 января также и группой одесской интеллигенціи. Въ виду оригинальной постановки вопроса и солидной мотивировки его, приводимъ цѣликомъ выраженіе мнѣнія одесситовъ.

Во вступительной части Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка высказана увѣренность въ сочувствіи къ нимъ той части общества, «которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и въ непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ». Признавая содѣйствіе наилучшимъ выраженіемъ сочувствія, мы, нижеподписавшіеся члены интеллигентной части малорусскаго общества, считаемъ своею гражданскою обязанностью обратить вниманіе комитета министровъ на одно изъ тѣхъ нарушеній администра-

---

[1]) Южное Обозрѣніе, № 2727; полный текстъ записки напечатанъ въ „Правѣ“, № 6.

ціей дѣйствующаго въ Имперіи закона, которое подрываетъ силу основныхъ законовъ, глубоко задѣваетъ святыя и лучшія національныя чувства малорусскаго народа, оскорбляетъ его достоинство, вредитъ преуспѣянію родины, нарушаетъ спокойствіе страны и уничтожаетъ всякую возможность удовлетворенія насущныхъ нуждъ народныхъ. Поэтому и во имя авторитета названнаго указа, одинъ изъ пунктовъ котораго повелѣваетъ «принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію дѣйствительной силы закона», дальнѣйшее существованіе этого нарушенія должно быть прекращено немедленно. Мы говоримъ объ установившейся съ 1863 г. практикѣ административныхъ мѣстъ и лицъ по отношенію къ малорусскому языку, оффиціально именуемому нарѣчіемъ, а научно называемому—украинскимъ языкомъ, и къ литературѣ на этомъ языкѣ.

До 1863 г. малорусское слово находилось въ такихъ же условіяхъ юридическаго и фактическаго существованія, какъ великорусское, польское, нѣмецкое, еврейское и иное. Не было оно въ исключительномъ положеніи и относительно государственнаго русскаго языка. И вотъ, въ то время общаго подъема духа, мысли, самодѣятельности и стремленія къ просвѣщенію издавался большой ежемѣсячный журналъ «Основа», въ которомъ печатались на малорусскомъ языкѣ, кромѣ беллетристики, статьи научнаго содержанія; тогда издавались на томъ же языкѣ духовныя и научныя сочиненія, брошюры для народа, учебники, переводы, законы. Съ 1863 г., однако, положеніе малорусской литературы, юридически оставаясь тѣмъ же, такъ какъ прежніе законы не были измѣнены, а новыхъ законовъ не выходило, вдругъ, фактически совершенно измѣнилось. Что же случилось?

Въ іюлѣ 1863 г. администрація, по совершенно непонятнымъ и лишённымъ всякихъ основаній причинамъ, издала относительно малорусскаго слова запретительный циркуляръ, содержаніе котораго не находитъ себѣ оправданія ни въ исторіи, ни въ наукѣ, ни въ дѣйствительныхъ фактахъ, ни въ потребностяхъ жизни, ни въ государственныхъ интересахъ. А между тѣмъ, благодаря этой чисто административной мѣрѣ, съ 1863 по 1872 г., хотя цензура была завалена малорусскими рукописями и въ законѣ по отношенію къ малорусскому слову не измѣни-

лось и не прибавилось ни йоты, могла выйти на украинскомъ языкѣ, и то случайно, лишь одна книжка. Въ 1873 г. администрація въ своей практикѣ относительно малорусскаго слова, вдругъ, смягчилась, но въ 1876 году, опять безъ всякихъ основаній, издала новый тяжелый циркуляръ, часть котораго относительно словарей и театра въ 1881 году была отмѣнена такимъ же циркуляромъ, и дѣло въ такомъ видѣ тянется до сихъ поръ, все завися лишь отъ усмотрѣнія администраціи, то болѣе мягкаго, то болѣе суроваго, но одинаково незаконнаго. Результатомъ гоненія на малорусское слово было то, что у насъ въ Россіи переводы, научныя и духовныя произведенія на малорусскомъ языкѣ появиться въ печатномъ видѣ не могутъ; всѣ ходатайства о разрѣшеніи издавать на малорусскомъ языкѣ газеты, журналы, брошюры, учебники и т. д. всегда постигала печальная участь запрещенія; администрація, подтачивая этимъ путемъ общественную и личную самодѣятельность малорусской интеллигенціи въ дѣлѣ просвѣщенія, литературы, развитія національныхъ духовныхъ силъ и родной культуры, убиваетъ силу русскаго народнаго духа, слишкомъ необходимую для процвѣтанія родины, сама для малорусскаго народа ничего положительнаго не сдѣлала и въ результатѣ получилось, что малорусскій народъ, все больше и больше теряя подъ собою устои жизни, выработанные вѣками на почвѣ національной природы и исторіи, страшно отсталъ, одичалъ и поражаетъ своею безграмотностью, деморализаціей, некультурностью и ужаснымъ невѣжествомъ, являющимся тормазомъ во всѣхъ рѣшительно дѣлахъ и начинаніяхъ. А между тѣмъ объ этомъ самомъ народѣ иностранные путешественники уже въ 17 вѣкѣ писали восторженныя похвалы его добротѣ, культурности, грамотности, религіозности, нравственности (См. напр. «Путешествіе Антіохійск. Патріарха Макарія», Московск. изд. 97 г., гдѣ говорится о малорусскомъ народѣ какъ разъ въ годъ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ). А между тѣмъ этотъ народъ когда то былъ источникомъ просвѣщенія для великороссовъ.

Что касается малорусскихъ писателей, то вслѣдствіе особыхъ условій, созданныхъ циркулярами администраціи, они вынуждены перенести свою литературную дѣятельность въ Галицію,

гдѣ развилась, окрѣпла и существуетъ въ настоящее время солидная малорусская литература, обратившая вниманіе на себя англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и др., издается около 20 малорусскихъ газетъ, имѣются журналы и научныя изданія, давшія возможность нѣкоторымъ авторамъ удостоиться принятія въ Россійскую академію наукъ. Но все это для Россійскаго малоросса запретный плодъ, при чемъ запретный не за мысли даже а просто за украинскій языкъ. И къ стыду нашему передъ Европой, въ то время, какъ къ намъ изъ Галиціи не смѣетъ дойти ни одно произведеніе печати на украинскомъ языкѣ, изданія на великорусскомъ языкѣ печатаются въ Галиціи свободно. Очевидно, администрація сама сознавала, что съ такими мѣропріятіями, несомнѣнно вредящими достоинству Россіи и симпатіямъ къ ней, лучше не объявляться передъ культурнымъ міромъ, и потому не опубликовала своихъ циркуляровъ. Безъ сомнѣнія такого рода циркуляры стоятъ въ коренномъ противорѣчіи не только съ народными, но и съ государственными интересами. Причинять человѣку цѣлый рядъ страданій и лишеній за то, что онъ родился малороссомъ, а не великороссомъ, не полякомъ, не евреемъ; лишать малоросса за это даровъ своей духовной природы и возможности развитія ихъ; убивать его родное слово и національный духъ обезличеніемъ, уничтожать его культуру, разрушать его родную жизнь и не давать ничего, способнаго возмѣстить, такъ какъ такое возмѣщеніе невозможно по самой природѣ вещей; создавать недовольныхъ своимъ положеніемъ и заставлять искать убѣжища для удовлетворенія высшихъ потребностей души и развитія народнаго духа въ чужомъ государствѣ—развѣ такого рода распоряженія не стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ государственными интересами и развѣ для того малорусскій народъ добровольно совершилъ великій актъ 1654 г.! Вышло, что малорусскій народъ, все время стремившійся къ братской жизни съ великорусскимъ, третируется администраціей, какъ пасынокъ въ государствѣ, долженствующій пребывать у своего брата въ духовномъ рабствѣ.

Оставляя въ сторонѣ ту аргументацію противъ существованія подобныхъ распоряженій противъ языка, какая признанѣ всѣмъ культурнымъ міромъ за аксіому и стала элементарно без-

спорной, такъ какъ эту аргументацію наша администрація не считаетъ для себя обязательной, мы остановимся лишь на тѣхъ доводахъ, убѣдительность которыхъ для администраціи обязательна.

Пересмотрѣвъ весь цензурный уставъ, мы не нашли тамъ ни одной статьи закона, которая измѣнила бы въ чемъ либо положеніе малорусскаго слова, существовавшее до 1863 года. Такъ какъ законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силою новаго закона (ст. 72 т. I), а новаго закона въ порядкѣ 54 и 57 ст. т. I не издавалось, то нынѣшнее безправное положеніе малорусскаго слова должно быть объяснено исключительно наличностью распоряженій администраціи.

Безъ сомнѣнія, новое юридическое положеніе малорусскаго слова послѣ 1862 г. среди другихъ языковъ Россіи могло быть создано только новымъ закономъ. Такого значенія циркулярныя распоряженія администраціи имѣть не могутъ по силѣ 54 и 51 ст. т. I, которая гласитъ, что «никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона... безъ утвержденія Самодержавной власти». Такимъ же порядкомъ отмѣняется прежній законъ (ст. 72 и 73), при чемъ по силѣ 57 ст. осн. зак. всѣ законы обязательно публикуются. Между тѣмъ циркуляры относительно малорусскаго слова, вопреки вышеприведеннымъ статьямъ, съ 1863 г. стали дѣйствовать, какъ новый законъ.

Циркуляры эти прямо отмѣнили для малороссовъ и силу 45 ст. I т., по которой: «свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, и магометанамъ, и язычникамъ, да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языки», ибо, благодаря примѣненію циркуляровъ 1863, 1876 и 1881 г. относительно малорускаго слова, малороссы поставлены въ имперіи въ худшее положеніе, чѣмъ язычники: малороссамъ воспрещено имѣть на родномъ языкѣ даже св. евангеліе! Вѣдь, это уже гоненіе на понятное народу и дорогое христіанамъ слово Божіе!

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что практика этихъ циркуляровъ въ концѣ подрываетъ положеніе 47 ст. основ. зак. въ которой сказано, что «Имперія Россійская управляется на

твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ», ибо въ дѣйствительности оказывается, что малорусскій народъ въ его естественно-родной духовной и культурной жизни управляется рядомъ секретныхъ циркуляровъ административной власти, издаваемыхъ ею по своему усмотрѣнію и постоянно то измѣняемыхъ, то игнорируемыхъ, то примѣняемыхъ съ жестокою суровостью—все въ зависимости отъ усмотрѣнія и расположенія лицъ. Очевидно, администрація этимъ самимъ уже нарушаетъ 47 ст., трактующую о незыблемости, неприкосновенности и положительности законовъ. Практика подобныхъ циркуляровъ отмѣняетъ дѣйствіе и подрываетъ авторитетъ тѣхъ именно законовъ, въ которыхъ трактуется и о Самодержавной Власти. Изъ этого совершенно ясной становится вся незаконность и непослѣдовательность указанныхъ циркулярныхъ распоряженій администраціи, а разъ это такъ, то для чего же они существуютъ и примѣняются до сихъ поръ? Можно ли быть увѣреннымъ въ неприкосновенности въ Имперіи законовъ вообще, если дѣйствіемъ циркуляровъ нарушаются и отмѣняются даже законы основные, вслѣдствіе чего силою циркуляровъ многомилліонный малорусскій народъ ставится въ положеніе преслѣдуемаго въ своемъ русскомъ государствѣ и вынужденнаго для удовлетворенія одной изъ насущнѣйшихъ потребностей, а именно—потребностей національнаго духа, обращаться къ услугамъ сосѣдняго государства. А разъ теряетъ малорусскаго народъ, то теряетъ и Россія, ибо большая сумма зависитъ отъ величины слагаемыхъ.

Но этого мало. По силѣ 42 (40 и 41) ст. I т. св. зак. Верховная Власть въ Россіи, въ лицѣ Императора, призвана быть защитникомъ и хранителемъ въ государствѣ догматовъ христіанской вѣры, блюстителемъ правовѣрія и всякаго церковнаго благочинія. Само собою разумѣется, что администрація обязана дѣйствовать въ духѣ этого закона (т. III, ст. 180, прил. 5 Основ. зак.). Въ дѣйствительности же выходитъ, что циркулярами относительно малорусскаго слова администрація поставила свою дѣятельность въ разрѣзъ съ указанными законами.

О языкахъ и всякихъ нарѣчіяхъ христіанское ученіе высказалось совершенно опредѣленно, но совершенно противъ со-

держанія циркуляровъ. До какой степени послѣдніе не считались съ святостью закона, видно изъ того, что законъ предписываетъ быть защитникомъ и хранителемъ ученія христіанской вѣры, а циркуляры своею практикой не признаютъ этого ученія, отрицаютъ его.

Въ гл. II Дѣяній св. апостоловъ, гдѣ говорится о сошествіи св. Духа, сказано, что „исполнились всѣ Духа Святаго и начали говорить на иныхъ языкахъ“, такъ что „каждый слышалъ ихъ, говорящихъ его нарѣчіемъ (ст. 4—6). Всѣ слушающіе изумились и спрашивали: „какъ же мы слышимъ каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родились?“ (ст. 8). Апостолъ Петръ разъяснилъ, что это благодать Духа Святаго (ст. 17—28).

Послѣ всего этого запрещеніе какого бы то ни было языка и даже нарѣчія („въ которомъ родились“) не будетъ ли той хулой на Духа, за которую Христосъ назначилъ наибольшую кару („тому не простится“, ев. Лука, гл. 12, ст. 10)?

Апостолъ Павелъ, который сказалъ, что написанное имъ— „это заповѣди Господни“ (Посл. I къ Коринѳ., гл. 14, ст. 37), въ своемъ посланіи требуетъ отъ вѣрующихъ христіанъ ревновать о „дарахъ духовныхъ“, предписываетъ обращаться къ людямъ на родномъ ихъ языкѣ, чтобы быть понятнымъ и простолюдину (Посл. къ Коринѳ. гл. 14, ст. 2—17) и благодаритъ Бога за то, что Онъ далъ ему способность говорить съ народомъ на знакомомъ для послѣдняго языкѣ (ст. 12—19). Наконецъ, нерадѣніе о томъ, что дано человѣку Богомъ, подлежитъ строгому наказанію (Матѳ. гл. 25, ст. 13—30).

Итакъ, если языки и нарѣчія, по ученію христіанской вѣры,—это дары Божіи, о которыхъ религія предписываетъ заботиться; если, по 45 ст. осн. закон, разрѣшается славить Бога каждому народу на своемъ родномъ языкѣ; если Верховная Власть по 40 и 42 ст. осн. зак. является охранительницей ученія христіанской вѣры; если по статьѣ 47 осн. зак. народъ долженъ въ своей жизни управляться „на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“,—то какимъ же образомъ можетъ быть дальше терпима ни на чемъ, кромѣ усмотрѣнія, не основанная, шаткая практика секретныхъ циркуляровъ администра-

ціи относительно слова многомилліоннаго малорусскаго народа, существующая и до сихъ поръ въ полной силѣ, вопреки закону, вопреки религіи и вопреки указу 12 декабря 1904 года? Только по недоразумѣнію. Дальнѣйшее примѣненіе вышеуказанныхъ циркуляровъ, когда, какъ доказано выше, не могъ бы быть изданъ даже законъ подобнаго рода, ибо въ немъ получилось бы коренное противорѣчіе однѣхъ статей съ другими, т. е. самоотрицаніе, должно быть прекращено. Приведенныя противъ этихъ циркуляровъ доказательства взяты изъ того арсенала, не признавать силы и дѣйствительности котораго администрація не должна и дальнѣйшее примѣненіе указанныхъ циркуляровъ, послѣ вышеизложеннаго, уже имѣло бы видъ, будто администрація считаетъ для себя необязательными ни основные законы, ни предписанія религіи.

Мы ходатайствуемъ о немногомъ: о томъ, чтобы всѣ административныя распоряженія, ставящія малорусское слово въ исключительное положеніе среди другихъ языковъ имперіи, были уничтожены, дабы, вмѣсто усмотрѣнія, дѣйствовалъ гуманный, опредѣленный и твердый законъ и чтобы малорусское слово пользовалось въ Россіи тѣми же правами на существованіе и развитіе, которыми пользуется еврейское, татарское, польское, нѣмецкое, и всякое иное слово; чтобы малороссы въ своемъ русскомъ государствѣ не были бы вынуждены въ поискахъ живой воды обращаться къ австрійскимъ услугамъ, какъ практикуется теперь, несмотря на всѣ административные запреты. Ибо природу ничѣмъ нельзя побѣдить и „не пусти ее въ дверь, она ворвется въ окно". Фактъ развитія украинскаго языка, на которомъ въ настоящее время въ Австріи въ двухъ университетахъ профессора преподаютъ науки, на которомъ издаются юридическія, медицинскія и др. научныя работы, а равно выходятъ разныя газеты, литературно-научные журналы, учебники, брошюры и другія всевозможныя изданія, доказалъ это съ неопровержимой ясностью. А дѣйствительнымъ государственнымъ дѣятелямъ надо быть дальновидными, считаться съ фактами и способствовать развитію духовныхъ силъ народностей, населяющихъ государство, ибо сумма зависитъ всегда отъ величины слагаемыхъ и духовное убожество народностей, населяющихъ государство, дѣлаетъ его

убогимъ и неспособнымъ къ прочному, самостоятельному существованію. Препятствовать и разрушать легко, но такая отрицательная дѣятельность и ведетъ именно къ разрушенію государственнаго спокойствія и порядка.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ докладныхъ записокъ, подобнаго же содержанія документы представлялись и другими лицами и учрежденіями. Такъ подробно мотивированный меморіалъ представленъ г. министру внутреннихъ дѣлъ Правленіемъ петербургскаго благотворительнаго общества изданія общедоступныхъ и дешевыхъ книгъ, групцой гражданъ г. Харькова и пишущимъ эти строки, а г. Чикаленкомъ — г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Авторъ послѣдней записки особенное вниманіе обращаетъ на то обстоятельство, что стѣсненія въ культурной области проведенія знаній въ народную среду крайне тяжело отзываются на экономическомъ положеніи украинскаго населенія, оставляя его вполнѣ безоружнымъ предъ лицомъ грознаго врага—матеріальнаго оскудѣнія.

«Съ русскимъ языкомъ,—пишетъ г. Чикаленко,—народъ знакомится только въ школѣ, въ городѣ и въ общеніи съ высшими властями; дома же, въ семьѣ, на улицѣ, въ общеніи съ низшими властями, съ духовенствомъ - онъ слышитъ только малорусскій языкъ. Поэтому то немногое, что пріобрѣлось за три-четыре зимы въ школѣ, скоро забывается; если мальчикъ со школьной скамьи не попадаетъ въ писаря, въ конторщики, не уйдетъ въ городъ, то онъ вскорѣ разучивается понимать прочитанное изъ русской книги, а если не имѣетъ книги на малороссійскомъ языкѣ, то зачастую забываетъ и грамоту. Только книга на его родномъ языкѣ спасаетъ его отъ рецидива безграмотности, только книга на этомъ языкѣ заинтересовываетъ его и можетъ научить чему-нибудь новому, въ томъ числѣ и новымъ способамъ веденія хозяйства и т. п. Къ сожалѣнію, книгъ на малорусскомъ языкѣ мало, а газетъ и журналовъ и совсѣмъ нѣтъ, потому что правительство почему-то въ малорусской литературѣ видитъ опасность для цѣлости государства и этимъ само создаетъ опасность для государства въ невѣжествѣ, темнотѣ, а вслѣдствіе этого и въ обѣднѣніи малороссійскаго сельскаго населенія»,

Наконецъ, въ концѣ прошлаго года И. С. Левицкій былъ уполномоченъ группой кіевской интеллигенціи и украинскихъ писателей представить на утвержденіе подлежащаго вѣдомства уставъ «Товариства запомоги українським письменникам», въ задачи котораго входило бы не только матеріальное вспомоществованіе, но и облегченіе условій литературной работы, а къ послѣднимъ несомнѣнно относится и общее современное положеніе украинскаго писателя. Отвѣтъ на это ходатайство пока не полученъ. Точно также не получено отвѣта на телеграфныя представленія одесской и кіевской интеллигенціи [1]) предсѣдателю комиссіи по пересмотру законовъ о печати Д. Ѳ. Кобеко о необходимости выслушать въ комиссіи заявленія о нуждахъ украинской печати.

Необходимость коренного измѣненія въ положеніи украинской печати проникла въ сознаніе не только частныхъ лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ этомъ измѣненіи, но и общественныхъ учрежденій, близко принимающихъ къ сердцу интересы народа. Читатели знаютъ уже, что ходатайства этого рода неоднократно возбуждались представителями земствъ, сельско-хозяйственными комитетами [2]), а въ самое послѣднее время—харьковскимъ и кіевскимъ обществами грамотности, одесской городской думой и полтавскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ [3]). Въ

---

[1]) «Кіевскія Отклики», № 45 и 46.

[2]) См. статью г. Черниговца въ „Южныхъ Запискахъ" 1904 г.

[3]) Кіевская Старина, 1904, XII, Документы, стр. 23—27, 31—32. „Полтавскій Вѣстникъ", № 629. Къ сожалѣнію до самаго послѣдняго времени ходатайства подобнаго рода встрѣчаются подлежащими сферами по прежнему непривѣтливо: общества грамотности получили уже отрицательный отвѣтъ на свои ходатайства. Характернымъ является то обстоятельство, что второй томъ «Народной литературы» (изданіе Кіевскаго общества грамотности) съ рецензіями народныхъ изданій не допущенъ въ народныя библіотеки *единственно потому*, что въ него включены рецензіи на украинскія народныя изданія («Южныя Записки», 1905, № 2, статья г. Личкова «О Кіевскомъ о-вѣ грамотности»)!..

настоящее время имѣемъ новыя заявленія въ томъ же родѣ. Въ январѣ текущаго года городская дума г. Александровска (екатеринославской губерніи), по инціативѣ правленія общественной библіотеки, единогласно постановила ходатайствовать о допущеніи въ библіотеки всѣхъ украинскихъ изданій, выходящихъ какъ въ Россіи, такъ за границей [1]), т. е. полной отмѣны постановленія 1876 г. въ той части, которая воспрещаетъ «ввозъ въ предѣлы имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати *какихъ бы то ни было* книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи» [2]). Гораздо шире былъ поставленъ вопросъ въ Черниговской городской общественной библіотекѣ. На общемъ собраніи ея членовъ 9 января, какъ сообщаютъ «Наши Дни», было постановлено возбудить ходатайство

> объ отмѣнѣ цензуры вообще и преданіи всѣхъ проступковъ и преступленій, совершаемыхъ печатью на усмотрѣніе суда. Членъ собранія, малорусскій писатель М. М. Коцюбинскій предложилъ дополнить это ходатайство упоминаніемъ, что должна быть отмѣнена цензура для всѣхъ сочиненій *безъ различія языка.* При этомъ онъ указалъ на ужасное положеніе малорусской печати. Вы хотите напечатать дѣтскую книжку на малорусскомъ языкѣ—цензоръ отвѣчаетъ вамъ, что малорусскихъ дѣтей нѣтъ, а есть русскія дѣти; и книжка не разрѣшается. Вы хотите, допустимъ, перевести Пушкина на малорусскій языкъ, но вамъ не позволяютъ поставить имени Пушкина на переводѣ и вы должны выдать свой переводъ за оригиналъ... Былъ такой случай: въ Галиціи была переведена (собственно—только издана. С. Е.) на малорусскій языкъ „Иліада" Гомера. Книжка эта была послана въ Россію, но цензура не пропустила ее и возвратила обратно *даже не разрѣзанной.* Экземпляръ этотъ помѣщенъ во Львовѣ въ историческій музей для наглядной иллюстраціи дѣятельности русской цензуры... Пьесы

---

[1]) „Русскія Вѣдомости", № 13.

[2]) Проф. Мих. Грушевскій—Очеркъ исторіи украинскаго народа, Спб. 1904, стр. 354.

на малорусскомъ языкѣ должны быть только оригинальныя; переводныя пьесы не допускаются, а извѣстно вѣдь, что ни одинъ театръ не можетъ существовать однѣми лишь оригинальными пьесами. Г. Коцюбинскій разсказалъ кое-что и изъ своего личнаго опыта. Такъ, напр., онъ послалъ въ цензуру повѣсть на малорусскомъ языкѣ чисто психологическаго характера. Въ повѣсти фигурировалъ священникъ, у котораго были сѣрые глаза. Цензору это не понравилось и онъ вездѣ повычеркивалъ „*сѣрые глаза*". Но онъ не только выкололъ герою повѣсти глаза, онъ еще постарался порвать чуть ли не всѣ психологическіе узлы повѣсти и, такимъ образомъ, совершенно изуродовалъ произведеніе писателя. Даже такая невинная фраза, какъ—„деревянная бѣлая церковь среди зелени производитъ пріятное впечатлѣніе" почему-то не понравилась цензору и была вычеркнута". Собраніе *единогласно* постановило внести въ свое ходатайство дополненіе, сдѣланное г. Коцюбинскимъ [1]).

Безъ сомнѣнія, каждое лицо, входившее въ соприкосновеніе съ цензурнымъ вѣдомствомъ по поводу изданія украинскихъ книгъ, даже и не напрягая особенно своей памяти, можетъ припомнить изъ своей практики десятки случаевъ, вполнѣ аналогичныхъ тѣмъ, которые приведены г. Коцюбинскимъ. Когда-нибудь подобные факты, разсказанные современникомъ, будутъ служить предметомъ всеобщаго изумленія для нашихъ потомковъ и забавлять ихъ не менѣе, чѣмъ насъ забавляютъ подвиги какой-нибудь цензурной знаменитости прошлыхъ временъ, въ родѣ Красовскаго и иныхъ, изгонявшихъ «вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ. Но въ настоящее время такіе факты, несмотря на видимую ихъ мелочность, слишкомъ свѣжи, слишкомъ затрагиваютъ наши насущные интересы, чтобы вызывать академически-хладнокровное къ себѣ отношеніе... Ибо въ самыхъ мелочныхъ изъ нихъ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, великолѣпно отражается, блистая всѣми цвѣтами радуги, вполнѣ опредѣленная общая система, задавшаяся несбыточною цѣлью—достигнуть умерщвленія народнаго организма. Не

---

[1]) „Наши Дни", № 23. 1905 г.

касаясь подобныхъ мелкихъ фактовъ цензурнаго гонительства [1]), я остановлюсь лишь на болѣе выпуклыхъ, слишкомъ уже поразительныхъ и потому привлекавшихъ къ себѣ общественное сознаніе за послѣднее время.

Что, кажется, можетъ быть проще и очевиднѣе той мысли, что всякое ученіе для того, чтобы быть воспринятымъ, требуетъ прежде всего наиболѣе понятной для данной среды формы своего выраженія? Теоретически эта мысль едва ли вызоветъ возраженія, но на практикѣ... на практикѣ вполнѣ понятной становится и та вопросительная форма—«просто ли, ясно ли?», въ которую облекъ недавно извѣстный писатель В. В. Лесевичъ свое мнѣніе по поводу этой несомнѣнной мысли. Дѣло идетъ о разрѣшеніи украинскаго перевода св. писанія. Печальная исторія этого вопроса подробно разсказана г. Шрагомъ на столбцахъ «Нашихъ Дней» [2]), о ней упоминаютъ также и приведенныя выше докладныя записки украинской интеллигенціи, а потому, предполагая ее въ общемъ извѣстной нашимъ читателямъ, я не стану повторяться, перейдя прямо къ замѣткѣ г. Лесевича. Проживая одно время въ Римѣ и встрѣчаясь съ представителями католическаго духовенства, почтенный писатель всегда ставилъ одинъ и тотъ же особенно интересующій его вопросъ: какъ относится римская церковь къ роли народныхъ языковъ въ дѣлѣ поддержанія и распространенія своего ученія? «Всѣ спрошенные мною священники и монахи,—пишетъ г. Лесевичъ,—отвѣчали, какъ одинъ человѣкъ, опредѣленной ссылкой на священное писаніе и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, заявили при этомъ, что ни въ какомъ другомъ авторитетѣ они не нуждаются и никакимъ другимъ указаніемъ не руководствуются. Просто и ясно» [3]). Приведя затѣмъ ссылки на Евангеліе, Дѣянія

---

[1]) Кое-что изъ этой области, очень немногое впрочемъ, приведено уже мною въ статьѣ „Внѣ закона", упоминавшейся выше.

[2]) „Наши Дни", № 21. См. также въ „Южныхъ Запискахъ" 1904 г. № 48 статью „Священное писаніе и малорусскій языкъ".

[3]) „Наши Дни", № 28.

и посланіе ап. Павла, извѣстныя читателю изъ записки одесской интеллигенціи, г. Лесевичъ продолжаетъ: «Теперь, когда библія на украинскомъ языкѣ поступила на разсмотрѣніе св. синода [1]), быть можетъ, своевременною окажется приводимая мною справка. Не напомнитъ ли она, кому вѣдать о томъ надлежитъ, что недопущеніе св. писанія на украинскомъ языкѣ могло произойти лишь отъ *смѣшенія религіи съ политикой,*—и что пора и очень пора и нашей церкви оставить политику политикамъ и вернуться къ религіозной точкѣ зрѣнія въ дѣлахъ вѣры, гдѣ кромѣ одного Высшаго Авторитета, никакого другого нѣтъ и быть не можетъ. Просто ли, ясно ли» [2])?.. Ужъ кажется, просто, ужъ кажется, ясно,— и все-таки въ теченіе *болѣе 40 лѣтъ* простой и ясный вопросъ не вышелъ даже изъ стадіи первоначальнаго обсужденія и какъ онъ будетъ разрѣшенъ--предугадать и теперь нѣтъ возможности, помня все ту же капризную практику. Можетъ быть, органъ высшаго церковнаго управленія въ Россіи согласится съ мыслью, что пора «оставить политику политикамъ», но возможенъ и такой исходъ, что требованія Высшаго Авторитета будутъ оставлены безъ вниманія,

---

[1]) Объ этомъ сообщили недавно „Биржевыя Вѣдомости"—см. „Южный Край" № 8342. Въ теченіе только послѣдняго года этотъ вопросъ поступаетъ на разсмотрѣніе св. синода, если не ошибаюсь, уже въ *третій разъ!* ... Пользуюсь кстати случаемъ, чтобы отмѣтить просто неприличную выходку, которую недавно позволилъ себѣ оффиціальный органъ св. синода «Церковныя Вѣдомости» (номера, къ сожалѣнію, не помню) по отношенію къ украинскому переводу библіи. Въ прошломъ году нѣкій черезъ-чуръ развязный заграничный корреспондентъ этого изданія, какъ примѣры нелѣпостей украинскаго перевода, приводилъ будто бы выдержки изъ него, утверждая, напр., что выраженіе «да уповаетъ Израиль на Господа» передано поукраински: «хай думае (sic) Сруль на пана», а «чистая дѣва радуйся» (это даже не изъ библіи взято!) — «чиста дівко смійся (sic)!.. Нечего и говорить, что это сплошной вымыселъ лица, *сознательно* исказившаго истину для какихъ-то своихъ грязныхъ цѣлей.

[2]) „Наши Дни", № 28.

какъ случалось уже не разъ. А между тѣмъ,—пишетъ въ статьѣ «Еще одинъ изъ «назрѣвшихъ вопросовъ» г. А. Н—ровскій,—«есть pia desideria такого рода, что доказывать ихъ основательность— нѣсколько будто... неловко. Все равно, какъ если бы вамъ предложили аргументировать предъ взрослыми мыслящими людьми такіе, напр., тезисы, какъ—«лошади любятъ овесъ», или: «зимою бываетъ холодно, а лѣтомъ жарко», или, наконецъ,—«стекломъ утираться неудобно» [1]). Къ числу такихъ элементарныхъ pia desideria хорошо освѣдомленный очевидно авторъ причисляетъ и вопросъ (если это можно даже назвать вопросомъ въ собственномъ смыслѣ) «о желательности и необходимости для жителей Малороссіи права и возможности неограниченнаго пользованія едва ли не самымъ цѣннымъ и дорогимъ благомъ каждаго человѣка—своимъ роднымъ языкомъ» и въ частности—книгами св. писанія на немъ. Приводя много убѣдительныхъ фактовъ непониманія крестьянами славянскаго и русскаго текстовъ, доказываемаго полнымъ извращеніемъ самыхъ обиходныхъ молитвъ, а также противоположные примѣры дѣйствія простого понятнаго слова,—г. Н—ровскій заканчиваетъ: «Пора, давно пора снять съ малорусскаго языка тяжелыя путы закона 1876 года. Пора дать милліонамъ жителей русской Украины возможность свободно пользоваться своею рѣчью—«не потому (закончимъ словами профессора Львовскаго университета К. Студинського), что Брандке назвалъ ее лучшею изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчій; не потому, что Бодянскій возвеличиваетъ ея поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскій признали ее лучшею, нежели чешскій языкъ; не потому, что великороссъ Даль (Луганскій) считалъ ее выше великорусской, но потому, что она *родная имъ*» [2])...

Да, пора, давно пора признать, что утираться стекломъ и неудобно, и немного какъ будто противорѣчитъ достоинству пред-

---

1) „Наша Жизнь", № 74.

2) Тамъ же.

ставителей вида homo sapiens... Сознаніе этой общедоступной истины начинаетъ проникать даже въ такія сферы, которыя никогда не испытывали на себѣ непосредственно неудобства упомянутой операціи. Не говоря уже о широкихъ кругахъ общества, даже высшее бюрократическое учрежденіе Россійской Имперіи—комитетъ министровъ призналъ вредоносность запретительныхъ мѣръ въ отношеніи украинскаго слова. Въ извлеченіи изъ журнала комитета министровъ 28 и 31 декабря 1904 года читаемъ между прочимъ слѣдующее:

... «Въ заключеніе комитетъ остановился на высочайшихъ повелѣніяхъ 18—30 мая 1876 г. и 8 октября 1881 г., коими запрещено печатаніе и изданіе на малороссійскомъ языкѣ всякаго рода сочиненій, за исключеніемъ историческихъ документовъ, словарей и произведеній изящной словесности. Постановленія эти, въ свое время не опубликованныя и въ сводъ законовъ не вошедшія, имѣли въ виду воспрепятствовать развитію украинофильскаго движенія, направленнаго къ литературному, а затѣмъ, быть можетъ, даже и политическому обособленію Малороссіи отъ остальной Россіи. Указанное движеніе, бывшее всегда явленіемъ наноснымъ, нынѣ не представляетъ сколько-нибудь серьезной опасности; между тѣмъ продолжающееся примѣненіе наложеннаго запрета, значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго уровня крестьянъ малорусскихъ губерній.

Такъ какъ, однако, для окончательнаго разрѣшенія вопроса объ отмѣнѣ мѣръ, стѣсняющихъ свободу печатанія на малороссійскомъ нарѣчіи различныхъ книгъ, въ виду комитета не имѣется достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній, то комитетъ нашелъ болѣе осторожнымъ поручить министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, по принадлежности, запросить мнѣнія по данному вопросу у императорской академіи наукъ и императорскихъ университетовъ кіевскаго и харьковскаго, а равно кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и представить полученные отзывы въ непродолжительномъ времени, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на уваженіе комитета.

По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ комитетъ полагалъ:

Поручить министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ—по предварительномъ сношеніи съ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ, императорскими академіею наукъ и кіевскимъ и харьковскимъ университетами,—пересмотрѣть высочайшія повелѣнія 18—30 мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. объ ограниченіи печатанія книгъ на малорусскомъ нарѣчіи и свои заключенія по сему предмету, вмѣстѣ съ соображеніями означенныхъ лицъ и учрежденій, внести на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Таковое положеніе комитета министровъ удостоилось высочайшаго утвержденія 21 января 1905 года" [1]).

Приведенныя соображенія комитета министровъ полны для насъ глубокаго интереса и въ виду той роли, которая принадлежитъ этому учрежденію въ дѣлѣ проведенія реформъ, намѣченныхъ Высочайшимъ указомъ 12 декабря, и по самому содержанію своему. Здѣсь находимъ любопытнѣйшія признанія относительно прошлаго въ положеніи украинскаго вопроса и рядъ намѣченныхъ дѣйствій касательно ближайшаго будущаго. Начну съ первыхъ.

Прежде всего въ соображеніяхъ комитета министровъ мы *въ первый разъ* встрѣчаемся съ оффиціальнымъ указаніемъ на стѣснительныя мѣропріятія относительно украинской литературы, окутанныя до сихъ поръ глубокою канцелярской тайной. Въ то время, когда въ печати и въ обществѣ шли горячіе споры о томъ, нужна или не нужна, вредна или полезна украинская литература, слѣдуетъ или не слѣдуетъ поддерживать такой порядокъ—единственно компетентное по данному вопросу учрежденіе упорно хранило глубокое молчаніе, втайнѣ принимая лишь мѣры къ тому, чтобы все болѣе выдаю-

---

1) Цитирую по „Нашимъ Днямъ", № 30, приводя изъ журнала комитета министровъ лишь то, что непосредственно относится къ занимающему насъ вопросу.

щееся въ украинской литературѣ было надежно погребено въ архивахъ цензурнаго вѣдомства. Это загадочное молчаніе въ концѣ концовъ заставило кой-кого даже усомниться въ существованіи какихъ-либо стѣсненій. Многіе, вѣроятно, и теперь еще помнятъ рядъ статей въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» за 1898 г., гдѣ совершенно опредѣленно на разные лады доказывалось, что никакихъ ограниченій для украинской литературы нѣтъ, да по существу и быть не можетъ, что «украинофилы» выдумали миѳъ о какихъ-то стѣсненіяхъ съ единственною цѣлью—оправдать этимъ свою собственную слабость. Разумѣется, послѣ авторитетнаго разъясненія комитета министровъ, всѣ подобныя разсужденія должны пасть сами собою. Это во-первыхъ; во-вторыхъ, по поводу правительственнаго сообщенія возникаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ вопросовъ. Уже то обстоятельство, что «въ свое время не опубликованныя и въ сводъ законовъ не вошедшія» постановленія могли въ теченіе десятковъ лѣтъ связывать по рукамъ и по ногамъ многомилліонное населеніе, лишая его права голоса и препятствуя этимъ удовлетворенію насущнѣйшихъ культурныхъ потребностей—само по себѣ уже это обстоятельство представляетъ классическую иллюстрацію къ современному состоянію нашего законодательнаго механизма. Вѣдь опубликованіе въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ порядкѣ есть необходимѣйшій моментъ для возникновенія каждаго закона; неопубликованный законъ—не законъ, а безправіе, отрицаніе закона, юридическій абсурдъ, невозможный въ правовомъ государствѣ. Нормы закона, скрытаго въ тайникахъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ, не могутъ быть ни для кого обязательными и по существу ничѣмъ не отличаются отъ произвола. Вотъ почему въ качествѣ таковаго и трактуются занимающія насъ постановленія въ докладной запискѣ одесской интеллигенціи, вѣроятно, недостаточно хорошо освѣдомленной на счетъ истинной юридической природы этихъ постановленій. Теперь уже для всѣхъ и каждаго очевидно, что первое и необходимѣйшее условіе для признанія за каждымъ закономъ дѣйствительной силы было нарушено въ отношеніи украинскаго слова и безпрерывно нарушается съ тѣхъ поръ въ теченіе 30 лѣтъ и до на-

стоящаго времени. Но оставляя въ сторонѣ юридическую природу указанныхъ ограничительныхъ постановленій, мы невольно наталкиваемся на вопросъ: почему же допущено такое уклоненіе отъ нормальнаго порядка? вѣроятно тому были какія-нибудь особенныя причины? Нѣтъ, ихъ не было, какъ опять таки совершенно опредѣленно разъясняетъ правительственное сообщеніе. Ограниченія «имѣли въ виду воспрепятствовать литературному, а затѣмъ, *быть можетъ*, даже и политическому обособленію Малороссіи отъ остальной Россіи», такъ излагаетъ эти причины комитетъ министровъ. Литературное обособленіе, очевидно, не наказуемо по государственнымъ соображеніямъ,—значитъ, кара имѣла въ виду политическое обособленіе, но подчеркнутое нами выраженіе прекрасно указываетъ истинный характеръ обвиненія. И на такомъ шаткомъ основаніи, какъ «быть можетъ», была построена цѣлая система мѣропріятій, препятствующихъ «повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго уровня крестьянъ малороссійскихъ губерній»! И созданный воображеніемъ двухъ-трехъ лицъ миражъ могъ лечь въ основу реальнѣйшей политики по отношенію къ милліонамъ подданныхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ!... Мозгъ отзывается понимать что-нибудь подобное и, разумѣется, никогда и не понялъ бы, если бы не нашелъ слишкомъ несомнѣннаго подтвержденія со стороны такого авторитетнаго учрежденія, какимъ является въ данномъ случаѣ комитетъ министровъ. И что всего замѣчательнѣе—постановленіе 1876 г. возбудило въ административныхъ кругахъ отрицательное отношеніе непосредственно вслѣдъ за его—затрудняюсь сказать—появленіемъ. Достовѣрный фактъ, что высшая мѣстная администрація въ лицѣ генералъ-губернаторовъ кіевскаго (генералъ-адъютантъ Чертковъ) и временнаго харьковскаго (генералъ-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ) [1]) подавала голосъ—особенно настаивалъ на этомъ первый—противъ

---

[1]) Записка по этому вопросу кн. Дондукова-Корсакова опубликована г. Франкомъ въ «Літературно-Науковому Вістнику», въ февральской книжкѣ настоящаго года.

ограниченій и за подчиненіе украинской литературы общимъ цензурнымъ условіямъ. Нужно думать, что упомянутыми представителями высшей административной власти края не были при этомъ упущены изъ виду и политическія соображенія, и все-таки ограниченія были ими осуждены. Но несмотря на это, ограничительныя постановленія продолжаютъ существовать и до дне сего, лишь въ комитетѣ министровъ найдя мягкую по формѣ, по тѣмъ не менѣе убійственную по существу оцѣнку... Утѣшимся же, если въ данномъ случаѣ вообще утѣшеніе возможно, что «Богъ правду видитъ, хотя и не скоро скажетъ»... Миражъ очевидно начинаетъ разсѣеваться.

Да, начинаетъ, но скоро ли разсѣется совершенно—мы не знаемъ, такъ какъ получивъ хотя такое проблемматическое удовлетвореніе въ заключеніи комитета министровъ относительно прошлаго, мы не можемъ, къ сожалѣнію, удовлетвориться постановкою имъ вопроса въ настоящемъ. Казалось бы, дѣло обстоитъ до нельзя просто: разъ доказано, наконецъ, что «украинофильское движеніе» — «нынѣ не представляетъ сколько-нибудь серьезной опасности», а между тѣмъ запретъ литературы «препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго уровня крестьянъ малороссійскихъ губерній»—однимъ ударомъ покончить съ этимъ стѣснительнымъ и вреднымъ порядкомъ. Это и было сдѣлано еще недавно съ аналогичными ограниченіями литовской письменности. Но комитетъ, тѣмъ не менѣе, «нашелъ болѣе осторожнымъ» выдѣлить данный вопросъ изъ группы остальныхъ цензурныхъ вопросовъ и создать особую организацію его разсмотрѣнія, разбивъ послѣднее на слѣдующія три инстанціи: 1) кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, академія наукъ и университеты кіевскій и харьковскій имѣютъ представить по принадлежности министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія свои мнѣнія по данному вопросу; 2) на основаніи полученныхъ мнѣній и собственныхъ соображеній означенные министры произведутъ пересмотръ постановленій 1876 и 1881 гг. и 3) свои заключенія вмѣстѣ съ отзывами лицъ и учрежденій

первой инстанціи внесутъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. А пока сохраненъ въ силѣ прежній порядокъ, осужденный и жизнью, и комитетомъ министровъ... Я не сомнѣваюсь, конечно, ни на минуту, что высшая административная власть края, въ лицѣ г. генералъ-губернатора, и такія ученыя учрежденія, какъ академія наукъ и названные университеты, отнесутся къ вопросу съ глубокимъ вниманіемъ и не захотятъ поддерживать устарѣлый пережитокъ, отмѣняемый уже самой жизнью; увѣренъ также и въ томъ, что и дальнѣйшія инстанціи съ полнымъ безпристрастіемъ отнесутся къ вопіющимъ фактамъ порчи законодательнаго механизма и постараются ввести полную законность въ область, до сихъ поръ ее лишенную. Но... мнѣ приходитъ на память одинъ достовѣрный случай. Во время торжественнаго обѣда по случаю 50-тія со дня основанія Кіевскаго университета, нѣкоторое почтенное лицо,—если не ошибаюсь, сербскій митрополитъ,—обратилось къ сосѣду съ замѣчаніемъ: «странно: общеуниверситетскій праздникъ, а между тѣмъ на немъ я не вижу тѣхъ, кого онъ ближе всего касается,—я не вижу студентовъ!..». Не знаю, какой отвѣтъ получило почтенное лицо на свое замѣчаніе, но читая постановленіе комитета министровъ, мнѣ хочется сказать: «я не вижу студентовъ»... Если уже нужно было создавать сложное разсмотрѣніе вопроса, относительно котораго не можетъ быть двухъ мнѣній, то, по моему скромному разумѣнію, необходимо было разыскать и привлечь прежде всего «студентовъ»—т. е., тѣхъ лицъ, которыя собственнымъ горькимъ опытомъ познали всѣ прелести осужденнаго уже правительствомъ порядка, для которыхъ данный вопросъ является роковымъ вопросомъ—быть иль не быть. Я говорю объ украинскихъ писателяхъ. Будучи привлеченными къ дѣлу, они представили бы такое количество «достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній», что комитету министровъ не пришлось бы жаловаться на недостатокъ въ этомъ отношеніи; они разсказали бы о всѣхъ «сѣрыхъ глазахъ», выколотыхъ изъ живого организма литературнаго произведенія и безслѣдно похороненныхъ въ архивахъ цензурнаго вѣдомства; они повѣдали бы о неслыханнѣйшихъ операціяхъ кромсанія живого тѣла даже не за мысли, а

исключительно за языкъ, только подъ предлогомъ невиннѣйшихъ словъ и выраженій... Осмѣливаюсь думать, что эти свидѣтельства лицъ, подвергавшихся операціямъ, были бы не менѣе краснорѣчивы, чѣмъ указанія административныхъ и ученыхъ лицъ и учрежденій.

Въ принципѣ комитетъ министровъ очевидно ничего не имѣетъ противъ такого привлеченія заинтересованныхъ лицъ, разъ председателю особаго совѣщанія по пересмотру цензурныхъ постановленій предоставлено право приглашать къ совмѣстной работѣ не только «выдающихся литераторовъ и публицистовъ», но и вообще «лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій, въ томъ числѣ дѣятелей провинціальной печати» [1]). Украинскіе писатели существуютъ—это фактъ; отъ нихъ «можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій»—это другой фактъ;—пожелаемъ же, чтобы изъ этихъ двухъ фактовъ возникъ и третій, послѣдовательно изъ нихъ вытекающій—привлеченіе украинскихъ писателей въ качествѣ свѣдущихъ лицъ къ работамъ, кореннымъ образомъ затрагивающимъ ихъ существованіе. Оговариваюсь, что плодотворное участіе писателей въ реформѣ законодательства о печати возможно лишь въ томъ случаѣ, если послѣдней будетъ предоставлена полная свобода и независимость, при извѣстныхъ гарантіяхъ, эту свободу и независимость обезпечивающихъ. Участвовать же въ созданіи постановленій, такъ или иначе эту свободу ограничивающихъ, было бы слишкомъ тяжело и унизительно для всякаго уважающаго себя дѣятеля печатнаго слова, въ томъ числѣ, конечно, и для украинскаго. Съ приведенной оговоркой привлеченіе украинскихъ писателей къ работамъ комиссіи было бы, разумѣется, весьма желательно, а разыскать этихъ писателей вовсе не такъ уже трудно и при настоящихъ условіяхъ, какъ это съ перваго взгляда кажется. Во-первыхъ, существуетъ въ Петербургѣ общество, прикосновенность котораго къ украинской печати оффиціально признана,—это извѣстное

---

1) «Извлеченіе изъ журнала комитета министровъ»,—«Наши Дни», № 30.

Благотворительное Общество изданія общедоступныхъ и дешевыхъ книгъ. Во-вторыхъ, раньше было упомянуто, что группой кіевской интеллигенціи съ участіемъ украинскихъ писателей представленъ на утвержденіе уставъ «Товариства Запомоги українським письменникам». Значитъ, существуетъ и теперь общая почва, на которой могли бы сойтись украинскіе писатели и выбрать изъ своей среды извѣстныхъ и уважаемыхъ лицъ для защиты собственныхъ интересовъ. Правда, въ вышеупомянутомъ проектѣ комитета министровъ о привлеченіи свѣдущихъ лицъ дѣло идетъ о русской печати, но мнѣ кажется, что вообще выдѣленіе украинской въ особый вопросъ не имѣетъ достаточныхъ основаній, а удержано лишь въ силу извѣстной традиціи, не рѣшившейся порвать сразу съ проторенными дорожками привычной практики. Не надо забывать, что такое выдѣленіе есть по существу дѣла тоже сепаратизмъ, возможнымъ призракомъ котораго такъ напуганы были вдохновители и составители секретныхъ, неопубликованныхъ постановленій,—правда, сепаратизмъ правительственный, идущій сверху, но уже тѣмъ самымъ дающій поводы къ нежелательнымъ для самого правительства «превратнымъ толкованіямъ»...

Надѣясь въ будущемъ вернуться еще—и, можетъ быть, не разъ—къ мнѣнію комитета министровъ и предполагаемой «реформѣ», пока выскажу лишь, какъ общее положеніе, что только печать свободная, отвѣтственная исключительно предъ нелицепріятнымъ и правильно организованнымъ судомъ и поставленная въ условія, гарантирующія эту свободу, можетъ выполнять свое назначеніе—служить голосомъ общественной совѣсти, и что въ данной области—области духа и мысли—еще менѣе умѣстно дѣленіе на privillegia favorabilia и privillegia odiosa, чѣмъ въ какой-нибудь иной сферѣ человѣческихъ отношеній. Съ этой единственно умѣстной здѣсь точки зрѣнія долженъ трактоваться, конечно, и вопросъ объ украинской литературѣ...

Сергій Ефремовъ.

III. Беллетристика переводная. Разсказы лучшихъ иностранныхъ новеллистовъ, переводы съ малорусскаго изъ Ив. Франка, В. Стефаника, Т. Бордуляка, Б. Гринченка и другихъ.

IV. Литература и искусство. Статьи проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. Ник. Ашешова, А. Федорова, С. Русовой, Гельрота, И. Брусиловскаго, Иг. Житецкаго и друг.

V. Научно-популярныя статьи: проф. Н. Н. Ланге, прив.-доц. М. Орженцкаго, Л. Зака, Англовѣда, д-ра И. К. Хмѣлевскаго и другихъ.

VI. Политика и иностранная жизнь. Статьи С. Волькенштейна, Я. Н. Новикова, М. Гельрота, А. М. Федорова, Я. Гр-ра и друг.

VII. Общественные и экономическіе вопросы. Статьи проф. Е. Васьковскаго, С. Русовой, А. Лотоцкаго, А. Шлихтера, Л. С. Личкова, С. Лисенка, И. А. Хмѣльницкаго, Ив. Соколовскаго и друг.

VIII. Публицистика и фельетонъ. Статьи А. А. Яблоновскаго, А. С. Изгоева, С. Протопопова, Владиміра Ж. (Altalena), М. Славинскаго и друг.

IX. Земское и городское самоуправленіе. Статьи проф. И. В. Лучицкаго, И. П. Бѣлоконскаго, А. А. Русова, С. И. Лисенка, Н. П. Цакни, А. Ѳ. Саликовскаго, С. Б. Лазаровича и друг.

X. Народное образованіе. Статьи И. П. Бѣлоконскаго, Г. Е. Афанасьева, А. Б. Петрищева, С. Лисенка и друг.

XI. Статьи по мѣстнымъ вопросамъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Дѣятельность южныхъ земствъ по народному образованію. *С. Б. Лазоровичъ.* Письма объ Одесскихъ городскихъ дѣлахъ. *Ф. А. Щербина.* Чеховъ о казакахъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Историческій очеркъ курскаго земства. *А. Русовъ.* О херсонской земской статистикѣ. *С. Лисенко.* Днѣпровское земство. *Я. К. Имшенецкій.* Подымная подать въ Полтавскомъ земствѣ. *В. А. Бертенсонъ.* Сельское хозяйство въ Подольской и Волынской губ. *А. Саликовскій.* Юго-западное земство. *М. Морозъ.* Хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ Пирятинскаго уѣзда. *В. Ад-ръ.* Къ исторіи заселенія Новороссіи. *Вл. Н. Р-ръ.* Криворожскій рудный районъ. *Ал. С-кій.* О курортныхъ нуждахъ. *И. Порошинъ.* На крымской Ривьерѣ. *В. Терешкевичъ.* Переселеніе изъ Полтавской губ. *А. П. Сокальскій.* Переселеніе и аренда земель въ Херсонской губ. *М. Неручевъ.* Земельное барышничество—Выселеніе десятинщика—Земельное устройство татаръ. *В. Адлеръ.* Дунайскіе хищники. *А. Киппенъ.* Винодѣльческій кризисъ и питейная реформа.—Филоксера въ Бессарабіи—Къ вопросу о фальсификаціи винъ. *Эм. Баленъ-де-Баллю.* Филоксерный кризисъ въ Бессарабіи. **N.**

Криница. Интеллигентная колонія на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. *В. Терешкевичъ.* Экономическая дѣятельность Полтавскаго земства. *М. Рклицкій.* Подымная подать въ земствѣ. *Н. Калишевичъ.* Первые шаги Подольскаго земства и много др.

XII. Письма изъ провинціи. Кавказскія письма *Ф. А. Щербины.* Кіевскія письма. *А. И. Матюшенскаго* и *Ал. Саликовскаго,* Волынскія письма. *М. Д. Городецкаго,* Крымскія письма. *А. М. Михайлова,* письма изъ Закавказья. *А. Сегеля* и *В. Герценштейна,* изъ Таврической губерніи. *К. Л. Фастыковскаго, М. Неручева* и *А. Ельяшевича,* изъ Ессентукъ. *А. М. Колончанова,* изъ Батума, Ялты, Симферополя, изъ Екатеринодара. *В. С.,* изъ Херсона. *Гр. Сьогобочняго,* и *Dixi,* изъ Херсонской губерніи *Г. Загородникова,* изъ Курска. *Ж. Р.* и *Е. А. Звягинцева,* изъ Полтавы. *М. Сосновскаго* и *М. Рклицкаго,* изъ Чернигова *М. Могилянскаго,* изъ Каменецъ-Подольска *Ал. С-каго,* и *Н. В. Калишевича,* изъ Подольской губерніи *О. Зновицкаго,* изъ Волынской губерніи *Д. Марковича, Мих. Безсонова, И. Коварскаго* и *Ник. Угрюмова.* и др.

XIII. Вибліографія. Отзывы о русскихъ и малорусскихъ книгахъ.

XIV. Коммерческій отдѣлъ. Съ указаніемъ курсовъ бумагъ, фрахтовъ, тарифовъ и цѣнъ на хлѣба.

Кромѣ вышеупомянутыхъ авторовъ въ **„Южныхъ Запискахъ"** принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Д. Я. Айзманъ, К. С. Баранцевичъ, В. Я. Богучарскій, П. И. Вейнбергъ, І. В. Гессенъ, В. А. Гольцевъ, Кн. П. Д. Долгоруковъ, С. Я. Елпатьевскій, А. Я. Ефименко, Н. Іорданскій, Вл. Г. Короленко, А. В. Пѣшехоновъ, П. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Г. И. Шрейдеръ. С. Н. Южаковъ, Е. Н. Чириковъ* и много друг.

Условія подписки: На годъ—**6** руб., полгода—**3** руб., на три мѣсяца—**1** руб. **50** коп., на одинъ мѣсяцъ—**50** коп. Народнымъ учителямъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за **4** руб. въ годъ, за **2** руб. въ полгода и за **1** руб. на 3 мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ" высылается для ознакомленія безплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ": **Одесса, Троицкая ул., № 26.**

Розничная продажа номеровъ и пріемъ подписки производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ складахъ Юга Россіи, Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 15 коп.

3—3

Семевскій, А. Серафимовичъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Сторожевскій, А. С. Фейгельсонъ, Б. И. Харитонъ, академ. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ, С. П. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій, В. Е. Якушкинъ.

Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
1 изданіе:	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу	20	19	18	17	15	13	11	10	8	6	4	2

II изданіе: годъ — 4 р., ½ года - 2 р., 3 м — 1 р.
За границу „ 12 „ „ 6 „ „ 3 „

1-й № перваго изданія выйдетъ 18-го ноября 1904 г.

Подписная цѣна до конца 1904 года 1 руб.

Второе изданіе начнетъ выходить съ 1-го декабря 1904 г. Годовые подписчики на второе изданіе получаютъ газету до конца года безплатно.

Редакторъ-издатель **С. П. Юрицынъ**.

Редакція и Главная Контора: Невскій 90. Телеф. 5989.

Для пріема подписки и объявленій Главная Контора открыта отъ 10 ч. утра до 5 ч. вечера. Въ праздники отъ 1 ч. до 3 ч дня.

2—3

ИЗДАНІЕ ГОДЪ III.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905-й ГОДЪ

на ежедневную газету

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ,

которая будетъ въ 1905 г. выходить въ увеличенномъ семистолбцовомъ форматѣ.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное ближайшее участіе:

А. А. Адабашъ, С. М. Бѣлина-Бѣлиновичъ, А. С. Вознесенскій, Н. Г. Вучетичъ, С. С. Гусевъ, (Слово глаголь), А. С. Изгоевъ, Н.

В. Левитскій, Ѳ. И. Литвицкій, Е. Н. Любичъ, Э. А. Любарская, Н. Ѳ. Марковъ, Ф. Ф. Пуже, Л. Д. Теплицкій, И. Б. Тенеромо, М. Н. Фонбергъ. В. Е. Жаботинскій, Ѳ. М. Ѳедоровъ и др.

Постоянные корреспонденты заграницей:

М. С. Сукениковъ (Берлинъ), Берлацкій (Гамбургъ), А. Мексинъ (Базель), А. Баккъ (Цюрихъ), П. А Фонъ-Меренштильдъ (Нью-Іоркъ), И. Симонъ (Вѣна).

Кромѣ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Телеграфнаго Агентства будутъ печататься также телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства".

Иллюстрированное приложеніе выходитъ въ случаѣ необходимости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Елисаветградѣ.		Для иногородныхъ.	
На годъ	7 р. 20 к.	На годъ	8 р. — к.
„ 1/2 года	4 р. — к.	„ 1/2 года	4 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца	2 р. 10 к.	„ 3 мѣсяца	2 р. 50 к.
„ 1 „	— р. 70 к.	„ 1 „	— р. 85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока:

1) Въ Елисаветградѣ при подпискѣ 3 р. 20 к., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

Для иногородныхъ: при подпискѣ 4 руб., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

За пересылку заграницу доплачивается 1 р. въ мѣсяцъ.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи подписныхъ денегъ, должна быть оплачена 5 коп. гербовою маркою за счетъ подписчика.

Подписка принимается въ главной Конторѣ и во всѣхъ ея Отдѣленіяхъ.

Главная Контора и Редакція въ Елисаветградѣ, В.-Донская ул., домъ № 1. Телефонъ № 66.

Редакторъ-Издатель **В. С. ЛАПИДУСЪ**.

2—3

Открыта подписка на 1905 годъ на журналъ

VII г. изданія. **НОВЫЙ МІРЪ.** VII г. изданія.

Большой иллюстрированный вѣстникъ литературы, науки, искусства, современной жизни, политики и прикладныхъ знаній

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ

извѣстныхъ русскихъ писателей и ученыхъ, подъ редакціей

П. М. ОЛЬХИНА.

Во многихъ слояхъ русскаго общества чувствуется въ послѣднее время потребность въ періодическомъ изданіи, которое удовлетворяло бы болѣе строгимъ умственнымъ и эстетическимъ требованіямъ современнаго интеллигентнаго читателя, какъ въ отношеніи внутренняго содержанія, такъ и въ отношеніи внѣшности, и отличалось бы отъ шаблоннаго типа иллюстрированныхъ журналовъ. Создать—при дѣятельномъ участіи избраннаго круга писателей, ученыхъ и художниковъ—такое именно изданіе ставитъ себѣ цѣлью редакція „Новаго Міра“.

Въ годъ 72 выпуска, изъ которыхъ:

1) 24 №№ „НОВАГО МІРА“, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала, въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій, заключающаго въ себѣ: беллетристику, поэзію, исторію, критику и статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, съ приложеніями:

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ, посвященная отчизновѣдѣнію, исторіи, культурѣ, государственной, обществ. и экономической жизни Россіи, съ иллюстраціями.

МОЗАИКА,—иллюстрированный отдѣлъ прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, съ хроникой самообразованія и со справочнымъ отдѣломъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ,—иллюстрированный обзоръ текущей жизни—политической, общественной и художественной.

Внѣшность „Новаго Міра“—какъ изданія, разсчитаннаго на читателей съ высокими эстетическими запросами, будетъ соотвѣтствовать лучшимъ заграничнымъ большимъ художественнымъ изданіямъ. Журналъ будетъ печататься на веленевой бумагѣ въ большомъ форматѣ—in-folio, будетъ украшенъ снимками съ выдающихся но-

выхъ произведеній искусства, русскихъ и иностранныхъ,—въ гравюрахъ на деревѣ, автотипіяхъ и др. репродукціяхъ, по новѣйшимъ способамъ; оригинальными рисунками, портретами, этюдами—черными и цвѣтными.

„Новый Міръ" съ „Живописной Россіей", „Мозаикой" и „Современной Лѣтописью" выходитъ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца.

2) 24 №№ „ВѢСТНИКА ЛИТЕРАТУРЫ", выходитъ 8-го и 23-го каждаго мѣсяца. Изданіе это имѣетъ своей задачей объяснить все, что касается литературнаго міра, русскаго и иностраннаго, критику, литературныя воспоминанія, статьи и корреспонденціи по вопросамъ изящной словесности, библіографіи и пр.

и 3) 24 КНИГИ „БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ", которыя будутъ заключать въ себѣ серію оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ, бытовыхъ и соціальныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ и т. д. Изданіе это будетъ разсылаться вмѣстѣ съ „Вѣстникомъ Литературы", т. е. каждаго 8-го и 23-го числа.

ОСОБЫЯ ПРЕМІИ:

Въ продолженіе года при журналѣ будутъ прилагаться:

Большія полихромныя картины,

Акварельныя копіи въ краскахъ,

наклеенныя на особые и прочные листы,

Геліогравюры-mezzotinto и пр., и пр.

Всѣ преміи къ „Новому Міру" заказаны лучшимъ заграничнымъ полиграфическимъ заведеніямъ и будутъ представлять **большую художественную цѣнность.**

Подписная цѣна „Новаго Міра", съ доставкой и пересылкой: на годъ—**14** р., на полгода—**7** р., на четверть года—**3** р. **50** к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается льготная разсрочка, именно—при подпискѣ и ежемѣсячно, до уплаты всей подписной стоимости, по **2** р.

Съ требованіями обращаться: **въ контору журнала „Новый Міръ"**, при книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,—**С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 18.**

Отвѣтственный редакторъ *П. М. Ольхинъ.*

Издатели: *Товарищество М. О. Вольфъ.*

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ рисунками.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпиловочныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „Стѣнной Календарь“ на 1905 годъ, отпечатан. въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки **6** р. **50** к., съ доставкой и пересылкой **7** р. **50** к.

Безъ доставки: 1) въ **Москвѣ**, въ конторѣ К. Печковской **7** р. **25** к. 2) въ **Одессѣ** въ книжномъ магаз. „Образованіе“—**7** р. **50** к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 8 р. —За границу **12** р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложеніями, еще первыя 20 книгъ А. К. Шеллера-Михайлова за 1904 г., доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ—2 р. 75 к.; съ дост. въ СПБ. и съ перес. иногороднимъ и за границу - 3 р

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя № 22.

2—2

школѣ. *П. Варнеке*; 28) Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. *П. Селиванова*; 29) Прикладное значеніе языкознанія. Проф. *Д. Кудрявскаго*; 30) Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета. *М. Тростникова*; 31) Обученіе грамотѣ. *Его же*; 32) Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ. *А. Красева*; 33) Рисованіе и чистописаніе въ народной школѣ. *И. Шапошникова;* 34) Коллективное чтеніе въ начальныхъ школахъ. *О. Павловичъ и Е. Рѣпиной*; 35) Круговая тетрадь. *Т. Лубенца*.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. *Е. Р.*; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ *Я. В. Абрамова*; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*; хроника профессіональнаго образованія. *В. В. Бирюковича* и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—*семь* руб., съ доставкою—*7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—*восемь* руб.; за границу—*девять* руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш» допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій міръ» въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*

Редакторъ *Л. Л. Гуревичъ*.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ. 1905.

I. Бл. Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма.—Часть первая I-VI.—*В. И. Герье.*—II.—Минотавръ.—Повѣсть.—I-XI. *П. Д. Боборыкина.*—III.—Дневникъ Гр. А. К. Толстого.—1831 годъ.—IV.—Изъ Виктора Гюго.—I-III.—*Е. М. Миличъ.*—V.—Китайцы, какъ самостоятельная раса.—По личнымъ наблюденіямъ.—I-XII.— *Э. В. Эриксона.*—VI.—Строитель —Романъ.—Felix Hollaender, Der Baumeister, roman.—I-X.—Съ нѣм. *З. В.*—VI.—Этюды о Байронизмѣ.—Часть первая: Западныя литературы.—*Алексѣя Веселовскаго.*—VIII.—Гражданская смерть.—Разсказъ.—Bürgerlicher Tod. Nevelle von Prinz Em. v. Schönaich-Carolath.—Съ нѣм. *О. Ч.*—IX.—Изъ М. Конопницкой.—Стих. въ перев. *Ив. Бѣлоусова.*—X.—Хроника.—Внутреннее обозрѣніе.—Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.— «Правительственное сообщеніе».—Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—«Духъ сословности» и мнимо-сословная льгота.—Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору, Н. А. Зиновьева.—А. А. Книримъ †—XI.—Иностранное обозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Русско-Японская война.—Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота.—Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо.—Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.—Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.—XII.—Литературное Обозрѣніе.—I. Н. Гаринъ. Корейскія сказки.—G. Ducrocq. Pauvre et douce Corée.—*А. П.*—II. А. В. Никитенко, Записки и Дневникъ.—III. В. Стоюнинъ, О преподаваніи русской литературы.—IV. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи.—V. П. И. Щукинъ, Щукинскій Сборникъ и пр.—VI. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды.—VII. На вичну пам'ять Котляревському.—*Ев. Л.*—VIII. С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи.—IX. В. А. Косинскій. Къ

вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи.— X. Очерки по крестьянскому вопросу, п. р. проф. А. Мануилова, вып. II.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XIII.—Замѣтки.— По поводу книги г. Аничкова «Литературные образы и мнѣнія».— *Евг Л.*—XIV.—Новости иностранной литературы.—I. Die Herzogin v. Padua. O. Wilde.—C. Hagemann, O. Wilde.—II. H. Bahr. «Theater». Ein Wiener Roman.—*З. В.*—XV.—Некрологъ.— Александръ Николаевичъ Пыпинъ.—XVI.—Изъ общественной хроники.—Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Странное происшествіе въ Тамбовѣ.—Идеологія и законность.—Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ.— Изъ области цензуры и печати.—Юбилеи «Русской Мысли“, Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. И. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.—XVII.—Извѣщенія.— Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.—XVIII.—Библіографическій листокъ.—Кн. В. А. Черкасскій, и его ученіе по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, кн. О. Трубецкой.—Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова.—Геологія, т. I, А. А. Иностранцева —Современная международная правоспособность папства, А. Байкова.—Матеріалы въ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена.—Былины: Вольга́, изд. И. Билибина.— XIX.—Объявленія.—I-IV; I-XII.

Подписка на 1905-й годъ

(Сороковой годъ).

Редакція журнала: Спб., Галерная, 20.—Контора: В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ 15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на четверть 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб.: на годъ 16 р., на полгода 8 р., на четверть 4 р. Съ пересылкою: на годъ 17 р., на полгода 9 р. 8 р., на четверть 5, 4 р. За границей: на годъ 19 р., на полгода 10 р. 9 р., на четверть 5, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.*

мяти А. Н. Пыпина.—*В. И. Семевскаго.* XVII. Журнальн. обозр. XVIII. Внутр. обозр. XIX. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XX. Современ. искусство.—*Ю. А.* и *М. П. С.* XXI. Замѣтки читателя.—*В. Г.* XXII. Библіографія. XXIII. Объявленія.

Предполагаемое содержаніе Январск. книги I. Изгои пов.—*П. Д. Боборыкина.* II. На полѣ славы, ром.—*Генрика Сенкевича.* пер. *В. М. Лаврова.* III. Не по закону, разск. *Е. М. Милицыной.* IV. Петръ Каменциндъ, ром.—*Г. Гессе.* пер. съ нѣм. *Н. П. Корелиной.* V. Человѣкъ съ системой, разск.—*Н. И. Тимковскаго.* VI. Изъ набросковъ.—*А. П. Чехова.* VII. Московскій университетъ и его традиціи.—*А. А. Кизиветтера.* VIII. Памяти Г. Тарда.—*Е. Аркина.* IX. Мобилизація землевладѣнія въ Россіи.—*П. Лященко.* X. Ясная Поляна и островъ Капрера (изъ воспоминаній гарибальдійца).—*Н. Попова.* XI. Изъ муниципальной жизни въ Германіи.—*В. Я. Канеля.* XII. Къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ 1864 г.—*Н. В.* XIII. Годъ въ Пекинѣ.—*В. В. Корсакова.* XIV. Радій и № лучи.—*А. Л. Лѣтника.* XV. О Глѣбѣ Успенскомъ.—*Ю. Альда.* XVI. Памяти Чехова. XVII. Журнальн. обозрѣніе. XVIII. Современное искусство. XIX. Внутреннее обозрѣніе. XX. 1904 годъ въ политическомъ отношеніи. XXI. Библіографія. XXII. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцовъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. д. Куманина.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

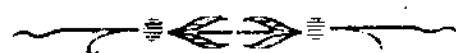
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.